

ISSN 2587-7402

ВЕСТНИК

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ВОЕННОГО ИНСТИТУТА
ВОЙСК НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

ПСИХОЛОГИЯ ТРУДА, ИНЖЕНЕРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ,
КОГНИТИВНАЯ ЭРГОНОМИКА

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОДИАГНОСТИКА
ЦИФРОВЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СРЕД

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ
И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

ОБЩАЯ ПЕДАГОГИКА, ИСТОРИЯ ПЕДАГОГИКИ
И ОБРАЗОВАНИЯ

ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ОБУЧЕНИЯ И ВОСПИТАНИЯ
(ПО ОБЛАСТЯМ И УРОВНЯМ ОБРАЗОВАНИЯ)

МЕТОДОЛОГИЯ И ТЕХНОЛОГИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ

ИНЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ
(ПРАВО, ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ)

№2(27)–2024

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ КАЗЕННОЕ
ВОЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ
ВОЕННЫЙ ОРДЕНА ЖУКОВА ИНСТИТУТ
ВОЙСК НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

Санкт-Петербургский
военный ордена Жукова институт
войск национальной гвардии
Российской Федерации

Сетевой научный журнал

ISSN: 2587-7402 (онлайн)

Издаётся с декабря 2017 года

Выходит ежеквартально

Журнал находится
в открытом доступе
и индексируется в системе
Российского индекса
научного цитирования (РИНЦ)
лицензионный договор
с Научной электронной
библиотекой eLIBRARY.ru
от 13.02.2018 г. № 52-02/2018

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

БУТОВ С.В. 5
Значение деятельности особых отделов НКВД СССР в годы Великой Отечественной войны для ее победоносного завершения и дальнейшего совершенствования правового статуса Росгвардии

ГОЛЬЦОВ В.Б., ГОЛОВАНОВ Н.М., ЧУДАКОВ А.Ю. 14
Юридические коллизии в соотношении понятий «криптовалюта» и «цифровая валюта»

УТЮГАНОВ А.А., БАКИН А.А., КУЗНЕЦОВ Д.Е. 22
Историко-правовые аспекты противодействия распространению идеологии национализма и сепаратизма среди финно-угорских народов России

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

АНТОНОВ И.А., КУЛЬПИН А.А. 38
Публичное распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации (ст. 207.3 Уголовного кодекса Российской Федерации): манипулятивное использование метафоры и ее исследование при проведении экспертиз по уголовным делам

ГЕЛЬДИБАЕВ М.Х., МУРСАЛИМОВ А.Т. 48
Уголовно-правовая характеристика мошенничества в сфере Р2Р-кредитования

АСТАПОВ Д.Д., ИВАНОВ И.И. 55
Отказ от защиты адвокатом по уголовному делу при наличии действующего соглашения. Есть ли выбор?

СЕМЁНОВА И.В. 63
Социальная природа преступления в сфере цифровой информации

ПСИХОЛОГИЯ ТРУДА, ИНЖЕНЕРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ, КОГНИТИВНАЯ ЭРГНОМИКА

БОГДАНОВСКАЯ И.М. 72
Приемы речевого воздействия в цифровой рекламе образовательных услуг педагогов-репетиторов

ПАШКИН С.Б., ТУРЧИН А.С. 82
Особенности психологических защитных механизмов и копинг-стратегий у военнослужащих с разными сроками службы

ШКОНДА С.А., КАРАБУЩЕНКО Н.Б. 95
Компоненты психологической готовности личности военнослужащих и сотрудников Росгвардии в современных условиях

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОДИАГНОСТИКА ЦИФРОВЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СРЕД

ГОЛУБИН Р.В., ДУНАЕВА Н.И., КОРОТЫШЕВ А.П., РЫХТИК П.П. 104
Маркеры деструктивной агрессии в социальных сетях: мониторинг, анализ, интерпретация

КИМ А.Е. 116
Жизнестойкость личности как объект психологического исследования

Майер С.В. 126
Смысловая обусловленность переживания криза профессиональной идентичности в среднем возрасте

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

ЦЫГАНКОВ С.В., КАРАЯНИ Ю.М., КАРАЯНИ А.Г. 137
Технологии формирования образа врага в информационно-психологическом противоборстве (на примере специальной военной операции на Украине)

ЧУДАКОВ А.Ю., ВЕРТАЕВ А.В., АНИКАНОВ М.В. 147
Теоретические представления о психологии эмоций

ОБЩАЯ ПЕДАГОГИКА, ИСТОРИЯ ПЕДАГОГИКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

- ПРОКОПЕНКО В.В.** 157
Стимулирование спортивной подготовки обучающихся в кадетских училищах Росгвардии: внедрение нагрудного знака «За отличие в спорте»

- ШАРУХИН А.П.** 165
Качества личности выпускника военного института Росгвардии как цель и результат воспитательного процесса

**ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ОБУЧЕНИЯ И ВОСПИТАНИЯ
(ПО ОБЛАСТЯМ И УРОВНЯМ ОБРАЗОВАНИЯ)**

- ВАНЯГИНА М.Р., ПРИМАКИН А.И.** 173
Математический инструментарий обработки статистических данных опытно-экспериментального обучения курсантов иностранному языку в высшей военной школе

- ПРОХОРЕНКО Е.В., КОРНИЛОВ Б.Е., ФЕТИСОВ А.В.** 186
Модель оценивания качества подготовки специалистов в военных институтах войск национальной гвардии Российской Федерации

**МЕТОДОЛОГИЯ И ТЕХНОЛОГИЯ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ**

- БОРОВИЦКИЙ А.М.** 195
Формирование идентичности профессионального сознания обучающихся

- ШАРУХИНА Т.Г.** 203
Творческо-продуктивные технологии обучения курсантов военных образовательных организаций высшего образования Росгвардии иноязычно-профессиональному нарративу

**ИНЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ
(ПРАВО, ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ)**

- МЕТЕЛИЦКИЙ В.В., СУХАНОВ Д.Г., РУКАВИШНИКОВ А.В.** 212
Результаты экспериментального исследования уровня психологической безопасности военнослужащих в условиях информационно-психологического воздействия

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- ДЕРЮГИН А.А., КРИЖАНОВСКАЯ Г.Н.** 221
Обзор выступлений Всероссийской научно-практической конференции «Духовно-нравственные ориентиры и основы российского общества: проблемы, угрозы и риски в современных условиях»

При перепечатке материалов
ссылка на журнал
обязательна.

Редакция вправе сокращать
и литературно обрабатывать
принятые к публикации тексты.

Материалы должны
соответствовать одному
из научных направлений
(по отраслям наук),
определяющему
направленность
(профильность) журнала:
педагогические,
психологические
и юридические науки.

Издание осуществляет
рецензирование всех
поступающих материалов,
соответствующих
тематике журнала, с целью
их экспертной оценки.
Рукописи не возвращаются.

За достоверность фактов,
имён собственных,
неразглашение тайны
отвечают авторы публикаций.

FEDERAL STATE OFFICIAL MILITARY
ESTABLISHMENT OF HIGHER EDUCATION
«SAINT-PETERSBURG MILITARY
ORDER OF ZHUKOV INSTITUTE
OF THE NATIONAL GUARD TROOPS
OF THE RUSSIAN FEDERATION

Saint-Petersburg Military
Order of Zhukov Institute
of the National Guard Troops
of the Russian Federation

Network scientific journal

ISSN: 2587-7402 (online)

Journal is published since
December, 2017

Journal is published
on quarterly basis

Journal is included
in the system
of the Russian Scientific
Citation Index (RSCI)
license agreement
with the Scientific Electronic
Library eLIBRARY.ru dated
13.02.2018 No. 52-02/2018

CONTENTS

THEORETICAL AND HISTORICAL LAW SCIENCES

- BUTOV S.V.** 5
The importance of the activities of the Special Departments of the NKVD of the USSR during the Great Patriotic War for its victorious completion and further improvement of the legal status of the National Guard
- GOLTSOV V.B., GOLOVANOV N.M., CHUDAKOV A.YU.** 14
Legal conflicts in the relationship between the concepts of "cryptocurrency" and "digital currency"
- UTYUGANOV A.A., BAKIN A.A., KUZNETSOV D.E.** 22
Historical and legal aspects of countering the spread of the ideology of nationalism and separatism among the Finno-Ugric peoples of Russia

CRIMINAL LAW SCIENCES

- ANTONOV I.A., KULPIN A.A.** 38
Public dissemination of deliberately false information about the use of the Armed Forces of the Russian Federation (Article 207.3 of the Criminal Code of the Russian Federation): manipulative use of metaphor and its study during examinations in criminal cases
- GELDIBAEV M.KH., MURSALIMOV A.T.** 48
Criminal law characteristics of fraud in the field of P2P lending
- ASTAPOV D.D., IVANOV I.I.** 55
Refusal to be defended by a lawyer in a criminal case in the presence of a valid agreement. Is there a choice?
- SEMYONOVA I.V.** 63
The social nature of crime in the field of digital information

WORK PSYCHOLOGY, ENGINEERING PSYCHOLOGY, COGNITIVE ERGONOMICS

- BOGDANOVSKAYA I.M.** 72
Strategies of Verbal Influence in Digital Advertising of Educational Services for Tutoring Educators
- PASHKIN S.B., TURCHIN A.S.** 82
Features of psychological defense mechanisms and coping strategies in military servicemen with different service life
- SHKONDA S.A., KARABUSHCHENKO N.B.** 95
Components of psychological readiness of the personality of military members and employees of the National Guard troops in modern conditions

PEDAGOGICAL PSYCHOLOGY, PSYCHODIAGNOSTICS OF DIGITAL EDUCATIONAL ENVIRONMENTS

- GOLUBIN R.V., DUNAEVA N.I., KOROTYSHEV A.P., RYKHTIK P.P.** 104
Markers of destructive aggression in social networks: monitoring, analysis, interpretation
- KIM A.E.** 116
Hardiness as an object of psychological research
- MAYER S.V.** 126
Semantic Conditionality of Experiencing a Professional Identity Crisis in Middle Age

SOCIAL PSYCHOLOGY, POLITICAL AND ECONOMIC PSYCHOLOGY

- CYGANKOV S.V., KARAYANI YU.M., KARAYANI A.G.** 137
Technologies for forming image of enemy in information and psychological warfare (based on example of special military operation in Ukraine)
- CHUDAKOV A.YU., ALEXANDER V.V., ANIKANOV M.V.** 147
Theoretical concepts of the psychology of emotions

GENERAL PEDAGOGY, HISTORY OF PEDAGOGY AND EDUCATION

- PROKOPENKO V.V.** 157
 Stimulating the sports training of students in the cadet schools of the Russian Guard: the introduction of the badge «For distinction in sports»

- SHARUKHIN A.P.** 165
 Personality qualities of a graduate of the Rosgvardiya Military Institute as the goal and result of the upbringing process

THEORY AND METHODOLOGY OF EDUCATION (BY FIELDS AND LEVELS OF EDUCATION)

- VANYAGINA M.R., PRIMAKIN A.I.** 173
 Mathematical tools for processing statistical data of experimental foreign language teaching of the higher military school cadets

- PROKHORENKO E.V., KORNILOV B.E., FETISOV A.V.** 186
 A model for assessing the quality of training of specialists in military institutes of the Russian national guard troops

METHODOLOGY AND TECHNOLOGY OF VOCATIONAL EDUCATION

- BOROVITSKY A.M.** 195
 Formation of identity of professional consciousness of students

- SHARUKHINA T.G.** 203
 Creative-productive technologies for teaching foreign language-professional narrative to the cadets of the Rosgvardiya military educational institutions of higher education

OTHER SOCIAL AND HUMANITIES SCIENCES (LAW, PSYCHOLOGISTS AND PEDAGOGICAL SCIENCES)

- METELTSKIY V.V., SUKHANOV D.G., RUKAVISHNIKOV A.V.** 212
 The results of an experimental study of the level of psychological security of military personnel in the conditions of information and psychological impact

SCIENTIFIC LIFE

- DERYUGIN A.A., KRIZHANOVSKAYA G.N.** 221
 Review of the presentations of the All-Russian scientific and practical conference "Spiritual and moral guidelines and foundations of Russian society: problems, threats and risks in modern conditions"

When reprinting materials,
 a reference to the journal
 is required.

The editorial board has the right to
 shorten and literary process
 the texts accepted
 for publication.

Materials must correspond
 to one of the scientific directions
 (by branches of science),
 which determines the direction
 (profile) of the journal:
 pedagogical, psychological
 and legal sciences.

The publication reviews
 all incoming materials
 corresponding to the subject
 of the journal for the purpose
 of their expert assessment.
 Manuscripts are not returned.

The authors of the publications
 are responsible for the reliability
 of the facts, proper names,
 and non-disclosure of secrets.

ЗНАЧЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОСОБЫХ ОТДЕЛОВ НКВД СССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ ДЛЯ ЕЕ ПОБЕДОНОСНОГО ЗАВЕРШЕНИЯ И ДАЛЬНЕЙШЕГО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОВОГО СТАТУСА РОСГВАРДИИ

Сергей Валерьевич Бутов

Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии, Санкт-Петербург, Россия

scorpio Serg@list.ru, ORCID 0000-0002-5775-0713

Аннотация. В статье на основе архивных материалов рассматриваются отдельные аспекты деятельности Особых отделов НКВД СССР в годы Великой Отечественной войны. Отмечается, что Особые отделы НКВД, обладая широким кругом полномочий в области разведывательной, контрразведывательной и оперативно-розыскной деятельности внесли значительный вклад в победу Советского Союза над фашистской Германией. Автор проводит сравнительный анализ задач Особых отделов НКВД СССР и задач, стоящих перед их преемником – Федеральной службой войск национальной гвардии Российской Федерации. Схожесть таких задач и исторический опыт дают основание полагать, что возникла объективная необходимость наделения Росгвардии рядом полномочий в сфере оперативно-розыскной, разведывательной и контрразведывательной деятельности, присущих ее предшественникам органам и войскам НКВД в годы войны, что оказало бы положительное влияние на правовое положение Росгвардии и способствовало бы повышению эффективности выполняемых ей служебно-боевых задач в современных военно-политических условиях.

Ключевые слова: войска НКВД, Особые отделы, правовой статус, разведка, контрразведка, оперативно-розыскная деятельность, Росгвардия, Великая Отечественная война

Для цитирования: Бутов С.В. Значение деятельности особых отделов НКВД СССР в годы Великой Отечественной войны для ее победоносного завершения и дальнейшего совершенствования правового статуса Росгвардии // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2024. № 2 (27). С. 5–13. URL: <https://vestnik-spvi.ru/2024/06/001.pdf>. EDN: AUKAWC.

THEORETICAL AND HISTORICAL LAW SCIENCE

Original article

THE IMPORTANCE OF THE ACTIVITIES OF THE SPECIAL DEPARTMENTS OF THE NKVD OF THE USSR DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR FOR ITS VICTORIOUS COMPLETION AND FURTHER IMPROVEMENT OF THE LEGAL STATUS OF THE NATIONAL GUARD

Sergey V. Butov

Saint-Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard Troops, Saint-Petersburg, Russia
scorpio Serg@list.ru, ORCID 0000-0002-5775-0713

Abstract. The article, based on archival materials, examines certain aspects of the activities of the Special Departments of the NKVD of the USSR during the Great Patriotic War. It is noted that the Special Departments of the NKVD, having a wide range of powers in the field of intelligence, counterintelligence and operational investigative activities, made a significant contribution to the victory of the Soviet Union over Nazi Germany. The author conducts a comparative analysis of the tasks of the Special Departments of the NKVD of the USSR and the tasks facing their successor – the Federal Service of the National Guard Troops of the Russian Federation. The similarity of such tasks and historical experience give reason to believe that there has been an objective need to vest the Russian Guard with a number of powers in the field of operational search, intelligence and counterintelligence activities inherent in its predecessors, the bodies and troops of the NKVD during

the war, which would have a positive impact on the legal status of the Russian Guard and would contribute to increasing the effectiveness of its service and combat missions in modern military-political conditions.

Keywords: NKVD troops, Special departments, legal status, intelligence, counterintelligence, operational search activities, National Guard, Great Patriotic War

For citation: Butov S.V. The importance of the activities of the Special Departments of the NKVD of the USSR during the Great Patriotic War for its victorious completion and further improvement of the legal status of the National Guard. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta vojsk nacional'noj gvardii*. 2024;2(27): 5–13. (In Russ.). Available from: <https://vestnik-spvi.ru/2024/06/001.pdf>. EDN: AUKAWC.

© Бутов С.В., 2024

Введение

На современном этапе государственного развития в России осуществляется реформирование правоохранительных органов, целью которого является установление оптимального правового статуса силовых структур, позволяющего им решать все поставленные задачи. Такое реформирование должно осуществляться с учетом возможности противостоять внутренним и внешним угрозам, а в условиях проводимой Российской Федерацией специальной военной операции – учитывать опыт деятельности правоохранительных органов и войск правопорядка в годы Великой Отечественной войны. Следовательно, в наши дни для повышения эффективности деятельности Росгвардии исследование и применение положительного опыта своих предшественников – органов и войск НКВД СССР является необходимым и оправданным [1, С. 20]. Большие изменения, произошедшие в политической и социально-экономической жизни современной России, внесли изменения во многие области деятельности и сферы управления [23].

Основные положения

Проблемы обеспечения внутренней и внешней безопасности силовыми структурами органов правопорядка всегда привлекали внимание, но наибольшую актуальность они приобрели в настоящее время. Сегодня, как и в годы Великой Отечественной войны, коварный враг прилагает максимальные усилия для внедрения своих агентов в российские силовые структуры с целью их дезорганизации и разложения, получения разведанных, подрыва в войсках правопорядка и боевого духа защитников Отечества.

Для пресечения указанной деструктивной деятельности в начале Великой Отечественной войны постановлением ГКО от 17 июля 1941 г. № 187сс были образованы Особые отделы НКВД, главной задачей которых стала борьба со шпионами, диверсантами, паникерами, предателями,

дезорганизаторами и дезертирами в советских Вооруженных Силах [2]. Для силовой поддержки Особых отделов в подчинение этим органам передавались подразделения войск НКВД. В годы войны, наряду с решением внутренних задач, войска НКВД принимали участие в самых значимых сражениях с немецко-фашистскими захватчиками. Кроме этого, войска внутреннего предназначения выполняли ответственные задачи по охране наиболее важных государственных объектов, поддержанию правопорядка в тылу действующей армии и др. В настоящее время схожие задачи решают приемники войск НКВД СССР – войска национальной гвардии Российской Федерации в ходе специальной военной операции. Начало данной специальной операции было принято в результате возникшего конфликта на территории Украины. Данный конфликт носит характер войны, в результате которой часть населения страны борется за свою независимость, направленную на защиту от режима государственной власти, установившейся после победы Евромайдана и смены власти в стране. В связи с попытками со стороны нового правительства Украины подчинить или попытаться уничтожить самопровозглашенные республики Донецкой и Луганской областей, решением руководства Российской Федерации принято решение о проведении специальной военной операции [24].

При обстоятельствах, не требующих промедления, Особые отделы имели право расстреливать дезертиров на месте. На следующий день после издания ГКО постановления № 187сс директивой НКВД СССР № 169 задачи Особых отделов по агентурно-оперативной работе, очищению войск от неблагонадежного элемента и укреплению дисциплины среди военнослужащих были уточнены [3, С. 346].

Вместе с тем для обеспечения безопасности государства войскам НКВД необходимо было в первую очередь обеспечить свою собственную внутреннюю

безопасность от агентов врага и иного неблагонадежного элемента. Как показывает анализ архивных материалов, с этой задачей они справлялись хорошо. Стойкость военнослужащих войск НКВД была на высшем уровне. Случаи дезертирства и предательства в этих войсках никогда не имели массового характера. Девиз «Чекисты в плен не сдаются» был для военнослужащих войск НКВД заповедью при встрече с врагом. Бойцы стойко переносили все тяготы и лишения службы, имелись случаи гибели военнослужащих войск НКВД от голода на посту при охране складов с продовольствием, но военнослужащие не злоупотребляли своим должностным положением, продукты питания оставались нетронутыми умирающими от голода воинами [4]. Немалая заслуга успешной кадровой политики войск внутреннего назначения, исключавшей неблагонадежный элемент среди личного состава, принадлежала Особым отделам НКВД, обеспечивавшим собственную безопасность войск своего наркомата.

В рамках предоставленных полномочий Особые отделы осуществляли надзор за соблюдением законности и правопорядка в войсках. Так, на Западном фронте имелись случаи нарушения порядка согласования приговоров военнослужащих к высшей мере наказания, в частности согласования их военными советами армий. На необходимость устранения указанных нарушений и недопустимость попиранья принципа законности в любых условиях обстановки была направлена директива начальника ОО НКВД Западного фронта от 28 февраля 1942 г. № 10/3842 [5, С. 176].

Именно Особые отделы НКВД незамедлительно передавали по команде в Ставку Верховного Главнокомандующего действительную оперативную обстановку на фронте, причины срыва боевой задачи или отступления советских войск. Так, 6 января 1942 года в сообщении Особого отдела НКВД Западного фронта в Управление Особых отделов НКВД отмечались недочеты в управлении войсками 16-й армии, приведшие к большим потерям личного состава и техники, невыполнению боевого распоряжения. К причинам срыва боевой задачи Особым отделом были отнесены: недостаточная продуманность отдельных операций и отсутствие должной подготовки боя со стороны командования, неорганизованность войсковой разведки, наличие не устранённых недостатков в планах наступления, отсутствие единого управления войсками со

стороны штаба армии, самоустранение отдельных должностных лиц от управления боем. Далее начальник Особого отдела обращал внимание на тот факт, что Военный совет 16-й армии, зная о недочетах в работе командования армии и частей, решительных мер к их устранению не предпринял [6].

Кроме недостатков в организации боевой деятельности на фронтах Особые отделы, реализуя свои правовые полномочия в области, направляли по линии командования предложения о совершенствовании способов ведения боевых действий с немецкими захватчиками. Так, Особым отделом НКВД Ленинградского фронта 24 сентября 1941 г. было внесено предложение о создании при Ставке Главнокомандования оперативных авиагрупп для ликвидации предварительно разведанных целей. Данное предложение Особый отдел обосновывал анализом материалов своей агентуры, информацией, полученной из допросов летчиков со сбитых немецких самолетов, данными авиаразведки. К спецсообщению, содержащему указанное предложение, прилагались фотоснимки, протоколы и агентурные сводки [7, С. 131].

Незамедлительная реакция Особых отделов поступала в случае выявления военнослужащих, распространявших ложные слухи, занимавшихся контрреволюционной агитацией, не желавших исполнять свой воинский долг, призывавших сдать на милость немецким захватчикам или дезертировать. Такие военнослужащие после проведения следственных действий предавались суду военного трибунала, что положительно сказывалось на общей боеспособности войск.

Так, из доклада начальника Особого отдела 69-й бригады войск НКВД по результатам проведения оперативных мероприятий в этой бригаде усматривалось, что красноармеец 156 полка Третьяков 13 сентября 1941 года заявил: «... Советские газеты пишут, что Красная Армия сильна, а вот г. Кременчуг сдали и все сдают, и сдают города, а отсюда надо делать вывод, что Красная Армия слаба и только потому, что она состоит исключительно из колхозников, а в колхозе жизнь очень плохая. Вот уже три года, как колхозники ничего не получают на трудодни, ясно, за что же им воевать? По этой причине красноармейцы не идут в бой, в результате приходится сдавать немцам город за городом» [8, с. 205]. В ходе проведенных Особым отделом мероприятий красноармеец Третьяков был арестован и осужден Военным трибуналом за антисоветскую

пропаганду по ст. 58-10 УК РСФСР на 10 лет тюремного заключения и 5 лет поражения в правах.

Широко применялось Особыми отделами оперативное мероприятие в виде установления наблюдения за неблагонадежными военнослужащими. Так, за красноармейцем 156 полка Ивановым Особый отдел установил наблюдение из-за его публичных высказываний о сомнении в боевых подвигах советских летчиков, широко освещавшихся в военной печати. Кроме того, о данном факте было проинформировано командование полка [9].

В годы войны немцы готовили и засылали в тыл советских войск большое количество своих агентов, часть из которых являлась завербованными военнослужащими Красной Армии, ранее взятыми в плен. Большинство немецких агентов, диверсантов и иных пособников фашистов перехватывалось войсками НКВД по охране тыла действующей армии в ближайшем тылу фронта [10, С. 26]. Задержанные войсками НКВД дезертиры, агенты врага и иной преступный элемент из числа военнослужащих передавались для дальнейшей оперативно-следственной работы в Особые отделы. Наиболее тщательно Особые отделы НКВД проверяли военнослужащих, вернувшихся из окружения или плена противника без своего табельного оружия, так как этот факт являлся одним из признаков добровольной сдачи военнослужащих в плен.

Мероприятия по очистке личного состава войск от неблагонадежных элементов: лиц, находившихся в плену, бывших в окружении, призванных с территорий, освобожденных от противника, проводились и в частях. Названным категориям заранее оказывалось недоверие, они подлежали специальной проверке Особыми отделами, в ходе которой предполагалось установить их причастность к преступным деяниям. Военнослужащие, чья вина в ходе проверки была доказана, предавались суду Военного трибунала. Невиновные, но вызывающие у органов подозрение лица, не допускались к высшим командным должностям, к секретной аппаратуре и к сведениям, составлявшим военную тайну.

В годы войны была организована цензура корреспонденции фронтовиков в соответствии с постановлением ГКО от 6 июля 1941 г. № 37сс [11] и от 28 июня 1942 г. № 1938сс [12]. Органы военной цензуры Особых отделов НКВД просматривали письма и телеграммы, конфискуя все носители с запрещенной информацией антисоветского,

провокационного характера, с зашифрованным содержанием, а также включающие в себя сведения, составлявшие военную тайну (о составе, численности, передвижении, месте дислокации войск и гарнизонов, фамилиях старшего, высшего начальствующего и политического состава, о вооружении и ходе боев, о месте нахождения и состоянии путей сообщения, телефонных станций, о потерях войск и др.).

Способность военнослужащих действующей армии эффективно выполнять свои обязанности по вооруженной защите СССР напрямую зависела от полноты обеспечения их всеми видами довольствия. Реализация прав фронтовиков на материальное обеспечение, включавшее денежное, вещевое и продовольственное обеспечение, находилась на особом контроле со стороны высших органов военного управления и правоохранительных органов. Кроме того, добывая победу в бою порой ценой своей жизни, фронтовики могли рассчитывать на заботу и защиту членов своей семьи со стороны государства. Через военную цензуру Особые отделы осуществляли надзор за доведением положенных норм довольствия до фронтовиков, за предоставлением им необходимых материально-бытовых условий, за общим настроением военнослужащих и обеспечением законности в армейских кругах.

Анализируя результаты военной цензуры, Особые отделы НКВД владели объективной обстановкой в войсках и имели возможность оперативно реагировать на выявленные нарушения. Так, в начале 1942 года начальник Управления ОО НКВД СССР Абакумов в записке в ЦК ВКП(б) и НКО СССР сообщал: «При проверке писем, идущих в действующую армию, военной цензурой в конце декабря 1941 г. и начале января 1942 г. отмечено значительное количество жалоб семей военнослужащих на плохие материально-бытовые условия и отсутствие внимания к их нуждам со стороны местных гражданских и военных органов» [13]. В спецсообщении НКВД СССР от 14 ноября 1941 г. № 41/3286 в НКО СССР, составленном на основе информации, полученной из ОО НКВД, указывалось, что «на Северо-Западном фронте ощущается острая нужда в теплом обмундировании. Имеются части, находящиеся на передовых позициях, которые не полностью обеспечены теплым обмундированием. На 10 ноября с. г. всего по фронту установлено 193 факта обморожения. ...Особая нужда имеется в валенках, так как фронт валенок не имеет» [7, С. 305].

В ходе войны возложенный на Особые отделы объем задач и полномочий для их реализации увеличивался. Наряду с контрразведывательной деятельностью Особые отделы начали выполнять задачи разведывательно-диверсионного характера. Так, в спецсообщении Особого отдела НКВД Ленинградского фронта от 3 ноября 1941 г. отмечалось, что создание 6-го отделения в своем составе имело целью «проведение разведывательно-диверсионной работы в тылу противника, а также внедрение агентуры в разведывательный аппарат противника» [14, с. 271]. Далее приводились количество подготовленной Особым отделом агентуры и результаты их деятельности.

Значительный вклад в историческую память трагедии советского народа внесли Особые отделы НКВД, осуществлявшие оперативную работу по сбору информации о зверствах, грабежах, насилиях и убийствах фашистами населения оккупированных территорий и военнопленных. Так, в рапорте начальника 3-го отдела Управления Особых отделов НКВД СССР от 14 декабря 1941 года, направленном заместителю наркома внутренних дел Абакумову, были отмечены многочисленные случаи издевательств немцев над местным населением Московской области, в ходе которых с людей снимали зимой теплую одежду, отбирали продукты питания и скот, выкалывали глаза, выбивали зубы, разбивали голову, сжигали заживо, насиловали женщин [15, с. 425].

В другом докладе Особого отдела НКВД 16-й армии, направленного 23 декабря 1941 года начальнику Особого отдела НКВД Западного фронта, была представлена информация об издевательствах немцев над советскими военнопленными, после которых немцы заживо сожгли 600 красноармейцев в здании для пыток, а пытавшихся выбраться через окна во время пожара расстреливали из автоматов. Кроме этого, приводились факты издевательств оккупантов над мирным населением. По итогам доклада сообщалось, что имевшаяся в распоряжении у Особых отделов агентура была направлена на выявление и розыск изменников и провокаторов, выдававших немцам советских активистов и служащих, а также на вскрытие изменнической и провокаторской деятельности отдельных лиц из числа антисоветского элемента, работавших в пользу немцев [16].

Собранные Особыми отделами НКВД факты о зверствах немецко-фашистских захватчиков в дальнейшем вместе с

другими материалами легли в основу доказательств в ходе Международного Военного трибунала в Нюрнберге.

19 апреля 1943 года постановлением СНК № СССР № 415-138сс Управление Особых отделов НКВД было реорганизовано в Главное Управление контрразведки НКО «Смерш» с сохранением ранее выполняемых Особыми отделами задач [17, С. 397]. За недолгие годы своего существования в условиях военного времени Особые отделы НКВД доказали свою необходимость, вместе с тем многие аспекты деятельности этих органов носят дискуссионный характер и по настоящее время скрыты под грифом секретности.

Заключение

Таким образом, Особые отделы НКВД в военное время обладали широкими полномочиями, позволявшими им контролировать практически все сферы деятельности войск. Оперативно получаемая этими органами информация, отражавшая действительную картину в войсках, давала возможность своевременно принимать необходимые организационно-правовые решения для устранения выявленных недостатков, восстановления законности, предотвращения нарушения прав военнослужащих, обеспечения надлежащего исполнения ими своих обязанностей, очистки войск от агентов врага и др.

Анализ выполняемых Особыми отделами НКВД задач и объем предоставленных им для этого оперативных полномочий еще раз подтверждает мнение известных ученых С. И. Захарцева и В. П. Сальникова, считающих, что современная «оперативно-розыскная деятельность имеет военные корни и военную основу» [18, С. 139], является не только юридической, но и военной наукой [19, С. 34]. Следует согласиться и с выводами указанных юристов о том, что приемники войск НКВД – «войска национальной гвардии Российской Федерации должны стать органом, самостоятельно осуществляющим оперативно-розыскную деятельность» [20, С. 24].

Федеральным законом от 03.07.2016 г. № 226-ФЗ на войска национальной гвардии возложены задачи, предусматривающие участие войск в охране общественного порядка, обеспечении общественной безопасности, в борьбе с терроризмом и экстремизмом, в обеспечении режимов чрезвычайного и военного положения, правового режима контртеррористической операции, в территориальной обороне Российской Федерации; задачи по охране важных

государственных и режимных объектов, специальных грузов, сооружений на коммуникациях, задачи по обеспечению безопасности объектов ТЭК и высших должностных лиц субъектов Российской Федерации; задачи по оказанию содействия пограничным органам ФСБ в охране Государственной границы Российской Федерации; задачи по федеральному государственному контролю (надзору) за соблюдением законодательства Российской Федерации в области оборота оружия и в области частной охранной и частной детективной деятельности и др. [21]. Войска национальной гвардии Российской Федерации, как элемент механизма государства (политического механизма в «узком» смысле) в противодействии терроризму, можно сказать то, что они занимают немаловажное и весьма достойное место в структуре механизма правоохранительной деятельности [22].

Наряду с этим подразделениями собственной безопасности Росгвардии осуществляется деятельность по предупреждению и исключению из личного состава войск национальной гвардии неблагонадежных лиц, проводятся мероприятия по поддержанию в войсках законности и правопорядка, предупреждению, выявлению и пресечению преступлений, защите сведений, составляющих государственную тайну. Подразделения Росгвардии ведут разведку в районах выполнения служебно-боевых задач.

Для выполнения указанных задач в Росгвардии имеются силы и средства, однако, с большей эффективностью данная работа может проводиться лишь при наличии полномочий в сфере оперативно-розыскной деятельности. В связи с этим имеется необходимость дальнейшей проработки правового статуса Росгвардии в указанном направлении, что значительно повысит эффективность решаемых ей служебно-боевых задач.

В заключение следует отметить, что анализ архивных источников военного времени позволяет судить о высокой эффективности деятельности Особых отделов НКВД, сыгравших значительную роль в достижении Победы СССР в Великой Отечественной войне. В настоящее время, как и в годы войны, Россия ведет вооруженную борьбу с объединенным Западом за свой суверенитет и

традиционные ценности. Противник стремится к разрушению российского государства, подрыву авторитета его силовых структур и правоохранительных органов. Для этого враг не гнушается никакими средствами, в ход идут фальсификация истории, героизация нацизма, борьба с русским языком, культурой, православием, спортом, подмена ценностей, двойные стандарты и экономические санкции. Вследствие неэффективности указанных мер, русофобы, националисты и иной прозападный преступный элемент начинает все активнее прибегать к террористическим методам войны, дискредитации противоборствующих с ними войск и правоохранительных органов. В такой ситуации поддержание воинской дисциплины, правопорядка, законности, грамотная кадровая политика и работа органов безопасности, направленная на недопущение просачивания в силовые структуры и правоохранительные органы агентов западных спецслужб, выходит на первое место.

В ходе специальной военной операции военнослужащие и сотрудники Росгвардии, как и их предшественники – бойцы войск и органов НКВД СССР в годы Великой Отечественной войны, противостоят внутренним и внешним угрозам, занимаются правоохранительной деятельностью. В целях качественного выполнения стоящих перед Росгвардией задач, она должна обладать соответствующим этим задачам правовым статусом, использовать в своей деятельности положительный опыт предшественников – Особых отделов НКВД СССР. Эффективность деятельности Особых Отделов НКВД была во многом обоснована широким кругом полномочий, предоставленных этим органам советским государством, и апробирована условиями военного времени. Исторический опыт подсказывает, что в современных военно-политических условиях крайне необходимо дальнейшее развитие правового статуса Росгвардии и предоставление ей дополнительных полномочий в сфере оперативно-розыскной, разведывательной и контрразведывательной деятельности, при этом полномочия в области оперативно-розыскной деятельности являются необходимым минимумом в условиях мирного времени.

Список источников

1. Бутов С. В. Об использовании опыта выполнения войсками НКВД СССР служебно-боевых задач в годы Великой Отечественной войны в деятельности войск национальной гвардии

- Российской Федерации / С. В. Бутов, Ф. С. Сибгатуллин // Правопорядок: история, теория, практика. 2023. № 3(38). С. 20–24.
2. Постановление ГКО от 17 июля 1941 г. № 187сс «О преобразовании органов 3-го управления НКВД СССР в особые отделы НКВД СССР // Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 644. Оп. 1. Д. Л. 118.
3. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: сб. док. Т. 2. Кн. 1. Начало. 22 июня – 31 августа 1941 г. / Федеральная служба контрразведки Российской Федерации, Академия федеральной службы контрразведки Российской Федерации / авт.-сост. В. П. Ямпольский. М. : Русь, 2000. 718 с.
4. Российский государственный военный архив. Ф. 38262. Оп. 1. Д. 447. Л. 11.
5. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: сб. док. Т. 3. Кн. 1. Крушение «Блицкрига». 1 января – 30 июня 1942 г. / Федеральная служба контрразведки Российской Федерации, Академия федеральной службы контрразведки Российской Федерации / авт.-сост. В. П. Ямпольский. М. : Русь, 2003. 704 с.
6. Центральный архив ФСБ РФ (далее – ЦА ФСБ РФ). Ф. 14. Оп. 4. Д. 288. Л. 504–514.
7. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: сб. док. Т. 2. Кн. 2. Начало. 1 сентября – 31 декабря 1941 г. / Федеральная служба контрразведки Российской Федерации, Академия федеральной службы контрразведки Российской Федерации / авт.-сост. В. П. Ямпольский. М. : Русь, 2000. 670 с.
8. Лубянка в дни битвы за Москву: материалы органов госбезопасности СССР из Центрального архива ФСБ России / под ред. В. С. Христофорова [и др.]. М. : Издательский дом «Звонница-МГ», 2002. 480 с.
9. ЦА ФСБ РФ. Ф. 14. Оп. 4. Д. 74. Л. 43.
10. Лысенков С. Г. Советское военное законодательство о войсках НКВД СССР по охране тыла действующей армии: ответ фальсификаторам истории Великой Отечественной войны / С. Г. Лысенков, С. В. Бутов // Решения Нюрнбергского трибунала как источник международного гуманитарного права: сборник научных статей межвузовского круглого стола, Санкт-Петербург, 23 ноября 2022 года. СПб. : Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии Российской Федерации, 2023. С. 22–29.
11. Постановление ГКО от 6 июля 1941 г. № 37сс «О мерах по усилению политического контроля почтово-телеграфной корреспонденции» // РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 1. Л. 127, 128.
12. Постановление ГКО от 28 июня 1942 г. № 1938сс «О военной цензуре» // РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 40. Л. 85.
13. ЦА ФСБ России. Ф. 14ос. Оп. 1. Д. 1. Л. 218.
14. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: сб. док. Т. 2. Кн. 2. Начало. 1 сентября – 31 декабря 1941 г. / Федеральная служба контрразведки Российской Федерации, Академия федер. службы контрразведки Российской Федерации / авт.-сост. В. П. Ямпольский. М. : Русь, 2000. 670 с.
15. Госбезопасность в битве за Москву: По рассекреченным документам ФСБ России / отв. ред. В. С. Христофоров. М. : ИД «Звонница-МГ», 2015. (Серия «XX век: Лики. Лица. Личины»). 526 с.
16. ЦА ФСБ РФ. Ф. К-72. Оп. 1. Д. 36. Л. 28–30.
17. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: сб. док. Т. 4. Кн. 1. Секреты операции «Цитадель». 1 января – 30 июня 1943 г. / Федеральная служба контрразведки Российской Федерации, Академия федеральной службы контрразведки Российской Федерации / авт.-сост. В. П. Ямпольский. М. : Русь, 2008. 814 с.
18. Захарцев С. И. Военные основы оперативно - розыскной деятельности как науки / С. И. Захарцев, В. П. Сальников // Известия Российской академии ракетных и артиллерийских наук. 2020. № 4(114). С. 139–142.
19. Сальников В. П. Оперативно-розыскная деятельность: «новая» военная наука / В. П. Сальников, С. И. Захарцев // Защита и безопасность. 2020. № 3(94). С. 34–35.
20. Сальников В. П. Войска национальной гвардии Российской Федерации должны стать органом, самостоятельно осуществляющим оперативно-розыскную деятельность / В. П. Сальников, С. И. Захарцев // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2022. № 2(19). С. 24–29.
21. Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» // Собрание Законодательства Российской Федерации. 2016. № 27. (Ч. I). Ст. 4159.

22. Никонов Д. А. Роль войск национальной гвардии Российской Федерации в политическом механизме противодействия терроризму / Д. А. Никонов, Ф. С. Сибгатуллин, В. В. Луценко // Правопорядок: история, теория, практика. 2022. № 1 (32). С. 70-75.

23. Луценко В. В. Войска национальной гвардии как инструмент в механизме государственного воздействия на общественные процессы и отношения в Российской Федерации / В. В. Луценко // Вопросы российского и международного права. 2019. Т. 9, № 2-1. С. 92-96.

24. Луценко В. В. О внесении изменений в действующие нормативные правовые акты, регулирующие вопросы национальной безопасности Российской Федерации (на примере специальной военной операции / В. В. Луценко, И. В. Семенова // Военно-юридический журнал. 2023. № 1. С. 23-26.

References

1. Butov S. V. On the use of the experience of the NKVD troops of the USSR performing service and combat tasks during the Great Patriotic War in the activities of the troops of the National Guard of the Russian Federation / S. V. Butov, F. S. Sibgatullin // Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika. 2023. № 3(38). S. 20–24. (In Russ.).

2. Postanovlenie GKO ot 17 iyulya 1941 g. № 187ss «O preobrazovanii organov 3-go upravleniya NKO SSSR v osobye otdely NKVD SSSR // Rossijskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoy istorii (dalee – RGASPI). F. 644. Op. 1. D. L. 118. (In Russ.).

3. Organy gosudarstvennoj bezopasnosti SSSR v Velikoj Otechestvennoj vojne: sb. dok. T. 2. Kn. 1. Nachalo. 22 iyunya – 31 avgusta 1941 g. / Federal'naya sluzhba kontrrazvedki Rossijskoj Federacii, Akademiya federal'noj sluzhby kontrrazvedki Rossijskoj Federacii / avt.-sost. V. P. Yampol'skij. M. : Rus', 2000. 718 s. (In Russ.).

4. Rossijskij gosudarstvennyj voennyj arhiv. F. 38262. Op. 1. D. 447. L. 11. (In Russ.).

5. Organy gosudarstvennoj bezopasnosti SSSR v Velikoj Otechestvennoj vojne: sb. dok. T. 3. Kn. 1. Krushenie «Blickriga». 1 yanvarya – 30 iyunya 1942 g. / Federal'naya sluzhba kontrrazvedki Rossijskoj Federacii, Akademiya federal'noj sluzhby kontrrazvedki Rossijskoj Federacii / avt.-sost. V. P. Yampol'skij. M. : Rus', 2003. 704 s. (In Russ.).

6. Central'nyj arhiv FSB RF (dalee – CA FSB RF). F. 14. Op. 4. D. 288. L. 504–514. (In Russ.).

7. Organy gosudarstvennoj bezopasnosti SSSR v Velikoj Otechestvennoj vojne: sb. dok. T. 2. Kn. 2. Nachalo. 1 sentyabrya – 31 dekabrya 1941 g. / Federal'naya sluzhba kontrrazvedki Rossijskoj Federacii, Akademiya federal'noj sluzhby kontrrazvedki Rossijskoj Federacii / avt.-sost. V. P. Yampol'skij. M. : Rus', 2000. 670 s. (In Russ.).

8. Lubyanka v dni bitvy za Moskvu: materialy organov gosbezopasnosti SSSR iz Central'nogo arhiva FSB Rossii / pod red. V. S. Hristoforova [i dr.]. M. : Izdatel'skij dom «Zvonnica-MG», 2002. 480 s. (In Russ.).

9. CA FSB RF. F. 14. Op. 4. D. 74. L. 43. (In Russ.).

10. Lysenkov S. G. Sovetskoe voennoe zakonodatel'stvo o vojskakh NKVD SSSR po ohrane tyla dejstvuyushchej armii: otvet fal'sifikatoram istorii Velikoj Otechestvennoj vojny / S. G. Lysenkov, S. V. Butov // Resheniya Nyurnbergskogo tribunala kak istochnik mezhdunarodnogo gumanitarnogo prava: sbornik nauchnyh statej mezhvuzovskogo kruglogo stola, Sankt-Peterburg, 23 noyabrya 2022 goda. SPb. : Sankt-Peterburgskij voennyj ordena Zhukova institut vojsk nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii, 2023. S. 22–29. (In Russ.).

11. Postanovlenie GKO ot 6 iyulya 1941 g. № 37ss «O merah po usileniyu politicheskogo kontrolya pochtovo-telegrafnoj korrespondencii» // RGASPI. F. 644. Op. 1. D. 1. L. 127, 128. (In Russ.).

12. Postanovlenie GKO ot 28 iyunya 1942 g. № 1938ss «O voennoj cenzure» // RGASPI. F. 644. Op. 1. D. 40. L. 85. (In Russ.).

13. CA FSB Rossii. F. 14os. Op. 1. D. 1. L. 218. (In Russ.).

14. Organy gosudarstvennoj bezopasnosti SSSR v Velikoj Otechestvennoj vojne: sb. dok. T. 2. Kn. 2. Nachalo. 1 sentyabrya – 31 dekabrya 1941 g. / Federal'naya sluzhba kontrrazvedki Rossijskoj Federacii, Akademiya feder. sluzhby kontrrazvedki Rossijskoj Federacii / avt.-sost. V. P. Yampol'skij. M. : Rus', 2000. 670 s. (In Russ.).

15. Gosbezopasnost' v bitve za Moskvu: Po rassekrechennym dokumentam FSB Rossii / otv. red. V. S. Hristoforov. M. : ID «Zvonnica-MG», 2015. (Seriya «XX vek: Liki. Lica. Lichiny»). 526 s. (In Russ.).

16. CA FSB RF. F. K-72. Op. 1. D. 36. L. 28–30. (In Russ.).

17. Organy gosudarstvennoj bezopasnosti SSSR v Velikoj Otechestvennoj vojne: sb. dok. T. 4. Kn. 1. Sekrety operacii «Citadel'». 1 yanvarya – 30 iyunya 1943 g. / Federal'naya sluzhba kontrrazvedki

Rossijskoj Federacii, Akademiya federal'noj sluzhby kontrrazvedki Rossijskoj Federacii / avt.-sost. V. P. Yampol'skij. M. : Rus', 2008. 814 s. (In Russ.).

18. Zaharcev S. I. Military bases of operational investigative activity as a science / S. I. Zaharcev, V. P. Sal'nikov // Izvestiya Rossijskoj akademii raketnyh i artillerijskih nauk. 2020. № 4(114). S. 139–142. (In Russ.).

19. Sal'nikov V. P. Operational investigative activity: the "new" military science / V. P. Sal'nikov, S. I. Zaharcev // Zashchita i bezopasnost'. 2020. № 3(94). S. 34–35. (In Russ.).

20. Sal'nikov V. P. The troops of the National Guard of the Russian Federation should become a body independently carrying out operational investigative activities / V. P. Sal'nikov, S. I. Zaharcev // Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta vojsk nacional'noj gvardii. 2022. № 2(19). S. 24–29. (In Russ.).

21. Federal'nyj zakon ot 3 iyulya 2016 g. № 226-FZ «O vojskakh nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii» // Sobranie Zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 2016. № 27. (Ch. I). St. 4159. (In Russ.).

22. Nikonov D. A. Rol' vojsk nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii v politicheskom mekhanizme protivodejstviya terrorizmu / D. A. Nikonov, F. S. Sibgatullin, V. V. Lucenko // Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika. 2022. № 1(32). S. 70–75.

23. Lucenko V. V. Vojska nacional'noj gvardii kak instrument v mekhanizme gosudarstvennogo vozdejstviya na obshchestvennye processy i otnosheniya v Rossijskoj Federacii / V. V. Lucenko // Voprosy rossijskogo i mezhdunarodnogo prava. 2019. T. 9, № 2-1. S. 92–96.

24. Lucenko V. V. O vnesenii izmenenij v dejstvuyushchie normativnye pravovye akty, reguliruyushchie voprosy nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii (na primere special'noj voennoj operacii / V. V. Lucenko, I. V. Semenova // Voенно-yuridicheskij zhurnal. 2023. № 1. S. 23–26.

Статья поступила в редакцию 27.02.2024;
одобрена после рецензирования 29.02.2024;
принята к публикации 20.06.2024.

The article was submitted 27.02.2024;
approved after reviewing 29.02.2024;
accepted for publication 20.06.2024.

Научная статья

УДК 347

EDN: EFKMXL

**ЮРИДИЧЕСКИЕ КОЛЛИЗИИ В СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ
«КРИПТОВАЛЮТА» И «ЦИФРОВАЯ ВАЛЮТА»****Владимир Борисович Гольцов¹, Николай Михайлович Голованов², Александр Юрьевич Чудаков³**^{1, 2} Государственный институт экономики, финансов, права и технологий, Гатчина, Ленинградская область, Россия³ Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии, Санкт-Петербург, Россия¹ golz2005@yandex.ru² golovanovnikolai@yandex³ chief.chudakow@yandex.ru

Аннотация. Криптовалюта как частная единица стоимости определённого актива, вследствие своей децентрализованности, анонимности и защищённости, активно проникает в мировой гражданский оборот, причём как в странах с высоким уровнем экономического развития, так и с уровнем развития довольно низким. Достаточно сказать, что в Топ-10 стран по внедрению криптовалют входят, с одной стороны, США и Китай, а с другой – Филиппины и Таиланд. В этой связи представляет интерес выяснение перспектив вытеснения криптовалюты из расчётных отношений за счёт внедрения некоего её аналога, а именно: централизованной и контролируемой государством цифровой валюты, которой можно осуществлять расчеты и хранить онлайн.

В предлагаемой статье рассматриваются признаки криптовалюты и цифровой валюты, их сходство и различие, а также возможность участия в гражданском обороте как первой, так и второй применительно к российским условиям. Вносятся предложения в части правового регулирования использования криптовалюты в нашей стране.

Ключевые слова: криптовалюта, цифровая валюта, цифровой рубль, криптобиржа, блокчейн, транзакция

Для цитирования: Гольцов В.Б., Голованов Н.М., Чудаков А.Ю. Юридические коллизии в соотношении понятий «криптовалюта» и «цифровая валюта» // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2024. № 2 (27). С. 14–21. URL: <https://vestnik-spvi.ru/2024/06/002.pdf>. EDN: EFKMXL.

Original article

**LEGAL CONFLICTS IN THE RELATIONSHIP BETWEEN THE CONCEPTS OF
“CRYPTOCURRENCY” AND “DIGITAL CURRENCY”****Vladimir B. Goltsov¹, Nikolai M. Golovanov², Alexander Yu. Chudakov³**^{1, 2} The State Institute of Economics, Finance, Law, and Technology, Gatchina, Leningrad Region, Russia³ Saint-Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard Troops, Saint-Petersburg, Russia¹ golz2005@yandex.ru² golovanovnikolai@yandex³ chief.chudakow@yandex.ru

Abstract. Cryptocurrency as a private unit of value of a certain asset, due to its decentralization, anonymity and security, actively penetrates into the global civil circulation, both in countries with a high level of economic development and with a fairly low level of development. Suffice it to say that the Top 10 countries for the introduction of cryptocurrencies include, on the one hand, the United States and China, and on the other, the Philippines and Thailand. In this regard, it is of interest to clarify the prospects for displacing cryptocurrencies from settlement relations through the introduction of some kind of its analogue, namely: a centralized and state-controlled digital currency that can be used to make payments and store online. The proposed article examines the signs of

cryptocurrency and digital currency, their similarities and differences, as well as the possibility of participating in civil turnover of both the first and the second in relation to Russian conditions. Proposals are being made regarding the legal regulation of the use of cryptocurrencies.

Keywords: cryptocurrency, digital currency, digital ruble, crypto exchange, blockchain, transaction

For citation: Goltsov V.B., Golovanov N.M., Chudakov A.Yu. Legal conflicts in the relationship between the concepts of "cryptocurrency" and "digital currency". *Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta vojsk nacional'noj gvardii*. 2024;2(27): 14–21. (In Russ.). Available from: <https://vestnik-spvi.ru/2024/06/002.pdf>. EDN: EFKMXL.

© Гольцов В.Б., Голованов Н.М., Чудаков А.Ю., 2024

Введение

Актуальность темы исследования состоит в том, что среди регуляторов государственных платёжных систем сложилось неоднозначное отношение к криптовалюте: от полного отрицания её необходимости до признания равнозначности национальной денежной единицы. Значительная группа государств чётко не обозначила свою позицию в этом вопросе, присваивая криптовалюте различные промежуточные статусы.

К первой группе государств относятся: Алжир, Афганистан, Бангладеш, Боливия, Вьетнам, Египет, Индонезия, Ирак, Катар, Китай, Марокко, Непал, ОАЭ, Тунис, Турция, Эквадор [11; 13]; ко второй – Австралия, Венесуэла, Дания, Израиль, Италия, Люксембург, Сальвадор, Хорватия, Япония [10, С. 116–119; 9]; к третьей – Бразилия, Великобритания, Германия, Индия, Испания, Канада, Норвегия, Португалия, Саудовская Аравия, Сингапур, Словения, США, Франция, Швейцария, Швеция, Эстония, ЮАР и др. [1, 17, 22, 23]. Россию с полным основанием можно отнести к последней группе стран [3; 4], и это при том, что, по данным Центрального банка Российской Федерации (далее – ЦБ РФ), в стране насчитывается почти 17 млн человек, владеющих криптовалютой на сумму более 16,5 трлн рублей, что составляет 26 % от мировой стоимости криптоактивов. Ежедневный оборот необлагаемой налогом криптовалюты в России составляет 8 млрд рублей [7, С. 25–32]. Ясно, что отсутствие должного правового регулирования криптовалюты наносит значительный ущерб экономике страны. В то же время её допуск в полномасштабный гражданский оборот также внушает опасения, поскольку криптовалюта нестабильна, подвержена экстремальной волатильности и крайне привлекательна для мошенников. Регулятор денежного обращения в лице ЦБ РФ предложил введение аналога криптовалюты, а именно цифровой

валюты, которая соединяет в себе некоторые положительные черты криптовалюты и официальной денежной единицы. Цель статьи состоит в выяснении соотношения этих понятий и оправданности надежд на привлекательность цифровой валюты у потребителей.

Теория

При подготовке и написании статьи авторами анализировались нормативно-правовые акты Российской Федерации, регулирующие цифровые активы и цифровую валюту; теоретические работы отечественных специалистов, посвящённые вопросам использования в гражданском обороте криптовалюты и цифрового рубля; судебные акты, принимавшиеся по спорам о принадлежности, криптовалюты; материалы, иллюстрирующие применение криптовалюты в мировой практике.

Результаты и обсуждение

В России термин «криптовалюта» в действующем законодательстве не используется. В ч. 3 ст. 1 Закона о цифровых финансовых активах¹ упоминается термин «цифровая валюта», под которой понимается совокупность электронных данных, содержащихся в информационной системе, которые предлагаются и (или) могут быть приняты в качестве средства платежа и (или) в качестве инвестиций, но при этом не являются денежной единицей Российской Федерации, иностранного государства или международной денежной расчётной единицей, в отношении которых отсутствует обязанное лицо перед обладателем таких электронных данных, кроме оператора, осуществляющего необходимые записи о них в соответствующей информационной системе, согласно её правилам [8].

Приведённая формулировка из закона дала основание ряду авторов приравнять цифровую валюту к криптовалюте [7, С. 25–32; 16]. Следует, однако, заметить, что криптовалюта и цифровая валюта – это не одно и

¹ Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ (ред. от 11.03.2024) «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении

изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. 2020. 6 августа.

то же, хотя они и имеют ряд общих признаков, а именно: базируются на применении криптологического кода; функционируют в рамках информационной системы; представляют собой определённую экономическую ценность; используются в качестве средства платежа. На этом сходство заканчивается.

В отличие от криптовалюты, эмитентами которой выступают сами пользователи информационной сети, и потому её объём не лимитирован, цифровая валюта централизована, выпускается ЦБ РФ, принимающим решение об условиях и объёме выпуска цифровой валюты, примером может служить цифровой рубль.

Цифровая валюта не анонимна, как это имеет место в случае с криптовалютой, поскольку для пользования цифровой валютой необходимо пройти идентификацию, предъявив информационной системе сканы необходимых документов и дождавшись их верификации. Оператор цифровой валюты обязан вести централизованный реестр пользователей, позволяющий идентифицировать лицо, владеющее цифровой валютой. Более того, владельцы цифровой валюты обязаны сообщать о фактах владения и распоряжения ею, в противном случае их права, связанные с цифровой валютой, не будут подлежать судебной защите (п. 6 ст. 14 Закона о цифровых финансовых активах)². Отметим, что данная норма является императивно беспрецедентной для гражданского права России и, как представляется, в некотором смысле, даже противоречащей ст. 46 Конституции Российской Федерации, гарантирующей равенство всех перед законом и судом, а также право каждого на судебную защиту.

Цифровая валюта не является денежным суррогатом, то есть заменителем законного платёжного средства, она таким платёжным средством выступает непосредственно. Криптовалюта – это суррогат, поскольку не предусмотрена действующим законодательством и вводится в оборот самоинициативно отдельными лицами [18, С. 3–16]. Как известно, выпуск денежных суррогатов запрещён, поскольку ч. 1 ст. 75 Конституции Российской Федерации устанавливает, что денежной единицей в Российской Федерации является только рубль [2, С. 95–97].

Цифровая валюта эквивалентна наличной валюте: один цифровой рубль равен одному

наличному и одному безналичному рублю. Эквивалентность криптовалюты зависит от спроса и предложения, на которые влияют не только экономические факторы: объём выпускаемых криптомонет и производимых с ними реальных финансовых операций, но и общественные настроения трейдеров и инвесторов, публичные заявления первых лиц государств, банков и крупных компаний.

Цифровая валюта является обязательством ЦБ РФ. Её функционирование обеспечивается государством в лице того же ЦБ РФ. Криптовалюта никакими активами не обеспечена, она по умолчанию не может содержать в себе обязательств.

Говоря о цифровой валюте, упомянутый выше Закон о цифровых финансовых активах³ напрямую не увязывает её с распределённым реестром – технологией, получившей название «блокчейн», позволяющей сохранять и передавать данные об осуществляемых транзакциях в виде последовательности связанных между собой блоков, цепочка которых защищает информацию от изменений и фальсификации (ч. 3 ст. 1). Косвенно о распределённом реестре упоминает ч. 8 ст. 1, однако о «блокчейн» в ней ничего не говорится, а значит, не исключается централизация информации на сервере одного субъекта.

Использование цифровой валюты в рассматриваемом Законе ограничено. Установлен, в частности, запрет российским юридическим лицам принимать цифровую валюту в качестве встречного предоставления за передаваемые товары, выполненные работы и оказанные услуги (ч. 5 ст. 14). Исключением служат сделки, в которых получателем платежа выступает компания, зарегистрированная за пределами России, или физическое лицо, не являющееся резидентом Российской Федерации. В этих случаях расплачиваться цифровой валютой не возбраняется. Отмеченные ограничения противоречат ч. 3 ст. 1 этого же Закона, в которой цифровая валюта определена как средство платежа, и ст. 140 Гражданского кодекса РФ) (далее – ГК РФ), устанавливающей, что цифровой рубль имеет хождение наравне с наличными и безналичными деньгами.

Несмотря на запрет платить цифровой валютой, она признаётся имуществом, участвующим в гражданском обороте, на что имеются специальные указания в Законах о банкротстве [ч. 2 ст. 2]⁴, об

² Там же.

³ Там же.

⁴ Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ (ред. от 04.06.2024) «О несостоятельности (банкротстве)». Российская газета. 2002. 2 ноября.

исполнительном производстве [ч. 4 ст. 68]⁵, о противодействии коррупции [ч. 10 ст. 8]⁶, о противодействии легализации доходов, полученных преступным путём, и финансированию терроризма [ст. 3]⁷.

Что касается криптовалюты, то её не запрещается покупать, продавать, обменивать, использовать как объект инвестирования, но только на зарубежных площадках, в том числе функционирующих на территории Российской Федерации. По факту это и происходит. По состоянию на 2023 год и на сегодняшний день в нашей стране работают следующие криптобиржи, принимающие рубли в обмен на криптовалюты: OKX, Bybit, Huobi, KuCoin, Gate io, MEXC, Bitget, Binance, EXMO, Vynex [15].

Констатируя отличие цифровой валюты от криптовалюты и наличие специального Закона о цифровых финансовых активах, регламентирующего оборот цифровой валюты, и отсутствие такового в части, касающейся криптовалюты, было бы неправильным утверждать, что криптовалюта вообще находится вне пределов правового поля Российской Федерации [2, С. 54–75]. Выше указывалось, что она имеет экономическую ценность, а значит криптовалюту с полным основанием можно отнести к иному имуществу, предусмотренному ст. 128 ГК РФ. Данный вывод подтверждается судебной практикой. Так, Девятый арбитражный апелляционный суд в постановлениях от 15.05.2018 г. по делу № А40-124668/2017 и от 18.04.2019 г. по делу № А40-12639/2016, исходя из общих начал и смысла всего гражданского законодательства, признавал биткоин, наиболее популярный вид криптовалюты, ликвидным имуществом, за счёт которого могут быть удовлетворены права кредиторов. Показательными в этом отношении являются также и определения Верховного суда Российской Федерации по делам № 44-КГ20-17-К7 и № 2-2886/2019 от 02.02.2021 г. о взыскании неосновательного обогащения, выраженного в криптовалюте.

Принимаемые судебные акты, признающие криптовалюту имуществом, не снижают, однако, вопроса о необходимости правового регулирования сделок с нею, пусть даже в ограниченном разрешённом законом порядке.

Покупая и продавая криптовалюту, её владелец получает прибыль, а, следовательно, по закону с неё надлежит уплачивать налоги. Это значит, что сделки с криптовалютой подлежат декларированию по итогам финансового года. Норм права, которые бы специально регламентировали взимание налога с операций, предметом которых является криптовалюта, не существует. К таким операциям нужно применять общие нормы налогового законодательства, регулирующие налогообложение операций с имуществом, что следует из письма Министерства финансов Российской Федерации от 7 июня 2021 г. № 03-04-05/44553. Непонятно только, как все же обеспечить полный и прозрачный контроль по соответствующим денежным операциям и проконтролировать, уплачиваются ли налоги или не уплачиваются, поскольку эти операции, по сути, остаются вне пределов поля деятельности большинства государственных органов, которые не вправе вмешиваться в данную сферу общественных отношений.

Обратим внимание и на такой аспект, что, признавая криптовалюту имуществом, государство одновременно признаёт и право её владельцев осуществлять полномочия собственников в отношении этого имущества, предусмотренные ч. 2 ст. 35 Конституции Российской Федерации и ст. 209 ГК РФ. Но такая трактовка криптовалюты входит в противоречие с тем, что финансовая система, являющаяся объектом правовой охраны публичного права, не регулирует криптовалюту, а это позволяет ЦБ РФ, прокуратуре и следственным органам Российской Федерации квалифицировать её как «денежный суррогат», и, следовательно, рассматривать оборот криптовалюты в качестве незаконных действий.

Представляет интерес положение дел с цифровой валютой и криптовалютой за рубежом. На сегодняшний день национальная цифровая валюта используется лишь в нескольких странах мира. К ним относятся: Китай, Сенегал, Сингапур, Тунис, Эквадор. В остальных странах речь идёт пока что лишь о намерениях внедрить цифровые деньги в ближайшей перспективе [12].

Что касается криптовалюты, то здесь единообразия в её использовании и правовом

⁵ Федеральный закон от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ (ред. от 29.05.2024) «Об исполнительном производстве». Российская газета. 2007. 6 октября.

⁶ Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ (ред. от 19.12.2023) «О противодействии

коррупции». Российская газета. 2008. 6 декабря.

⁷ Федеральный закон от 07 августа 2001 г. № 115-ФЗ (ред. 11.03.2024) «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» // Российская газета. 2001. 9 августа.

регулировании также не наблюдается. В Италии, например, криптовалюта используется для расчётов и осуществления других платежей, её разрешено хранить в виде депозитов. В Дании криптовалюта и, в частности, биткоин не рассматривается в качестве формы валюты и потому её использование в гражданском обороте не регулируется и не запрещается. В Швеции, наоборот, биткоин считается законной формой платежа. В Испании, Чехии и Норвегии биткоин классифицируется как нематериальный актив.

В Германии запретов на оборот криптовалют нет, как нет и какого-либо регулирования. Здесь биткоин как наиболее популярная криптовалюта отнесён к категории «частных денег», с помощью которых можно проводить клиринговые операции. Во Франции, в отличие от Германии, криптовалюта определяется в качестве цифрового актива.

На фоне такого множества правовых позиций в отношении криптовалюты парламент Европейского Союза 20 апреля 2023 года принял Закон о рынках криптовалют, известный как Regulation of Markets in Crypto-assets» (Закон MiCA)⁸. Данный закон, в основном, объединил ранее вносившиеся предложения в части использования криптовалюты; его действие планируется внедрить в практику всех 27 стран Европейского Союза в течение предстоящих нескольких лет, начиная с 2024 года.

Следует отметить, что Европейский Союз – единственный в мире, кто ввёл полноценное правовое регулирование оборота криптовалюты, несмотря на весьма скромное присутствие его членов на соответствующем рынке. Так, по числу владельцев криптокошельков и осуществляемых транзакций, в Нидерландах этот показатель составляет

7,3 %, в Польше – 6,08 %, в Германии – 4,19 %, во Франции – 3,2 %, в Словении – 2,89 %), в Румынии – 2,75 %, в Испании – 1,99 %, в Литве – 1,61 %, в Италии – 1,17 %. В остальных 18 европейских государствах интерес к криптовалюте ещё ниже [9].

Для России вопрос о правовом регулировании криптовалюты представляет особую актуальность, поскольку в нашей стране сумма криптоактивов, находящихся на руках, составляет треть от их мировой стоимости [7, С. 25–32].

Выводы

Приведённые рассуждения позволяют внести предложения, во-первых, о корректировке ст. 128 ГК РФ, перечисляющей объекты гражданских прав, за счёт упоминания в ней криптовалюты; во-вторых, о внесении в ГК РФ отдельной статьи, дающей легальное определение криптовалюте и перечисляющей в закрытом нормативном порядке перечень сделок, которые с ней можно совершать.

Закрепление в гражданском законодательстве специальных правовых норм о криптовалюте должно найти своё продолжение в налоговом законодательстве, в Законе о ЦБ РФ, Законе о бухгалтерском учёте и других законодательных актах, имеющих отношение к финансовой сфере.

Реализация указанных предложений позволила бы снять противоречия, обозначившиеся в правовой основе имущества, принадлежащего гражданам и юридическим лицам в той части, которая представлена криптовалютой, привести указанную правовую основу в соответствие с развивающимися общественными отношениями в сфере цифровизации экономики.

Библиографический список

1. Аналитика по криптовалютам: оценка на основе количества выпущенных монет. Coinmarketcap. URL: <https://www.i-itt.ru/articles/analitika-po-kriptovalyutam> (дата обращения: 05.12.2023).
2. Андрюшин С. А. Цифровая валюта Центрального банка как третья форма денег государства // Актуальные проблемы экономики и права. 2021. Т. 15. № 1. С. 54–75.
3. Банк России. Криптовалюты: тренды, риски, меры. Доклад для общественных консультаций от 20.01.2022 года. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/132241/Consultation_Paper_20012022.pdf (дата обращения: 15.12.2023 года).
4. Белых В. С. Проблемы определения правового режима криптовалют / В. С. Белых, М. О. Болобонова. URL: <https://urfac.ru/?p=2694> (дата обращения: 09.12.2023).
5. Брой У.Ш. Блокчейн и кибервалюты: нужна ли новая законодательная база // Право и цифровая экономика. 2018. № 1. С. 13–20.

⁸ Регламент (ЕС) 2023/1114 Европейского парламента и Совета от 31 мая 2023 года о рынках криптовалютных активов и внесении изменений в

Регламенты (ЕС) № 1093/2010 и (ЕС) № 1095/2010 и Директивы 2013/36/ЕС и (ЕС) 2019/1937.

6. Василевская Л. Ю. Токен как новый объект гражданских прав: проблемы юридической квалификации цифрового права. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/token-kak-novyy-obekt-grazhdanskih-prav-problemy-yuridicheskoy-kvalifikatsii-tsifrovogo-prava/viewer> (дата обращения: 04.12.2023).
7. Гаврилова Э. Н. Тенденции развития криптовалюты в современных условиях / Э. Н. Гаврилова, А. С. Демьянюк // Вестник Московского университета им. С. Ю. Витте. Сер. 1: Экономика и управление. 2023. № 2 (45). С. 25–32.
8. Гольцов В. Б. Правовое регулирование перевода электронных денежных средств: монография / В. Б. Гольцов, Н. М. Голованов. СПб.: СПбГАСУ. 2019. С. 3–4.
9. Голованов Н. М. Об опыте правового регулирования криптовалюты в Европейском Союзе и возможностях его использования в России // Глобальные научные тренды: междисциплинарные исследования: сб. материалов IV Международной научно-практической конференции. Саратов: Цифровая наука, 2024. С. 357–369.
10. Долгиева М. М. Зарубежный опыт правового регулирования отношений в сфере оборота криптовалюты // Lex Russica. 2018. № 10. С. 116–129.
11. Законодательное регулирование криптовалют в разных странах. URL: https://dzen.ru/a/ZGH0qySNKm08V_t0 (дата обращения: 17.12.2023).
12. Зорькин В. Д. Право в цифровом мире: размышления на полях Петербургского международного юридического форума // Российская газета. 2018. 29 мая.
13. Как в разных странах регулируют криптовалюту: обзор законов в 2020 году. URL: <https://habr.com/ru/companies/moneypipe/articles/523354/> (дата обращения: 05.01.2024).
14. Касал Р. 15 стран, в которых полностью легализована криптовалюта и Биткоин. URL: <https://vc.ru/u/1388688-radik-kasap/593700-15-stran-v-kotoryh-polnostyu-legalizovana-kriptovalyuta-i-bitkoin> (дата обращения: 24.12.2023).
15. Когаловский М. Р. Глоссарий по информационному обществу / под общ. ред. Ю. Е. Хохлова. М.: Институт развития информационного общества, 2009. С. 162.
16. Кожедубова В. А. Криптовалюты в России: анализ правового статуса, проблемы использования и перспективы развития / В. А. Кожедубова, Т. В. Ковалёва. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriptovalyuty-v-rossii-analiz-pravovogo-statusa-problemy-ispolzovaniya-i-perspektivy-razvitiya> (дата обращения: 07.01.2024).
17. Максуров А. А. Правовое регулирование обращения криптовалюты за рубежом. URL: <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/pravo/2018/03/2018-03-26.pdf> (дата обращения: 30.12.2023).
18. Новосёлова Л. А. О правовой природе биткоина // Хозяйство и право. 2017. № 9. С. 3–16.
19. Новоселова Л. А. Цифровые права как новый объект гражданского права / Л. А. Новоселова, А. В. Габов, А. С. Генкин // Закон. 2019. № 5. С. 31–54.
20. Павлова Д. А. Криптовалюта как денежный суррогат: сравнительный анализ // Молодой учёный. 2020. № 34(324). С. 95–97.
21. Рожкова А. А. Цифровое право (Digital Law), что это такое и чем оно отличается от киберправа / интернет-права / компьютерного права. URL: https://vk.com/wall-177568285_7472?ysclid=lxj1ipua1u794074189 (дата обращения: 05.01.2024).
22. Топ-10 стран по использованию криптовалюты. URL: <https://cryptocloud.plus/blog/top-10-crypto-friendly-stran> (дата обращения: 10.01.2024).
23. Пятнадцать стран, в которых полностью легализована криптовалюта и Биткоин. URL: <https://vc.ru/u/1388688-radik-kasap/593700-15-stran-v-kotoryh-polnostyu-legalizovana-kriptovalyuta-i-bitkoin> (дата обращения: 24.12.2023).

References

1. Analitika po kriptovalyutam: ozenka na osnove kolichestva vy`pushhenny`x monet. Coinmarketcap. Available from: <https://www.i-ff.ru/articles/analitika-po-kriptovalyutam> (data obrashheniya: 05.12.2023). (In Russ.).
2. Andryushin S. A. The Central Bank's Digital Currency as the Third Form of Government Money // Aktual'ny'e problemy` e`konomiki i prava. 2021. T. 15;1: 54–75. (In Russ.).
3. Bank Rossii. Kriptovalyuty`: trendy`, riski, mery`. Doklad dlya obshhestvenny`x konsul'tacij ot 20.01.2022 goda. Available from: https://cbr.ru/Content/Document/File/132241/Consultation_Paper_20012022.pdf (data obrashheniya: 15.12.2023 goda). (In Russ.).
4. Bely`x V. S. Problemy` opredeleniya pravovogo rezhima kriptovalyut / V. S. Bely`x, M. O. Bolobonova. Available from: <https://urfac.ru/?p=2694> (data obrashheniya: 09.12.2023). (In Russ.).
5. Broj U.Sh. Blockchain and cyber currencies: do we need a new legislative framework // Pravo i cifrovaya e`konomika. 2018;1: 13–20. (In Russ.).

6. Vasilevskaya L. Yu. Token kak novyy ob`ekt grazhdanskix prav: problemy` yuridicheskoy kvalifikatsii cifrovogo prava. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/token-kak-novyy-obekt-grazhdanskix-prav-problemy-yuridicheskoy-kvalifikatsii-tsifrovogo-prava/viewer> (data obrashheniya: 04.12.2023). (In Russ.).

7. Gavrilova E. N. Trends in the development of cryptocurrencies in modern conditions / E. N. Gavrilova, A. S. Dem`yanyuk // Vestnik Moskovskogo universiteta im. S. Yu. Vitte. Ser. 1: E`konomika i upravlenie. 2023;2 (45): 25–32. (In Russ.).

8. Gol`czov V. B. Pravovoe regulirovanie perevoda e`lektronny`x denezhny`x sredstv: monografiya / V. B. Gol`czov, N. M. Golovanov. SPb.: SPbGASU. 2019. S. 3–4. (In Russ.).

9. Golovanov N. M. Ob opy`te pravovogo regulirovaniya kriptovalyuty` v Evropejskom Soyuze i vozmozhnostyax ego ispol`zovaniya v Rossii // Global`ny`e nauchny`e trendy: mezhdisciplinarny`e issledovaniya: sb. materialov IV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Saratov: Cifrovaya nauka, 2024. S. 357–369. (In Russ.).

10. Dolgieva M. M. Trends in the development of cryptocurrencies in modern conditions // Lex Russica. 2018;10: 116–129. (In Russ.).

11. Zakonodatel`noe regulirovanie kriptovalyut v razny`x stranax. URL: https://dzen.ru/a/ZGH0qySNKm08V_t0 (data obrashheniya: 17.12.2023). (In Russ.).

12. Zor`kin V. D. Pravo v cifrovom mire: razmy`shleniya na polyax Peterburgskogo mezhdunarodnogo yuridicheskogo foruma // Rossijskaya gazeta. 2018. 29 maya. (In Russ.).

13. Kak v razny`x stranax reguliruyut kriptovalyutu: obzor zakonov v 2020 godu. Available from: <https://habr.com/ru/companies/moneypipe/articles/523354/> (data obrashheniya: 05.01.2024). (In Russ.).

14. Kasal R. 15 stran, v kotory`x polnost`yu legalizovana kriptovalyuta i Bitkoin. Available from: <https://vc.ru/u/1388688-radik-kasap/593700-15-stran-v-kotoryh-polnostyu-legalizovana-kriptovalyuta-i-bitkoin> (data obrashheniya: 24.12.2023). (In Russ.).

15. Kogalovskij M. R. Glossarij po informacionnomu obshhestvu / pod obshh. red. Yu. E. Xoxlova. M.: Institut razvitiya informacionnogo obshhestva, 2009. S. 162. (In Russ.).

16. Kozhedubova V. A. Kriptovalyuty` v Rossii: analiz pravovogo statusa, problemy` ispol`zovaniya i perspektivy` razvitiya / V. A. Kozhedubova, T. V. Kovalyova. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriptovalyuty-v-rossii-analiz-pravovogo-statusa-problemy-ispolzovaniya-i-perspektivy-razvitiya> (data obrashheniya: 07.01.2024). (In Russ.).

17. Maksurov A. A. Pravovoe regulirovanie obrashheniya kriptovalyuty` za rubezhom. Available from: <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/pravo/2018/03/2018-03-26.pdf> (data obrashheniya: 30.12.2023). (In Russ.).

18. Novosyolova L. A. About the legal nature of Bitcoin // Xozyajstvo i pravo. 2017;9: 3–16. (In Russ.).

19. Novoselova L. A. Digital rights as a new object of civil law / L. A. Novoselova, A. V. Gabov, A. S. Genkin // Zakon. 2019;5: 31–54. (In Russ.).

20. Pavlova D. A. Cryptocurrency as a monetary surrogate: a comparative analysis // Molodoj uchyony`j. 2020;34(324): 95–97. (In Russ.).

21. Rozhkova A. A. Cifrovoe pravo (Digital Law), chto e`to takoe i chem ono otlichaetsya ot kiberprava /internet-prava / komp`yuternogo prava. Available from: https://vk.com/wall-177568285_7472?ysclid=ixlipua1u794074189 (data obrashheniya: 05.01.2024). (In Russ.).

22. Top-10 stran po ispol`zovaniyu kriptovalyuty`. Available from: <https://cryptocloud.plus/blog/top-10-crypto-friendly-stran> (data obrashheniya: 10.01.2024). (In Russ.).

23. Pyatnadczat` stran, v kotory`x polnost`yu legalizovana kriptovalyuta i Bitkoin. Available from: <https://vc.ru/u/1388688-radik-kasap/593700-15-stran-v-kotoryh-polnostyu-legalizovana-kriptovalyuta-i-bitkoin> (data obrashheniya: 24.12.2023). (In Russ.).

Информация об авторах

В. Б. Гольцов – доктор юридических наук

Н. М. Голованов – кандидат юридических наук

А. Ю. Чудаков – доктор медицинских наук, профессор

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors

V. B. Goltsov – Doctor of Sciences (Law)

N. M. Golovanov – Candidate of Sciences (Law)

A. Yu. Chudakov – Doctor of Sciences (Medical), Professor

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Статья поступила в редакцию 10.04.2024;
одобрена после рецензирования 16.05.2024;
принята к публикации 20.06.2024.

THEORETICAL AND HISTORICAL LAW SCIENCES

The article was submitted 10.04.2024;
approved after reviewing 16.05.2024;
accepted for publication 25.03.2024.

Научная статья

УДК 34

EDN: AKUVQN

**ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАСПРОСТРАНЕНИЮ ИДЕОЛОГИИ
НАЦИОНАЛИЗМА И СЕПАРАТИЗМА СРЕДИ ФИННО-УГОРСКИХ НАРОДОВ РОССИИ****Алексей Анатольевич Утюганов¹, Анатолий Анатольевич Бакин², Денис Евгеньевич Кузнецов³**¹⁻³ Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии, Санкт-Петербург, Россия¹ spvi.rosgvard@mail.ru² schizis@inbox.ru³ goodjobman@inbox.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению «идеологической экспансии», осуществляемой в отношении граждан Российской Федерации, являющихся этническими финно-уграми. В этой связи несомненный интерес представляет социологическое исследование межэтнической ситуации, сложившейся в Карелии и Мордовии после начала проведения специальной военной операции и вступления Финляндии в НАТО. Значительное внимание уделено рассмотрению истоков финского национализма. Данный феномен (который описывается как мультифакторное явление) анализируется сквозь призму историко-правовых, политических и этнопсихологических воззрений. Особый акцент делается на уточнении причин и условий его существования в XXI веке. Приводятся описания русофобских настроений, «традиционно» доминирующих у скандинавских элит, радикальной интеллигенции, правых популистов, маргинальных слоев населения Финляндии и Швеции. В заключении статьи сформулированы рекомендации по организации противодействия экстремизму и сепаратизму среди молодого поколения коренных народов Карелии, Крайнего Севера, Арктической зоны, по нейтрализации межнациональных конфликтов, интенсивному развитию указанных регионов, улучшению благосостояния местного населения.

Ключевые слова: экстремизм, ненависть, ксенофобия, территориальные претензии, «мягкая сила», патриотизм, этнические и культурные стереотипы, межэтническая ситуация, конфликты, профилактика

Для цитирования: Утюганов А.А., Бакин А.А., Кузнецов Д.Е. Историко-правовые аспекты противодействия распространению идеологии национализма и сепаратизма среди финно-угорских народов России // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2024. № 2 (27). С. 22–37. URL: <https://vestnik-spvi.ru/2024/06/003.pdf>. EDN: AKUVQN.

Original article

**HISTORICAL AND LEGAL ASPECTS OF COUNTERING THE SPREAD OF THE IDEOLOGY
OF NATIONALISM AND SEPARATISM AMONG THE FINNO-UGRIC PEOPLES OF RUSSIA****Aleksej A. Utyuganov¹, Anatoly A. Bakin², Denis E. Kuznetsov³**¹⁻³ Saint-Petersburg Military Zhukov's Order Institute of the National Guard Troops, Saint-Petersburg, Russia¹ spvi.rosgvard@mail.ru² schizis@inbox.ru³ goodjobman@inbox.ru

Abstract. The article is devoted to the study of "ideological expansion" directed to the Russian Federation citizens who are ethnic Finno-Ugric peoples. In this regard, it is of undoubted interest sociological study of the interethnic situation that has developed in Karelia and Mordovia after the start of a special military operation and Finland's accession to NATO. Important attention is paid to consideration of the origins of Finnish nationalism. This phenomenon (described as a multifactorial phenomenon) is analyzed through the prism historical, political and ethnopsychological views. The special accent is on clarifying the reasons and conditions of its existence in the 21st century. Descriptions of Russophobic sentiments "traditionally" dominant among the Scandinavian elites, radical intelligentsia, right-wing populists, marginalized segments of the Finland and

Sweden marginalized populations are presented. In conclusion the article formulates recommendations for organizing countering extremism and separatism among the younger generation of the native peoples of Karelia, the Far North, the Arctic zone, to neutralize interethnic conflicts, intensive development specified regions, and improving the well-being of the local population.

Keywords: extremism, hatred, xenophobia, territorial claims, «soft power», patriotism, ethnic and cultural stereotypes, interethnic situation, conflicts, prophylaxis

For citation: Utyuganov A.A., Bakin A.A., Kuznetsov D.E. Historical and legal aspects of countering the spread of the ideology of nationalism and separatism among the Finno-Ugric peoples of Russia. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta vojsk nacional'noj gvardii*. 2024;2(27): 22–37. (In Russ.). Available from: <https://vestnik-spvi.ru/2024/06/003.pdf>. EDN: AKUVQN.

© Утюганов А.А., Бакин А.А., Кузнецов Д.Е., 2024

Введение

В современном мире межнациональные и межконфессиональные противоречия рассматриваются в числе наиболее опасных и дестабилизирующих факторов, способных в любой момент спровоцировать насилие. Более того, неуклонный рост европейской ксенофобии и «местечкового национализма» большинством авторов расценивается как предтеча апокалипсиса или главная экзистенциальная проблема человечества. Ответственные политики, общественные и религиозные деятели все чаще говорят о том, что дальнейшая судьба нашей цивилизации во многом будет зависеть от способности людей находить компромиссы, идти на взаимные уступки, выстраивать диалоги, преодолевать деструктивные стереотипы и шаблоны, искоренять экстремистскую, террористическую идеологию [1, С. 127–142; 2, С. 2; 3, С. 38–62; 4, С. 10; 5, С. 11; 6, С. 10].

Обращаясь к российским реалиям, следует отметить, что, помимо бытового национализма, правоохранителям все чаще приходится сталкиваться с высокопрофессиональной информационной продукцией радикальной направленности, поступающей из-за рубежа под прикрытием «мягкой силы» или в виде откровенных призывов к ненависти и вражде, чему есть немало примеров [7]. То есть речь идет об экстремистских технологиях, нацеленных на склонение молодых людей определенной этнической принадлежности к разжиганию межнациональной розни, к участию в погромах, вандализме, антиправительственных демонстрациях. Подобные «подстрекательства и провокации» особенно характерны для ситуации, которая десятилетиями складывалась вокруг финно-угорских народов Российской Федерации.

В середине 80-х годов прошлого века в качестве организатора психологической обработки финно-угорского населения выступала (и продолжает выступать по сей

день) Финляндия. Буквально в первые месяцы начала горбачевской перестройки, когда стал рушиться «железный занавес», власти Хельсинки перешли от слов к делу, используя при этом инструменты «мягкой силы» – они приступили к созданию мощной пропагандистской машины, рассчитанной на коренных жителей Карелии и Арктики. Финские агитаторы зачастили со своими визитами на территорию нашей страны. Они везли гуманитарную помощь, выступали перед большими аудиториями и активно навязывали слушателям их представления о России, об истории финно-угров, о зимней кампании 1939 года, о Второй мировой войне [8, С. 113–117, 121; 9, С. 25–28; 10, С. 68–78].

Во время дискуссий с представителями интеллигенции и студенческой молодежи «миссионеры» пытались внедрить в сознание «реципиентов» заведомо искаженные представления о реально существующих социально-экономических проблемах и путях их решения. В девяностых годах прошлого века финскими политиками была предпринята очередная попытка сформировать в национальных сообществах финно-угров запрос на независимость, то есть на выход из состава России и присоединение к Суоми (Финляндии). Для «мягкой силы» был важен максимально оптимизированный, привлекательный контент. Зарубежные политтехнологи создали его быстро, не затратив особых интеллектуальных усилий: материальный достаток, комфорт, безопасность, а также возможность беспрепятственного передвижения по странам «свободного мира». Мечты о Великой Финляндии казались наследникам Г. Маннергейма вполне осуществимыми, к тому же «парад суверенитетов» прокатился по всей стране – от Кавказа до Дальнего Востока [11, С. 125–148]. Однако многонациональная Россия смогла «сосредоточиться» (как в свое время писал канцлер Российской империи А. М. Горчаков), выстоять и

укрепиться. Несмотря на тяжелые времена, падение уровня жизни и т. д. большинство финно-угров категорически отвергли саму мысль о сепаратизме и существовании вне России. Тем не менее часть «ядовитых семян» все же была посеяна.

После избрания президентом Российской Федерации В. В. Путина ситуация в сфере обеспечения национальной безопасности кардинальным образом изменилась. С так называемыми «радикальными лидерами» националистов проводилась разъяснительная работа, а при наличии в их деяниях состава преступления – возбуждались уголовные дела. Был принят закон о регулировании деятельности иноагентов¹, а также о списке лиц, находящихся под иностранным влиянием. В частности, иностранные агенты уже не могли получать государственное финансирование на творческую и образовательную деятельность. Министерством юстиции Российской Федерации, в рамках реализации положений Федерального закона от 25.07.2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», выполняются функции по ведению, опубликованию и размещению в сети Интернет федерального списка экстремистских материалов, а также перечня общественных объединений и религиозных организаций, деятельность которых признана экстремистской². Росфинмониторинг в свою очередь, в рамках реализации положений Федерального закона от 7 августа 2001 года № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма», формирует Перечень организаций и физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму³. Одним из ключевых политико-правовых нормативных актов в сфере противодействия экстремизму стала Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года⁴.

Сотрудниками ФСБ регулярно озвучивались многочисленные факты вмешательства иностранных государств (в частности,

Финляндии), во внутренние дела России. С 2022 года Государственной Думой Российской Федерации (далее – ГД РФ) уделяется особое внимание актуализации и совершенствованию нормативной базы в сфере обеспечения национальной безопасности. Так, иностранными источниками были признаны не только иностранные государства, их органы власти, конкретные граждане и лица без гражданства, но и зарубежные структуры без образования юридического лица, статус иноагента был прочно связан с внешним финансированием в политических целях, был осуществлен запрет рекламировать информационные ресурсы иноагентов, а также публиковать рекламу на данных ресурсах.

Однако, как констатируют российские правоохранители, финские некоммерческие организации (далее – НКО), несмотря на усиление контроля за их деятельностью, не оставляют попыток продвигать крайне специфические идеи, в том числе политического характера, выходящие за рамки изначально декларируемых задач [12].

26 августа 2022 года секретарь Совета безопасности России Николай Патрушев провел в Петрозаводске совещание по экономической безопасности Карелии и отметил, что в целях пресечения распространения деструктивного иностранного информационного влияния на местное население важно обеспечить устойчивую мобильную связь и Российское телевидение. По мнению Н. Патрушева, особое внимание в современных геополитических условиях (в первую очередь в связи с очередным расширением НАТО) следует уделять социально-экономическому развитию приграничных и арктических районов. При этом секретарь Совета безопасности особо подчеркнул, что в условиях санкций, прокси-войны, развязанной «коллективным Западом» против России, усиливаются угрозы как экономического, так и информационного характера. Подтверждением тому служит многократно возросшая активность финских спецслужб и «киберструктур» враждебных России государств [13, с. 2].

¹ Федеральный закон от 14 июля 2022 г. № 255-ФЗ «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием» // Российская газета. 2022. 19 июля.

² Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // Российская газета. 2002. 30 июля.

³ Федеральный закон от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации

(отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» // Российская газета. 2001. 9 августа.

⁴ Указ Президента Российской Федерации от 29 мая 2020 г. № 344 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 22. Ст. 3475.

По данным директора ФСБ А. Бортникова, начиная с февраля 2022 года по январь 2024 года, Роскомнадзор заблокировал и удалил свыше 37 тыс. материалов, связанных с деятельностью неонацистских организаций. Всего же за указанный период было удалено более 360 тыс. экстремистских материалов, заблокирован доступ к 70 тыс. страницам контента, представляющего общественную опасность. В связи с указанными обстоятельствами на базе Информационного центра Национального антитеррористического комитета были разработаны дополнительные меры защиты национального информационного пространства, внедрены новые программные средства для выявления материалов, содержащих идеи национализма, неонацизма и различных форм радикализма [14, С. 4].

1 марта 2024 года состоялась инаугурация нового президента Финляндии А. Стубба, политика правых взглядов, заявившего об окончательном развороте страны на Запад и сохранении лишь чисто формальных контактов с Россией на дипломатическом уровне. Очевидно, что избранный президент продолжит политику отстаивания национальных интересов Финляндии, антироссийских санкций, а также следования курсу более крупных партнеров [15].

Основная часть

В июне 2023 года группа петербургских социальных психологов (11 сотрудников Фонда содействия науке и образованию в области правоохранительной деятельности «Университет») провели опрос более 500 выпускников Петрозаводского и Мордовского государственных университетов, а также Мордовского педагогического института им. М. Е. Евсевьева на предмет диагностики и прогнозирования рисков возникновения конфликтов в этноконфессиональной сфере финно-угорских народов, проживающих на Северных и Арктических территориях Российской Федерации. Кроме того, перед членами рабочей группы была поставлена задача – изучить предложения респондентов по ранней профилактике экстремистской преступности, устранению предпосылок возникновения ксенофобии, ненависти и вражды.

Каждому из участников опроса было предложено ответить на 127 вопросов, касающихся характера межнациональных отношений в конкретном регионе (связанным с их учебой и проживанием). В процессе ответов на поставленные вопросы молодые люди представляли свое видение ситуации, складывающейся между

различными национальностями, и подробно информировали членов рабочей группы о степени своей вовлеченности в данную проблематику, высказывали личное мнение об эффективности государственной политики по поддержке финно-угорских народов. Говоря о межнациональных отношениях, около 70 % опрошенных охарактеризовали их как «стойкие, прочные» и доброжелательные.

При этом 24 % респондентов заявили о том, что среди представителей либеральной настроенной творческой интеллигенции, этнографов, культурологов, историков и блогеров, которые долгие годы существовали на деньги финских НКО, «сильны антироссийские настроения». Кроме того, 6 % респондентов, имеющих родственников и друзей в Финляндии, указали на «сохраняющуюся в общественном сознании жителей скандинавских стран напряженность, вызванную проведением специальной военной операции».

Респонденты продемонстрировали высокую осведомленность в области обеспечения национальной безопасности и противодействия гибридным войнам. Более 80 % подтвердили, что гибридная война представляет собой одну из наиболее актуальных угроз международной и национальной безопасности России. Практически все опрошенные имели довольно четкие представления о том, как ведутся гибридные войны и каковы их последствия.

95 % молодых специалистов заявили, что у них «нет, и никогда не было» ксенофобии, этнических предубеждений, а тот факт, что в Российской Федерации мирно сосуществуют люди разных национальностей, по их глубокому убеждению, «приносит стране значительную пользу, обогащает ее культуру». Лишь 4 % сочли, что многонациональность вредит России. 88 % назвали себя патриотами, 11 % – «законопослушными гражданами, уважающими русский язык и русскую культуру, но стремящимися развиваться автономно, в рамках своего этноса, своих традиций», 1 % – сообщили о своей приверженности либеральным ценностям и стремлении эмигрировать. Более 90 % респондентов поддержали специальную военную операцию и выразили готовность оказывать посильную помощь российским военнослужащим, их семьям, жителям Новороссии.

2/3 участников опроса, которые особенно активно интересовались политикой, в разной степени владели иностранными языками, в том числе финским, и имели опыт

посещения Финляндии, поделились своими наблюдениями о том, что после 2014 года финский историко-культурный нарратив существенно трансформировался: объективные оценки прошлого сменились фейками, клеветой и агрессивными обвинениями в адрес России, а осью националистического мифа вновь стала «финская нация и Великая Финляндия, простирающаяся до Чукотки».

76 % интервьюированных достаточно однозначно высказались о том, что нельзя упускать из виду образовательно-криминологический аспект решения данной проблемы. В связи с этим от респондентов поступило предложение: организовать на базе учебных заведений Карелии, Мордовии, Марий Эл, Удмуртии, Коми, Ямало-Ненецкого автономного округа, а также Санкт-Петербурга, Мурманска и Архангельска подготовку специалистов (юристов, культурологов, педагогов, журналистов и т. д.), компетентных в плане профилактики экстремизма.

Такая подготовка потребует проведения структурных и содержательных изменений, предусматривающих совершенствование ранее утвержденных государственных образовательных стандартов и создание новых, отвечающих вызовам времени профессиональных образовательных программ. При этом основу организации и методологии разработки подобных программ должна составлять реализация важнейших направлений внутренней (прежде всего национальной) политики, ориентация на «негаснущий свет вечных истин» (исторически сложившихся и доказавших свою правоту воззрений в сфере философии, политологии, культурологии, юриспруденции, этнопсихологии) и на передовые информационные технологии.

78 % молодых людей высказали мысль о том, что средствам массовой информации необходимо государственное цензурирование с целью фильтрации недостоверной информации, а также обеспечения стабильности и порядка в обществе. Кроме того, было заявлено, что в условиях проведения специальной военной операции общество должно быть максимально консолидировано. Опрос показал, что последние новости молодые люди «черпают» из Интернета и центрального телевидения. Респонденты отметили высокий уровень профессионального мастерства отечественных журналистов и «пророссийских блогеров», причем этот уровень существенно повысился за последние два года.

Соцопрос подтвердил наличие в указанных регионах формальных и неформальных общественных структур, а также последствий «финансово-просветительской» деятельности финских НКО. Их приграничное положение предопределило торговые и иные контакты с соседней Финляндией, а также зависимость от колебаний курса иностранной валюты (доллара и евро) и экономического развития европейских стран [16, С. 63]. Тем не менее не вызывает сомнений, что роль факторов, оказывающих позитивное влияние на характер межнациональных отношений, проявляется в изучаемой нами среде более отчетливо, чем негативных (деструктивных). Среди подавляющего большинства интервьюированных (за исключением одного процента лиц, откровенно заявивших о своем стремлении покинуть страну) не было и «намек» на сепаратизм, ксенофобию, этническую напряженность. Молодые люди, которые являлись представителями финно-угорских народов, постоянно подчеркивали, что в России бережно сохраняется их культурное наследие, а другие нации и народы уважительно относятся к обычаям и нормам поведения коренных жителей («северных территорий»). Подтверждением тому служат и смешанные браки финно-угров с русскими, белорусами, украинцами, татарами, армянами, азербайджанцами и т. д.

Большие надежды выпускники трех ведущих вузов Петрозаводска и Саранска возлагали на «грядущий» технологический прорыв России, успешную реализацию инфраструктурных проектов, ускоренный рост экономики. Была озвучена и острая потребность в оптимизацию системы «социальных лифтов» (позволяющих талантливой молодежи из числа молодых специалистов, изобретателей, предпринимателей, ветеранов специальной военной операции сделать карьерный рывок и принести пользу своей Родине). Также говорилось о желании получать «достойные зарплаты», участвовать в программах по льготному ипотечному кредитованию (рассчитанных на молодых специалистов, членов их семей, жителей Крайнего Севера и Арктической зоны и т. д.).

Участники опроса сошлись во мнении, что трансформация мирового порядка ставит принципиально новые задачи как перед российским государством, так и перед институтами гражданского общества. По мнению респондентов, совершенно очевидно, что Россия уже определилась со своей ролью в формирующейся многополярной системе международных

отношений, поэтому она прилагает «титанические усилия» для их развития в духе равенства всех участников диалога, соблюдения принципов законности и справедливости. В условиях, когда далеко не все традиционные каналы взаимодействия срабатывают, особое значение приобретают более интенсивные способы межэтнического общения и налаживания «горизонтальных связей», а также поддержки общественных инициатив, конструктивных способов самоорганизации общества. Респонденты также признали, что самым эффективным инструментом в сфере налаживания и поддержания межкультурных коммуникаций для коренных народов по-прежнему остается русский язык.

Существенное значение для осознания сути феномена национализма имеет определение понятий. Так, согласно ряду отечественных источников, национализм – это «болезненно-гипертрофированное» восприятие человеком собственной нации. Причем данное восприятие формируется за счет унижения (принижения) достоинства лиц другой национальности, культуры, религии. Чувства национального превосходства обязательно переплетаются с агрессивными, антигуманными установками. В политическом аспекте национализм нередко рассматривается в системе трех координат: идеологии антагонизма; идеологии обеспечения национальной безопасности и сплочения населения; идеологии «оправданного, целесообразного и безальтернативного остракизма чужеродных элементов». В этнопсихологии радикальный национализм зачастую отождествляется с «национальным фанатизмом» и расценивается как высшая степень негативизма по отношению к иным этносам. То есть, по мнению психологов, имеет место приверженность конкретной личности вполне определенным представлениям и убеждениям (в первую очередь, дихотомическим), что в значительной мере определяет ее активность, мотивацию, жизненную позицию, систему ценностей, отношение к окружающим, «образ врага» [17, С. 392; 18, С. 357–364; 19, С. 7–30; 20, С. 78–85].

Согласно данным, полученным известным петербургским криминологом И. Л. Третьяковым, наиболее радикальные националисты не способны понимать и принимать доводы тех, кто имеет иную точку зрения. У экстремистов довольно часто встречается «утрата рациональности» и потребность постоянно ощущать себя неким «супергероем», возвышающимся над

«повседневностью» и творящим историю. Мифологизированное, надуманное и искаженное прошлое (страны, народа и т. д.), как правило, включено в актуальное настоящее, в результате чего происходит стирание границ между реальностью и фантазией [21, С. 125–135].

В контексте заявленной нами темы необходимо провести линию разграничения между национализмом и патриотизмом. А. Ю. Кийко, исследовав данный вопрос, пришел к выводу, что патриотизм (как интегративное качество личности) характеризуется чувственным и осмысленно-самоотверженным отношением к Родине. «Особенно велика в патриотизме роль нравственных начал. Именно нравственные мысли и поступки (отдельных людей, целых народов и т. д.) отражаются, а потом закрепляются в общественном сознании, становясь наиболее действенными регуляторами поведенческой активности». Дискурс патриотов (людей, которые «с молоком матери впитали в себя любовь к Отечеству») представляет собой совокупность взглядов, идей, всевозможных мифологем, моральных требований, «фокусирующих» позитивное восприятие прошлого, настоящего и будущего страны. Общенациональная патриотическая идеология возникает «на стыке» слияния народных традиции, исторического опыта борьбы за независимость, а также потребностей рядовых граждан, институтов гражданского общества и органов власти в консолидации, в поступательном развитии, в профилактике межнациональных и межрелигиозных конфликтов [22, С. 136].

Итак, мы привели результаты актуального эмпирического исследования, отразили взгляды современных отечественных ученых на природу национализма и патриотизма. Однако без тщательного анализа истории возникновения и существования финского национализма заявленная нами тема едва ли будет раскрыта.

Прежде всего, необходимо акцентировать внимание на том, что финские политические элиты никогда не были самостоятельными и на протяжении длительного времени «развивались» под влиянием извне. Финское национальное самосознание сформировалось под влиянием шведов. На протяжении более 600 лет финны перенимали шаблоны мышления, стереотипы и предубеждения доминирующего (господствующего) этноса. Показательно, что к началу XVIII века языком управления и культуры на финских территориях был шведский, несмотря на то, что для подавляющего

большинства населения родным языком выступал финский. Не существовало целостного описания финской истории, которая существовала в рамках общей истории Шведского государства [23, С. 186–189]. Между тем в средние века вплоть до первой половины XIX века Швеция была одной из самых агрессивных и имперски настроенных держав Европы. Конец шведскому могуществу был положен Петром Великим по итогам Северной войны. Следует подчеркнуть, что Российская империя воспринималась шведами крайне враждебно, страны воевали друг с другом 16 раз, отсюда проистекает столь недоброжелательный настрой по отношению к нашей стране, который не только имеет место и по сей день, но и выражается в действиях [24, С. 29–32; 25, С. 116–117].

Шведы не могли смириться со своим поражением и поэтому неоднократно предпринимали безуспешные попытки добиться реванша (при Елизавете Петровне, Екатерине Великой, Александре I). По итогам войны 1808–1809 гг. Финляндия вошла в состав России, причем вошла с многочисленными чиновниками, потомственными аристократами, духовенством, фокус внимания которых переключился на формирование финской идентичности, государственности и идеологии финской нации. Как нельзя лучше их общий настрой передает высказывание «Мы не шведы, русскими мы не хотим становиться, будем же финнами» [23, С.187].

Получив независимость в 1917 году, пришедшие к власти националисты стали практиковать этнические чистки, направленные исключительно против русских. Самая известная «акция» в виде массовых расстрелов русскоязычного населения получила название «Выборгской резни» (29 апреля 1918 г). Тогда за одни сутки были убиты несколько тысяч человек. В этом же году карельские националисты под патронажем белофиннов объявили о создании Ухтинской республики, а также о своей независимости. Проблема «самоопределения» сепаратистов была оперативно разрешена войсками Красной Армии. Весной 1919 г. вооруженные силы Финляндии вторглись на территорию Карельской трудовой коммуны (КТК). Лишь спустя полгода интервенты были разбиты и обращены в бегство. В это же время английской авиацией с территории Финляндии был нанесен бомбовый удар по Петрограду. В ноябре 1921 г. отборные финские части (егеря, выступившие под видом добровольцев), немецкие инструкторы и

ранее сбежавшие от большевиков местные националисты вновь предприняли попытку реанимировать Ухтинскую республику. Однако отряды «красных финнов» и крестьян из числа сторонников Советской власти (под руководством Т. Антикайнена) окружили, а затем уничтожили данное вооруженное формирование. С разной степенью интенсивности военные действия на севере Карелии продолжались вплоть до начала весны 1922 года [26, С. 136–148; 27, С. 65–70; 28, С. 71–77].

В начале тридцатых стало очевидно, что Финляндия не останется нейтральной в предстоящей большой войне в Европе. При этом угроза появления на ее территории немецких дивизий с каждым днем приобретала всё более «ясные очертания». Предвидя скорое начало Второй мировой войны, Советское руководство предпринимало попытки организации военно-политического сотрудничества с Финляндией на взаимовыгодных условиях, в том числе предполагавших колоссальные территориальные уступки Финляндии. Однако переговоры не только ни к чему не привели, но и усилили взаимное раздражение друг другом. Когда же конфронтация достигла своего «апогея», началась Зимняя война 1939 года. За несколько месяцев линия Маннергейма была взломана, а Финляндия, несмотря на беспрецедентную финансовую помощь и поддержку от стран коллективного Запада, в очередной раз потерпела поражение. Вместе с тем великофинляндские националистические идеи только укрепились [29, С. 35, 41–42, 49–50, 212, 226, 366–370, 400–404, 413–414].

В те годы население Финляндии составляло около 3 млн 700 тыс. человек, численность регулярной армии составляла около 250 тыс. человек, 800 тыс. граждан подлежали мобилизации в случае начала войны. При этом среди резервистов даже в мирное время обращали на себя внимание члены шюцкоров (более 100 тыс.) – активные участники вооруженных националистических формирований «гражданской стражи» (финские фашисты, которые демонстрировали патологическую жестокость и ненависть ко всему русскому). Когда началась Великая Отечественная война, «шюцкоровцам» доверяли роль карателей и охранников концентрационных лагерей на временно оккупированных территориях. Не меньшую известность получили и члены женской полувоенной националистической организации «Лота Свярд». По разным данным в ее рядах насчитывалось до 60 тыс. членов (причем это были не только

медицинские сестры, но и снайперы, диверсанты, сотрудники полиции и т. д.). К августу 1941 года Маннергейму удалось сформировать внушительную группировку войск, после чего, в нарушение условий заключенного ранее мирного договора, была начата антисоветская агрессия, с лозунгами «От "Великой Суоми" до Урала» [30, С. 33–35; 31, С. 134–136].

Согласно советским и финским архивным источникам, которые длительное время замалчивались обеими сторонами по идеологическим соображениям, русскоязычное население Карелии, Ленинграда, Ленинградской области, а также всего Кольского полуострова подлежало физическому уничтожению. Финские нацисты старались не брать пленных, если же раненых красноармейцев оставляли в живых, то они направлялись в концентрационные лагеря, где умирали от голода, болезней или изнурительных работ. Кроме того, как стало известно в 90-е годы, финны практиковали массовые расстрелы военнопленных, объясняя свои действия «необходимостью соблюдения санитарных норм, профилактикой тифа и отсутствием достаточного количества продовольствия» [32, С. 8–15; 33, С. 75–82; 34, С. 103–113].

В сентябре 1944 года было подписано Московское перемирие, в соответствии с которым Финляндия вышла из войны с СССР и взяла на себя обязательство начать боевые действия против немецких войск. В 1948 году был заключен договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и Финляндией. В нем Советский Союз брал на себя обязательство защищать территорию соседнего государства от агрессии со стороны третьих стран. Договор несколько раз продлевался (последний раз в 1983 году, на 20 лет). Но в 1992 году, после распада Советского Союза, финское правительство признало его недействительным. Финляндия решила двигаться в фарватере риторики англосаксов, с четкой ориентацией на трансатлантическую «солидарность». Дж. Сорос и его агенты принялись внушать молодым финнам, что русофобия – это не просто неотъемлемая часть мировой истории, естественная реакция высокоразвитых европейцев на диких и подлых «варваров», но и выгодная коммерческая деятельность [35, с. 65–71; 36, с. 24–31; 37, с. 493–498].

Сегодня «финский истеблишмент» уже не скрывает своего горячего желания восстановить утраченные во время Второй мировой войны территории, а также, в составе войск НАТО, приобрести новые.

Финляндские власти и пресса намеренно подогревают атмосферу русофобии и военную истерию в своей стране, что стало уже нормой повседневной жизни. Финляндия примкнула к «партии войны» Запада против России [38]. С учетом сказанного хочется напомнить, что, когда национализм перестает ограничиваться и сдерживаться рамками бытового шовинизма и ксенофобии, он довольно быстро может перерасти в государственную идеологию. Всеобщий «националистический угар» означает, что страну поразили тяжелый нравственный и экономический кризис. Такой способ утилизации народного недовольства, как воскрешение демонизированного образа «вечного врага», в данном случае – России, и обвинение ее во всех «смертных грехах», говорит о неспособности и нежелании правительства выполнять свои базовые функции, в попытке спрятаться за фасадом милитаристской риторики, рассуждений о величии нации и целой «батареи» пустых обещаний.

Анализ общественно-политической и криминологической литературы показывает, что распространению конфликтов на этнической почве и росту социальной напряженности в районах Карелии, Крайнего Севера, Арктики в значительной мере способствуют: безработица, низкие зарплаты, недостаточно развитая социальная инфраструктура, низкий уровень общей и правовой культуры определенной части молодежи, маргинализация и люмпенизация населения, распространение пьянства, алкоголизма и наркомании среди ювенальных слоев общества, острая нехватка компетентных руководителей регионального уровня, способных эффективно заниматься вопросами патриотического воспитания, а также реализацией основных положений молодежной и национальной политики, недостаточная активность институтов гражданского общества, коррупция [39, С. 89–97].

С целью противодействия экстремизму в рассматриваемых регионах считаем целесообразным: 1) переосмыслить и более четко обозначить детерминанты ксенофобии, шовинизма, «расовой ненависти», которые имеют место среди националистически настроенной молодежи; 2) провести общественные экспертизы, слушания, развернуть массовые дискуссии в социальных сетях для выявления «тлеющих» очагов межнациональных конфликтов; 3) для «выравнивания» межнациональной ситуации, нейтрализацией попыток распространения ненависти, вражды, ксенофобии, для преодоления

различных конфликтов, а также для развенчания мифов о Великой Финляндии и «западном благоденствии»; обеспечить взаимодействие органов власти, общественных организаций, школьников и их родителей, студентов, молодых ученых, наиболее ярких, равнодушных к судьбе страны и финно-угорских народов представителей национальной интеллигенции; 4) привлекать к участию во всех общественных мероприятиях ветеранов специальной военной операции, отдавать им приоритет при назначении на вышестоящие должности в управленческих структурах [40, С. 32–39; 41, С. 87–93; 42, С. 16–23; 43, С. 63–69].

В экономическом плане крайне важно: 1) ежегодно принимать исключительно социально ориентированный бюджет; 2) постоянно работать над повышением эффективности борьбы с коррупцией; 3) создавать максимально комфортные условия для предпринимателей и инвесторов (причем как из отечественных, так и из «дружественных стран»); 4) продолжить развитие арктической ипотеки; 5) стремиться увеличить не только сырьевые, но и высокотехнологичные потоки экспорта; 6) оперативно принимать соответствующие меры к руководителям бюджетных учреждений, допустивших задержку заработной платы сотрудникам; 7) на регулярной основе, в достаточном объеме, выделять средства, предназначенные для реализации общеобразовательных и этнокультурных проектов, патриотического воспитания, спорта.

В 2022 году широкий общественный резонанс среди учащихся вузов вызвало известие об открытии (в рамках федерального проекта Минобрнауки России) «Платформы университетского технологического предпринимательства». В результате более 100 тыс. студентов смогли проверить свои бизнес-навыки, организаторские способности, лидерские качества и т. д., участвуя в тренингах, разработанных преподавателями Московского государственного университета и Московского физико-технического института, менеджерами крупных компаний. Ежегодно в игровом формате решаются вопросы, связанные с обучением слушателей подбору персонала, принятию коллективных решений и командному духу, созданию стартапов, разработке (производству) востребованных продуктов, грамотному выведению их на рынок. Значительное внимание уделяется предпринимательству на Арктических территориях. В настоящее время к платформе подключились учащиеся из 140 высших учебных заведений.

Главным инструментом для быстрого развития российских регионов, где исторически проживают финно-угорские народы, для формирования инновационных кластеров, открытия принципиально новых, востребованных для всей страны производств могут стать особые экономические зоны (ОЭЗ). На сегодняшний день особая экономическая зона – это действенный инструмент для быстрого получения выгодных кредитов, земельных участков и для ощутимого сокращения затрат на запуск стартапов. Ставка делается на высокотехнологичные предприятия (главными направлениями могут быть «беспилотники», микроэлектроника, биотехнологии, фармацевтика и медицинское оборудование, продукты питания). Соответственно, создаются высокооплачиваемые рабочие места, «местные кадры» проходят ускоренную подготовку (или переподготовку). На временную или постоянную работу приглашаются специалисты (управленцы) федерального уровня, сотрудничество с которым позволяет избежать ошибок и перенять бесценный опыт. Инвесторы, которые не имеют возможности строить крупные предприятия, смогут взять площади в особой экономической зоне в аренду. В результате, помимо готовой инфраструктуры, они получают налоговые и таможенные льготы. Это особенно важно в условиях санкционных ограничений, когда предприниматели вынуждены решать непростую задачу импортозамещения. Важно напомнить, что появление ОЭЗ влечёт за собой быстрое развитие инженерной, транспортной и образовательной инфраструктуры.

Эффективность кластерного развития районов Карелии, Крайнего Севера и Арктики определяется значительным разнообразием всевозможных причин и условий. Однако, как нам представляется, важнейшим условием успеха здесь выступает тщательно продуманная, иерархически структурированная модель кластерного взаимодействия всех уровней кластера. Создание, реализация и последующее совершенствование «кластерных механизмов» должно быть не только «управляемым», с элементами самоорганизации, но и, прежде всего, инновационным процессом.

Буквально несколько слов хочется сказать о «последних» изменениях и дополнениях в сфере уголовного законодательства, способных повысить уровень противодействия экстремизму, сепаратизму, предательству национальных интересов и т. д. Как мы уже указывали, финский государственный национализм непосредственно связан с милитаризмом, с захватническими

планами и агрессией против России. Так, в средствах массовой информации Финляндии постоянно муссируются темы готовности каждого финна «встать под ружье», «беспрецедентной» технической оснащенности военнослужащих. Не скрывается, что около 20 лет «в стране болот и озер» строились мощные оборонительные сооружения, подземные склады с оружием, бункеры. При этом сегодня в социальных сетях скандинавских стран, в СМИ, в печатных изданиях (на финском и английском языках) распространяется откровенно фейковая информация о, якобы, плачевном состоянии Вооруженных Сил России. Замалчиваются истинные причины конфликта на Украине, цели и задачи СВО. В то же время можно наблюдать, как «набирают обороты» призывы к россиянам сотрудничать с западными спецслужбами, собирать разведывательную информацию, совершать диверсии. Из сказанного следует, что данная пропаганда рассчитана как на внутреннего, так и на внешнего потребителя. В частности, мишенью для идеологических диверсий по-прежнему остаются финно-угры.

Российский закон в таких условиях вынужденно адаптируется к текущей ситуации, представляется чрезвычайно актуальным и своевременным принятие в феврале 2024 года закона о конфискации имущества за фейки о российской армии, диверсионную деятельность и другие преступления против России, совершенные по корыстным мотивам. Кроме конфискации, преступникам грозит лишение специальных званий и наград. Совершенствуется уголовное и административное законодательство.

Широкий общественный резонанс вызвал закон, предусматривающий возможность признания нежелательными в России иностранные организации, учредителями которых являются зарубежные государственные органы. Иностранцам членам зарубежных организаций (признанных нежелательными в России) запрещается въезд в страну. Помимо запрета на въезд, закон устанавливает, что таким организациям запрещается создавать на территории России юридические лица и структурные подразделения. При этом деятельность ранее созданных подразделений прекращается, на них также распространяется запрет производить информационные материалы и распространять их в средствах массовой

информации, в социальных сетях. Банки обязаны отказывать данным структурам в проведении операций с денежными средствами и имуществом. Данным НКО запрещается осуществлять на территории России какие-либо проекты.

Попали под действие нового закона зарубежные фонды, выдающие участникам своих программ гранты. Как прокомментировал один из авторов данного закона, глава комитета ГД РФ по безопасности В. Пискарев, действующие нормы давно устарели: «Изначально в законе речь шла лишь о зарубежных неправительственных организациях. Закон принимался более 10 лет назад. Тогда еще было ощущение, что Запад хотя бы на уровне межгосударственных отношений играет по правилам. Но, как мы смогли убедиться, для них не существуют ни нормы международного права, ни Устав ООН». Поэтому для российской стороны, по словам депутата, абсолютно неважно, кто за рубежом учредил ту или иную организацию, которая «гадит нашей стране и работает на разрушении России». «Если ее деятельность представляет угрозу для безопасности, обороноспособности, то, по нашему мнению, она также может быть объявлена нежелательной» [44, С. 2].

Внесены существенные поправки в Федеральный закон «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации»⁵. Успешно работает специальная комиссия ГД РФ, которая занимается расследованием фактов вмешательства иностранных государств во внутренние дела нашей страны. В основном, речь идет о разработке санкций, блокировании инвестиционных проектов, подготовке агентов влияния, вмешательстве в выборы, разжигании национальной розни, воспрепятствовании законной деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, общественных и религиозных объединений.

Заключение

Социально-психологическое исследование, проведенное на базе Петрозаводского и Мордовского государственных университетов, а также Мордовского педагогического института им. М. Е. Евсевьева, позволяет убедиться в том, что выпускники указанных высших учебных заведений (в основной своей массе) обладают креативным

⁵ Федеральный закон от 28 декабря 2012 г. № 272-ФЗ «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и

свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации» // Российская газета. 2012. 29 декабря.

мышлением, они доброжелательны, открыты, демонстрируют готовность к сотрудничеству. Молодые специалисты (представители как финно-угорского этноса, так и других национальностей) не испытывают неприязнь к кому-либо в связи с расовой или этнической принадлежностью. Кроме того, постоянное присутствие в социальных сетях позволяет им отслеживать патриотические, «протестные» и националистические настроения жителей конкретных регионов, самостоятельно их анализировать и делать логичные выводы.

По своей инициативе молодые люди раз облачают вредоносные фейки, активно поддерживают участников СВО, ветеранов и членов их семей, участвуют в реализации политических проектов разного уровня, подключаются к общественным инициативам, направленным на обеспечение качественно нового взаимодействия субъектов национальной, культурной и образовательной политики в районах проживания финно-угорских народов. По мнению участников соцопроса, «организованный», поддерживаемый извне национализм (как и экстремизм в целом), представляет реальную угрозу конституционному строю России. Респонденты считают, что практика деятельности иностранных агентов заключается в попытках склонения коренных народов Севера Российской Федерации к сепаратизму, «борьбе с режимом» и т. п. Однако, по глубокому убеждению интервьюированных, экстремизм всегда был чужд российским финно-уграм, как и лютеранство, которое им усиленно навязывается извне. По своему менталитету коренные народы Севера оказались гораздо ближе к славянам (русским), чем к скандинавам. На протяжении всего периода формирования российской государственности именно карелы, мордва, вепсы, коми-зыряне, марийцы, удмурты и т. д. постоянно проявляли себя как истинные патриоты, готовые отстаивать традиционные ценности, защищать малую и большую Родину. В то же время, как заявили многие участники исследования, несмотря на оптимистичные прогнозы, в указанных регионах сохраняется опасность радикализации люмпенизированной и маргинальной части молодежи, либеральной интеллигенции, подростков, под влиянием идей, транслируемых из-за рубежа, в частности, из Финляндии.

С позиций социальной психологии, национализм следует рассматривать как деструктивный, дисфункциональный продукт недостаточно развитого

общественного сознания, который характеризуется наличием в нем специфических эксплицитных и имплицитных свойств. Стержнем «националистических убеждений» является вера в избранность, правоту, мессианство, величие какого-то конкретного этноса. Причем это вера, сопряженная с насилием, с попытками найти и уничтожить «чужого» (т. е. внешнего или внутреннего врага). Национализм детерминирован «историческими обидами», ложными этнокультурными стереотипами, предубеждениями, экстремистской субкультурой, ксенофобией (в том числе и возведенной в ранг идеологии), аномией, снижением регулирующей роли совести и морали.

Современная идеология финского национализма опирается не только на ненависть, ксенофобию, искаженные смысловые конструкции «скандинавских радикалов», но и, как нам представляется, в основе ее лежат геостратегические интересы западных элит. В 2022 году финские политики пожертвовали многолетними добрососедскими отношениями, взаимовыгодным сотрудничеством с Россией, ради эфемерных обещаний и посулов США предоставить финнам «нечто большее». Речь, возможно, идет о Карелии, Русской Арктике, месторождениях нефти, газа, а также участии в коллективном контроле за судоходством по Северному морскому пути.

В числе основных детерминант, которые наиболее явно способствовали резкому развороту Финляндии в сторону «анти-России» (а также обусловили приход к власти «крайне правых»), следует считать: 1) активное вмешательство США и Швеции в процесс подготовки управленческих кадров и молодых политиков (так называемых младореформаторов-популистов); 2) длительная и целенаправленная пропаганда в духе русофобии; 3) падение благосостояния населения, инфляция и т. д.; 4) неэффективность институтов экономического регулирования стран Евросоюза.

Межэтническим конфликтам и росту напряженности в районах Карелии, Крайнего Севера, Арктики в значительной мере способствуют: безработица, материальное неблагополучие, недостаточно развитая социальная инфраструктура, низкий уровень общей и правовой культуры определенной части молодежи, распространение пьянства, алкоголизма и наркомании среди ювенальных слоев общества, недостаточное внимание к вопросам патриотического воспитания, а также реализации основных положений молодежной и

национальной политики, недостаточная активность институтов гражданского общества, коррупция.

С целью противодействия экстремизму в указанных регионах считаем целесообразным: 1) переосмыслить и более четко обозначить детерминанты ксенофобии, шовинизма, «расовой ненависти», которые имеют место среди националистически настроенной молодежи; 2) провести общественные экспертизы, слушание, развернуть массовые дискуссии в социальных сетях для выявления «тлеющих» очагов межнациональных конфликтов; 3) для «выравнивания» межэтнической ситуации, нейтрализации попыток распространения ненависти, вражды, ксенофобии, для преодоления различных конфликтов, а также для развенчания мифов о Великой Финляндии и «западном благоденствии» – обеспечить взаимодействие органов власти, общественных организаций, школьников и их родителей, студентов, молодых ученых, наиболее ярких, равнодушных к судьбе страны и финно-угорских народов представителей

национальной интеллигенции; 4) на регулярной основе привлекать к участию во всех общественных мероприятиях ветеранов специальной военной операции, отдавать им приоритет при назначении на вышестоящие должности в управленческих структурах.

Подводя итог, отметим, что в Российской Федерации в настоящий момент сформированы правовые меры по противодействию распространения идеологии национализма и сепаратизма, принята и действует соответствующая нормативная правовая база, правоохранительные органы и органы государственной власти нацелены на работу в данном направлении, существует действенный механизм уголовного противодействия названным явлениям. Вместе с тем, в силу появления все новых вызовов, угроз и изменяющихся форм их проявления, государство имеет все основания соразмерно на них реагировать, применяя, в том числе, профилактические и превентивные меры.

Список источников

1. Кузнецова С. Я. Духовно-нравственная автономность и смысложизненное служение христианина // *Философия и общество*. 2023. № 3. С. 127–142.
2. Леруа Э. Реликт холодной войны // *Российская газета*. 2024. 12 февраля.
3. Разин А. В. Проблема обоснования морали // *Философия и общество*. 2022. № 2. С. 38–62.
4. Фадеев В. Права человека: где искать решение // *Российская газета*. 2022. 5 мая.
5. Косачев К. Европа: похищение мира // *Российская газета*. 2023. 3 апреля.
6. Яковлева Е. Несгибаемый человек // *Российская газета*. 2024. 1 февраля.
7. Экстремистов внесли в список террористов. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5607712> (дата обращения: 08.03.2024).
8. Шабает Ю. П. Проблема финно-угорской этничности // *Современная Европа*. 2015. № 3 (23). С. 112–123.
9. Мясникова А. Б. Место финно-угорского движения в системе международных отношений // *Вестник Чувашского университета*. 2013. № 2. С. 25–28.
10. Немечкин В. Н. Финно-угорская общественная дипломатия: теоретико-правовые и практические аспекты // *Финно-угорский мир*. 2017. № 3. С. 68–78.
11. Шабает Ю. П. Русский Север в исторической динамике: разрушение проекта культурной кладовой русского народа и современный кризис этнического национализма / Ю. П. Шабает, А. П. Садохин, А. Ю. Кузнецова // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2017. № 6(142). С. 125–148.
12. Генпрокуратура признала нежелательной в Российской Федерации финскую НПО. URL: <https://www.interfax.ru/russia/920829> (дата обращения: 09.03.2024).
13. Цыганкова С. Границу под контроль // *Российская газета*. 2022. 26 августа.
14. Егоров И. Выбор под защитой // *Российская газета*. 2024. 14 февраля.
15. «Всем приготовиться». Сосед России идет на обострение. URL: <https://ria.ru/20240212/stubb-1926838230.html> (дата обращения: 09.03.2024).
16. Глушанок Т. М. Инновационная экономика – вектор развития Карелии // *Экономика и управление*. 2009. № 1(39). С. 62–65.
17. Гуриева С. Д. Психология этнического конфликта. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2021. 406 с.

18. Оганесян С. С. Национализм: сущность, проблемы профилактики и противодействия в органах и учреждениях уголовно-исполнительной системы России // Пенитенциарная наука. 2023. № 4 (64). С. 357–364.
19. Осипова Н. Г. Идеологическое воздействие на социальное поведение: теоретико-методологические аспекты // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2023. № 29 (2). С. 7–30.
20. Цзысюань Ч. Политический национализм и мультикультурализм в современном нациестроительстве // Власть. 2023. № 3. С. 78–85.
21. Tretyakov I. L. (2021). Information Networks and Manipulative Technologies in the Arsenal of Extremists // Knowledge in the Information Society, Joint Conferences XII Communicative Strategies of the Information Society and XX Professional Culture of the Specialist of the Future, Springer, pp. 125–135. DOI:10.1007/978-3-030-65857-1_13.
22. Патриотическое воспитание обучающихся в кадетских корпусах, суворовских училищах и военных институтах Российской Федерации как предмет комплексного анализа: монография / под ред. А. Ю. Кийко. СПб. : Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии Российской Федерации, 2023. 369 с.
23. Колесников Д. Е. Формирование национальной и исторической идентичности Финляндии // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. 2011. № 4 (136). С. 186–191.
24. Трухачев В. В. Россия – Швеция: тупик отношений? // Перспективы. 2023. № 1 (32). С. 27–45.
25. Ивонина Л. И. Падение Шведской империи и международные отношения в Европе конца XVII – начала XVIII вв. // Исторический формат. 2015. № 3(3). С. 107–119.
26. Дубровская Е. Ю. Российская революция 1917 года и трансформация представлений активистов карельского национального движения о перспективах политического и экономического развития Российской Карелии // Труды Кольского научного центра РАН. Серия: Естественные и гуманитарные науки. 2022. № 1. С. 136–148.
27. Левкоев А. А. «Финский фактор» в становлении карельской автономии // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. № 4. С. 65–70.
28. Осипов А. Ю. Карельское восстание 1921–1922 годов: причины, сущность, последствия // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. № 4. С. 71–77.
29. Барышников В. Н. Финская война. М.: Кучково поле, 2023. 448 с.
30. Кульков Е. Н. Финляндия в войне против СССР 1941–1944 гг. // Вестник МГИМО-Университета. 2009. № 1 (4). С. 26–43.
31. Дерябин Ю. С. Незнаменитая война // Современная Европа. 2010. № 3(43). С. 130–136.
32. Веригин С. Г. Малоизвестные финские концлагеря на оккупированной территории Карелии / С. Г. Веригин, Д. А. Попов, Д. А. Елошин // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. 2023. № 2. С. 8–15.
33. Веригин С. Г. Финская оккупация Карелии в 1941–1944 годах: дискуссии между российскими и финляндскими историками // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. 2022. № 6. С. 75–82.
34. Федосов А. В. Войска НКВД в обороне и освобождении Карелии в годы великой отечественной войны / А. В. Федосов, И. О. Попов // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. 2023. № 8. С. 103–113.
35. Искандеров Э. А. Злоупотребление нейролингвистическим программным обеспечением в целенаправленном воздействии на представителей подрастающего поколения разных культур // Общество: социология, психология, педагогика. 2023. № 8. С. 65–71.
36. Плевако Н. С. Шведский и финский нейтралитет. В прошлом? // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2022. № 2. С. 24–31.
37. Яковенко А. В. Америка против всех. Геополитика, государственность и глобальная роль США: история и современность / А. В. Яковенко, К. А. Манасенко, О. Г. Карпович М. : ООО «Содружество культур», 2023. 588 с.
38. Посол Кузнецов: власти Финляндии специально подогревают атмосферу русофобии. URL: <https://russian.rt.com/world/news/1296301-posol-rossiya-finlyandiya> (дата обращения: 07.04.2024).
39. Бовин Б. Г. К проблеме оценки риска радикализации в подростково-молодежной среде / Б. Г. Бовин, Н. В. Дворянчиков, Д. В. Мельникова // Пенитенциарная наука. 2023. № 1 (61). С. 89–97.
40. Артамонова М. В. Влияние фактора прошлого на формирование идентичности российской молодёжи / М. В. Артамонова, М. Е. Соколова, Н. С. Седова // Общество: социология, психология, педагогика. 2023. № 8. С. 32–39.

41. Климанов Н. В. Исследование характерных особенностей социализации коренных народов Севера России // Общество: социология, психология, педагогика. 2023. № 4. С. 87–93.
42. Кулиш В. В. Социальный механизм функционирования исторической памяти / В. В. Кулиш, Н. А. Матвеева // Общество: социология, психология, педагогика. 2022. № 10. С. 16–23.
43. Юлдашбаева А. Ш. Консервативная ориентация и социокультурные основания государственной культурной политики России // Юридическая наука: история и современность. 2022. № 9. С. 63–69.
44. Замахина Т. Статус не поможет // Российская газета. 2024. 13 февраля.

References

1. Kuznecova S. Ya. Spiritual and moral autonomy and meaningful Christian ministry // *Filosofiya i obshchestvo*. 2023;3: 127–142. (In Russ.).
2. Lerua E. Relikt holodnoj vojny // *Rossijskaya gazeta*. 2024. 12 fevralya. (In Russ.).
3. Razin A. V. The problem of substantiating morality // *Filosofiya i obshchestvo*. 2022;2: 38–62. (In Russ.).
4. Fadeev V. Prava cheloveka: gde iskat' reshenie // *Rossijskaya gazeta*. 2022. 5 maya. (In Russ.).
5. Kosachev K. Evropa: pohishchenie mira // *Rossijskaya gazeta*. 2023. 3 aprelya. (In Russ.).
6. Yakovleva E. Nesgibaemyj chelovek // *Rossijskaya gazeta*. 2024. 1 fevralya. (In Russ.).
7. Ekstremistov vnesli v spisok terroristov. Available from: <https://www.kommersant.ru/doc/5607712> (data obrashcheniya: 08.03.2024). (In Russ.).
8. Shabaev Yu. P. The problem of Finno-Ugric ethnicity // *Sovremennaya Evropa*. 2015;3 (23): 112–123. (In Russ.).
9. Myasnikova A. B. The place of the Finno-Ugric movement in the system of international relations // *Vestnik Chuvashskogo universiteta*. 2013;2: 25–28. (In Russ.).
10. Nemechkin V. N. Finno-Ugric public diplomacy: theoretical, legal and practical aspects // *Finno-ugorskij mir*. 2017;3: 68–78. (In Russ.).
11. Shabaev Yu. P. Russian Russian North in Historical Dynamics: the destruction of the project of the cultural Storehouse of the Russian people and the modern crisis of ethnic nationalism / Yu. P. Shabaev, A. P. Sadohin, A. Yu. Kuznecova // *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny*. 2017;6(142): 125–148. (In Russ.).
12. Genprokuratura priznala nezhelatel'noj v Rossijskoj Federacii finskuyu NPO. Available from: <https://www.interfax.ru/russia/920829> (data obrashcheniya: 09.03.2024). (In Russ.).
13. Cygankova S. Granicu pod kontrol' // *Rossijskaya gazeta*. 2022. 26 avgusta. (In Russ.).
14. Egorov I. Vybor pod zashchitoj // *Rossijskaya gazeta*. 2024. 14 fevralya. (In Russ.).
15. «Vsem prigotovit'sya». Sosed Rossii idet na obostrenie. URL: <https://ria.ru/20240212/stubb-1926838230.html> (data obrashcheniya: 09.03.2024). (In Russ.).
16. Glushanok T. M. Innovative economy is a vector of Karelia's development // *Ekonomika i upravlenie*. 2009;1(39): 62–65. (In Russ.).
17. Gurieva S. D. Psihologiya etnicheskogo konflikta. SPb.: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo un-ta, 2021. 406 s. (In Russ.).
18. Oganessian S. S. Nationalism: the essence, problems of prevention and counteraction in the organs and institutions of the Russian penal system // *Penitenciarnaya nauka*. 2023;4 (64): 357–364. (In Russ.).
19. Osipova N. G. Ideological impact on social behavior: theoretical and methodological aspects // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya*. 2023;29 (2): 7–30. (In Russ.).
20. Czysyuan' Ch. Political nationalism and multiculturalism in modern nation-building // *Vlast'*. 2023;3: 78–85. (In Russ.).
21. Tretyakov I. L. (2021). Information Networks and Manipulative Technologies in the Arsenal of Extremists // *Knowledge in the Information Society, Joint Conferences XII Communicative Strategies of the Information Society and XX Professional Culture of the Specialist of the Future*, Springer, pp. 125–135. DOI:10.1007/978-3-030-65857-1_13.
22. Patrioticheskoe vospitanie obuchayushchihsya v kadetskikh korpusah, suvorovskih uchilishchah i voennykh institutah Rossijskoj Federacii kak predmet kompleksnogo analiza: monografiya / pod red. A. Yu. Kijko. SPb. : Sankt-Peterburgskij voennyj ordena Zhukova institut vojsk nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii, 2023. 369 s. (In Russ.).

23. Kolesnikov D. E. Formation of the national and historical identity of Finland // Nauchno-tekhnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politekhnicheskogo universiteta. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki. 2011;4 (136): 186–191. (In Russ.).
24. Truhachev V. V. Russia – Sweden: deadlock in relations? // Perspektivy. 2023;1(32): 27–45. (In Russ.).
25. Ivonina L. I. The fall of the Swedish Empire and international relations in Europe in the late XVII – early XVIII centuries // Istoricheskij format. 2015;3(3): 107–119. (In Russ.).
26. Dubrovskaya E. Yu. The Russian Revolution of 1917 and the transformation of the ideas of the activists of the Karelian national movement about the prospects for the political and economic development of Russian Karelia // Trudy Kol'skogo nauchnogo centra RAN. Seriya: Estestvennye i humanitarnye nauki. 2022;1: 136–148. (In Russ.).
27. Levkoev A. A. The "Finnish factor" in the formation of Karelian autonomy // Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. 2021;4: 65–70. (In Russ.).
28. Osipov A. Yu. Karelian Uprising of 1921–1922: causes, essence, consequences // Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. 2021;4: 71–77. (In Russ.).
29. Baryshnikov V. N. Finskaya vojna. M.: Kuchkovo pole, 2023. 448 s. (In Russ.).
30. Kul'kov E. N. Finland in the war against the USSR 1941–1944 // Vestnik MGIMO-Universiteta. 2009. № 1 (4). S. 26–43. (In Russ.).
31. Deryabin Yu. S. The Unknown War // Sovremennaya Evropa. 2010;3(43): 130–136. (In Russ.).
32. Verigin S. G. Little-known Finnish concentration camps in the occupied territory of Karelia / S. G. Verigin, D. A. Popov, D. A. Eloshin // Uchyonye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. 2023;2: 8–15. (In Russ.).
33. Verigin S. G. The Finnish Occupation of Karelia in 1941–1944: discussions between Russian and Finnish historians // Uchyonye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. 2022;6: 75–82. (In Russ.).
34. Fedosov A. V. NKVD troops in the defense and liberation of Karelia during the Great Patriotic War / A. V. Fedosov, I. O. Popov // Uchyonye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. 2023;8: 103–113. (In Russ.).
35. Iskanderov E. A. The abuse of neuro-linguistic software in the purposeful impact on the representatives of the younger generation of different cultures // Obshchestvo: sociologiya, psihologiya, pedagogika. 2023;8: 65–71. (In Russ.).
36. Plevako N. S. Swedish and Finnish neutrality. In the past? // Nauchno-analiticheskij vestnik Instituta Evropy RAN. 2022;2: 24–31. (In Russ.).
37. Yakovenko A. V. Amerika protiv vseh. Geopolitika, gosudarstvennost' i global'naya rol' SShA: istoriya i sovremennost' / A. V. Yakovenko, K. A. Manasenko, O. G. Karpovich M. : OOO «Sodruzhestvo kul'tur», 2023. 588 s. (In Russ.).
38. Posol Kuznecov: vlasti Finlyandii special'no podogrevayut atmosferu rusofobii. Available from: <https://russian.rt.com/world/news/1296301-posol-rossiya-finlyandiya> (data obrashcheniya: 07.04.2024). (In Russ.).
39. Bovin B. G. On the problem of assessing the risk of radicalization in the adolescent and youth environment / B. G. Bovin, N. V. Dvoryanchikov, D. V. Mel'nikova // Penitenciarnaya nauka. 2023;1 (61): 89–97. (In Russ.).
40. Artamonova M. V. The influence of the factor of the past on the formation of the identity of Russian youth / M. V. Artamonova, M. E. Sokolova, N. S. Sedova // Obshchestvo: sociologiya, psihologiya, pedagogika. 2023;8: 32–39. (In Russ.).
41. Klimanov N. V. The study of the characteristic features of the socialization of the indigenous peoples of the North of Russia // Obshchestvo: sociologiya, psihologiya, pedagogika. 2023;4: 87–93. (In Russ.).
42. Kulish V. V. The social mechanism of the functioning of historical memory / V. V. Kulish, N. A. Matveeva // Obshchestvo: sociologiya, psihologiya, pedagogika. 2022;10: 16–23. (In Russ.).
43. Yuldashbaeva A. Sh. Conservative orientation and socio-cultural foundations of the state cultural policy of Russia // Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'. 2022;9: 63–69. (In Russ.).
44. Zamahina T. Status ne pomozhet // Rossijskaya gazeta. 2024. 13 fevralya. (In Russ.).

Информация об авторах

А. А. Утюганов – доктор психологических наук, доцент

А. А. Бакин – кандидат юридических наук, кандидат медицинских наук

Д. Е. Кузнецов – кандидат исторических наук

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 15.04.2024; одобрена после рецензирования 22.04.2024; принята к публикации 20.06.2024.

Information about the authors

A. A. Utyuganov – Doctor of Sciences (Psychology), Docent

A. A. Bakin – Candidate of Sciences (Law), Candidate of Sciences (Medical)

D. E. Kuznetsov – Candidate of Sciences (History)

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 15.04.2024; approved after reviewing 22.04.2024; accepted for publication 20.06.2024.

**ПУБЛИЧНОЕ РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЗАВЕДОМО ЛОЖНОЙ ИНФОРМАЦИИ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ
ВООРУЖЕННЫХ СИЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (СТ. 207.3 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ): МАНИПУЛЯТИВНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕТАФОРЫ
И ЕЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ЭКСПЕРТИЗ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ**

Игорь Алексеевич Антонов¹, Алексей Андреевич Кульпин²

¹ Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии, Санкт-Петербург, Россия

² Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия

¹ docantonov@yandex.ru

² alex.kulp@yandex.ru

Аннотация. В настоящей статье, исходя из актуальной геополитической ситуации, рассматривается такая информационная угроза экстремистского характера, как публичное распространение заведомо ложной информации, предусмотренной ст. 207.3 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), о событиях и участниках специальной военной операции (далее – СВО, спецоперация) на территории Украины. В рамках комплексного исследования правовых аспектов данного состава преступления авторы уделяют особое внимание исследованию метафоры как эффективного инструмента манипулятивного воздействия, используемого в фейкинге лицами, признанными иностранными агентами, спецслужбами и структурами информационно-психологических операций, нацеленными на дискредитацию Вооруженных Сил Российской Федерации и участников СВО, разрушение доверия граждан к органам государственной власти. Особое внимание уделяется исследованию метафор в речевых продуктах распространителей фейковой информации – выявляются типичные модели и приёмы манипулятивного использования метафоры, что имеет особую значимость при проведении судебных экспертиз анализируемых материалов (это обусловлено тем, что тщательное изучение типичных метафор, приемов и целей их применения позволяет эксперту точно отличить утверждения о фактах от убеждений и мнений). Авторы приходят к заключению, что анализ метафорики текста расширяет диагностический инструментарий эксперта и повышает точность выводов судебной экспертизы фейковых материалов.

Ключевые слова: статья 207.3 УК РФ, информационная угроза обществу и государству, манипуляция, фейк, лингвистическое исследование, метафора, экспертиза фейковых материалов

Для цитирования: Антонов И.А., Кульпин А.А. Публичное распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации (ст. 207.3 Уголовного кодекса Российской Федерации): манипулятивное использование метафоры и ее исследование при проведении экспертиз по уголовным делам // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2024. № 2 (27). С. 38–47. URL: <https://vestnik-spvi.ru/2024/06/004.pdf>. EDN: COWDVQ.

CRIMINAL LAW SCIENCES

**PUBLIC DISSEMINATION OF DELIBERATELY FALSE INFORMATION ABOUT THE USE OF THE ARMED FORCES
OF THE RUSSIAN FEDERATION (ARTICLE 207.3 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION):
MANIPULATIVE USE OF METAPHOR AND ITS STUDY DURING EXAMINATIONS IN CRIMINAL CASES**

Igor A. Antonov¹, Alexey A. Kulpin²

¹ Saint-Petersburg Military Zhukov's Order Institute of the National Guard Troops, Saint-Petersburg, Russia

ВЕСТНИК САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ВОЕННОГО ИНСТИТУТА ВОЙСК НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ. 2024. № 2 (27). ISSN 2587-7402 (онлайн)
VESTNIK SANKT-PETERBURGSKOGO VOENNOGO INSTITUTA VOJSK NACIONAL'NOJ GWARDII. 2024;2(27). ISSN 2587-7402 (online)

² Saint-Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Saint-Petersburg, Russia

¹ docantonov@yandex.ru

² alex.kulp@yandex.ru

Abstract. This article, based on the current geopolitical situation, examines such an information threat of an extremist nature as the public dissemination of knowingly false information under Article 207.3 of the Criminal Code of the Russian Federation (hereinafter referred to as the Criminal Code of the Russian Federation) about the events and participants of a special military operation (hereinafter referred to as the SVO, special operation) on the territory of Ukraine. As part of a comprehensive study of the legal aspects of this corpus delicti, the authors pay special attention to the study of metaphor as an effective tool of manipulative influence used in faking by persons recognized as foreign agents, special services and structures of information and psychological operations aimed at discrediting the Armed Forces of the Russian Federation and its participants, destroying citizens' trust in public authorities. Special attention is paid to the study of metaphors in the speech products of distributors of fake information – typical models and techniques of manipulative use of metaphor are identified, which is of particular importance when conducting forensic examinations of the analyzed materials (this is due to the fact that a thorough study of typical metaphors, techniques and purposes of their application allows an expert to accurately distinguish statements of facts from beliefs and opinions). The authors conclude that the analysis of the metaphor of the text expands the diagnostic tools of the expert and increases the accuracy of the conclusions of the forensic examination of fake materials.

Keywords: article 207.3 of the Criminal Code of the Russian Federation, information threat to society and the state, manipulation, fake, linguistic research, metaphor, examination of fake materials

For citation: Antonov I. A., Kulpin A.A. Public dissemination of deliberately false information about the use of the Armed Forces of the Russian Federation (Article 207.3 of the Criminal Code of the Russian Federation): manipulative use of metaphor and its study during examinations in criminal cases. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta vojsk nacional'noj gvardii*. 2024;2(27): 38–47. (In Russ.). Available from: <https://vestnik-spvi.ru/2024/06/004.pdf>. EDN: COWDVQ.

© Антонов И.А., Кульпин А.А., 2024

Введение

В период перестройки мирового порядка, когда Российская Федерация отстаивает фундаментальное право на обеспечение безопасности своего народа, защиту национальных интересов и исторического статуса великой державы, особенно важно сплочение общества вокруг национальной идеи и поддержка действий государства по укреплению суверенитета и независимости страны, а именно – поддержки Вооруженных Сил Российской Федерации и других участников специальной военной операции. Только общенародное единство в понимании целей СВО обеспечит ту созидательную энергию, которая необходима для отстаивания фундаментального права России быть сильным, самостоятельным государством.

При этом нашему государству в последние годы приходится сталкиваться с мощнейшим противостоянием, с непрекращающейся информационной войной [10], в рамках которой, как показало проведенное авторами настоящей статьи исследование, метафора превратилась в один из мощнейших инструментов конструирования

социальной реальности и манипулирования общественным сознанием. В сфере политической коммуникации метафора реализует манипулятивный потенциал благодаря своей способности незаметно навязывать адресату нужную систему ценностей и смыслов. При этом она маскирует и легитимизирует скрытое воздействие на сознание субъекта, сохраняя видимость объективности за счет образности и косвенности. Именно эти качества метафоры привлекают к ее использованию лиц, признанных иностранными агентами, спецслужбы и структуры информационно-психологических операций в качестве эффективного инструмента манипулятивного воздействия, применяемого в фейкинге, имеющем целью дискредитацию Вооруженных Сил Российской Федерации и участников СВО, разрушение доверия граждан к органам государственной власти [5]. Метафора стала ключевой формой уголовно-наказуемых распространяемых фейков о спецоперации, подпадающих под действие ст. 207.3 УК РФ.

Исследование показало, что в настоящее время метафора становится

ключевым инструментом политехнологов и медиаманипуляторов, позволяя влиять на общественное мнение ненавязчивым и труднораспознаваемым способом. Схожей позиции также придерживается О. Е. Рожкова, рассматривая метафору как мощный инструмент политической риторики, позволяющий осуществлять манипуляцию общественным сознанием [17, С. 100].

М. С. С. Абуева и М. Х. Темиева к основным приемам манипулятивного использования метафоры относят:

- навешивание ярлыков – дискредитация политических оппонентов посредством разных негативных характеристик;
- эвфемизацию – смягчение неприятных явлений описательными метафорами;
- создание ложных аналогий – установление ассоциативных связей между несопоставимыми явлениями;
- апелляцию к эмоциям и инстинктам – использование метафор, актуализирующих базовые потребности и чувства;
- двусмысленность – намеренное конструирование расплывчатых метафор, допускающих широкий спектр интерпретаций [1].

При этом требуется отметить, что анализируемое преступное деяние – публичное распространение заведомо ложной информации об участниках СВО на Украине, предусмотренное ст. 207.3 УК РФ, характеризуется использованием исключительно формы категорических утверждений. Определение же наличия данной формы подачи информации входит в компетенцию экспертов при проведении судебных лингвистических экспертиз [2]. Как показало исследование, это совсем не простая задача и, наряду с решением целого ряда иных проблем, возникающих при расследовании рассматриваемого вида преступлений, изучение специфики лингвистического оформления распространяемой информации в виде метафор (далее – метафоризация) представляет важное научно-практическое значение.

Основные положения

Сама по себе метафора основана на переносе смыслов из одной концептуальной области в другую. При этом происходит наложение свойств и характеристик одного явления на другое, что порождает новые ассоциативные связи в сознании лица, воспринимающего информацию. Так, например, «политика – это война» структурирует восприятие политического процесса через призму военных действий.

В работах отечественных лингвистов выделяется ряд оснований для систематизации политических метафор [6; 14], однако мы придерживаемся следующей классификации:

По источнику метафорической экспансии:

- антропоморфные метафоры, основанные на сопоставлении политики с человеком и его деятельностью («политический лидер», «политическая борьба»);
- зооморфные метафоры, использующие образы животных («волк-одиночка в политике», «партийная хищница»);
- природоморфные метафоры, апеллирующие к явлениям и объектам природы («буря в политическом болоте», «цунами протеста»).

По характеру взаимодействия концептуальных областей:

- онтологические метафоры, отождествляющие абстрактные политические процессы с конкретными объектами и явлениями («корабль государства», «арена политики»);
- структурные метафоры, переносящие логику одной концептуальной области на другую («политическая иерархия», «механизм принятия решений»).

По прагматической направленности:

- интерпретирующие метафоры, задающие нужную трактовку политическим событиям;
- оценочные метафоры, выражающие отношение к политическим акторам и процессам;
- прогностические метафоры, моделирующие возможное развитие событий.

Отметим, что метафора, как троп, основанный на переносном употреблении слова или фразы [16], может выражать самые разные когнитивно-коммуникативные интенции – от описания и характеристики объекта до его оценки или выражения эмоционального отношения. Поэтому, на наш взгляд, данная классификация хоть и максимально отражает многообразие функций и механизмов политической метафоры, а её углубленный анализ позволяет выявить скрытые смыслы и интенции политического дискурса, но сама по себе она не дает оснований считать любую метафору утверждением.

Для определения коммуникативного статуса метафоры требуется проведение комплексного лингвистического анализа контекста ее употребления. Эксперту необходимо установить прагматическую установку автора высказывания,

проанализировать лексико-грамматические и стилистические особенности текста, выявить наличие или отсутствие модальных слов и конструкций, указывающих на степень достоверности сообщаемого [1, С. 12–13]. На основании такого исследования в ходе реализации своих специальных знаний эксперт сможет дать обоснованное заключение о коммуникативном статусе метафоры: является ли она утверждением, предположением, оценочным суждением.

При этом изучение судебно-следственной практики по уголовным делам о распространении фейковых сообщений о СВО на территории Украины, предусмотренных ст. 207.3 УК РФ, позволяет выявить использование следующих ключевых метафор:

1. Милитаристских метафор, изображающих ход спецоперации, как военную агрессию, которые выполняют ряд стратегических задач в фейковых сообщениях. Во-первых, применение лексики, связанной с военными действиями («наступление», «захват», «удары»), формирует искаженное представление о мотивах и характере спецоперации, придавая ей статус неспровоцированной агрессии. Во-вторых, военная лексика создает у аудитории ощущение угрозы, вызывая ассоциации с разрушениями и жертвами. В-третьих, изображение конфликта с использованием военной терминологии задает определенную интерпретационную рамку, предполагающую наличие врага, необходимость победы. Происходит дискредитация основной цели СВО – демилитаризация и денацификация Украины [9].

2. Мифологических метафор, которые также выполняют манипулятивные функции. Например, уподобление России мифологическому злу («силы тьмы», «мифическое чудовище») наделяет ее демоническими чертами в восприятии аудитории. Апеллируя к архетипическому представлению о борьбе добра и зла, такие метафоры подталкивают аудиторию к однозначному осуждению России. Кроме того, проводимая демонизация лишает права на понимание и оправдание своих мотивов действий.

В свою очередь деконструкция данных метафорических моделей позволяет демаскировать приемы манипулятивного воздействия фейковых сообщений и сформировать объективное восприятие ситуации. По справедливому мнению ряда учёных, интерпретация смыслов такой информации позволяет выявить её манипулятивную направленность [21, С. 75–89]. Применительно к фейкам, предусмотренным ст. 207.3 УК РФ, она состоит в следующем:

- апелляция к базовым эмоциям (страху, гневу, отвращению, презрению), что ассоциирует образ государства с образом чудовища;

- яркость и чувственная наглядность метафорических образов, которая усиливает сопереживание (например, метафора «моря крови»¹ вызывает шок и сострадание);

- моделирование эмоциональной реакции межличностного общения (гнева, презрения, ненависти) в отношении конкретной персоны (например, согласно изученным материалам уголовного дела, М. и Р. посредством использования техники трафаретной живописи создали граффити, содержащее изображение В. В. Путина в виде гибрида с А. Гитлером и лозунгом, ассоциирующим президента России с войной²);

- формирование чувства катастрофичности и неизбежности (например, относительно успехов контрнаступления Вооруженных Сил Украины и потерь с российской стороны³);

- использование эмоционально окрашенной лексики в метафорах (в частности, в таких, как «зверства», «коварство», «напасть» бойцов Вооруженных Сил Российской Федерации⁴), что усугубляет негативную тональность образов;

- создания иллюзии причастности (например, метафора «наш дом бомбят русские»⁵ вовлекает аудиторию в события на эмоциональном уровне).

В целом, как справедливо отмечают А. С. Гурова и Л. Е. Малыгина, тема метафоричности тесно сопряжена с культурой постмодернизма [12, С. 698]. Действительно, постмодернизм как направление отвергает однозначность и стремится к

¹ Уголовное дело № 1–339/2022 (2022 г.). Архив Первомайского районного суда г. Пензы.

² Уголовное дело № 1–33/2023 (2023 г.). Архив Конаковского городского суда Тверской области.

³ Уголовное дело № 1–530/2022 (2022 г.). Архив Центрального районного суда г. Сочи Краснодарского края.

⁴ Уголовное дело № 2–11/2022 (2022 г.). Архив Тюменского областного суда.

⁵ Уголовное дело № 01–0105/2023 (2023 г.). Архив Тимирязевского районного суда г. Москвы.

плюрализму смыслов, что проявляется в тяготе к метафоричности и образности языка, размыванию четкого определения понятий. Слово выходит за рамки своего непосредственного смысла и наделяется множеством потенциальных значений.

Такой подход нашел отражение в практике современных медиа, где метафора широко используется как прием создания неопределенности и многозначности [11]. Особенно это характерно для фейковых сообщений (подпадающих под действие ст. 207.3 УК РФ) субъектов, осуществляющих информационно-психологическое противоборство (в частности, это распространители фейковых новостей, лица, признанные иностранными агентами, средства массовой информации, признанные на территории Российской Федерации нежелательными организациями, а также спецслужбы и структуры информационных операций недружественных государств), которые за счет образности и ассоциативности метафор вводят в заблуждение относительно конкретных фактов. Таким образом, метафоричность языка постмодернизма действительно создает почву для манипуляций общественным сознанием. Однако распознавание приемов подобных манипуляций и критический подход к воспринимаемой информации помогают не только гражданам противостоять воздействию фейков, но и правоохранительным органам противодействовать распространению данного явления.

В частности, для сотрудников, осуществляющих мониторинг интернет-пространства⁶, критический анализ метафоричности повышает эффективность выявления признаков фейковой информации, в то время как для следователей при расследовании фейкинга, предусмотренного ст. 207.3 УК РФ, исследование использованных в информационных материалах метафор расширяет доказательную базу и облегчает установление «заведомой ложности», одного из важнейших обстоятельств, подлежащих установлению и доказыванию по рассматриваемому виду преступлений [2, С. 40].

Следует отметить, что принципы метафоричности и многозначности языка активно используются создателями фейковых

новостей в современном медиaprостранстве. Особенно это касается блогеров – одних из ключевых акторов в публичном распространении недостоверной информации. При этом данные субъекты прекрасно осведомлены о подлинных гуманитарных целях спецоперации по защите этнических русских и русскоязычного населения, считающего себя носителем русской культуры. Тем не менее они цинично игнорируют эти цели ради увеличения монетизации контента и охвата аудитории посредством сенсационных фейков. Такое заведомо ложное информирование искажает восприятие подписчиков и формирует ошибочные представления о якобы неправомерном или преступном характере СВО. Использование метафор и неоднозначности в корыстных целях оборачивается распространением опасной дезинформации и требует активных противодействующих решений правоохранительных органов.

В частности, за последние два года видеохостинг YouTube и социальная сеть «Telegram» превратились в мощные платформы для продвижения манипулятивных и деструктивных политических нарративов блогерами [13]. За счет сочетания визуальной выразительности видео и метафоричности языка они воздействуют на подсознание аудитории, навязывая «нужную» интерпретацию событий [8, С. 357]. При этом умелое использование ассоциативного и эмоционального потенциала метафор позволяет блогерам маскировать отсутствие фактических доказательств и логических оснований своих утверждений.

Использование фейкмейкерами милитаристских и демонизирующих метафор применительно к действиям России в ходе СВО призвано сформировать у российской аудитории стойкие негативные ассоциации и коннотации в отношении собственного государства и его руководства. Посредством многократного повторения образов «российской агрессии» или «варварства Кремля» происходит закрепление данных метафорических моделей и их оценочных рамок в общественном сознании. В результате этого подрывается позитивный образ Родины в глазах россиян и делается

⁶ В настоящее время функции по мониторингу сети Интернет возложены на отдельные подразделения Министерства внутренних дел Российской Федерации и Федеральной службы безопасности Российской Федерации, Следственный комитет Российской Федерации,

Генеральную прокуратуру Российской Федерации, а также на Федеральную службу по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

попытка делегитимизировать деятельность органов государственной власти [2, С. 44].

Так, например, при рассмотрении уголовного дела установлено, что «к оскорблениям и резким метафоричным выражениям часто прибегал Б., осужденный за распространение фейков о якобы ведении Российской Федерацией войны с Украиной в целях захвата ее территории. В одном из них в оскорбительной форме Б. обращался к Президенту Российской Федерации и указывал на то, что тот «предал мать-блокадницу и Родину»⁷. Данный прием установлен судом и в рамках другого уголовного дела, где «в своих речах К. ассоциировал российского президента с Адольфом Гитлером, с указанием на то, что верховный главнокомандующий сидит в своем бункере и дает указания бомбить жилые дома в мирных городах»⁸.

Исследование метафорических моделей в медиадискурсе распространителей фейков также позволяет выявить устоявшуюся технику манипулирования общественным сознанием посредством контрастного сопоставления эвфемизмов (например, «зачистка территории») и дисфемизмов (таких как «уничтожение населения», «истребление мирных жителей»), противопоставленных эвфемистическим выражениям. Применение подобных метафорических моделей направлено на искажение восприятия реальности и формирование манипулятором негативного общественного мнения. Так, эвфемистические выражения призваны смягчить и завуалировать суть происходящего, в то время как дисфемизмы, резко контрастируя с ними, стремятся шокировать аудиторию и вызвать отрицательную эмоциональную реакцию. Сопоставление стилистически противоположных метафор позволяет манипулятивно воздействовать на сознание аудитории и навязывать определенную трактовку событий, отличающуюся от реального положения вещей.

Как видно, существует широкий спектр разнообразных метафор, используемых для манипулятивного воздействия на аудиторию, но объединяет их общая военная тематика, отражающая специфику текущей ситуации. Варьирование метафорических образов позволяет поддерживать интерес аудитории, апеллировать к различным

эмоциональным и когнитивным механизмам восприятия, однако стержневая военная концептуальная метафора сохраняется в качестве семантического ядра манипулятивного воздействия.

Правоохранительные органы при противостоянии распространению фейковой информации также должны учитывать, что устойчивыми метафоричными выражениями стали формулировки, представляющие собой образный ряд. Так, например, исходя из материалов уголовного дела, в листовках, которыми художница С. заменяла этикетки на товарах, содержалась следующая информация: «Россия использует перевозные крематории. 0 цинковых гробов с телами наших сыновей будет в этот раз»⁹. В иллюстрациях художницы метафоры используются не случайным образом, а представляют собой целостную систему художественных образов, основанную на определенной метафорической модели. При этом зачастую такие выражения являются авторскими неологизмами, имеющими негативную коннотацию применительно к участникам СВО.

Проведенное исследование показало значительное распространение экспрессивно-оценочных метафор, используемых преимущественно для выявления прагматических установок автора, среди которых особо выделяются зооморфные метафоры. Подобные метафорические модели транслируют четкие и устойчивые оценочные коннотации. Хотя сами наименования животных лишены оценки, однако в случае их применения по отношению к человеку, контекст приобретает яркую оценочную окраску и может формировать негативные образы [7, С. 172]. Иными словами, перенос наименований животных на людей или социальные группы используется для выражения резко отрицательной оценки объекта метафоризации, что позволяет автору высказывания транслировать собственное негативное отношение к описываемому явлению. Так, например, как следует из материалов уголовного дела, «Н., распространивший фейковую информацию о намеренном обстреле российскими военнослужащими родильного дома в Мариуполе и убийстве мирного населения в городе Буча, в одном из своих постов писал:

⁷ Уголовное дело № 1–328/2023 (2023 г.). Архив Мытищинского городского суда Московской области.

⁸ Уголовное дело № 01–0154/2023 (2023 г.). Архив Басманного районного суда г. Москвы.

⁹ Уголовное дело № 1–82/2023 (2023 г.). Архив Василеостровского районного суда г. Санкт-Петербурга.

«...слетаются ошалевшие патриотические мухи, которых становится все больше и больше»¹⁰.

Отдельно обратим внимание на верность утверждения Л. Е. Малыгиной и Е. С. Павловой, которые указывают, что ассоциативные образы, возникающие при восприятии продуктов манипулятивного медиаконтента, оказывают крайне негативное воздействие на российскую аудиторию [15]. При этом уточним, что особенно уязвимыми являются молодые люди, которые еще не обладают достаточным критическим мышлением и жизненным опытом, чтобы распознать манипуляции. По своей сущности фейковые новости направлены на искажение восприятия подростками реальности, поощрение нетерпимости и разжигание конфликтов; внушение ложных стереотипов подрастающему поколению нацелено на подрыв доверия к институтам власти. По справедливому мнению С. П. Синявской и Е. Н. Панкова, молодые люди нередко становятся жертвами целенаправленного внушения и обмана со стороны недобросовестных распространителей фейков, что приводит к их дезориентации и социальной изоляции [19, С. 110]. В результате подростки оказываются вовлеченными в деструктивную деятельность и сами начинают публично распространять заведомо ложную информацию, предусмотренную ст. 207.3 УК РФ. Примером этого может послужить размещение школьником в социальной сети ранее опубликованной недостоверной информации «об актах насилия над мирным населением, совершенных российскими военными в процессе установления контроля над Запорожской атомной электростанцией» [20]. При рассматриваемых обстоятельствах усугубляется целый ряд проблем: от снижения эффективности защиты наших национальных интересов (в том числе связанных с проведением специальной военной операции) до роста преступности несовершеннолетних; и решать их правоохранительные органы должны ежедневно на качественно новом уровне с ориентацией на результаты настоящего исследования.

Заключение

Надлежащее противодействие публичному распространению под видом достоверных сообщений заведомо ложной информации, содержащей данные об использовании Вооруженных Сил Российской

Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, в том числе в условиях проводимой специальной военной операции, в настоящее время связано с эффективным выявлением активно распространяющейся такой формы фейковой информации, подпадающей под действие ст. 207.3 УК РФ, как метафора. В руках лиц, признанных иностранными агентами, спецслужб и иных деструктивных организаций, нацеленных на дискредитацию Вооруженных Сил Российской Федерации и участников СВО, метафора стала эффективным инструментом манипулятивного воздействия на российское общество. При этом установление противозаконного уголовно наказуемого использования метафор при описании действий Вооруженных Сил Российской Федерации и событий СВО требует от лиц, осуществляющих предварительное расследование и экспертные исследования, досконального знания типичных моделей и приемов манипулятивного использования метафоры, а также целей их применения, четкого разграничения утверждений о фактах от убеждений и мнений, так как преступное деяние – публичное распространение заведомо ложной информации, предусмотренное ст. 207.3 УК РФ, характеризуется использованием исключительно формы категорических утверждений. Всесторонний анализ метафоричности текста расширяет диагностический инструментарий эксперта и повышает точность выводов судебной экспертизы фейковых материалов.

Изучение судебно-следственной практики по уголовным делам о распространении фейковых сообщений о СВО, предусмотренных ст. 207.3 УК РФ, позволило выявить ключевые виды используемых для манипулирования общественным мнением и дискредитации Вооруженных Сил Российской Федерации метафор, которые формируют искаженное представление о мотивах и характере операции, придавая ей статус неспровоцированной агрессии, а также подталкивают к однозначному осуждению России. При этом установлено, что деконструкция используемых метафорических моделей позволяет демаскировать приемы манипулятивного воздействия фейковых сообщений и сформировать объективное восприятие ситуации (интерпретация смысла фейковой информации позволяет выявить её манипулятивную

¹⁰ Уголовное дело № 01–0001/2023 (2023 г.). Архив Басманного районного суда г. Москвы.

направленность). На это должны быть направлены сегодня усилия правоохранительных органов в тесном взаимодействии со средствами массовой информации, научным сообществом и общественными организациями. Помимо этого, в условиях стремительного развития информационно-коммуникационных технологий и нарастания потоков ложной информации в медиaprостранстве, особую актуальность приобретает задача повышения медиаграмотности не только военнослужащих [18], а всего населения. Наличие у граждан навыков критического анализа получаемой

информации, выявления манипулятивных техник и проверки достоверности распространяемых сведений будет способствовать снижению восприимчивости общества к фейкам. Кроме того, развитие медиакультуры также будет иметь важное профилактическое значение – повышение осведомленности граждан о формах распространения заведомо ложных сведений позволит им оперативно выявлять подобные факты и информировать правоохранительные органы о совершении преступлений, предусмотренных ст. 207.3 УК РФ.

Список источников

1. Абуева М. С. С. Метафора как способ манипуляции в политических текстах / М. С. С. Абуева, М. Х. Темиева // Балтийский гуманитарный журнал. 2020. Т. 9. № 2 (31). С. 229–232.
2. Антонов О. Ю. Проблемы назначения судебной лингвистической экспертизы в ходе расследования преступлений, предусмотренных ст. 207.3, 280.3 Уголовного кодекса Российской Федерации, и пути их решения / О. Ю. Антонов, Т. А. Сааков // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2023. № 4 (42). С. 78–85.
3. Галяшина Е. И. Индикаторы фейковизации поликодовых текстов в контексте выявления недостоверной информации в Интернете / Е. И. Галяшина, К. М. Богатырев // Эксперт-криминалист. 2023. № 2. С. 11–14.
4. Данилова Н. А. Обстоятельства, подлежащие установлению в ходе расследования публичного распространения заведомо ложной информации о действиях Вооруженных Сил Российской Федерации и иных участников специальной военной операции на территории Украины (ст. 207.3 Уголовного кодекса Российской Федерации) / Н. А. Данилова, А. А. Кульпин // Криминалистика. 2023. № 4 (45). С. 38–45.
5. Данилова Н. А. Публичное распространение заведомо ложной информации об участниках специальной военной операции на территории Украины – угроза национальной безопасности Российской Федерации / Н. А. Данилова, А. А. Кульпин // Межгосударственное противоборство в условиях глобализации и его влияние на управление национальной обороной Российской Федерации. М. : Издательский Дом «УМЦ», 2023. С. 163–168.
6. Ильясова Р. С. К вопросу о лингвистической трактовке метафоры // Мир науки, культуры, образования. 2021. № 6 (91). С. 550–552.
7. Кортава Т. В. Русский язык и культура речи. М. : МАКС Пресс, 2012. 273 с.
8. Кульпин А. А. Использование высоких технологий для публичного распространения заведомо ложной информации, предусмотренной ст. 207.3 Уголовного кодекса Российской Федерации // Вопросы Российской юстиции. 2023. № 26. С. 356–364.
9. Котова Е. Путин назвал целью СВО прекращение полномасштабных боевых действий, которые идут в Донбассе с 2014 года // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2023/01/18/reg-szfo/putin-nazval-celiu-svo-prekrashchenie-polnomasshtabnyh-boevykh-dejstvij-kotorye-idut-v-donbasse-s-2014-goda.html> (дата обращения: 19.01.2024).
10. Липатов Ю. Об информационной войне, развязанной против России, большой разговор президента с участниками Совета безопасности // Первый канал. URL: https://www.1tv.ru/news/2022-05-20/429274-ob-informatsionnoy_voynе_razvyazannoy_protiv_rossii_bolshoy_razgovor_prezidenta_s_uchastnikami_soveta_bezopasnosti (дата обращения: 01.02.2024).
11. Мальцева Р. И. Метафоры новых медиа: производство неореальности // Слово – дискурс – медиа: смыслы, роли и когниции: Сборник трудов, посвященный юбилею профессора Р. И. Мальцевой. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2018. С. 192–201.
12. Малыгина Л. Е. Метафоризация в дискурсе иноагентов как способ искаженного описания действительности / Л. Е. Малыгина, А. С. Гурова // Медиалингвистика: материалы VII Международной конференции. СПб., 2023. С. 697–701.

13. Мартянов Д. С. Виртуальные сообщества в блогах: практика взаимодействия с политическими акторами // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2007. Т. 13. № 36. С. 67–75.
14. Никифорова Л. В. Политические метафоры и репутационный образ власти: опыт классификации данных социологического опроса / Л. В. Никифорова, Н. Н. Розанова // Научный диалог. 2022. Т. 11. № 8. С. 56–74.
15. Павлова Е. С. Проблемы лингвобезопасности в современном медиадискурсе / Е. С. Павлова, Л. Е. Малыгина // Риторика и речесоммуникативные дисциплины в науке и практике современного общества: материалы XXV международной научной конференции по риторике. М., 2022. С. 357–362.
16. Петрова З. Ю. «Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XX вв.» и их использование в лингвистических исследованиях // Вопросы психолингвистики. 2015. № 25. С. 251–264.
17. Рожкова О. Е. Метафоры в политическом дискурсе // Вопросы когнитивной лингвистики. 2005. № 1 (2). С. 99–101.
18. Савушкина М. А. Формирование у военнослужащих навыков верификации фейков посредством мероприятий военно-политической работы // Военно-политическая работа в Вооруженных силах Российской Федерации: история и современность: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Омск, 2023. С. 143–149.
19. Синявская С. П. Особенности анализа экстремистского дискурса на современном этапе / С. П. Синявская, Е. Н. Панкова // Криминалист. 2022. № 2 (39). С. 110–115.
20. Слепухина Л. В Новосибирске суд прекратил дело школьника, обвиненного в фейках об армии // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5652113> (дата обращения 25.01.2024).
21. Фейковизация как средство информационной войны в интернет-медиа: научно-практическое пособие / Е. И. Галяшина, В. Д. Никишин, К. М. Богатырев, Е. Г. Пфейфер. М. : Блок-Принт, 2023. 144 с.

References

1. Abueva M. S. S. Metaphor as a method of manipulation in political texts / M. S. S. Abueva, M. H. Temieva // Baltijskij gumanitarnyj zhurnal. 2020. T. 9. № 2 (31). S. 229–232. (In Russ.).
2. Antonov O. Yu. Problems of assigning a forensic linguistic examination during the investigation of crimes under Art. 207.3, 280.3 of the Criminal Code of the Russian Federation, and ways to solve them / O. Yu. Antonov, T. A. Saakov // Rassledovanie prestuplenij: problemy i puti ih resheniya. 2023;4 (42): 78–85. (In Russ.).
3. Galyashina E. I. Indicators of falsification of polycode texts in the context of identifying unreliable information on the Internet / E. I. Galyashina, K. M. Bogatyrev // Ekspert-kriminalist. 2023;2: 11–14. (In Russ.).
4. Danilova N. A. Circumstances to be established during the investigation of the public dissemination of knowingly false information about the actions of the Armed Forces of the Russian Federation and other participants in a special military operation on the territory of Ukraine (Article 207.3 of the Criminal Code of the Russian Federation) / N. A. Danilova, A. A. Kul'pin // Kriminalist". 2023;4 (45): 38–45. (In Russ.).
5. Danilova N. A. Public dissemination of deliberately false information about participants in a special military operation on the territory of Ukraine is a threat to the national security of the Russian Federation / N. A. Danilova, A. A. Kul'pin // Mezghosudarstvennoe protivoborstvo v usloviyah globalizacii i ego vliyanie na upravlenie nacional'noj oboronoj Rossijskoj Federacii. M. : Izdatel'skij Dom «UMC», 2023. S. 163–168. (In Russ.).
6. Il'yasova R. S. On the issue of linguistic interpretation of metaphor // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. 2021;6 (91): 550–552. (In Russ.).
7. Kortava T. V. Russkij yazyk i kul'tura rechi. M. : MAKSS Press, 2012. 273 s. (In Russ.).
8. Kul'pin A. A. The use of high technologies for public dissemination of deliberately false information provided for in Art. 207.3 of the Criminal Code of the Russian Federation // Voprosy Rossijskoj yusticii. 2023;26: 356–364. (In Russ.).
9. Kotova E. Putin nazval cel'yu SVO prekrashchenie polnomasshtabnyh boevyh dejstvij, kotorye idut v Donbasse s 2014 goda // Rossijskaya gazeta. Available from: <https://rg.ru/2023/01/18/reg-szfo/putin-nazval-celiu-svo-prekrashchenie-polnomasshtabnyh-boevyh-dejstvij-kotorye-idut-v-donbasse-s-2014-goda.html> (data obrashcheniya: 19.01.2024). (In Russ.).

10. Lipatov Yu. Ob informacionnoj vojne, razvyazannoj protiv Rossii, bol'shoj razgovor prezidenta s uchastnikami Soveta bezopasnosti // Pervyj kanal. Available from: https://www.1tv.ru/news/2022-05-20/429274-ob_informatsionnoj_vojne_razvyazannoj_protiv_rossii_bolshoy_razgovor_prezidenta_s_uchastnika_mi_soveta_bezopasnosti (data obrashcheniya: 01.02.2024). (In Russ.).
11. Mal'ceva R. I. Metafory novyh media: proizvodstvo neoreal'nosti // Slovo – diskurs – media: smysly, roli i kognicii: sbornik trudov, posvyashchennyj yubileyu professora R. I. Mal'cevoj. Krasnodar: Kubanskij gosudarstvennyj universitet, 2018. S. 192–201. (In Russ.).
12. Malygina L. E. Metaforizaciya v diskurse inoagentov kak sposob iskazhennogo opisaniya dejstvitel'nosti / L. E. Malygina, A. S. Gurova // Medialingvistika: materialy VII Mezhdunarodnoj konferencii. SPb., 2023. S. 697–701. (In Russ.).
13. Mart'yanov D. S. Virtual communities on blogs: the practice of interaction with political actors // Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena. 2007. T. 13;36: 67–75. (In Russ.).
14. Nikiforova L. V. Political metaphors and the reputational image of power: experience in classifying sociological survey data / L. V. Nikiforova, N. N. Rozanova // Nauchnyj dialog. 2022. T. 11;8: 56–74. (In Russ.).
15. Pavlova E. S. Problemy lingvobezopasnosti v sovremennom mediadiskurse / E. S. Pavlova, L. E. Malygina // Ritorika i rechekommunikativnye discipliny v nauke i praktike sovremennogo obshchestva: materialy XXV mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii po ritorike. M., 2022. S. 357–362. (In Russ.).
16. Petrova Z. Yu. "Materials for the dictionary of metaphors and comparisons of Russian literature of the 19th–20th centuries." and their use in linguistic research // Voprosy psiholingvistiki. 2015;25: 251–264. (In Russ.).
17. Rozhkova O. E. Metaphors in political discourse // Voprosy kognitivnoj lingvistiki. 2005;1 (2): 99–101. (In Russ.).
18. Savushkina M. A. Formirovanie u voennoslužhashchih navykov verifikacii fejkov posredstvom meropriyatij voenno-politicheskoj raboty // Voенно-politicheskaya rabota v Vooruzhennyh silah Rossijskoj Federacii: istoriya i sovremennost': materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Omsk, 2023. S. 143–149. (In Russ.).
19. Sinyavskaya S. P. Features of the analysis of extremist discourse at the present stage / S. P. Sinyavskaya, E. N. Pankova // Kriminalist". 2022;2 (39): 110–115. (In Russ.).
20. Slepuhina L. V. Novosibirskie sud prekratil delo shkol'nika, obvinennogo v fejkah ob armii // Kommersant". Available from: <https://www.kommersant.ru/doc/5652113> (data obrashcheniya 25.01.2024). (In Russ.).
21. Fejkovizaciya kak sredstvo informacionnoj vojny v internet-media: nauchno-prakticheskoe posobie / E. I. Galyashina, V. D. Nikishin, K. M. Bogatyrev, E. G. Pfejfer. M. : Blok-Print, 2023. 144 s. (In Russ.).

Информация об авторе

И. А. Антонов – доктор юридических наук, профессор

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 15.02.2024; одобрена после рецензирования 15.04.2024; принята к публикации 20.06.2024.

Information about the author

I. A. Antonov – Doctor of Sciences (Law), Professor

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 15.02.2024; approved after reviewing 15.04.2024; accepted for publication 20.06.2024.

Научная статья

УДК 343.721
EDN: EUMAXLУГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА МОШЕННИЧЕСТВА
В СФЕРЕ P2P-КРЕДИТОВАНИЯ**Мовлад Хасиевич Гельдибаев¹, Айнур Тагирович Мурсалимов²**¹ Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии, Санкт-Петербург, Россия¹ Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия, Санкт-Петербург, Россия² Уфимский юридический институт МВД России, Уфа, Россия¹ geldibaev@mail.ru² bagautdinov93@yandex.ru

Аннотация. В научной статье рассматривается P2P-кредитование населения России, путем использования новых (цифровых) общественных отношений, не регулируемых национальным законодательством. Наличие неконтролируемых финансовых потоков, нормативно не регулируемых общественных отношений в сфере кредитования создают угрозу безопасности человека, общества и государства. В рамках исследования дана юридическая оценка функционирующей деятельности в сфере пирингового кредитования, проведен анализ судебной практики по оценке электронных договоров пиринга и предложено авторское видение решения имеющейся проблемы регулирования общественных отношений в сфере кредитования.

Ключевые слова: национальная безопасность, P2P-кредитование, пиринговое кредитование, электронные сделки, защита собственности, финансы, экономика, цифровизация общества, уголовная ответственность, мошенничество

Для цитирования: Гельдибаев М.Х., Мурсалимов А.Т. Уголовно-правовая характеристика мошенничества в сфере P2P-кредитования // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2024. № 2 (27). С. 48–54. URL: <https://vestnik-spvi.ru/2024/06/005.pdf>. EDN: EUMAXL.

Original article

CRIMINAL LAW CHARACTERISTICS OF FRAUD IN THE FIELD OF P2P LENDING

Movlad Kh. Geldibaev¹, Ainur T. Mursalimov²¹ Saint-Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard Troops, Saint-Petersburg, Russia¹ Northwestern Branch of the Russian State University of Justice, Saint-Petersburg, Russia² Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ufa, Russia¹ geldibaev@mail.ru² bagautdinov93@yandex.ru

Abstract. The scientific article examines P2P lending to the Russian population through the use of new (digital) public relations that are not regulated by national legislation. The presence of uncontrolled financial flows and unregulated public relations in the field of lending pose a threat to human security, society and the state. As part of the study, a legal assessment of functioning activities in the field of peer-to-peer lending is given, an analysis of judicial practice on the evaluation of electronic peer-to-peer agreements is carried out and an author's vision of solving the existing problem of regulating public relations in the field of lending is proposed.

Keywords: national security, P2P lending, peer-to-peer lending, electronic transactions, property protection, finance, economics, digitalization of society, criminal liability, fraud

For citation: Geldibaev M.Kh., Mursalimov A.T. Criminal law characteristics of fraud in the field of P2P lending. Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta vojsk nacional'noj gvardii. 2024;2(27): 48–54. (In Russ.). Available from: <https://vestnik-spvi.ru/2024/06/005.pdf>. EDN: EUMAXL.

© Гельдибаев М.Х., Мурсалимов А.Т., 2024

Введение

Цифровизация общества привела к трансформации общественных отношений и внедрила новые технологии в быт населения России [15]. Сегодня никто не может представить жизнь без онлайн-банкинга, цифровой социальной инженерии и телекоммуникационных систем связи. Развитие онлайн-банкинга позволяет населению Российской Федерации использовать дистанционные технологии для получения услуг по заключению договоров кредитования. Альтернативным способом кредитования физических и юридических лиц [17], а также способом инвестирования сегодня выступает пиринговое или P2P-кредитование, которое возникло как новое общественное отношение в 2005 году [9].

В России первый подобный сервис по предоставлению услуг пирингового кредитования начал свою деятельность в 2011 году [10]. Новые общественные отношения несут в себе не только положительные аспекты, но, к сожалению, и угрожают безопасности в сфере собственности, в частности кредитных отношений, создавая коллизию в правовом регулировании и привлекая недобросовестных кредитодателей и кредитополучателей. Информационно-коммуникационные технологии устранили барьеры для входа на незаконные рынки [18]. Люди больше не ограничены географическим местоположением, они могут быть частью организованной преступной группы из любой точки мира [11].

Кроме того, в настоящее время технологии позволяют злоумышленникам использовать лиц, проживающих на территории государства и имеющих банковские счета, в качестве дропперов (подставных лиц, задействованных в легализации средств, добытых преступным путем) [19]. При P2P-кредитовании инициатором по перечислению незаконно добытых средств выступает само кредитруемое лицо, не осознавая, что самостоятельно подписывает договор о сотрудничестве с преступником, осуществляя вывод средств на свою карту и их легализацию. Кредитор также может быть привлечен на территории государства к ответственности за финансирование действий, оцениваемых государством как преступные. Кредитор, не осознавая, может осуществить кредитование террористов или финансовую поддержку вооруженных сил, частных военных кампаний, добровольческих формирований противника.

Таким образом, представляется актуальным проанализировать систему P2P-

кредитования с точки зрения законности и наличия рисков для обычного пользователя (обывателя), а также установить уголовно-правовые риски привлечения к ответственности за необдуманные действия при осуществлении вышеобозначенного вида выдачи займа.

Основные положения

В настоящее время система пирингового кредитования продолжает развиваться и подразделяется на 4 вида: P2P; B2P; B2B; P2B.

В первом случае сторонами договора кредитования выступают два физических лица, во втором случае – кредитором является юридическое лицо, выделяющее денежные средства физическому лицу, в третьем случае сторонами договора являются юридические лица, в четвертом – физическое лицо является кредитором по отношению к юридическому лицу. В качестве предмета договора P2P-кредитования могут выступать не только фиатные (фидуциарные) деньги, но и цифровые валютные активы.

Характерным при заключении договора пирингового кредитования является отсутствие долгих проверок. Сайты или организации, предоставляющие услуги по данному виду кредитования, зарабатывают на комиссиях, не вкладывая свой капитал в кредитование. При этом и вкладчиком и получателем займовых средств выступают лица, которые обращаются к посреднику и платят за это комиссию.

Правовая оценка действий по пиринговому кредитованию неоднозначна, так же как и подход судов к оценке действий по P2P-кредитованию.

Во-первых, на пиринговое кредитование распространяет свое действие статья 807 Гражданского кодекса Российской Федерации (договор займа) [1]. Платформы по пиринговому кредитованию пользуются данной правовой нормой в целях уклонения от необходимости получения обязательной лицензии на осуществление банковской деятельности [20]. Отсутствие четкой правовой грани между договором кредитования и займа позволяет осуществлять получение денежных средств в долг под проценты в обход обязательных правил, установленных государством [8].

Во-вторых, правовой аспект предусматривает, что согласно статье 819 Гражданского кодекса Российской Федерации по договору кредитования кредитором выступает банк или иная кредитная организация [1]. Ни одно юридическое лицо в Российской Федерации, за исключением юридического

лица, получившего от Банка России лицензию на осуществление банковских операций, не может использовать в своем фирменном наименовании слова «банк», «кредитная организация» или иным образом указывать на то, что данное юридическое лицо имеет право на осуществление банковских операций [21].

В-третьих, пиринговое кредитование не ограничивается только выдачей займов и кредитованием, но также осуществляет конвертацию российской валюты в виде рубля в криптовалюту и наоборот криптовалюту – в рубли. При этом Федеральный закон от 31 июля 2020 года № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» признает криптовалюту в качестве имущества [3]. При этом доход от продажи криптовалюты облагается налогом. Однако следует отметить, что осуществлять оплату услуг, товаров криптовалютой недопустимо, так как она не является средством платежа [16]. Непризнание в качестве средства платежа криптовалюты не влечет за собой привлечения к ответственности лиц, осуществляющих оплату услуг, товаров средством, не признанным платежным. Рыночная экономика позволяет оплачивать товары и услуги бартерным путем, не предусматривая за данные действия какие-либо виды ответственности [21]. Оплата товара или услуг криптовалютой может быть расценена в данном случае как бартерные общественные отношения [2].

В настоящее время физические и юридические лица, используя коллизии в праве, получают кредиты в криптовалюте, избегая необходимости приобретения лицензии для банковской или валютной операции. Неисполнение одной из сторон обязательств по договору негативно сказывается на конституционном праве граждан на неприкосновенность собственности [15]. Законодательство России признает криптовалюту в качестве собственности, следовательно, и кредит, выданный в криптовалюте, может быть расценен как займ имущества (вещи). Сама платформа по P2P-кредитованию является лишь способом цифровой коммуникации, за которое отдельным договором предусмотрено вознаграждение. P2P-кредитование не оговаривает предмет договора займа, эквивалентом которого могут выступать рубли или иная валюта, криптовалюта. Кроме того, предмет P2P-кредитования может быть и незаконно приобретенным. Данный факт подтвержден судебной практикой. Так, например, согласно материалам уголовного дела

23 февраля 2022 года гражданин Е. совершил очередную сделку: продал рублевый код на 900 000 рублей. Деньги за продажу поступили на карту ПАО «Сбербанк», которая принадлежала девушке гражданина Е. После этого карту заблокировали. Оказалось, что сумма, которую получил Евдокимов за сделку, была похищена телефонными мошенниками (схема со звонком из «Службы безопасности» крупного банка и просьбой перевести средства на «Безопасный счет»). Жертва мошенников перечислила деньги на счет некоего лица С. Его карту преступники использовали для кражи денег, а сам С. получал за это небольшой процент. Именно со счета С. деньги поступили на карту девушки гражданина Е. [14].

Проблемной, с точки зрения уголовно-правовых наук, остается невозможность точной идентификации криптокошелька и прикрепления его к конкретному физическому или юридическому лицу, что таит в себе следующие риски [5]:

1) уклонение от налогообложения – при выдаче займа под проценты анонимный пользователь не исполняет надлежащим образом свои обязательства перед государством;

2) отсутствие информации об источнике происхождения финансовых средств – займодавец может финансировать преступников, либо получать деньги, добытые преступным путем;

3) проблемность доказывания принадлежности конкретному лицу данного криптокошелька – отсутствие привязки к персональным данным личности не позволяет использовать нормы закона для принуждения лица выполнить взятые на себя обязательства;

4) отсутствие гарантии возврата кредита, полученного в криптовалюте – на рынке P2P-кредитования кроме добросовестных пользователей имеются и злоумышленники, которые хотят получить денежные средства и не возвращать их, большая часть из которых зависима от азартных игр или наркотических, психотропных веществ, их аналогов;

5) волатильность курса и отсутствие каких-либо гарантий – так сегодня вы за полученный кредит можете купить автомобиль, а завтра – плитку шоколада, а послезавтра – квартиру.

Касаемо заключения договоров кредитования также имеются правовые риски. Заключение договора кредитования с банком или кредитной организацией, имеющей лицензию Центрального банка России, позволяет с уверенностью судить о законности денежных средств, перечисляемых на ваш

расчетный счет. Ситуация же с пиринговым кредитованием неоднозначна. Клиент не знает, кто и какие деньги перечисляет на счет и не осознает законно они заработаны или добыты преступным путем. Законодательство не определяет и конкретного субъекта, ответственного за проверку законности и легальности расчетов [4].

Фактически платформы по P2P-кредитованию осуществляют дистанционные услуги кредитования граждан России с помощью телекоммуникационных систем, используя имеющиеся коллизии в праве, создавая неконтролируемые финансовые потоки, посягая на конституционное право на неприкосновенность собственности и национальную безопасность в целом [6].

С одной стороны, мнимое ощущение получения большой доходности движет витально настроенным слоем населения, побуждая их выступить в качестве кредитора по P2P-кредитованию на платформе путем осуществления оплаты за возможность доступа к потенциальным клиентам.

С другой стороны, клиенты по P2P-кредитованию на платформе заключают договор по явно завышенным процентным ставкам без предварительного анализа их платежеспособности, что также создает угрозу признания их несостоятельными (банкротами). Таким образом, кредитор и кредитуемое лицо, используя платформы пирингового кредитования, создают для себя потенциальную экономическую угрозу, при этом обогащая лишь держателя платформы, не несущего никакой ответственности за последствия заключения договоров P2P-кредитования в обход действующего законодательства России. Отсутствие нормативно-правового регулирования отношений по пиринговому кредитованию создает угрозу национальной и экономической безопасности личности, общества и государства [7].

Методы

В рамках исследования проведен поиск и анализ новых общественных отношений в

виде P2P-кредитования, дана юридическая оценка пиринговому кредитованию, проведен анализ судебно-следственной практики. Кроме того, использованы диалектический, логический методы познания и мониторинг сайтов по предоставлению услуг P2P-кредитования в информационно-телекоммуникационной сети.

Результаты

Взаимодействие населения и цифровых технологий на финансовом рынке активно и динамично развивается, при этом достижение определенных масштабов может оказаться критичным с точки зрения финансовой стабильности [3].

С правовой точки зрения, предлагается создать правовую основу, не допускающую осуществление P2P-кредитования без регистрации и наличия лицензии, по аналогии с микрофинансовыми организациями.

С организационной точки зрения, каждое государство имеет свою территорию и защищает его от посягательств извне [13]. Так, Россия имеет в рамках земного пространства сухопутные границы, водного пространства – водные границы, воздушного пространства – воздушные границы. Появление цифрового пространства требует от государства создания новых границ – цифровых. Нарушение цифровых границ путем обхода должно рассцениваться как нарушение законодательства и предусматривать ответственность в зависимости от наступивших последствий – уголовную либо административную [12].

Подводя итог, отметим, что новые отношения функционируют уже сегодня. Промедление со стороны законодательной власти в правовом регулировании цифровых отношений создает угрозы для национальной, информационной, социальной и экономической безопасности, ставя под удар право на неприкосновенность, права на собственность личности, общества и государства уже сегодня. Эпоха цифровых отношений не терпит промедлений, мотивируя к неординарным, но взвешенным решениям.

Список источников

1. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 16.12.2019) (Ч. I) // Российская газета. 1994. 8 декабря.
2. О потребительском кредите (займе): федеральный закон Российской Федерации от 21 декабря 2013 г. № 353-ФЗ // Российская газета. 2013. 23 декабря.
3. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон Российской Федерации от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ // Российская газета. 2020. 6 августа.
4. О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма: федеральный закон Российской Федерации от 07 августа 2001 г. № 115-ФЗ // Российская газета. 2001. 9 августа.

5. Болданкова Ю. А. Кредитование физических лиц в России // Наука, образование и культура. 2017. № 2 (17). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kreditovanie-fizicheskikh-lits-v-rossii> (дата обращения: 12.02.2024).
6. Борисов А. Б. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации части четвертой (постатейный). Правовое регулирование отношений в сфере интеллектуальной собственности с постатейными материалами и практическими разъяснениями. М. : Книжный мир, 2007. 288 с.
7. Гущина Т. С. P2P Кредитование: современные тенденции развития и правовое обеспечение в России / Т. С. Гущина, И. А. Федорова // Электронный сборник статей по материалам CLIV студенческой международной научно-практической конференции. М. : Изд-во «МЦНО». 2022. № 3 (154). С. 60–65. URL: [https://nauchforum.ru/archive/MNF_interdisciplinarity/3\(154\).pdf](https://nauchforum.ru/archive/MNF_interdisciplinarity/3(154).pdf) (дата обращения: 12.02.2024).
8. Евлахова Ю. С. Типология индикаторов оценки взаимодействия населения и цифровых технологий на финансовом рынке в контексте финансовой стабильности // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tipologiya-indikatorov-otsenki-vzaimodeystviya-naseleniya-i-tsifrovyyh-tehnologiy-na-finansovom-rynke-v-kontekste-finansovoy> (дата обращения: 26.01.2024).
9. Казаченок О. П. Взаимное (P2P) кредитование как современный инструмент альтернативного финансирования // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2018. № 10 (50). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimnoe-p2p-kreditovanie-kak-sovremennyy-instrument-alternativnogo-finansirovaniya> (дата обращения: 26.01.2024).
10. Кибермафия. Мировые тенденции и международное противодействие: монография / Ю. Н. Жданов, С. К. Кузнецов, В. С. Овчинский. М. : Норма, 2022. 184 с. DOI 10.12737/1864981.
11. Комельков М. В. P2p кредитование: альтернативный подход к долговому рынку // Научные записки молодых исследователей. 2017. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/p2p-kreditovanie-alternativnyy-podhod-k-dolgovomu-rynku> (дата обращения: 12.03.2024).
12. Лутфуллина В. В. Цифровизация розничного кредитования: проблемы и перспективы // Вестник науки и образования. 2020. № 11-2 (89). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-roznichnogo-kreditovaniya-problemy-i-perspektivy> (дата обращения: 12.02.2024).
13. Минюк А. А. Кредитование юридических лиц в современных условиях // Инновационная наука. 2017. № 11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kreditovanie-yuridicheskikh-lits-v-sovremennykh-usloviyakh> (дата обращения: 12.02.2024).
14. Новоселова Л. А. Практика рассмотрения коммерческих споров: Анализ и комментарии постановлений Пленума и обзоров Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. Вып. 17. М. : Статут, 2011. 293 с.
15. Петросян Л. К. Учение Иммануила Канта о свободе личности как основа трансцендентальной теории философии и права / Л. К. Петросян, А. А. Пономарев // Правовое государство: теория и практика. 2017. № 2 (48). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/uchenie-immanuila-kanta-o-svobode-lichnosti-kak-osnova-transtsendentalnoy-teorii-filosofii-i-prava> (дата обращения: 12.02.2024).
16. Право цифровой среды: монография / под ред. Т. П. Подшивалова, Е. В. Титовой, Е. А. Громовой. М. : Проспект, 2022. 896 с. ISBN 978-5-392-36023-9.
17. Развитие альтернативных механизмов инвестирования: прямые инвестиции и краудфандинг Доклад для общественных консультаций. URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/112055/Consultation_Paper_200811.pdf (дата обращения: 25.11.2021).
18. Соколов Ю. В. Особенности заключения договора займа между физическим лицом-заемщиком и ломбардом при залоге вещей в ломбарде // Юридическая наука. 2022. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-zaklyucheniya-dogovora-zauma-mezhdu-fizicheskim-litsom-zaemshikom-i-lombardom-pri-zaloge-veschey-v-lombarde> (дата обращения: 12.03.2024).
19. Старовойтова А. С. Заем цифровых денег: проблемы правовой квалификации // LexRussica. 2022. № 10 (191). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zaem-tsifrovyyh-deneg-problemy-pravovoy-kvalifikatsii> (дата обращения: 12.03.2024).
20. Цыбиков Б. Б. Современные проблемы лицензирования банковской деятельности в Российской Федерации / Б. Б. Цыбиков, С. Ц. Гомбоева // Трансграничная безопасность и государство в современном мире: материалы международной научно-практической конференции. 2016. Т. 1. С. 134–138.
21. Шайдуллина В. К. Проблемы правового регулирования P2P-кредитования в Российской Федерации // Общество: политика, экономика, право. 2018. № 5 (58). С. 96–99.

References

1. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii ot 30 noyabrya 1994 g. № 51-FZ (red. ot 16.12.2019) (Ch. I) // Rossijskaya gazeta. 1994. 8 dekabrya.
2. O potrebitel'skom kredite (zajme): federal'nyj zakon Rossijskoj Federacii ot 21 dekabrya 2013 g. № 353-FZ // Rossijskaya gazeta. 2013. 23 dekabrya.
3. O cifrovyyh finansovyh aktivah, cifrovoj valyute i o vnesenii izmenenij v otдел'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii : federal'nyj zakon Rossijskoj Federacii ot 31 iyulya 2020 g. № 259-FZ // Rossijskaya gazeta. 2020. 6 avgusta.
4. O protivodejstvii legalizacii (otmyvaniyu) dohodov, poluchennyh prestupnym putem, i finansirovaniyu terrorizma: federal'nyj zakon Rossijskoj Federacii ot 07 avgusta 2001 g. № 115-FZ // Rossijskaya gazeta. 2001. 9 avgusta.
5. Boldankova Yu. A. Lending to individuals in Russia // Nauka, obrazovanie i kul'tura. 2017;2 (17). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/kreditovanie-fizicheskikh-lits-v-rossii> (data obrashcheniya: 12.02.2024). (In Russ.).
6. Borisov A. B. Kommentarij k Grazhdanskomu kodeksu Rossijskoj Federacii chasti chetvertoj (postatejnyj). Pravovoe regulirovanie otnoshenij v sfere intellektual'noj sobstvennosti s postatejnymi materialami i prakticheskimi raz'yasneniyami. M. : Knizhnyj mir, 2007. 288 s. (In Russ.).
7. Gushchina T. S. P2P Kreditovanie: sovremennye tendencii razvitiya i pravovoe obespechenie v Rossii / T. S. Gushchina, I. A. Fedorova // Elektronnyj sbornik statej po materialam SLIV studencheskoj mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. M. : Izd-vo «MCNO». 2022. № 3 (154). S. 60–65. Available from: [https://nauchforum.ru/archive/MNF_interdisciplinarity/3\(154\).pdf](https://nauchforum.ru/archive/MNF_interdisciplinarity/3(154).pdf) (data obrashcheniya: 12.02.2024). (In Russ.).
8. Evlahova Yu. S. Typology of Indicators for Assessing the Interaction of the Population and Digital Technologies in the Financial Market in the Context of Financial Stability // Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski. 2023;3. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/tipologiya-indikatorov-otsenki-vzaimodeystviya-naseleniya-i-tsifrovyyh-tehnologiy-na-finansovom-rynke-v-kontekste-finansovoy> (data obrashcheniya: 26.01.2024). (In Russ.).
9. Kazachenok O. P. Peer-to-peer (P2P) lending as a modern alternative finance tool // Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina. 2018;10 (50). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimnoe-p2p-kreditovanie-kak-sovremennyy-instrument-alternativnogo-finansirovaniya> (data obrashcheniya: 26.01.2024). (In Russ.).
10. Kibermafiya. Mirovye tendencii i mezhdunarodnoe protivodejstvie: monografiya / Yu. N. Zhdanov, S. K. Kuznecov, V. S. Ovchinskij. M. : Norma, 2022. 184 s. DOI 10.12737/1864981. (In Russ.).
11. Komel'kov M. V. P2P Lending: An Alternative Approach to the Debt Market // Nauchnye zapiski molodyh issledovatelej. 2017;5. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/p2p-kreditovanie-alternativnyy-podhod-k-dolgovomu-rynku> (data obrashcheniya: 12.03.2024). (In Russ.).
12. Lutfullina V. V. Digitalization of Retail Lending: Problems and Prospects // Vestnik nauki i obrazovaniya. 2020;11-2 (89). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-roznicnogo-kreditovaniya-problemy-i-perspektivy> (data obrashcheniya: 12.02.2024). (In Russ.).
13. Minyuk A. A. Lending to Legal Entities in Modern Conditions // Innovacionnaya nauka. 2017;11. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/kreditovanie-yuridicheskikh-lits-v-sovremennyh-usloviyah> (data obrashcheniya: 12.02.2024). (In Russ.).
14. Novoselova L. A. Praktika rassmotreniya kommercheskih sporov: Analiz i kommentarii postanovlenij Plenuma i obzorov Prezidiuma Vysshego Arbitrazhnogo Suda Rossijskoj Federacii. Vyp. 17. M. : Statut, 2011. 293 s. (In Russ.).
15. Petrosyan L. K. Immanuel Kant's Doctrine of Individual Freedom as the Basis of the Transcendental Theory of Philosophy and Law / L. K. Petrosyan, A. A. Ponomarev // Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika. 2017;2 (48). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/uchenie-immanuila-kanta-o-svobode-lichnosti-kak-osnova-transtsendentalnoy-teorii-filosofii-i-prava> (data obrashcheniya: 12.02.2024). (In Russ.).
16. Pravo cifrovoj sredy: monografiya / pod red. T. P. Podshivalova, E. V. Titovoj, E. A. Gromovoj. M. : Prospekt, 2022. 896 s. ISBN 978-5-392-36023-9. (In Russ.).
17. Razvitie al'ternativnyh mekhanizmov investirovaniya: pryamye investicii i kraudfanding Doklad dlya obshchestvennyh konsul'tacij. Available from: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/112055/Consultation_Paper_200811.pdf (data obrashcheniya: 25.11.2021). (In Russ.).
18. Sokolov Yu. V. Features of concluding a loan agreement between an individual borrower and a pawnshop when pledging things in a pawnshop // Yuridicheskaya nauka. 2022. № 6. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-zaklyucheniya-dogovora-zayma-mezhdu>

fizicheskim-litsom-zaemshikom-i-lombardom-pri-zaloge-veschey-v-lombarde (data obrashcheniya: 12.03.2024). (In Russ.).

19. Starovojtova A. S. Lending Digital Money: Problems of Legal Qualification // LexRussica. 2022;10 (191). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/zaem-tsifrovyyh-deneg-problemy-pravovoy-kvalifikatsii> (data obrashcheniya: 12.03.2024). (In Russ.).

20. Cybikov B. B. Sovremennye problemy licenzirovaniya bankovskoj deyatel'nosti v Rossijskoj Federacii / B. B. Cybikov, S. C. Gomboeva // Transgranichnaya bezopasnost' i gosudarstvo v sovremennom mire: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. 2016. T. 1. S. 134–138. (In Russ.).

21. Shajdullina V. K. Problems of Legal Regulation of P2P Lending in the Russian Federation // Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo. 2018;5 (58): 96–99. (In Russ.).

Информация об авторах

М. Х. Гельдибаев – доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии естественных наук

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 14.03.2024; одобрена после рецензирования 17.04.2024; принята к публикации 20.06.2024.

Information about the authors

M. Kh. Geldibaev – Doctor of Sciences (Law), Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 14.03.2024; approved after reviewing 17.04.2024; accepted for publication 20.06.2024.

Научная статья

УДК 347.965.33

EDN: HEKQPP

**ОТКАЗ ОТ ЗАЩИТЫ АДВОКАТОМ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ
ПРИ НАЛИЧИИ ДЕЙСТВУЮЩЕГО СОГЛАШЕНИЯ. ЕСТЬ ЛИ ВЫБОР?****Денис Дмитриевич Астапов¹, Иван Иванович Иванов²**¹ Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет, Санкт-Петербург, Россия² Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии, Санкт-Петербург, Россия¹ astapovdennis@yandex.ru² ivanov_ivan70@mail.ru

Аннотация. В научной статье рассмотрены вопросы отказа от защиты адвокатом по уголовному делу при наличии действующего соглашения. Предложены способы разрешения данной проблемы.

Ключевые слова: адвокатская деятельность, правосудие, юридическая помощь, уголовное судопроизводство, подозреваемый, обвиняемый, отказ от защиты

Для цитирования: Астапов Д.Д., Иванов И.И. Отказ от защиты адвокатом по уголовному делу при наличии действующего соглашения. Есть ли выбор? // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2024. № 2 (27). С. 55–62. URL: <https://vestnik-spvi.ru/2024/06/006.pdf>. EDN: HEKQPP.

Original article

**REFUSAL TO BE DEFENDED BY A LAWYER IN A CRIMINAL CASE
IN THE PRESENCE OF A VALID AGREEMENT. IS THERE A CHOICE?****Denis D. Astapov¹, Ivan I. Ivanov²**¹ Saint-Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering, Saint-Petersburg, Russia² Saint-Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard Troops, Saint-Petersburg, Russia¹ astapovdennis@yandex.ru² ivanov_ivan70@mail.ru

Abstract. The scientific article considers the issues of refusal of defense by a lawyer in a criminal case in the presence of a valid agreement. The ways of solving this problem are proposed.

Keywords: advocacy, justice, legal assistance, criminal proceedings, suspect, accused, refusal of protection

For citation: Astapov D.D., Ivanov I.I. Refusal to be defended by a lawyer in a criminal case in the presence of a valid agreement. Is there a choice?. Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta vojsk nacional'noj gvardii. 2024;2(27): 55–62. (In Russ.). Available from: <https://vestnik-spvi.ru/2024/06/006.pdf>. EDN: HEKQPP.

© Астапов Д.Д., Иванов И.И., 2024

Введение

Актуальность темы настоящего исследования обоснована имеющимися пробелами в законодательном регулировании деятельности адвоката на профессиональной основе в уголовном судопроизводстве, которая требует пристального рассмотрения и корректировки.

Основные положения

Адвокатская деятельность основывается на соглашении об оказании юридической

помощи. Действующее законодательство содержит ряд недостатков в регулировании взаимоотношений между адвокатом и подзащитным, которые необходимо разрешить путем дополнения новыми нормами, устанавливающими отказ адвоката от защиты по уголовному делу.

Методы

В ходе изучения вопросов правового регулирования адвокатской деятельности, осуществляемой в процессе предоставления

юридической поддержки в уголовных делах, проведен сравнительный анализ теоретических и практических проблем, возникающих при отказе от защиты адвокатом по уголовному делу при наличии действующего соглашения, сформулированы предложения по их разрешению.

Результаты

Право на защиту, являющееся ключевым элементом уголовного процесса, подробно регламентируется нормативными документами, такими как Федеральный закон от 31.05.2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» [2], Кодекс профессиональной этики адвоката [5] и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [3].

Согласно ст. 49 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, адвокаты оказывают юридическую поддержку подозреваемым и обвиняемым.

В соответствии со ст. 2 Закона об адвокатуре, адвокатом является лицо, обладающее статусом и правом предоставлять квалифицированную юридическую помощь профессионально в соответствии с законодательством.

В ст. 1 Закона об адвокатуре прописано, что главной задачей адвокатской деятельности является защита прав, свобод и интересов как физических, так и юридических лиц, а также обеспечение доступа к правосудию.

Предоставление юридической помощи адвокатом осуществляется на основе соглашения между ним и клиентом в соответствии с (ч. 1 ст. 25 Закона об адвокатуре). Специалисты отмечают, что это гражданско-правовой договор, который не подпадает под определенный вид договоров, установленных Гражданским кодексом Российской Федерации» [17]. Он схож с договором поручения, и представляет собой особый «адвокатский» контракт, включающий стороны – клиента и адвоката, а также содержание поручения. Адвокат не имеет права отказаться от оказания юридической помощи в виде защиты от подозрения или обвинения в совершении преступления.

Вопросы расторжения соглашения об оказании юридической помощи, подпадают под нормы Гражданского кодекса Российской Федерации с особенностями, предусмотренными законодательством об адвокатской деятельности и адвокатуре.

Соглашение об оказании юридической помощи не может быть рассмотрено, собственно, как договор поручения. Масштаб оказываемой юридической помощи гораздо шире, чем действия, предусмотренные в договоре поручения [11].

В юридической науке [17] и судебной практике [8] сложилось мнение, что соглашение об оказании юридических услуг обладает смешанной природой. Процедура расторжения такого соглашения подпадает под действие ст. 450 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), позволяющей внести изменения или прекратить действие договора по согласию сторон.

Однако соглашение об оказании юридических услуг имеет свои специфические особенности, запрещающие адвокату отказаться от принятой на себя защиты подозреваемого или обвиняемого (п. 6 ч. 4 ст. 6 Закона об адвокатуре, ч. 7 ст. 49 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), ч. 2 ст. 13 Кодекса профессиональной этики адвоката (далее – КПЭА), ст. 17 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве) [9].

Это правило, ограничивающее возможность отказа от защиты, имеет основополагающее значение в институте обеспечения конституционных ценностей и публично-правовом характере адвокатской деятельности.

Сегодня адвокатская деятельность характеризуется как публично-правовая, поскольку адвокаты несут профессиональную обязанность гарантировать защиту прав и свобод человека и гражданина, обеспечивая тем самым доступ каждого к квалифицированной юридической помощи. Право на получение такой помощи является важным элементом правосудия, обеспечивая его состязательный характер [10].

Когда речь заходит о правилах и этике в адвокатской деятельности в России, все строится на основе договора между адвокатом и клиентом. Соглашение является ключевым документом для предоставления адвокатской помощи в уголовном судопроизводстве. Адвокат обязан защищать клиента в случае действующего соглашения.

Есть целый перечень принципов, которыми руководствуются адвокаты в своей профессиональной деятельности, и один из них касается отказа от защиты по уголовному делу. Здесь важно соблюдать этические правила и обеспечить непрерывную защиту клиента, если такой отказ все-таки случается в юридической практике.

Адвокат, отказывающийся от защиты, должен взять на себя ответственность за обеспечение клиента надлежащей защитой [15].

В законодательстве заложены принципы честности и недопустимости получения адвокатом выгоды от незаконного поведения. Такой подход направлен на обеспечение справедливости и эффективности правосудия.

Необходимо помнить, что отказ от защитника должен быть тщательно обоснован объективными аргументами. В случае наличия таких обстоятельств, должностные лица, осуществляющие производство по уголовному делу, обязаны удовлетворить такой отказ.

Основанием для удовлетворения ходатайства об отказе от защитника [16] является ситуация, когда такое действие может быть вынужденным и нанести вред участникам уголовного судопроизводства.

Подобные положения также содержатся в определениях Конституционного суда Российской Федерации от 17.10.2006 № 424-О [6], и от 21.10.2008 № 488-О [7]. Ученые также выражают мнение о недопустимости отклонения заявленного отказа от защитника [19].

Представим такую ситуацию, когда адвокат, обращаясь в Совет Адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, объявив о своей неспособности выполнять обязанности защитника из-за ухудшения его здоровья. Предъявленные медицинские документы подтверждают наличие у адвоката серьезных хронических заболеваний и их обострение на момент принятия решения об отказе от продолжения защиты. В данном случае состояние здоровья препятствует дальнейшему участию адвоката в деле.

Согласно ч. 1 ст. 41 Конституции Российской Федерации, каждый гражданин имеет право на защиту своего здоровья и медицинскую помощь.

На основании ст. 21 Конституции Российской Федерации, государство обязано гарантировать защиту достоинства личности и препятствовать унижению, пыткам, насилию и другим жестоким обращениям или наказаниям. Если адвоката принуждают продолжать защищать интересы подозреваемого (обвиняемого) в условиях, угрожающих его здоровью, это можно рассматривать как жестокое обращение, унижающее его человеческое достоинство [1].

В юридической литературе встречаются мнения, что в критический момент адвокат не должен покидать подзащитного, так как это может быть рассмотрено как предательство, ставя под угрозу как судьбу обвиняемого, так и принципы правосудия [12]. Некоторые практики также поддерживают это положение [20].

Тем не менее данная позиция вызывает обоснованные сомнения, поскольку указанный запрет не учитывает интересы адвоката. В соответствии с ч. 3 ст. 17 Конституции Российской Федерации, осуществление прав и свобод человека не должно нарушать права и свободы других лиц.

Запрет на отказ защитника от выполнения профессиональных обязанностей может расцениваться как нарушение его прав. Адвокатское сообщество должно оказывать помощь обычным гражданам в защите и обеспечении их прав и свобод. Однако положения в ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации нельзя считать убедительными в части ограничения прав защитника, так как в рамках уголовного судопроизводства ответственность за обеспечение защиты обвиняемого в первую очередь ложится на государство, а не на самого адвоката [15].

Некоторые специалисты настаивают на необходимости внесения изменений в формулировку УПК РФ, которая запрещает адвокату отказываться от взятой защиты. Проблемы доверия могут возникать, если клиент публично оскорбляет адвоката или если самому адвокату сложно защищать клиента из-за моральных или этических соображений. Ясность относительно возможности отказа от защиты в определенных ситуациях, могла бы помочь адвокатам разобраться в том, как вести себя в сложных ситуациях, возникающих из-за поведения или характера клиента [14].

Отказ защитника от уже принятых обязательств может быть расценен как нарушение норм адвокатской этики. Некачественное предоставление юридических услуг сложно рассматривать как основание для возмещения морального вреда, даже если из-за этого человек был осужден к лишению свободы. Основой приговора является факт совершения преступления, установленный судом в ходе рассмотрения уголовного дела, а не некачественная работа адвоката.

В юридической практике существует возможность освободить адвоката от участия в уголовном деле по решению суда, прокурора, следственных органов или дознавателя, если подозреваемый или обвиняемый откажется от его помощи или по другим причинам, предусмотренным в ст. 72 УПК РФ и ст. 258 УПК РФ. Однако, по существу, сегодня адвокат, работающий по уголовным делам, реально лишен возможности отказаться от защиты. Подозреваемый (обвиняемый) имеет право отказаться от помощи защитника только по собственной инициативе на любой стадии уголовного судопроизводства.

При участии адвоката в уголовном деле по назначению согласно ст. 51 УПК РФ, законодательство не требует заключения договора о предоставлении юридической помощи. Например, в Адвокатской палате Санкт-Петербурга адвокаты, желающие специализироваться в профессиональной защите по уголовным делам по назначению,

регистрируются в специальном реестре и их уведомляют о необходимости участия в уголовном судопроизводстве по мере необходимости.

Согласно ст. 450 ГК РФ, возможно изменить или прекратить действие договора по обоюдному согласию сторон при соблюдении соответствующих норм законодательства и условий самого договора. Положение, запрещающее адвокату отказаться от предоставления защиты, означает, что адвокат не вправе в одностороннем порядке расторгнуть соглашение о защите по своей инициативе, что не исключает возможности для клиента (подозреваемого или обвиняемого) расторгнуть данное соглашение. Доверитель вправе прекратить сотрудничество с адвокатом в любой момент производства по уголовному делу.

В п. 2 ст. 13 Кодекса профессиональной этики адвоката указано, что адвокат, принявший поручение на представление в уголовном деле, не вправе отказаться от защиты, за исключением ситуаций, предусмотренных законодательством, и обязан выполнять функции защитника, в том числе, при необходимости, подготавливать и подавать апелляционные жалобы относительно решения суда.

Адвокат может отказаться от защиты по уголовному делу. Например, одним из оснований для такого отказа может быть требование об избежании конфликта интересов при одновременном представлении двух участников уголовного процесса с противоположными интересами (абз. 5 п. 2 ч. 4 ст. 6 Закона об адвокатуре, ч. 1 ст. 11, ст. 13 КПЭА, ч. 6 ст. 49 УПК РФ). Если в ходе уголовного дела адвокату становится известно о таком конфликте интересов, он обязан немедленно отказаться от защиты одной из сторон. Если же такое противоречие было известно заранее, адвокат не должен принимать это поручение.

Кроме того, адвокат имеет право отказаться от защиты в случае исключительных обстоятельств (п. 2 ст. 13 КПЭА), таких как смерть, продолжительная болезнь или потеря статуса адвоката, когда предоставление юридической помощи становится невозможным. Закон запрещает произвольный отказ адвоката от защиты, за исключением случаев, предусмотренных законодательством.

Специалисты считают, что необходимо отделять публичные обязанности адвоката от его личных интересов. Адвокат должен действовать согласно совести и обеспечивать своего доверителя защитой до завершения судебного процесса [15].

В ст. 72 УПК РФ, перечислены случаи, когда защитник не имеет право участвовать в

уголовном судопроизводстве. В ст. 6 Закона об адвокатуре также указаны запреты на принятие адвокатом поручения (эти положения непосредственно относятся к защитнику в уголовном процессе).

Согласно ст. 13 Кодекса профессиональной этики адвоката, защитник не может принимать поручение на защиту по одному уголовному делу от нескольких лиц, если:

1) интересы одного из них противоречат интересам другого;

2) интересы одного, хотя и не противоречат интересам другого, но обе стороны имеют различные позиции по тем же фактам дела;

3) требуется представлять интересы лиц, как совершеннолетних, так и несовершеннолетних.

При выявлении таких ситуаций, адвокат должен отказаться от дела. Закон не предусматривает других аргументов для отказа адвоката от обязанностей по защите подозреваемого или обвиняемого.

Простое одностороннее расторжение договора между адвокатом и клиентом не повлечет за собой немедленного прекращения защиты подозреваемого или обвиняемого. Закон не разрешает одностороннее расторжение договора в подобной ситуации, так как ни доверитель, ни адвокат не являются сторонами предпринимательской сделки.

Здесь необходимо учитывать не только юридические, но и этические аспекты. Адвокат несет ответственность за принимаемые решения в соответствии с законом, профессиональными стандартами и этическими нормами. Поддержание доверительных отношений с клиентом, соблюдение принципов независимости и беспристрастности в судебном процессе являются неотъемлемыми частями работы адвоката по уголовному делу.

Отказ адвоката от участия в уголовном деле должен быть обоснованным. Тщательный анализ ситуации, учет всех обстоятельств дела, должны предшествовать принятию взвешенного и ответственного решения.

Соблюдение правовых норм, охрана профессионального достоинства и чести – ключевые элементы профессиональной этики адвоката. Перед тем как прекращать свое участие в уголовном деле, адвокат должен помнить о своей ответственности перед обществом и самим собой.

Поскольку ни клиент, ни адвокат не являются участниками предпринимательской деятельности, им нельзя предусматривать право на одностороннее расторжение соглашения об оказании юридической помощи (согласно статье 310 ГК РФ). Если бы в

соглашении было упомянуто право участников на одностороннее расторжение договора и прекращение защиты адвокатом, такие условия будут противоречить закону и, следовательно, могут быть признаны недействительными.

Прекращение соглашения не всегда приводит к окончанию отношений на практике из-за неудовлетворительных результатов для доверителя. Часто клиенты желают сохранить договорные отношения со своим защитником даже после завершения предварительного расследования или вынесения обвинительного приговора, особенно в апелляционных, кассационных или надзорных стадиях уголовного судопроизводства.

В юридической практике неоднократно имели место случаи, когда осужденные настаивали на участии в судах апелляционной, кассационной и надзорной инстанции адвокатов, которые ранее осуществляли их защиту по соглашению в досудебном производстве и в судах первой инстанции даже при отсутствии соглашений об оказании юридической помощи в последующих стадиях уголовного судопроизводства.

Комиссия по этике и стандартам Федеральной Палаты адвокатов России считает, что односторонний отказ от исполнения соглашения и действия, совершенные адвокатом в таких ситуациях, могут быть подвергнуты дисциплинарному расследованию для проверки их законности и добросовестности в соответствии с законодательством.

Специалисты полагают, что такое объяснение органа управления адвокатским сообществом – это обоснованное, долгосрочное решение, инициированное еще в 1990-х годах. В процессе обсуждений предлагались два противоположных подхода: первый из них предполагал, что адвокат не должен отказываться от защиты в любых обстоятельствах, соответствуя традициям, вторая позиция давала право адвокату прекратить помощь, если клиент не выполняет условия оплаты, что вызвало опасения о коммерциализации адвокатуры [15].

Нам представляется, что в закон необходимо включить четкие правила, которые бы позволяли защитнику отказаться от ответственности по ведению уголовного дела в определенных установленных законом случаях.

В судебно-следственной практике имели место факты, когда в ходе осуществления профессиональной защиты по уголовным делам между клиентами и адвокатами возникали конфликты в результате упорного нежелания подзащитных следовать рекомендациям защитника (причины такого поведения

могут быть самыми разнообразными).

Довольно часто бывали случаи, когда в силу обстоятельств объективного и субъективного характера наступала полная потеря доверия адвоката к клиенту (например, если подзащитный умышленно скрывал от защитника важные сведения, необходимые для квалифицированной работы по уголовному делу).

Практике известны многочисленные примеры недопустимого поведения подзащитных в уголовном судопроизводстве в отношении своих адвокатов, включая рукоприкладство и угрозы насилия или нанесения материального ущерба другим участникам процесса или их близким [13].

Подозреваемые (обвиняемые) периодически обращаются к защитникам с нежелательными, а порой и незаконными поручениями, такими как, например, передача сообщений, покупка товаров (в том числе и запрещенных к употреблению) и тому подобное. Отказ в выполнении таких действий со стороны адвоката порой воспринимается подзащитным как повод к инициированию конфликтной ситуации.

Адвокат как любой человек может заболеть, уехать в отпуск, переехать на другое место жительства, выехать в командировку.

И, наконец, защитник вправе признать недостаточность своих знаний, умений и навыков (квалификации) для обеспечения надлежащего уровня профессиональной защиты подозреваемого (обвиняемого).

Учет данных специфических особенностей адвокатской деятельности будет способствовать более ясному и эффективному регулированию участия защитника в уголовном судопроизводстве и обеспечению ответственного подхода адвоката к выполнению его профессиональных обязанностей.

Кроме того, возможно обратиться к зарубежному опыту для разработки соответствующего законопроекта. Например, в США адвокат имеет возможность прекратить выступать в качестве представителя своего клиента или отказаться от защиты, если его физическое или психическое состояние не позволяет продолжать эту деятельность.

В Канаде адвокат обязан уведомить клиента о расторжении контракта в разумные сроки и предоставить возможность для поиска нового адвоката. Он также вправе отказаться от дела, если клиент не оплатит требуемые суммы после уведомления. Однако отказ не должен причинить клиенту серьезного ущерба, и судебное разбирательство должно быть отложено, чтобы новый адвокат мог подготовиться к делу.

В Германии адвокат имеет право отказаться от защиты по разным причинам, включая особенности личности клиента или его поведения, отсутствие соответствия критериям для получения бесплатной юридической помощи, болезнь или перегрузку работой, а также если доверитель недостаточно уделяет внимания делу [15].

По мнению европейских юристов, независимая и крепкая адвокатура способствует стабилизации общества, и их права должны соблюдаться с учетом их независимости [18].

Эти аспекты следует учитывать при нахождении путей разрешения данной проблемы.

Разработка и принятие правовых положений, предоставляющих адвокату законное право отказаться от обязанностей по защите в определенных случаях, установленных законом, помогли бы решить этот сложный правовой вопрос на законодательном уровне.

Выводы

Резюмируя изложенное, мы считаем, что в содержание законодательных актов, регулирующих процессуальный статус адвоката в уголовном судопроизводстве необходимо внести соответствующие изменения, предоставляющие защитнику возможность прекратить свое участие в уголовном деле в силу:

- противоречий между доверителем и защитником, выражающихся в разногласиях

или нежелании клиента следовать рекомендациям защитника;

- потери доверия адвоката к подзащитному (может возникнуть, если подозреваемый (обвиняемый) умышленно скрывает от защитника важные сведения, необходимые для квалифицированной работы по уголовному делу);

- недопустимого поведения подзащитного в отношении адвоката, включая угрозы и насилие, факты применения насилия или причинения имущественного ущерба другим участникам уголовного процесса или их близким;

- случаев нежелательных, а порой и незаконных поручений клиента для защитника, например, передачи сообщений возможным соучастникам преступлений, покупки и передачи запрещенных товаров и тому подобное;

- болезни защитника, отпуска, переезда, командировки и т. д.;

- в случае признания адвокатом недостаточности своей квалификации для обеспечения надлежащего уровня защиты подозреваемого (обвиняемого).

При этом часть ранее уплаченного гонорара за оказание юридических услуг должна подлежать возврату клиенту пропорционально неотработанному времени.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.] // Российская газета. 2020. 4 июля.

2. Федеральный закон от 31.05.2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // Российская газета. 2002. 5 июня.

3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации // Российская газета. 2001. 22 декабря.

4. Гражданский кодекс Российской Федерации // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.

5. Кодекс профессиональной этики адвоката // Российская газета. 2005. 5 октября.

6. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 10.2006 № 424-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Побережьева Александра Вадимовича на нарушение его конституционных прав положениями пункта 1 части первой статьи 51 и части первой статьи 52 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Архив решений Конституционного Суда Российской Федерации // Доступ из справ.-правовой системы «Гарант». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1680981/?ysclid=lpkcpp4ca529181971>. (дата обращения: 10.04.2024).

7. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 21.10.2008 № 488-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Мозжухина Николая Яковлевича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 297 Уголовного кодекса Российской Федерации и частью второй статьи 52 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Доступ из справ.-правовой системы «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/1788991/?ysclid=lpkcr71nu5617247782>. (дата обращения: 10.04.2024).

8. Апелляционное определение СК по гражданским делам Кемеровского областного суда от 01.07.2021 по делу № 33-5863/2021 // Доступ из справ.-правовой системы «Гарант». URL:

<https://base.garant.ru/322544819/?ysclid=lpkbr6ew3m215805365> (дата обращения: 10.06.2024).

9. Стандарт осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве (Принят VIII Всероссийским съездом адвокатов) // Федеральная палата адвокатов Российской Федерации // Доступ из справ.-правовой системы «Гарант». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71562890/?ysclid=lpkcn5mf8g857807246> (дата обращения: 05.05.2024).

10. Разъяснение Комиссии по этике и стандартам Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации по вопросам применения пункта 2 статьи 13 Кодекса профессиональной этики адвоката (принято на заседании КЭС ФПА РФ от 6 декабря 2022 г.) (утв. решением Совета ФПА РФ от 15 декабря 2022 г. протокол № 18) // Доступ из справ.-правовой системы «Гарант». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405885127/?ysclid=lpfzbks5g202961515> (дата обращения: 10.04.2024).

11. Законопроект № 320593-3 «О внесении изменений в Федеральный закон "Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации"». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/320593-3> (дата обращения: 13.06.2024).

12. Безлепкин Б. Т. Уголовный процесс в вопросах и ответах: учебное пособие. 8-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2016. 471 с.

13. Бургер Б. М. Процессуальные формы участия адвоката в досудебном производстве по уголовным делам: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Бургер Борис Михайлович. Краснодар, 2010. 27 с.

14. Гаспарян Н. С. Отказ от защиты в связи с крайней необходимостью // Адвокатская газета. 2019. 21 июня.

15. Как соблюсти баланс интересов адвокатуры в вопросе о возможности отказа адвоката от защиты? // Адвокатская газета. 2022. 15 декабря.

16. Отказ от защитника // Адвокатская газета. 2013. 13 августа.

17. Панасюк О. С. Необходимо устранить пробелы в Законе об адвокатуре. Правовая природа соглашения об оказании юридической помощи: помощь, поручение или услуга? // Адвокатская газета. 2018 г. № 18.

18. Резник Г. М. Посягательство на права адвокатов – это дикость // Адвокатская газета. 2017. 5 декабря.

19. Трубецкой Н. А. Устранение назначенного адвоката от участия в деле в случае «двойной защиты». Процедурные особенности и важные аспекты заявления ходатайства // Адвокатская газета. 2021 г. 21 апреля.

20. Шавин В. А. Отказ от защиты и форма соглашения // Палата адвокатов Нижегородской области. URL: <http://apno.ru/press-tsentr/publikatsii/46399-otkaz-ot-zashchity-i-forma-soglasheniya> (дата обращения: 28.11.2023).

References

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii: [prinyata vsenarodnym golosovaniem 12 dekabrya 1993 g. s izmeneniyami, odobrennymi v hode obshcherossijskogo golosovaniya 01 iyulya 2020 g.] // Rossijskaya gazeta. 2020. 4 iyulya. (In Russ.).

2. Federal'nyj zakon ot 31.05.2002 g. № 63-FZ «Ob advokatskoj deyatel'nosti i advokature v Rossijskoj Federacii» // Rossijskaya gazeta. 2002. 5 iyunya. (In Russ.).

3. Ugolovno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii // Rossijskaya gazeta. 2001. 22 dekabrya. (In Russ.).

4. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 1994. № 32. St. 3301. (In Russ.).

5. Kodeks professional'noj etiki advokata // Rossijskaya gazeta. 2005. 5 oktyabrya. (In Russ.).

6. Opredelenie Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 10.2006 № 424-О «Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby grazhdanina Poberezh'eva Aleksandra Vadimovicha na narushenie ego konstitucionnyh prav polozheniyami punkta 1 chasti pervoj stat'i 51 i chasti pervoj stat'i 52 Ugolovno-processual'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii» // Arhiv reshenij Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii // Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Garant». Available from: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1680981/?ysclid=lpkcpp4ca4529181971>. (data obrashcheniya: 10.04.2024). (In Russ.).

7. Opredelenie Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 21.10.2008 № 488-О «Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby grazhdanina Mozzhuhina Nikolaya Yakovlevicha na narushenie ego

konstitucionnyh prav chast'yu vtoroj stat'i 297 Ugolovnog kodeksa Rossijskoj Federacii i chast'yu vtoroj stat'i 52 Ugolovno-processual'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii» // Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Garant». Available from: <https://base.garant.ru/1788991/?ysclid=lpkcr71nu5617247782>. (data obrashcheniya: 10.04.2024). (In Russ.).

8. Apellyacionnoe opredelenie SK po grazhdanskim delam Kemerovskogo oblastnogo suda ot 01.07.2021 po delu № 33-5863/2021 // Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Garant». Available from: <https://base.garant.ru/322544819/?ysclid=lpkbr6ew3m215805365> (data obrashcheniya: 10.06.2024). (In Russ.).

9. Standart osushchestvleniya advokatom zashchity v ugovnom sudoproizvodstve (Prinyat VIII Vserossijskim s'ezdom advokатов) // Federal'naya palata advokатов Rossijskoj Federacii // Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Garant». Available from: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71562890/?ysclid=lpkc5mf8g857807246> (data obrashcheniya: 05.05.2024). (In Russ.).

10. Raz'yasnenie Komissii po etike i standartam Federal'noj palaty advokатов Rossijskoj Federacii po voprosam primeneniya punkta 2 stat'i 13 Kodeksa professional'noj etiki advokata (prinyato na zasedanii KES FPA RF ot 6 dekabrya 2022 g.) (utv. resheniem Soveta FPA RF ot 15 dekabrya 2022 g. protokol N 18) // Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Garant». Available from: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405885127/?ysclid=lpfzbks5g202961515> (data obrashcheniya: 10.04.2024). (In Russ.).

11. Zakonoproekt № 320593-3 «O vnesenii izmenenij v Federal'nyj zakon "Ob advokatskoj deyatel'nosti i advokature v Rossijskoj Federacii"». Available from: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/320593-3> (data obrashcheniya: 13.06.2024). (In Russ.).

12. Bezlepkin B. T. Ugolovnyj process v voprosah i otvetah: uchebnoe posobie. 8-e izd., pererab. i dop. M.: Prospekt, 2016. 471 s. (In Russ.).

13. Burger B. M. Processual'nye formy uchastiya advokata v dosudebnom proizvodstve po ugolovnym delam: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.09 / Burger Boris Mihajlovich. Krasnodar, 2010. 27 s. (In Russ.).

14. Gasparyan N. S. Otkaz ot zashchity v svyazi s krajnej neobhodimost'yu // Advokatskaya gazeta. 2019. 21 iyunya. (In Russ.).

15. Kak soblyusti balans interesov advokatury v voprose o vozmozhnosti otkaza advokata ot zashchity? // Advokatskaya gazeta. 2022. 15 dekabrya. (In Russ.).

16. Otkaz ot zashchitnika // Advokatskaya gazeta. 2013. 13 avgusta. (In Russ.).

17. Panasyuk O. S. Neobhodimo ustranit' probely v Zakone ob advokature. Pravovaya priroda soglasheniya ob okazanii yuridicheskoy pomoshchi: pomoshch', poruchenie ili usluga? // Advokatskaya gazeta. 2018 g. № 18. (In Russ.).

18. Reznik G. M. Posyagatel'stvo na prava advokатов – eto dikost' // Advokatskaya gazeta. 2017. 5 dekabrya. (In Russ.).

19. Trubeckoj N. A. Ustranenie naznachennogo advokata ot uchastiya v dele v sluchae «dvojnoj zashchity». Procedurnye osobennosti i vazhnye aspekty zayavleniya hodatajstva // Advokatskaya gazeta. 2021 g. 21 aprelya. (In Russ.).

20. Shavin V. A. Otkaz ot zashchity i forma soglasheniya // Palata advokатов Nizhegorodskoj oblasti. Available from: <http://apno.ru/press-tsentr/publikatsii/46399-otkaz-ot-zashchity-i-forma-soglasheniya> (data obrashcheniya: 28.11.2023). (In Russ.).

Информация об авторах

Information about the authors

И. И. Иванов – доктор юридических наук

I. I. Ivanov – Doctor of Sciences (Law)

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 24.04.2024; одобрена после рецензирования 16.06.2024; принята к публикации 20.06.2024.

The article was submitted 24.04.2024; approved after reviewing 16.06.2024; accepted for publication 20.06.2024.

Научная статья

УДК 343.9

EDN: DAMNJR

СОЦИАЛЬНАЯ ПРИРОДА ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ ЦИФРОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

Ирина Владимировна Семёнова

Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии, Санкт-Петербург, Россия

9053202867@mail.ru

Аннотация. Современные условия диктуют определенные правила развития государственной и общественной деятельности. Развитие технологического процесса оказало существенное влияние на формирование современной молодежи. Интернет, социальные сети, современные гаджеты прочно закрепились в нашей жизни. Изменения, происходящие в обществе, неизбежно затрагивают информационное поле и способы трансляции информации. Появление все большего объема информации, требующей соответствующего качества, повлекло трансформацию телекоммуникативных систем ее передачи. Автором проанализированы периоды развития систем передачи информации, взаимосвязь между развитием общественных отношений в сфере цифровой информации и совершенными преступлениями. Выделены факторы, отражающие социальную сущность преступления и оказывающие влияние на формирование преступности в данной сфере.

Ключевые слова: цифровая информация, системы передачи, статистика, преступление, общество, социальная сущность, факторы, развитие

Для цитирования: Семёнова И.В. Социальная природа преступления в сфере цифровой информации // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2024. № 2 (27). С. 63–71. URL: <https://vestnik-spvi.ru/2024/06/007.pdf>. EDN: DAMNJR.

Original article

THE SOCIAL NATURE OF CRIME IN THE FIELD OF DIGITAL INFORMATION

Irina V. SemyonovaSaint-Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard Troops, Saint-Petersburg, Russia
9053202867@mail.ru

Abstract. Modern conditions dictate certain rules for the development of state and public activities. The development of the technological process has had a significant impact on the formation of modern youth. The Internet, social networks, modern gadgets are firmly entrenched in our lives. The changes taking place in society inevitably affect the information field and the ways of broadcasting information. The appearance of an increasing volume of information requiring appropriate quality has led to the transformation of telecommunication systems for its transmission. The author analyzes the periods of development of information transmission systems, the relationship between the development of public relations in the field of digital information and committed crimes. The factors reflecting the social essence of the crime and influencing the formation of crime in this area are highlighted.

Keywords: digital information, transmission systems, statistics, crime, society, social essence, factors, development

For citation: Semyonova I.V. The social nature of crime in the field of digital information. Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta vojsk nacional'noj gvardii. 2024;2(27): 63–71. (In Russ.). Available from: <https://vestnik-spvi.ru/2024/06/007.pdf>. EDN: DAMNJR.

© Семёнова И.В., 2024

Введение

Государственная и общественная деятельность в современных условиях подвержена цифровизации, являющейся

характерным признаком современности. В научной криминалистической литературе отмечалось, что Г. В. Лебниц в XVIII веке пророчил будущее за машинами, считая их

беспристрастными, современными и объективными средствами осуществления правосудия [4, С. 10; 6]. Развитие технологического процесса оказало существенное влияние на формирование современной молодежи. Интернет, социальные сети, современные гаджеты прочно закрепились в нашей жизни.

В эпоху стремительного развития технологий, цифровизация проникает во все сферы нашей жизни. Она обещает улучшить эффективность работы предприятий, повысить комфортность жизни граждан и дать мощный толчок для инноваций. Однако, как и любое мощное средство, цифровые технологии имеют и обратную сторону – они создают новые угрозы и способы для совершения преступлений.

Основные положения

Однако зарождение современных систем передачи информации произошло в Советском Союзе. Изначально появление сигнала, позволяющего передавать информацию, ввели в различные отрасли народного хозяйства, обеспечили общение населения путем развития телефонного, телеграфного сообщения, радио- и телевизионного вещания¹. Сигнал передавался по средствам линии связи, которые на тот момент, да и еще долгое время, оставались в ведении государства. Доступность современных средств передачи информации была не повсеместной, в зависимости от финансовой обеспеченности.

Передача информации осуществлялась по различным линиям связи: общественные, внутриведомственные и внутрипроизводственные. За функционированием каждой из них Министерство связи СССР по поручению государственных органов осуществляло контроль.

Переформатирование и модификация линий связей началось после распада Советского Союза, с изменением общественных отношений изменилось и законодательство.

С появлением новой Конституции произошло упразднение коллективной собственности путем образования частной, государственной, муниципальной и иной (статья 8)².

Изменения, происходящие в обществе, неизбежно затрагивают информационное поле и способы трансляции информации. Появление все большего объема информации, требующей соответствующего качества, повлекло трансформацию телекоммуникативных систем ее передачи. Переход от государства в частный сектор данных линий передачи повлек поступление большого объема финансовых средств на их развитие и совершенствование. Стали появляться мобильные устройства, позволяющие разговаривать, передавать сообщения, со временем и фото, не по линии связи, а с помощью цифрового сигнала [2, С. 17].

Появление компьютеров и Интернета позволило развивать информационные технологии в условиях трансконтинентальности и глобальности. Введение цифровых технологий во все сферы деятельности повлекло издание Доктрины³, обобщающей теоретические положения в сфере информационной безопасности. На их основе был сформирован комплекс мер, осуществляющих правовое регулирование, определение предписаний и требований по пользованию системами, по передаче информации, одновременно с этим создание нормативной правовой базы, направленной на проведение оперативно-розыскных, следственных мероприятий в сфере цифровой информации [9; 8; 14].

В последнее время все чаще стало наблюдаться совершение противоправной деятельности, происходящее с применением технических средств, в частности Интернета и цифровых сетей передачи информации, программного обеспечения, вирусов, что негативным образом отражается на геополитической стабильности [3, С. 130].

Развитие и внедрение в общественную жизнь современных цифровых объектов создает предпосылки для развития и расширения круга составов преступления, несмотря на сложившуюся законодательную основу, регулирующую общественные отношения в сфере цифровой информации [11, С. 83].

¹ Постановление Совмина СССР от 27.05.1971 г. № 316 «Об утверждении Устава связи Союза ССР» // Свод законов СССР. 1990. Т. 8. 365 с.

² Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.].

URL: <https://base.garant.ru/10103000/> (дата обращения: 10.04.2023).

³ Указ Президента Российской Федерации от 05.12.2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 50, Ст. 7074.

Государство является гарантом информационной безопасности и приоритетным направлением среди национальных интересов⁴, на что Президентом Российской Федерации В. В. Путиным было обращено особое внимание. Говоря о внедрении цифровых продуктов, Президент Российской Федерации конкретизировал, что доступ к полной информации о личных цифровых данных исключен для организаций, относящихся к банковской, предпринимательской сфере, тем самым исключается возможность оказания любого рода вмешательства⁵.

Однако, исходя из статистических данных за 2021 и 2022 года о состоянии преступности с использованием информационно-телекоммуникативных технологий, можно наблюдать рост преступности.

По аналитическим данным Банка России, в банковской сфере противозаконную деятельность на себе ощущают граждане наиболее экономически активного возраста 25–64 года⁶ (рисунок 1).

По данным МВД Российской Федерации, преступлений с использованием информационно-телекоммуникативных технологий в 2021 году составило 26,5 % от общего числа совершенных преступлений, что составило 271,1 тыс. зарегистрированных преступлений, в 2022 году – 42 % от общего числа, несмотря на то, что раскрываемость выросла на 4,4 %, в 2023 году – больше, чем в предыдущем на 29,7 %⁷. Данные цифры демонстрируют рост числа преступлений в данной сфере. При этом специалисты отмечают снижение числа преступлений, совершенных путем незаконного списания денежных средств с банковских карт, начиная с марта месяца 2022 года. Указанная дата не случайна, поскольку на территории Российской

Федерации введены санкционные ограничения использования таких платежных систем, как Visa, Vastercard, Fppl – Google-, Samsung-Pay, у ряда коммерческих банков были отозваны лицензии Центральным банком Российской Федерации⁸.

Следует сказать, что любые статистические данные необходимы для формирования представления о наличии, развитии преступности в той или иной сфере, определения ее географического расположения, определения стратегий борьбы и формирования превентивных мер. Исходя из латентности преступлений в сфере цифровой информации, их трансграничного характера, статистические данные могут быть неточными.

Существует множество факторов, влияющих на формирование сведений о преступности. Так, например, не каждая жертва заявит о совершенном в отношении нее преступлении. У начинающих market place, служб доставки, по сравнению с банками, информация, внесенная в приложение, не находится в полной безопасности. В результате хакерской атаки или по вине сотрудников, работающих с обработкой персональных данных, происходит их «утечка». В случае выявления, организация не спешит сообщать об этом в полицию, поскольку такая информация может не лучшим образом отразиться на их репутации. Незначительность наступивших последствий порождает нежелание граждан втягивать себя в процесс, связанный с расследованием преступления.

Отдельные преступления, как отмечается в научной литературе, попросту теряются на просторах Интернета [12, С. 13].

⁴ Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://pravo.gov.ru> (дата обращения: 03.11.2023).

⁵ Выступление Президента Российской Федерации на конференции // URL: https://yandex.ru/video/preview/?text=конференция%20по%20информационной%20безопасности%2012%20ноября%202021%20выступление%20путина&path=yandex_search&parent-reqid=1650960687784472-11196632583612214590-vla1-2882-vla-l7-balancer-8080-BAL-4183&from_type=vast&filmId=7693856425870508655 (дата обращения: 20.02.2024).

⁶ Кибермошенничество: портрет пострадавшего Банк России // URL: <https://cbr.ru/statistics/>

information_security/cyber_portrait/ (дата обращения: 02.04.2024).

⁷ Статистические сведения о состоянии преступности в 2022 году // URL: <https://mvdmedia.ru/news/official/statisticheskie-svedeniya-o-sostoyanii-prestupnosti-v-2022-godu> (обращение 17.03.2023 г). Статистические сведения о состоянии преступности в 2023 году // URL: <https://мвд.рф/news/item/47052005> (дата обращения: 02.04.2024).

⁸ Сведения о проведении ликвидационных мероприятий в кредитных организациях с отозванными лицензиями на осуществление банковских операций (не исключенных из ЕФРЮЛ) по состоянию на 01.09.2023 // URL: <https://cbr.ru/vfs/credit/likvidbase/likvid.pdf> (дата обращения: 02.04.2024).

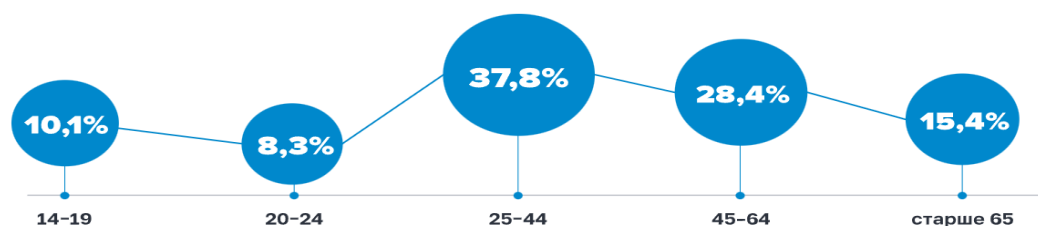

Рисунок – Экономически активный возраст

Figure – Economically active age

В связи с этим статистику представляется необходимо воспринимать как средство достижения общих целей, как информацию для разработки систем национальной безопасности, как сигнал, свидетельствующий об образовании новых видов и разновидности преступлений.

С появлением коронавирусной инфекцией и возникшей в мире пандемией были введены ограничения по передвижению населения, дистанционная работа в различных сферах, путем повсеместного использования сети Интернет. Практически все сферы (образование, здравоохранение, социальная, торговая, финансовая и многие другие) перешли на удаленную дистанционную работу, что сразу же нашло отражение в деятельности злоумышленников. Возросший объем цифровых данных в информационных системах является целью преступных действий.

Можно привести множество примеров совершения незаконных входов в инфраструктуру по всему миру с 2019 года. Так, например, в Аргентине при взломе банка данных были украдены все данные об удостоверениях личности населения. Введение цифровых способов работы правительства привело в греческом городе Салоники к параличу работы налоговиков, транспортной системы, после хакерской атаки на IT-системы.

Интернет-торговые платформы на территории Российской Федерации предоставили возможность незаконного получения доступа к персональным сведениям с помощью использования бонета⁹.

Трансграничный характер преступлений свидетельствует о необходимости использования комплексного подхода в борьбе с цифровыми преступлениями, о чем

свидетельствует практика. Так, в результате поступившей из США информации при взаимодействии Следственного департамента МВД Российской Федерации в результате проведенных оперативно-следственных мероприятий в России пресечена деятельность хакерской группы¹⁰.

Современные способы совершения преступных действий сменяют устаревшие, такие как финансовые пирамиды, рейдерские захваты. Современные преступники для достижения своих целей используют современные достижения техники в области IT-разработок [16, С. 41–42; 15; 5; 13].

Мы стоим на пороге эпохальных перемен, когда предстоящая интеллектуальная революция обещает преобразить наш мир, позволяя преодолеть текущие вызовы мышления и развития общества. Это станет новым витком в эволюции человеческого разума, расширяя границы его применения в разнообразных аспектах нашей жизни [19, С. 26].

Цифровая преступность является новым вызовом для правоохранительных органов.

Быстрый прогресс в области искусственного интеллекта (далее – ИИ) является серьезным испытанием для людей, так как современная культура не успевает адаптироваться к изменениям, которые он вносит в нашу жизнь. Эти изменения уже заметны [7, С. 103]. Прежде всего, следует отметить рост числа преступлений в данной сфере. Взломы баз данных, фишинговые атаки, распространение вредоносного программного обеспечения – это лишь верхушка айсберга. С появлением криптовалют злоумышленники получили возможность осуществлять финансовые операции анонимно, что значительно усложняет процесс их выявления и пресечения.

⁹ В России зафиксировали крупнейшую ботнет-атаку на ритейл // URL: https://www.fishnet.ru/news/novosti_otrasli/v-rossii-zafiksirovali-krupneyshuyu-botnet-ataku-na-riteyl/ (дата обращения 1.10.2023).

¹⁰ Пресечена противоправная деятельность членов организованного преступного сообщества // URL: <http://www.fsb.ru/fsb/press/message/single.html?id=10439388@fsbMessage.html> (дата обращения 12.04.2024).

Е. В. Виноградова, С. И. Захарцев пишут, что современные разработки в IT-сфере, «современные технологии, в том числе медицинские, информационные и др., создавая невероятные возможности для человека, ставят перед человечеством ряд проблем, решение которых предполагает выход на новые формы правового знания, существующего на стыке философских, этических, нравственных основ, без этого, очевидно, невозможно противостоять глобальным угрозам, которые стоят перед всем человечеством» [1, С. 221]. С одной стороны, появление и развитие ИИ способствует быстрому решению задач интеллектуального характера, с которыми человеческому разуму потребуется продолжительное время [10, С. 180]. Так, с развитием нейросетевых генеративных моделей (образы изображений, тексты) появляется возможность создавать поддельные материалы высокой достоверности – так называемые “deepfake”. Эти материалы могут использоваться для дискредитации личностей или как средство манипуляции общественным мнением. На просторах сети Интернет набирает обороты аутентификация личности: двойная игра. Цифровая аутентификация личности позволяет управлять доступом к сервисам и данным. Однако злоумышленники находят способы обхода биометрических систем защиты через подделку отпечатков пальцев или использование технологий для имитации голоса пользователя.

Потенциальная уязвимость Интернет вещей является вектором уязвимости безопасности цифровых данных. Расширение систем Интернета вещей повлекло за собой рост числа устройств, подключаемых к Интернету. Каждое из таких устройств может быть потенциальной точкой неавторизованного доступа в корпоративную или частную сеть.

Развитие такого вида преступности достигло высокого уровня, они находятся в непрерывном поиске слабых мест в информационной безопасности различных отраслях общественных отношений. Зачастую такие преступления совершаются в условиях анонимности, объединяясь в группировки и ведя свою деятельность в конфиденциальных мессенджерах. Имеющиеся наработки в борьбе с IT-преступлениями в сравнении с эволюционировавшей преступностью являются устаревшими и вынуждают теоретиков и практиков исследовать и совершенствовать способы и методы борьбы с преступностью в рассматриваемой сфере.

Социальная инженерия (далее – СИ) вместе с отсутствием кибергигиены населения приводит к увеличению числа преступлений в сфере цифровой информации. Оказывая психологическое воздействие на лицо, мошенники получают информацию необходимых им данных. Рассылка фишинговых писем сотрудникам организаций, несложные комбинации паролей является угрозой для безопасности данных и информационных коммуникаций организаций.

Существует много мнений и толкований термина «социальная инженерия», но тем не менее у них всех есть общее, все авторы схожи в одном, что это деятельность человека, направленная на манипулирование психологическими особенностями личности, с целью завладения цифровыми данными [20, С. 135; 16, С. 74], вид совершения компьютерных преступлений, направленный на несанкционированное получение информации путем использования уязвимостей человеческой психики.

Информационные технологии, СИ в таком тандеме выступают одним из наиболее эффективных методов для совершения цифровых преступлений. СИ обозначает практику использования психологических манипуляций с целью получения конфиденциальной информации, доступа к защищенным системам или выполнения определенных действий лицом, на которое направлено воздействие. Суть СИ заключается в эксплуатации человеческого фактора как самого слабого звена в системе безопасности. В отличие от традиционных хакерских атак, где используются технические уязвимости программного и аппаратного обеспечения, здесь основным «орудием» является мастерство убеждения и обмана. Примеры социальной инженерии уже сформировались. Это может быть фишинг-отправка электронных сообщений под видом надежного источника для получения паролей или банковской информации; предоставление ложной личности для неправомерного доступа к офисам или IT-инфраструктуре; или даже «разброс документов» – оставление на видном месте USB-накопителей с вредоносным ПО в надежде, что любопытные работники подключат их к корпоративным компьютерам. Последствия таких атак могут быть чрезвычайно серьезными. Потеря конфиденциальности данных не только наносит ущерб репутации компаний, но и приводит к финансовым потерям.

Защититься от таких атак сложно, поскольку они направлены на эксплуатацию человеческих слабостей. Однако возможно минимизировать риски через комплексный подход: проведение регулярных тренировок персонала по распознаванию признаков СИ; создание строгой политики безопасности; использование двухфакторной аутентификации; разработка процедур быстрого реагирования на инциденты.

Важность осознания этой проблемы не может быть переоценена. В условиях постоянно развивающегося цифрового мира социальная инженерия будет продолжать оставаться ключевой угрозой для всех пользователей Интернета – от больших корпораций до обычных граждан. Будучи осведомленными о методиках и приемах злоумышленников, мы можем значительно повысить свою защиту в борьбе с этим скрытым видом преступления.

Несмотря на выстроенные системы безопасности, человек является самым уязвимым и слабым звеном в этой системе. Центральный банк Российской Федерации постоянно проводит работы по выявлению схем, с помощью которых злоумышленники похищают и проводят информационную пропаганду среди населения¹¹.

Беспечность общества, не оценивающего в полной мере опасность преступлений в сфере цифровой информации, позволит нанести большой ущерб не только отдельной личности, но и обществу и государству в целом.

В настоящее время наблюдается связь между современными информационными технологиями и современной преступностью [10, С. 9].

По статистическим данным МВД Российской Федерации в 2023 году зарегистрировано увеличение числа преступлений в IT-сфере и составило 676951, что на 154 886 больше, чем в предыдущем году. Из них преступлений в сфере компьютерной информации в 2023 году – 37101, что на 27074 больше, чем в предыдущем¹².

Данная статистика позволяет сделать вывод, что число преступлений в сфере цифровой информации склонно к увеличению и охвату новых общественных сфер деятельности.

Проведя анализ 18 обвинительных приговоров суда разных регионов, было выделено обстоятельство, которое оказывает существенное влияние на принцип неотвратимости наказания. Так, при расследовании преступлений, совершенных группой лиц, в число которых входили IT-специалисты, в 15 случаях следствие не может установить их личности. Что свидетельствует о скрытности преступлений, совершенных в IT-сфере, об использовании ими особенностей интернет-пространства.

Заключение

Таким образом, на основе проведенного исследования, можно отметить факторы, отражающие социальную сущность преступления и оказывающие влияние на формирование преступности в данной сфере. К ним относятся:

1. Нестабильная геополитическая обстановка, развитие и внедрение в различные сферы жизни современных цифровых технологий, развивающиеся способы конфиденциальности позволяют появляться новым разновидностями современных цифровых преступлений.

2. Государство заинтересовано в современном развитии своих территорий, особенно находящихся удаленно от центра страны, путем выделения больших финансовых вложений. Такие программы являются долгосрочными. Данные обстоятельства позволяют злоумышленникам рассматривать государственный сектор в качестве цели для совершения своих противозаконных изысканий слабых мест цифровой безопасности.

3. Специальный субъект, неквалифицированно подобранные кадры, имеющие допуск к охраняемой законом цифровой информации, становятся лицами, осуществляющими противоправные действия.

4. Развитие новых цифровых продуктов (цифровой рубль, цифровой паспорт) и введение их в общественные отношения, распространение цифровых преступлений в общественные правоотношения породят новые составы преступлений.

5. Растущее число закрытых информационных ресурсов в сети Интернет, на которых осуществляется незаконная деятельность, негативным образом сказывается на борьбе с преступностью.

¹¹ Противодействие мошенническим практикам // URL: https://cbr.ru/information_security/pmp/ (дата обращения: 12.04.2024).

¹² Состояние преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2023 года // URL:

<https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/47055751>; Состояние преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2022 года // URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/35396677> (дата обращения: 12.04.2024).

6. Совершенствование методов социальной инженерии и отсутствие среди населения понимания и соблюдения правил безопасности в интернет пространстве и особенностей размещения личной информации с использованием цифровых систем ее передачи.

Системный подход и отлаженный механизм, состоящий из международного сотрудничества, структурированной единой законодательной базы в сфере информационной безопасности, общество, ориентированное на соблюдение и поддержание цифровой гигиены позволит усилить противостояние цифровой преступности.

Цифровизация неотъемлемо связана с рисками роста цифровой преступности.

Важно понимать эти риски и активно работать над созданием более безопасных систем защиты информации. Только комплексный подход со стороны государства, бизнес-структур и частных лиц может минимизировать негативные последствия этого процесса.

В заключении хочется подчеркнуть: мы должны быть всегда на шаг впереди злоумышленников, используя все возможные инструменты для предотвращения киберугроз. Это требует не только постоянного обновления программного обеспечения безопасности, но и широкого информирования пользователей о методах и способах защиты своих цифровых данных.

Список источников

1. Виноградова Е. В. Актуальные мысли о праве / Е. В. Виноградова, С. И. Захарцев. М. : Юрлит, 2023. 232 с.
2. Дерендяева Т. М. Принцип законности и компьютерные преступления в условиях формирования информационного общества / Т. М. Дерендяева, Г. А. Мухина // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 2(56). С. 17–21.
3. Захарцев С. И. Оперативно-розыскная деятельность и информационная безопасность как часть военной безопасности России / С. И. Захарцев, В. П. Сальников, А. С. Алексанин // Известия Российской академии ракетных и артиллерийских наук. 2018. № 2(102). С. 102–106.
4. Ищук Я. Г. Цифровая криминология: учебное пособие / Я. Г. Ищук, Т. В. Пинкевич, Е. С. Смольянинов М. : Академия управления МВД России, 2021. 242 с.
5. Каримов В. Х. Современное состояние и тенденции дальнейшего развития системы криминалистического обеспечения борьбы с преступностью в информационно-телекоммуникационной сфере / В. Х. Каримов, А. В. Каримов // Проблемы правовой и технической защиты информации. 2020. № 8. С. 66–72.
6. Квашис В. Е. О новой теории прикладной криминологии: рецензия на учебник В. С. Овчинского «Криминология цифрового мира» // Общество и право. 2018. № 1 (63). С. 122–124.
7. Колин К. К. Цифровая революция и искусственный интеллект: новые горизонты и опасности // Партнерство цивилизаций. 2020. № 1–2. С. 100–106.
8. Лавицкая М. И. Структурно-содержательная характеристика главы 28 Уголовного кодекса Российской Федерации: юридико-технические и правореализационные проблемы составов преступлений в сфере компьютерной информации / М. И. Лавицкая, И. Н. Крапчатова // Российский следователь. 2021. № 6. С. 35–41.
9. Лобач Д. В. Развитие российского уголовного законодательства в сфере противодействия преступлениям, совершаемым в сети Интернет // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. 2023. № 3. С. 21–27.
10. Осипова И. Н. Искусственный интеллект – угроза или помощник человека? // Экономика. Общество. Человек: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием / ред. Е. Н. Чижова. Т. 1. Вып. XXXVII. Белгород: Белгородский государственный технологический университет им. В. Г. Шухова, 2019. С. 179–182.
11. Ровина Е. Е. Компьютерные преступления вчера и сегодня / Е. Е. Ровина, З. З. Гурьянова // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 3(17). С. 81–85.
12. Русскевич Е. А. Уголовное право и «цифровая преступность»: проблемы и решения: монография. 2-е изд., перераб. и доп. М. : ИНФРА-М, 2023. 351 с.
13. Савенков А. Н. Вектор развития криминалистической науки в условиях глобальной цифровизации / А. Н. Савенков, Е. Р. Россинская // Государство и право. 2023. № 5. С. 100–110.
14. Семенова И. В. Нормативное правовое регулирование ответственности за правонарушения в сфере информационной безопасности // Образование и право. 2023. № 5. С. 119–124.

15. Серебренникова А. В. Цифровая криминалистика и ее значение для расследования преступлений // *International Law Journal*. 2019. Т. 2. № 4. С. 126–133.
16. Суворова, В. В. Совершение преступлений с использованием социальной инженерии: постановка проблемы / В. В. Суворова, Л. А. Суворова // Теория и практика приоритетных научных исследований: сборник научных трудов по материалам VIII Международной научно-практической конференции, Смоленск, 13 августа 2019 года. Смоленск: МНИЦ «Наукофера», 2019. С. 71–74.
17. Тамбовцев А. И. Эволюция оперативно-розыскных мероприятий: монография / А. И. Тамбовцев, Н. В. Павличенко. М. : Академия управления МВД России, 2021. С. 41–42.
18. Шаталов А. С. Разработка методических основ расследования преступлений, совершаемых с помощью компьютерных и сетевых технологий: проблемы, перспективы и тенденции // *Вестник Сибирского юридического института МВД России*. 2018. № 3 (32). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razrabotka-metodicheskikh-osnov-rassledovaniya-prestupleniy-sovershaemyh-s-pomoschyu-kompyuternyh-i-setevyh-tehnologiy-problemy> (дата обращения: 26.05.2023).
19. Яковец Ю. В. Функции интеллекта Человека разумного – первоисточники института партнерства цивилизаций // *Партнерство цивилизаций*. 2020. № 1-2. С. 100–106.
20. Янгаева М. О. Социальная инженерия как способ совершения киберпреступлений // *Вестник Сибирского юридического института МВД России*. 2021. № 1 (42). С. 133–138.

References

1. Vinogradova E. V. Aktual'nye mysli o prave / E. V. Vinogradova, S. I. Zaharcev. M.: YurLit, 2023. 232 s. (In Russ.).
2. Derendyaeva T. M. The principle of legality and computer crimes in the context of the formation of an information society / T. M. Derendyaeva, G. A. Muhina // *Vestnik Kaliningradskogo filiala Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*. 2019;2(56): 17–21. (In Russ.).
3. Zaharcev S. I. Operational investigative activities and information security as part of Russia's military security / S. I. Zaharcev, V. P. Sal'nikov, A. S. Aleksanin // *Izvestiya Rossijskoj akademii raketnyh i artillerijskikh nauk*. 2018;2(102): 102–106. (In Russ.).
4. Ishchuk Ya. G. Cifrovaya kriminologiya: uchebnoe posobie / Ishchuk Ya. G., Pinkevich T. V., Smol'yaninov E. S. M. : Akademiya upravleniya MVD Rossii, 2021. 242 s. (In Russ.).
5. Karimov V. H. The current state and trends in the further development of the system of forensic support for combating crime in the information and telecommunications sector / V. H. Karimov, A. V. Karimov // *Problemy pravovoj i tekhnicheskoy zashchity informacii*. 2020;8: 66–72. (In Russ.).
6. Kvashis V. E. On the new theory of applied criminology: a review of V. S. Ovchinsky's textbook "Criminology of the Digital World" // *Obshchestvo i pravo*. 2018;1 (63): 122–124. (In Russ.).
7. Kolin K. K. The digital Revolution and artificial intelligence: new horizons and dangers // *Partnerstvo civilizacij*. 2020;1-2: 100–106. (In Russ.).
8. Lavickaya M. I. Structural and substantive characteristics of Chapter 28 of the Criminal Code of the Russian Federation: legal, technical and legal implementation problems of crimes in the field of computer information / M. I. Lavickaya, I. N. Krapchatova // *Rossijskij sledovatel*. 2021;6: 35–41. (In Russ.).
9. Lobach D. V. The development of Russian criminal legislation in the field of countering crimes committed on the Internet // *Ugolovnoe pravo: strategiya razvitiya v XXI veke*. 2023;3: 21–27. (In Russ.).
10. Osipova I. N. Iskusstvennyj intellekt – ugroza ili pomoshchnik cheloveka? // *Ekonomika. Obshchestvo. Chelovek: materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem* / red. E. N. Chizhova. T. 1. Vyp. XXXVII. Belgorod: Belgorodskij gosudarstvennyj tekhnologicheskij universitet im. V. G. Shuhova, 2019. S. 179–182. (In Russ.).
11. Rovina E. E. Computer crimes yesterday and today / E. E. Rovina, Z. Z. Gur'yanova // *Nauchnyj dajdzhest Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii*. 2022;3(17): 81–85. (In Russ.).
12. Ruskevich E. A. Ugolovnoe pravo i «cifrovaya prestupnost'»: problemy i resheniya: monografiya. 2-e izd., pererab. i dop. M. : INFRA-M, 2023. 351 s. (In Russ.).
13. Savenkov A. N. The vector of development of forensic science in the context of global digitalization / A. N. Savenkov, E. R. Rossinskaya // *Gosudarstvo i pravo*. 2023;5. S. 100–110. (In Russ.).
14. Semenova I. V. Regulatory legal regulation of liability for violations in the field of information security // *Obrazovanie i pravo*. 2023;5: 119–124. (In Russ.).

15. Serebrennikova A. V. Digital forensics and its importance for crime investigation // International Law Journal. 2019. T. 2;4: 126–133. (In Russ.).
16. Suvorova, V. V. Sovershenie prestuplenij s ispol'zovaniem social'noj inzhenerii: postanovka problemy / V. V. Suvorova, L. A. Suvorova // Teoriya i praktika prioritetnyh nauchnyh issledovanij: sbornik nauchnyh trudov po materialam VIII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Smolensk, 13 avgusta 2019 goda. Smolensk: MNIC «Naukosfera», 2019. S. 71–74. (In Russ.).
17. Tambovcev A. I. Evolyuciya operativno-rozysknyh meropriyatij: monografiya / A. I. Tambovcev, N. V. Pavlichenko. M. : Akademiya upravleniya MVD Rossii, 2021. S. 41–42. (In Russ.).
18. Shatalov A. S. Development of methodological foundations for the investigation of crimes committed using computer and network technologies: problems, prospects and trends // Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2018;3 (32). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razrabotka-metodicheskikh-osnov-rassledovaniya-prestupleniy-sovershaemyh-s-pomoschyu-kompyuternyh-i-setevyh-tehnologiy-problemy> (data obrashcheniya: 26.05.2023). (In Russ.).
19. Yakovec Yu. V. The functions of the intellect of a reasonable Person – primary sources of the Institute of Partnership of Civilizations // Partnerstvo civilizacij. 2020;1-2: 100–106. (In Russ.).
20. Yangaeva M. O. Social engineering as a way to commit cybercrimes // Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2021;1 (42): 133–138. (In Russ.).

Информация об авторах

И. В. Семёнова – кандидат юридических наук

Статья поступила в редакцию 01.04.2024;
одобрена после рецензирования 18.06.2024;
принята к публикации 20.06.2024.

Information about the authors

I. V. Semyonova – Candidate of Sciences (Law)

The article was submitted 01.04.2024;
approved after reviewing 18.06.2024;
accepted for publication 20.06.2024.

Научная статья

УДК 159.9.07
EDN: HVOHMRПРИЕМЫ РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В ЦИФРОВОЙ РЕКЛАМЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УСЛУГ ПЕДАГОГОВ-РЕПЕТИТОРОВ**Ирина Марковна Богдановская**

РГПУ им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия

i.bogdanovskaya66@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7303-615X>

Аннотация. Актуальность исследования приемов речевого воздействия педагогов в цифровых медиа связана с необходимостью анализа этических рисков сетевой коммуникации и установления стандартов профессионального педагогического сообщества. С помощью методов автоматизированного контент-анализа и интент-анализа проанализированы речевые приемы привлечения и воздействия на аудиторию педагогов-репетиторов Санкт-Петербурга (сайт «Ассоциация репетиторов» <https://spb.repetit.ru>). Выявлены коммуникативные тактики педагогов-репетиторов, связанные с использованием приемов речевого воздействия: «демонстрация профессионального "Я"», «побуждение сильной эмоциональной реакции», «обращение к мифологическому мышлению», «побуждение к быстрому принятию решения». Полученные данные указывают на назревшую необходимость специальной подготовки по этическому самопродвижению педагогов в профессиональных цифровых медиа.

Ключевые слова: коммуникативные тактики, приемы речевого воздействия, профессиональные цифровые медиа, самопрезентация педагогов

Для цитирования: Богдановская И.М. Приемы речевого воздействия в цифровой рекламе образовательных услуг педагогов-репетиторов // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2024. № 2 (27). С. 72–81. URL: <https://vestnik-spvi.ru/2024/06/008.pdf>. EDN: HVOHMR.

WORK PSYCHOLOGY, ENGINEERING PSYCHOLOGY, COGNITIVE ERGONOMICS

Original article

STRATEGIES OF VERBAL INFLUENCE IN DIGITAL ADVERTISING
OF EDUCATIONAL SERVICES FOR TUTORING EDUCATORS**Irina M. Bogdanovskaya**

Herzen University, Saint Petersburg, Russia

ibogdanovs@herzen.spb.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7303-615X>

Abstract. The relevance of the study of the methods of speech influence of teachers in digital media is associated with the need to analyze the ethical risks of network communication and establish standards of the professional pedagogical community. Using the methods of automated content analysis and intent analysis, the speech techniques of attracting and influencing the audience of teachers-tutors in St. Petersburg (the Association of Tutors website <https://spb.repetit.ru>). The communicative tactics of teachers-tutors associated with the use of speech influence techniques are revealed: "demonstration of professional self", "prompting a strong emotional reaction", "appeal to mythological thinking", "prompting to make a quick decision". The data obtained indicate the urgent need for special training on ethical self-promotion of teachers in professional digital media.

Keywords: communication tactics, methods of speech influence, professional digital media, self-presentation of teachers

For citation: Bogdanovskaya I.M. Features of the professional self-image of Internet workers of various forms of employment. Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta vojsk nacional'noj gvardii. 2024;2(27): 72–81. (In Russ.). Available from: <https://vestnik-spvi.ru/2024/06/008.pdf>. EDN: HVOHMR.

© Богдановская И.М., 2024

Введение

Интернет и электронные коммуникационные технологии широко используются современными педагогами и являются одной из главных площадок для трансляции ценностей, знаний и информации. В этой ситуации обязательной областью профессионального развития работников системы образования становится повышение информационно-технологических компетенций, одной из которых является освоение интернет-пространства¹. Наряду с другими представителями помогающих профессий, педагоги имеют возможность производить и публиковать пользовательский онлайн-контент. Разработка «пользовательского контента» предполагает постоянное освоение его автором различных коммуникативных практик, к которым относятся аккаунты в социальных сетях, блоги, подкасты, фото- и видеоматериалы, разнообразные интернет-приложения [1]. Кроме технологической составляющей, большое значение приобретает характер и направленность пользовательского контента, отражающие мотивы и ценности его создателя. В силу этого отечественные и зарубежные исследователи предлагают рассматривать пользовательский контент как информацию, которая оказывает влияние на её потребителей и позволяет оценивать коммуникативные стратегии авторов [2]. По определению Т. А. Челноковой, «пользовательский контент педагога имеет, прежде всего, образовательный характер и обобщает содержательное наполнение педагогической деятельности» [3, С. 78]. В то же время, по определению Е. С. Гусевой, «контент можно определить как коммуникационный продукт медиапотребления, который в итоге приводит к реальному потреблению товаров и услуг» [4, С. 211]. Таким образом, в ходе виртуальной самопрезентации, педагоги, использующие цифровые медиа, решают в том числе и задачи экономической коммуникации, поскольку, по данным компании Maximum Education, почти 60 % российских учителей занимаются репетиторством². По этой причине потенциал виртуальной среды зачастую используется для продвижения и рекламы педагогов для поиска клиентов и учеников [5]. Основной задачей экономической коммуникации

является воздействие на потребителя с целью побуждения к приобретению образовательных услуг. Создавая большое количество рекламного текста, педагоги-репетиторы расширяют поле образовательного дискурса, меняя критерий описания профессии учителя, влияют на представление читателей об образовательном сообществе [6, 7]. В связи с высокой конкуренцией некоторые педагоги в ходе виртуальной самопрезентации начинают использовать приемы речевого воздействия для привлечения учеников. Наличие манипулятивных практик в педагогическом дискурсе изменяет социальные установки пользователей в отношениях с учителем в сторону коммерческих отношений, что пагубно сказывается на образовательном процессе [8, 9]. В этой ситуации повышается потребность в анализе особенностей функционирования педагога в цифровых медиа [10].

С учетом вышесказанного наш исследовательский интерес остановился на анализе приемов речевого воздействия, используемых педагогами-репетиторами для рекламы своих услуг в образовательных цифровых медиа. Приемы речевого воздействия являются одним из компонентов структурно-семантической организации вербальных самопрезентаций, которая представляет собой совокупность лингвостатистических и семантических характеристик пользовательского контента педагогов-репетиторов.

Формальные характеристики самопрезентаций (сообщения объективных сведений о профессиональной деятельности, лингвостатистические характеристики сообщений, темы сообщений) отражают качество передачи информации, которая осознанно понимается потенциальными учениками и используется для принятия решения об обращении к педагогу-репетитору. Подход, связанный с улучшением качества организации и подачи информации об образовательных услугах репетиторов, можно воспринимать как способствующий корректному самопродвижению педагога в виртуальной среде.

В то же время приемы речевого воздействия в ряде случаев включают методы внушения (суггестии), которые воспринимаются без полного контроля сознания и

¹ Приказ Минтруда России от 30.01.2023 № 53н «Об утверждении профессионального стандарта "Специалист в области воспитания"» (Зарегистрировано в Минюсте России 03.03.2023 № 72520).

² Исследование: 60 % учителей в России занимаются репетиторством [Электронный ресурс] // BFM.ru. URL: <https://www.bfm.ru/news/477678> (дата обращения: 26.01.2024).

способны повлиять на мысли, действия и эмоциональное состояние читателя [11, 12, 13]. Условием для успешности подобных воздействий являются личностные особенности людей, воспринимающих рекламный текст [14]: их психоэмоциональное состояние, уровень компетентности, дефицит времени для принятия взвешенного решения, высокая степень значимости, переживание неопределенности. Все эти характеристики могут иметь отношение к потенциальным ученикам и их родителям и повышать уязвимость перед речевым воздействием на принятие решения об обращении к репетитору.

В настоящее время изучение приемов речевого воздействия в образовательной коммуникации в большей степени сосредоточено на анализе непосредственного педагогического взаимодействия ученика и учителя в контексте анализа просветительской деятельности [15], в обучении иностранным языкам [16], в воспитательной деятельности [17], в обучении младших школьников [18]. Однако существует дефицит исследований, посвященных изучению приемов речевого воздействия в цифровой рекламе образовательных услуг. В связи с этим целью эмпирической части нашей работы стал структурный и содержательный анализ вербальных самопрезентаций педагогов-репетиторов в цифровых медиа (на примере сайта <https://spb.repetit.ru>) и применяемых ими приемов речевого воздействия на целевую аудиторию.

Методы

В качестве объекта исследования выступил корпус анкет наиболее популярных (по количеству просмотров) педагогов-репетиторов Санкт-Петербурга с сайта «Ассоциация репетиторов» (<https://spb.repetit.ru>), опубликованных в 2023 году (100 анкет, включая анкеты 60 женщин и 40 анкет мужчин). Среди популярных анкет были представлены следующие направления обучения: физико-математические дисциплины (34 %), иностранные языки (26 %), гуманитарные дисциплины (12 %), русский и литература (12 %), естественно-научные дисциплины (8 %), художественные дисциплины (8 %). Процентное соотношение направлений популярности отражает социальный тренд в обучении и потребности потенциальных учеников.

В соответствии с целью работы были поставлены следующие исследовательские вопросы:

1. Различаются ли структурно-семантические характеристики рекламы образовательных услуг в цифровых медиа в зависимости от направления обучения?

2. Какие коммуникативные тактики, связанные с использованием приемов речевого воздействия, используют педагоги-репетиторы для привлечения потенциальных учеников?

В исследовании применялись следующие методы: 1) метод автоматизированного контент-анализа (программа ADVEGO), при помощи которого анализировалось семантическое ядро текстов-самопрезентаций; 2) для выявления приемов речевого воздействия использовался метод интен-анализа [19]; 3) методы математической статистики (Н-критерий Краскелла-Уоллеса) с использованием программы Statistica v.8.0. Метод интен-анализа позволяет реконструировать латентные характеристики речи или интенции (скрытый смысл высказываний) онлайн-специалиста и может быть использован для исследования информационных воздействий различных типов. Методика выявления интенций включала три операциональных шага: а) в ходе контент-анализа текстов самопрезентаций специалистов, представленных на онлайн-платформе, были выделены две категории выраженных интенций, направленных на специфические объекты: «на себя» (виртуальный образ психолога) – 22,4 % от общего числа интенций, на потенциального ученика – 77, 6 %; б) двое экспертов вчитывались в конкретное содержание текстовых фрагментов, образующих выделенные категории, и оценивали очевидность интенций, лежащих в их основе; в) рассчитывался коэффициент корреляции, отражающий согласованность экспертных оценок ($R_s \geq 0,8$).

Результаты исследования

Для ответа на первый исследовательский вопрос выборка текстов-объявлений была разделена по направлениям обучения и проведена оценка формальных характеристик виртуальной самопрезентации, отражающих определенные стандарты профессиональной деятельности педагогов-репетиторов, работающих в цифровых медиа (таблица 1).

Таблица 1 – Формальные характеристики описаний образовательных услуг педагогов-репетиторов в зависимости от направления обучения

Table 1 – Formal characteristics of descriptions of educational services provided by tutors, depending on the field of study

Формальные характеристики	1	2	3	4	5	6	H	p
Профессиональный стаж	16	15	11	9	11	20	2,06	0,049*
Стоимость образовательных услуг (одного занятия)	2269	3815	2175	2033	1875	2000	3,37	0,012*
Количество положительных отзывов	37	21	28	17	21	17	1,51	0,205
Объем вербальной части самопрезентации (количество слов)	271	305	188	413	260	190	1,33	0,269

Примечание: 1 – иностранные языки; 2 – физико-математические дисциплины; 3 – естественно-научные дисциплины; 4 – гуманитарные дисциплины; 5 – творческие дисциплины; 6 – русский язык.

Были обнаружены достоверно значимые различия в указаниях на профессиональный стаж: наиболее продолжительным он является у педагогов русского языка ($p=0,049$), самые молодые педагоги преподают гуманитарные и творческие дисциплины. Стоимость образовательных услуг достоверно выше у преподавателей физико-математических дисциплин ($p=0,012$), что связано с повышенной потребностью учеников в подготовке по данным предметам. В количестве положительных отзывов и объеме вербальной части самопрезентации различий не обнаружено. Тем не менее самое большое количество отзывов у

педагогов иностранных языков, а наиболее развернутую самопрезентацию предоставляют педагоги-репетиторы гуманитарных дисциплин.

В таблице 2 приведены результаты автоматизированного контент-анализа, позволившего выделить семантическое «ядро» рекламы образовательных услуг педагогов-репетиторов. Семантическое ядро включает наиболее часто встречающиеся в тексте слова, задающие тематическую основу успешной самопрезентации педагогов-репетиторов в виртуальной среде с учетом направления обучения.

Таблица 2 – Семантическое «ядро» описаний образовательных услуг педагогов-репетиторов в зависимости от направления обучения

Table 2 – The semantic "core" of descriptions of educational services provided by tutors, depending on the field of study

Иностранные языки		Русский язык		Физико-математические дисциплины	
Основные темы	f	Основные темы	f	Основные темы	f
Английский	98	Ученик	40	Ученик	190
Язык	92	Занятие	24	Занятие	142
Ученик	72	ЕГЭ	22	Олимпиада	104
Занятие	62	Русский	22	ЕГЭ	92
Подготовка	52	ОГЭ	18	Подготовка	66
Экзамен	44	Балл	18	Экзамен	60
ЕГЭ	40	Русский язык	18	Математика	56
Курс	38	Язык	18	ОГЭ	56
Материал	36	Подготовка	16	Балл	54
Уровень	34	Результат	15	Знание	50
Естественно-научные дисциплины		Гуманитарные дисциплины		Творческие дисциплины	
Основные темы	f	Основные темы	f	Основные темы	f
Ученик	50	Ученик	114	Занятие	22
Биология	16	Занятие	98	Искусство	20
Задание	16	ЕГЭ	54	Действие	14
Занятие	14	Экзамен	44	Упражнение	14

ОГЭ	14	История	42	Внимание	12
Химия	14	ОГЭ	38	История	12
Биологии химии	12	Формат	38	Москва	12
Высокий	12	Задание	36	Музыка	12
Предмет	12	Подготовка	34	Навык	12
Знание	12	Обществознание	32	Подготовка	12

Примечание: f – абсолютная частота встречаемости

В обращениях педагогов-репетиторов иностранных языков в центре смыслового ядра находится преподаваемый учебный предмет, остальные термины создают установку на всестороннюю комплексную подготовку в течение длительного времени: курс с предоставлением материалов для занятий, экзаменов, ЕГЭ по разным направлениям, освоением определенного уровня языка. В самопрезентации педагогов-репетиторов по русскому языку центром смыслового ядра является обращение к потенциальному ученику, подготовка к ОГЭ и ЕГЭ, а также ориентация на результат: подготовка ученика к ЕГЭ и ОГЭ с определенными баллами.

Педагоги-репетиторы физико-математического направления акцентируют не только подготовку к экзаменам, но возможность подготовки к олимпиадам, ЕГЭ и ОГЭ с высокими баллами и высоким уровнем знаний.

Презентация образовательной деятельности педагогов-репетиторов естественнонаучных дисциплин достаточно узкая, ориентированная на описание потенциального ученика и процесса обучения: занятия по химии и биологии для сдачи ОГЭ с высокими баллами. Гуманитарная самопрезентация направлена в большей степени на описание формата занятий для конкретизации процесса обучения. Представители творческих специальностей концентрируются на уровне внимания к ученику и включенности в процесс обучения, освоение предметных навыков и действий.

Можно отметить, что в структуре предложений по образовательным услугам педагогов-репетиторов наиболее часто представлены инвариантные для всех направлений темы: описание требований к потенциальному ученику и рассказ о достижениях ранее обучающихся (466 упоминаний), описание того, как проходят занятия (428), процесса подготовки к экзаменам (328), ЕГЭ (208), ОГЭ (126), олимпиадам (104).

В целом, анализ структурно-семантических характеристик рекламы образовательных услуг педагогов в цифровых медиа представляется одним из способов

создания уникального образовательного контента. Автоматизированный контент-анализ позволяет улучшить качество текстов самопрезентаций, что будет выступать методом так называемого «белого» маркетинга. Речь идет о прозрачных и экологических приемах коммерческой коммуникации, способствующих корректному «продвижению» личного бренда педагога-репетитора в виртуальном пространстве.

Ответ на второй исследовательский вопрос был связан с анализом приемов речевого воздействия педагогов-репетиторов на целевую аудиторию, приведенных в таблице 3.

Первая группа приемов речевого воздействия педагогов-репетиторов связана с тактикой демонстрации профессионального «Я» и профессиональных достижений (сохранена авторская стилистика оформления, удалены личные данные):

1. Демонстрация статуса: «Кандидат филологических наук; преподаватель исторического факультета СПбГУ»; «автор нескольких десятков научных статей и книг».

2. Демонстрация опыта: «Занимаюсь репетиторством более пяти лет»; «Я – эксперт по химии и биологии с более чем 10-летним опытом работы в качестве частного репетитора».

3. Самовосхваление, демонстрация дополнительного статуса, не относящегося к предмету деловой коммуникации: «Стипендиат нефтяной компании «XXXXXX».

4. Демонстрация всемогущества: «Ищите опытного репетитора, который поможет вашему ребенку добиться выдающихся результатов в химии, математике и физике?».

Второй тактикой выступает активация у читателя сильной эмоциональной реакции, снижающей критичность к потребляемой информации. В нее включены следующие приемы:

1. Встраивание негативной установки: «В 2023 году ЕГЭ по истории в России не сдал каждый десятый ученик, а ЕГЭ по обществознанию – каждый пятый. Эта печальная картина показывает, что ЕГЭ – сложный экзамен, требующий серьезной подготовки».

Таблица 3 – Основные категории интенций в описаниях образовательных услуг педагогов-репетиторов

Table 3 – Main categories of intentions in the descriptions of educational services of teachers-tutors

Направленность интенций	Категории интенций (коммуникативные тактики)	Приемы речевого воздействия	%
На себя	Демонстрация профессионального Я и профессиональных достижений – 22,4 %	Демонстрация статуса:	5,9
		Демонстрация опыта	3,6
		Самовосхваление, демонстрация дополнительного статуса, не относящегося к предмету деловой коммуникации	10,0
		Демонстрация всемогущества	2,9
На потенциального ученика	Активация у читателя сильной эмоциональной реакции, снижающей критичность к потребляемой информации – 20,8 %	Встраивание негативной установки	1,8
		Встраивание позитивной установки	4,8
		Якорение образов негативных последствий	2,0
		Тактика эмоционального присоединения	10,6
		Тактика поощрения	0,2
		Демонстрация личной включенности	1,4
	Обращение к мифологическому мышлению, потенциальных учеников – 29 %	Ориентация на чудо	8,8
		Повествование «реальной» истории	10,9
		Программирующие вопросы	2,3
		Подталкивание к принятию решения	7,0
	Формирование у читателя ощущения уникальности возможности и необходимости быстро принимать решение – 5,9 %	Придание сообщению уникальности	5,0
		Создание ситуации дефицита	0,9
	Использование техник, связанных со смещением внимания читателя, – 21,9 %	Персональный рефрейминг	4,8
		Управляемые ассоциации, позволяющие изменить фокус восприятия	8,1
		Создание семантической расплывчатости	9,0

2. Встраивание позитивной установки: «Возможна экспресс-подготовка к ОГЭ и ЕГЭ. Повышение успеваемости – 90 %».

3. Якорение образов негативных последствий: «Вы понимаете, что если не обратиться сейчас, то дальше учиться будет все сложнее?».

4. Тактика эмоционального присоединения: «Легко нахожу контакт со всеми учениками, вместе мы получим результаты на 80+ баллов всего за год подготовки».

5. Тактика поощрения: «Я всегда прислушиваюсь к тому, что хочет проходить сам ученик, он сам составляет свой план и выстраивает цели».

6. Демонстрация личной включенности: «С удовольствием занимаюсь с детьми и взрослыми»; «Эксперт из МГУ будет рад помочь с подготовкой».

Следующая тактика связана с обращением к мифологическому мышлению потенциальных учеников:

1. Ориентация на чудо: «Успешный опыт подготовки к ЕГЭ с абсолютного нуля в усиленном темпе менее чем за 2 месяца!».

2. Повествование «реальной» истории: «Даже самый продвинутый школьник никогда не слышал от меня "это слишком сложно, я сам не знаю". Сложный вопрос –

это вызов, который принимаю я – профессиональный репетитор».

3. Программирующие вопросы: «У вас болит голова от того, что впереди ЕГЭ по английскому?» «Почему я? Все просто!».

4. Подталкивание к принятию решения: «Освободите свое ценное время для важных дел и для себя, доверив вопрос качественного образования ответственному педагогу».

Представлена тактика, направленная на формирование у читателя ощущения уникальности возможности и необходимости быстро принимать решение:

1. Придание сообщению уникальности: «Готовлю по собственной методике, отработанной с годами на более чем 160 учениках (индивидуальных)»; «Мой урок – это не просто занятие, а индивидуальный путь к успеху».

2. Создание ситуации дефицита: «Важно! Осталось мало мест! Занятия провожу по предоплате. Стоимость зависит от выбранного абонемент».

Действенным подходом является тактика, связанная со смещением внимания читателя на близкие и понятные ему темы:

1. Персональный рефрейминг – апеллирование к опыту клиента и смещение внимания с сути сообщения: «Вы можете даже совсем ничего не знать – это не страшно, всё равно приходите».

2. Управляемые ассоциации, позволяющие изменить фокус восприятия: «И у меня, как у врача, для каждого из вас есть готовый рецепт именно для вашего случая по вашему запросу, который приведёт вас к результату».

3. Создание семантической расплывчатости – сложных конструкций, усложняющих восприятие: «Для перехода на новый уровень английского в среднем нужно 35–55 часов занятий со мной; лучшие результаты моих учеников по обществознанию и истории (ЕГЭ – 2023): 100, 98, 96, 96, 96, 92, 92, 88, 88, 86, 86, 83, 83».

Завершая анализ приемов речевого воздействия, можно отметить, что виртуальный образ педагога-репетитора как объект интенциональной направленности отражает совокупность внешних, объективных параметров профессиональной самопрезентации и латентных, скрытых коммуникативных намерений автора. В целом, интенции, связанные с образом педагога-репетитора, реализуют функцию побуждения доверия к специалисту.

Интенции, направленные на потенциального ученика и его родителей, имеют

побудительный характер: изменяют его эмоциональное состояние, подталкивают к ускоренному принятию решения и снижению критичности. Поскольку, по замечанию В. Ф. Петренко, «эффективность воздействия зависит от ожиданий человека» [20, С. 83], психологическими «мишенями» речевого воздействия репетиторов выступают определенные индивидуальные особенности (тревожность, склонность к катастрофизации и т. д.), актуализация ролевого поведения (родительская забота, ответственность подростка перед старшими, важность успешной профессиональной самореализации и т. д.).

Обсуждение

В соответствии с первым исследовательским вопросом были проанализированы структурно-семантические характеристики вербальной самопрезентации педагогов-репетиторов. Было установлено, что этот аспект описания образовательных услуг у педагогов-репетиторов связан с улучшением качества организации и подачи информации и способствует их корректному самопродвижению в виртуальной среде.

В ходе ответа на второй исследовательский вопрос было установлено, что репетиторы используют широкий спектр приемов речевого воздействия для привлечения внимания потенциальных учеников и их родителей. Стоит отметить, что по результатам проведенного исследования коммуникативные тактики репетиторов включают, в основном, приемы речевого воздействия, направленные на снижение критичности читателей. Подобные приемы способны оказать суггестивное воздействие на психику потенциальных учеников и их родителей, путем навязывания им «внушенных установок», которые не осмысливаются и не анализируются. Данный результат соотносится с исследованием С. Ю. Полуйковой [15], посвященном изучению суггестивного дискурса в образовательной деятельности, которое описывает ряд вербальных техник воздействия, используемых в просветительском дискурсе.

Соотнося полученные результаты с исследованиями В. Ф. Петренко [20], можно говорить о том, что в рамках обычной образовательной деятельности, реализуемой в оффлайне, педагоги в большей степени ориентированы на создание новых смысловых конструктов в сознании учеников. Это происходит за счет предоставления новой информации и изменения существующей структуры представлений обучающихся, что соотносится с этическими нормами

преподавательской работы. В то же время, в рамках цифровой самопрезентации, педагоги-репетиторы ориентированы в первую очередь на изменение эмоционального настроя и отношения потенциальных учеников, что может расцениваться как неоднозначное, не вполне корректное воздействие.

Полученные эмпирические данные указывают на необходимость дальнейшего изучения специфики самопрезентации педагогов в профессиональных сетевых сообществах, а также на назревшую необходимость специальной подготовки по этичному самопродвижению педагогов в цифровых медиа.

Заключение

В цифровой рекламе образовательных услуг педагогов-репетиторов основными коммуникативными тактиками, включающими приемы речевого воздействия на потенциальных учеников и их родителей, являются: «демонстрация профессионального "Я" и профессиональных достижений», «активация сильной эмоциональной реакции, снижающей критичность к информации», «обращение к мифологическому

мышлению», «формирование ощущения уникальности, возможности и необходимости быстро принимать решение», «техники смещения внимания». Выявлена тематическая организация рекламных сообщений в зависимости от направления обучения. Смысловым «ядром» предложений об образовательных услугах, инвариантным для всех направлений обучения, является указание на наиболее значимую для целевой аудитории информацию: описание требований к потенциальному ученику, рассказ о достижениях ранее обучающихся, описание того, как проходят занятия, описание процесса подготовки к экзаменам и олимпиадам. Эти аспекты предложений имеют характер прозрачных и экологических приемов коммерческой коммуникации, способствующих корректному «продвижению» личного бренда педагога-репетитора в виртуальном пространстве.

Полученные результаты указывают на необходимость дальнейшего исследования педагогического дискурса в цифровых медиа для обеспечения конструктивной коммуникации между педагогами-репетиторами и учениками.

Список источников

1. Беленко В. Е. Контент социальных сетей в материалах СМИ / В. Е. Беленко, В. А. Зырянов // Вопросы теории и практики журналистики. Т. 7. № 3. 2008. С. 444–458.
2. Seraji F. Teacher-generated content in social media: Studying the experience of Iranian teachers. *Teaching and Teacher Education* / F. Seraji, R. Malmir, H. Abedi Vol. 121, 2022. P. 103955.
3. Челнокова Т. А. Педагогический контент проектирования информационной культуры обучающегося, как Интернет-пользователя / Т. А. Челнокова, А. П. Иванова, Ю. Ю. Сабирянова // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2015. № 4–2. С. 78.
4. Гусева Е. С. Основные характеристики понятия «контент» в рамках контент-маркетинга // Современные научные исследования и разработки. 2018. № 3(20). С. 207–211.
5. Jackson M. The public health community's use of social media for policy advocacy: a scoping review and suggestions to advance the field. *Public Health* / M. Jackson, L. Parker Vol. 198, 2021. Pp.146–155.
6. Patahuddin S. M. Professional development through social media: A comparative study on male and female teachers' use of Facebook Groups. *Teaching and Teacher Education* / S. M. Patahuddin, S. Rokhmah, M. Gunawardena Vol. 114, 2022. P. 103700.
7. Chao Ch. Being a YouTuber that language learners recognize: A study on constructing language teacher identities in social media community of practice. *System*. Vol. 109, 2022. P. 102860.
8. Уджуху Д. М. Тактики реализации принципов суггестии в рекламной коммуникации / Д. М. Уджуху, Г. А. Осипов // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2018. № 2 (217). С. 132–137.
9. Лухменева Е. П. Особенности формирования и продвижения бренда вуза / Е. П. Лухменева, О. М. Калиева. URL: http://vestnik.osu.ru/2012_13/39.pdf (дата обращения: 28.01.2024).
10. Cialdini R. *Influence. Science and practice*, 7th ed. 2022. 320 p.
11. Акулич М. М. Власть и управление временем // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2018. № 4. С. 24–25.
12. Куликов В. Н. Проблемы социальной психологии. Иваново: Изд-во Иван. Гос. ун-та, 1979. 76 с.
13. Шерток Л. Г. Непознанное в психике человека: пер. с франц. / Л. Шерток ; вступ. ст. и общ. ред. Ф. В. Бассина. М. : Прогресс, 1982. 311 с.

14. Турчин А. С. Проблемы психологии внушения в трудах В. Н. Куликова // Век психологии в Ярославле: сборник научных материалов Всероссийской конференции. Ярославль, 2023. С. 200–204.
15. Полуйкова С. Ю. Сuggestивные характеристики современного просветительского дискурса // Вестник Омского университета. 2013. № 1 (67). С. 89–93.
16. Соловьева И. В. Сuggestивный метод обучения иностранным языкам / И. В. Соловьева, Подкина Н. А. // Вестник Чебоксарского кооперативного института. 2009. № 1 (3). С. 196–199.
17. Манджиева Е. В. Сuggestивное управление в системе педагогической деятельности учителя // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология. 2008. № 7. С. 61–65.
18. Субботина Н. Д. Применение сuggestии в современных методиках обучения // Ученые записки Забайкальского государственного университета. 2017. Т. 12. № 3. С. 111–121.
19. Павлова Н. Д. Интент-анализ: основания, процедура, опыт использования / Н. Д. Павлова, Т. А. Гребенщикова. М. : Изд-во «Институт психологии РАН», 2017. 151 с.
20. Петренко В. Ф. Искусство сuggestивного воздействия, или некоторые мысли впрок // Журнал практикующего психолога. 2009. № 6. С. 73–84.

References

1. Belenko V. E. Social network content in media materials / V. E. Belenko, V. A. Zyryanov // Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki. T. 7;3. 2008: 444–458. (In Russ.).
2. Seraji F. Teacher-generated content in social media: Studying the experience of Iranian teachers. Teaching and Teacher Education / F. Seraji, R. Malmir, H. Abedi Vol. 121, 2022. P. 103955.
3. Chelnokova T. A. Pedagogical content of designing the information culture of the student as an Internet user / T. A. Chelnokova, A. P. Ivanova, Yu. Yu. Sabiryanova // Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv. 2015;4–2. S. 78. (In Russ.).
4. Guseva E. S. Main characteristics of the concept of "content" within content marketing // Sovremennye nauchnye issledovaniya i razrabotki. 2018;3(20): 207–211. (In Russ.).
5. Jackson M. The public health community's use of social media for policy advocacy: a scoping review and suggestions to advance the field. Public Health / M. Jackson, L. Parker Vol. 198, 2021. Pp.146–155.
6. Patahuddin S. M. Professional development through social media: A comparative study on male and female teachers' use of Facebook Groups. Teaching and Teacher Education / S. M. Patahuddin, S. Rokhmah, M. Gunawardena Vol. 114, 2022. P. 103700.
7. Chao Ch. Being a YouTuber that language learners recognize: A study on constructing language teacher identities in social media community of practice. System. Vol. 109, 2022. P. 102860.
8. Udzhuhu D. M. Tactics for implementing the principles of suggestion in advertising communication / D. M. Udzhuhu, G. A. Osipov // Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Filologiya i iskusstvovedenie. 2018;2 (217): 132–137. (In Russ.).
9. Luhmeneva E. P. Osobennosti formirovaniya i prodvizheniya brenda vuza / E. P. Luhmeneva, O. M. Kalieva. Available from: http://vestnik.osu.ru/2012_13/39.pdf (data obrashcheniya: 28.01.2024). (In Russ.).
10. Cialdini R. Influence. Science and practice, 7th ed. 2022. 320 p. (In Russ.).
11. Akulich M. M. Power and time management // Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Sociologiya. Ekonomika. Politika. 2018;4: 24–25. (In Russ.).
12. Kulikov V. N. Problemy social'noj psihologii. Ivanovo: Izd-vo Ivan. Gos. un-ta, 1979. 76 s. (In Russ.).
13. Shertok L. G. Nepoznannoe v psihike cheloveka: per. s franc. / L. Shertok ; vstup. st. i obshch. red. F. V. Bassina. M. : Progress, 1982. 311 s. (In Russ.).
14. Turchin A. S. Problems of the psychology of suggestion in the works of V. N. Kulikov // Vek psihologii v Yaroslavle: sbornik nauchnyh materialov Vserossijskoj konferencii. Yaroslavl', 2023. S. 200–204. (In Russ.).
15. Polujkova S. Yu. Suggestive characteristics of modern educational discourse // Vestnik Omskogo universiteta. 2013;1 (67): 89–93. (In Russ.).
16. Solov'eva I. V. Suggestive method of teaching foreign languages / I. V. Solovyova, N. A. Podkina // Vestnik Cheboksarskogo kooperativnogo instituta. 2009;1 (3): 196–199. (In Russ.).
17. Mandzhieva E. V. Suggestive management in the system of teacher's pedagogical activity // Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 3: Pedagogika i psihologiya. 2008;7: 61–65. (In Russ.).

18. Subbotina N. D. The use of suggestion in modern teaching methods // Uchenye zapiski Zabajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta. 2017. T. 12;3: 111–121. (In Russ.).
19. Pavlova N. D. Intent analysis: grounds, procedure, usage experience / N. D. Pavlova, T. A. Grebenshchikova. M. : Izd-vo «Institut psihologii RAN», 2017. 151 s. (In Russ.).
20. Petrenko V. F. The art of suggestive influence, or some thoughts for the future // Zhurnal praktikuyushchego psihologa. 2009;6: 73–84. (In Russ.).

Информация об авторах

И. М. Богдановская – кандидат психологических наук, доцент

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 22–78–10047, <https://rscf.ru/project/22-78-10047/> "Конструктивные и деструктивные коммуникативные практики специалистов помогающих профессий в цифровых медиа". URL: <https://rscf.ru/project/22-78-10047/>).

Статья поступила в редакцию 22.04.2024;
одобрена после рецензирования 02.05.2024;
принята к публикации 20.06.2024.

Information about the authors

I. M. Bogdanovskaya – Candidate of Sciences (Psychology), Docent

Acknowledgment: The research was prepared with the financial support of the Russian Science Foundation (project No. 22-78-10047, <https://rscf.ru/project/22-78-10047/> / "Constructive and destructive communicative practices of specialists of helping professions in digital media" URL: <https://rscf.ru/project/22-78-10047/>).

The article was submitted 22.04.2024;
approved after reviewing 02.05.2024;
accepted for publication 20.06.2024.

Научная статья

УДК 159.9
EDN: HYURFY

ОСОБЕННОСТИ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ЗАЩИТНЫХ МЕХАНИЗМОВ И КОПИНГ-СТРАТЕГИЙ У ВОЕННОСЛУЖАЩИХ С РАЗНЫМИ СРОКАМИ СЛУЖБЫ

Сергей Борисович Пашкин¹, Анатолий Степанович Турчин²

¹ РГПУ им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия

² Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии, Санкт-Петербург, Россия

¹ sergejppashkin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8791-3029>

² ast55@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7973-2017>

Аннотация. В статье приводятся результаты эмпирического исследования особенностей проявления психологических защитных механизмов и копинг-стратегий у военнослужащих одной из организаций Северо-Западного региона России с разными сроками службы.

Ключевые слова: психология, военнослужащий, профессиональная деятельность, психологическая защита, копинг-стратегия, диагностика

Для цитирования: Пашкин С.Б., Турчин А.С. Особенности психологических защитных механизмов и копинг-стратегий у военнослужащих с разными сроками службы // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2024. № 2 (27). С. 82–94. URL: <https://vestnik-spvi.ru/2024/06/009.pdf>. EDN: HYURFY.

Original article

FEATURES OF PSYCHOLOGICAL DEFENSE MECHANISMS AND COPING STRATEGIES IN MILITARY SERVICEMEN WITH DIFFERENT SERVICE LIFE

Sergey B. Pashkin¹, Anatoly S. Turchin²

¹ Herzen University, Saint Petersburg, Russia

² Saint-Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard Troops, Saint-Petersburg, Russia

¹ sergejppashkin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8791-3029>

² ast55@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7973-2017>

Abstract. The article presents the results of an empirical study of the characteristics of the manifestation of psychological defense mechanisms and coping strategies among military personnel of one of the organizations in the North-West region of Russia with different terms of service.

Keywords: psychology, military personnel, professional activity, psychological protection, coping strategy, diagnostics

For citation: Pashkin S.B., Turchin A.S. Features of psychological defense mechanisms and coping strategies in military servicemen with different service life. Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta vojsk nacional'noj gvardii. 2024;2(27): 82–94. (In Russ.). Available from: <https://vestnik-spvi.ru/2024/06/009.pdf>. EDN: HYURFY.

© Пашкин С.Б., Турчин А.С., 2024

Введение

Цель исследования: определить особенности механизмов психологической защиты и копинг-стратегии у военнослужащих с разным сроком военной службы.

Задачи исследования:

- подбор методик по измерению психологических защитных механизмов и копинг-стратегий;
- определение выраженности психологических защитных механизмов и активности

копинг-стратегий, выбираемых военнослужащими на разных сроках военной службы;

- анализ полученных показателей сформированности психологических защитных механизмов и копинг-стратегий с учетом срока службы респондентов;
- выявление взаимосвязей выраженности психологических защитных механизмов и активности копинг-стратегий в зависимости от срока прохождения военной службы.

Основные положения

В зарубежной и отечественной литературе проблема использования различных стратегий совладающего поведения является достаточно широко представленной [1, 2, 3, 4 5]. При этом используют самые разнообразные типологии копинга, т. е. даже на уровне основных понятий среди авторов нет единогласия.

Как отмечает В. С. Милосердова [6], при рассмотрении поведенческой, когнитивной и эмоциональной сфер личности их достаточно условно подразделяют на адаптивные и неадаптивные, а также «относительно адаптивные». Это означает отсутствие жестких критериев и ориентировку на прагматический эффект, который может оказаться ситуативным результатом, который в аналогичной ситуации вовсе не гарантирован.

Если принять за основу научную позицию Л. И. Анцыферовой [7], определяющей совладание как упрощенное понимание трудных жизненных ситуаций, с одной стороны, и отреагирование на них не только на пределе адаптивных возможностей личности, но иногда и с выходом за известные ей резервы, то данный подход в достаточной мере адекватен специфике воинской службы. Однако исследований, в которых данная проблема изучалась бы на материале военнослужащих с различным сроком воинской деятельности, относительно мало [8, 9, 10, 11, 12, 13].

Довольно часто совладающее поведение рассматривается в контексте конфликтных ситуаций, ситуаций адаптации к организационной культуре иного типа, то, собственно, копинг рассматривают как средство, применение которого не влечет автоматически желательных последствий [14, 15, 16, 17]. Поскольку жизнедеятельность военнослужащего протекает в условиях, способствующих частому возникновению стрессовых ситуаций [18], представляется обсудить такой важный аспект, как особенности проявления защитных механизмов личности и предпочтение более или менее продуктивных вариантов копинга в зависимости от продолжительности пребывания в войсках.

Объект исследования: военнослужащие по контракту с разным сроком военной службы.

Выборка исследования: в эмпирическом исследовании, проведенном осенью 2023 г., принимали участие военнослужащие по контракту со сроком военной службы до 5, до 10 и более 15 лет. Возраст испытуемых от 25 до 40 лет. Группы комплектовались численностью по 15 человек.

Предмет исследования: механизмы психологической защиты и копинг-стратегии, которые формируются в зависимости от срока службы.

Гипотеза исследования: военнослужащие с разным сроком военной службы имеют разные психологические защитные механизмы и копинг-стратегии.

Этапы эмпирического исследования:

- методологический: формирование батареи методик в соответствии с целью и задачами исследования;
- организационный: формирование выборки исследования;
- диагностический: проведение опроса;
- аналитический: обработка результатов данных эмпирического исследования и их интерпретация;
- итоговый: выводы по результатам исследования.

Для решения поставленных задач были отобраны следующие методики [19; 20]:

1. Методика на определение локуса контроля (Дж. Роттер, 1950).
2. Тест-опросник на стрессоустойчивость (Шкала уровня стрессоустойчивости и социальной адаптации Холмса и Page).
3. Личностная шкала проявления тревожности MAS (Дж. Тейлор, 1953).
4. Опросник «Копинг-стратегии» Р. Лазаруса.
5. Опросник Плутчика Келлермана Конте. Методика Индекс жизненного стиля (Life Style Index, LSI). Тест для диагностики механизмов психологической защиты.

При статистической обработке результатов исследования использовались следующие методы:

1. Метод описательной статистики (вычисление процентных соотношений средних показателей).
2. Метод статистического вывода (проверка гипотез о достоверности различий в средних значениях психодиагностических показателей с помощью t -критерия Стьюдента для независимых выборок).

3. Корреляционный анализ.

Статистическая обработка результатов выполнялась на ПК с помощью программного пакета Basic Statistica.

Результаты эмпирического исследования и их анализ.

1. Методика локуса контроля (Дж. Роттер, 1950).

Результаты исследования были переведены из «сырых» баллов шкал опросника УСК в стандартное значение «стен». Стены представлены по 10-балльной шкале и дают

возможность для сравнения результатов исследований. На рисунке 1 изображен «Профиль УСК», на котором по 10-балльной шкале отмечены стелы. Нормой является отметка на уровне 5,5.

Результаты исследования свидетельствуют о том, что результаты испытуемых близки к норме.

Можно отметить, что по шкале интернальности в области достижений (Ид)

зафиксированы наибольшие значения в 1 и 3 группе, что может свидетельствовать о высоком уровне субъективного контроля над положительными событиями и ситуациями. Такие люди считают, что они всего хорошего добились сами и способны с успехом преследовать свои цели в будущем.

Результаты диагностики уровня субъективного контроля по методике Джона Роттера представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Результаты диагностики уровня субъективного контроля

Table 1 – Results of the diagnosis of the level of subjective control

№	Ио	Ид	Ин	Ис	Ип	Им	Из
1 гр.	6,1	7,1	5,1	5,1	4,9	6,9	5,2
2 гр.	5,5	7,3	4,4	4,8	4,4	5,7	6,2
3 гр.	5,7	6,1	4,1	5,1	5,1	6,1	5,4
Х ср.	5,8	6,8	4,5	5,0	4,8	6,2	5,6

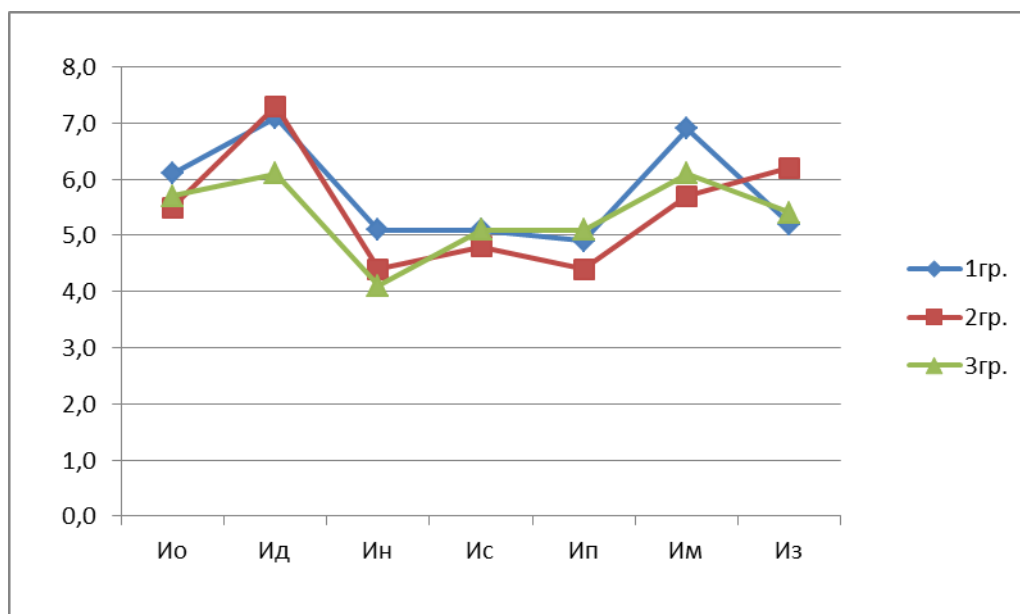

Рисунок 1 – Профиль УСК

Figure 1 – USK profile

2. Тест-опросник на стрессоустойчивость. Методика определения стрессоустойчивости и социальной адаптации Холмса и Прайса.

Интерпретация результатов:

- Менее 150 баллов – большая степень сопротивляемости к стрессу.
- 150–199 – высокая степень сопротивляемости к стрессу.
- 200–299 – пороговая (средняя) степень сопротивляемости к стрессу.
- 300 и более – низкая степень сопротивляемости к стрессу.

Результаты исследования представлены в таблице 2.

Все группы исследуемых показали большую степень сопротивляемости к стрессу – 150 баллов. Такое положение позволяет принимать утверждение о том, что любая деятельность личности, независимо от ее направленности и характера, эффективна. Такое допущение может оказаться правомерным и в отношении деятельности в экстремально-критических условиях военной службы, которая имеет сильный стрессогенный характер.

Таблица 2 – Результаты диагностики стрессоустойчивости

Table 2 – Results of stress tolerance diagnostics

№ группы	Срок службы	Средние значения стрессоустойчивости
1	до 5 лет	149,6
2	до 10 лет	134,3
3	более 10 лет	156,5
X ср.		146,8

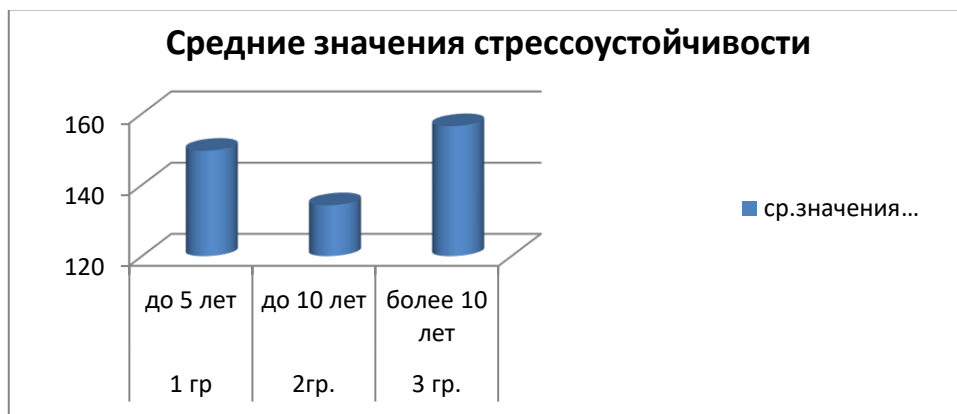

Рисунок 2 – Взаимосвязь стрессоустойчивости от срока военной службы

Figure 2 – The relationship between stress resistance and military service life

3. Методика измерения уровня тревожности (Дж. Тейлор, адаптация В. Г. Норакидзе).

При исследовании уровня тревожности первоначально были обработаны результаты по шкале лжи, и, поскольку значение данного показателя не превышает

5,5 баллов, можно говорить об искренности ответов респондентов.

По шкале тревожности все группы испытуемых показали среднее значение уровня тревоги (с тенденцией к низкому), что отображено в таблице 3.

Таблица 3 – Результаты диагностики уровня тревожности

Table 3 – Results of the diagnosis of anxiety levels

№ группы	Шкала лжи	Шкала тревоги
1	5,1	9,1
2	5,5	8,8
3	4,1	10,5
X ср.	4,9	9,5

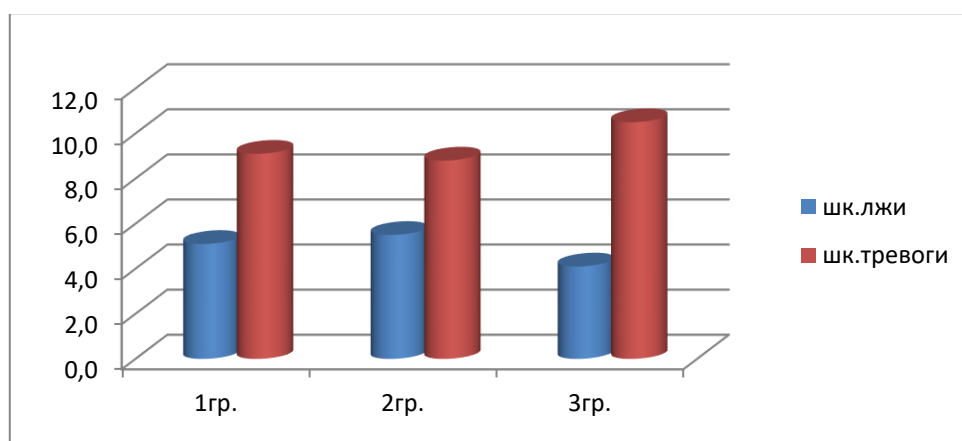

Рисунок 3 – Соотношение уровня тревоги и искренности испытуемых

Figure 3 – The ratio of the level of anxiety and sincerity of the subjects

4. Опросник «Копинг-стратегии» Р. Лазаруса

По результатам исследования трех групп испытуемых с разным сроком службы по средним значениям можно сделать следующие выводы:

Наибольший копинг в процентах показали шкалы:

- «планирование решения проблемы» – 69,8 %;
 - «поиск социальной поддержки» – 55,2 %;
 - «положительная переоценка» – 53 %;
- Наименьший балл показала шкала «Бегство-избегание» – 30,9 %;
- Все три группы по этим шкалам показали близкие значения.

Таблица 4 – Результаты диагностики копинг-стратегий

Table 4 – Diagnostic results of coping strategies

№ группы	Копинг-тест Р. Лазаруса							
	Конфронтация	Дистанция	Самоконтроль	Социальная поддержка	Принятие ответственности	Избегание	Планирование решения	Положительная переоценка
1	35,9	40,4	50,8	55,2	47,0	33,6	69,3	54,0
2	36,7	30,7	48,2	50,7	50,6	28,6	66,3	54,6
3	34,8	44,8	51,4	59,8	43,6	30,4	73,8	50,5
Х ср	35,8	38,6	50,1	55,2	47,1	30,9	69,8	53,0

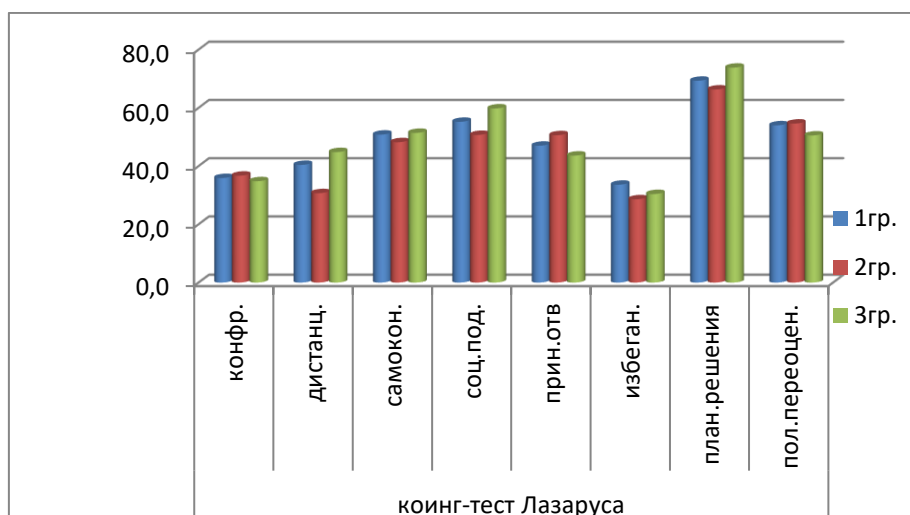

Рисунок 4 – Взаимосвязь копинг-стратегий и срока службы

Figure 4 – The relationship between coping strategies and service life

5. Опросник Плутчика-Келлермана-Конте «Индекс жизненного стиля» (Life Style Index, LSI)

По результатам исследования механизмов психологической защиты можно сделать вывод, что ведущим механизмом как в группе, так и по среднему значению является «рационализация» – 38,9 %. Причем в 1 группе есть существенное превышение (47,2 %), нежели в других группах.

«Рационализация» – считается конструктивной психологической защитой, уменьшающей риск возникновения конфликта или его обострения.

Можно также обратить внимание на такой механизм психологической защиты, как «отрицание»: его показатели достаточно

высоки по сравнению с данными по другим защитным механизмам, по среднему значению 31,1 %, а в 1 группе показатель выше 36,3 %. На практике в подобных случаях информация, которая может привести к конфликту, его потенциальными сторонами не воспринимается. Последнее связывают и с наличием повышенной внушаемости, доверчивости, искажением действительности.

Достаточно высокие показатели механизма психологической защиты «проекция» в 1 группе – 37,7 %, при среднем показателе по выборке 31,3 %. Подобные значения этого показателя указывают на деструктивный характер защиты деструктивный характер.

Таблица 5 – Результаты диагностики механизмов психологической защиты

Table 5 – Results of diagnostics of psychological defense mechanisms

№ группы	Опросник «Индекс жизненного стиля»							
	Вытеснение	Регрессия	Замещение	Отрицание	Проекция	Компенсация	Гиперкомпенсация	Рационализация
1	25,3	14,1	7,3	36,3	37,7	22,0	9,3	47,2
2	16,7	9,0	4,0	27,3	23,3	15,3	6,0	32,8
3	22,0	14,1	8,0	29,7	32,8	20,0	7,3	36,7
Х ср.	21,3	12,4	6,4	31,1	31,3	19,1	7,5	38,9

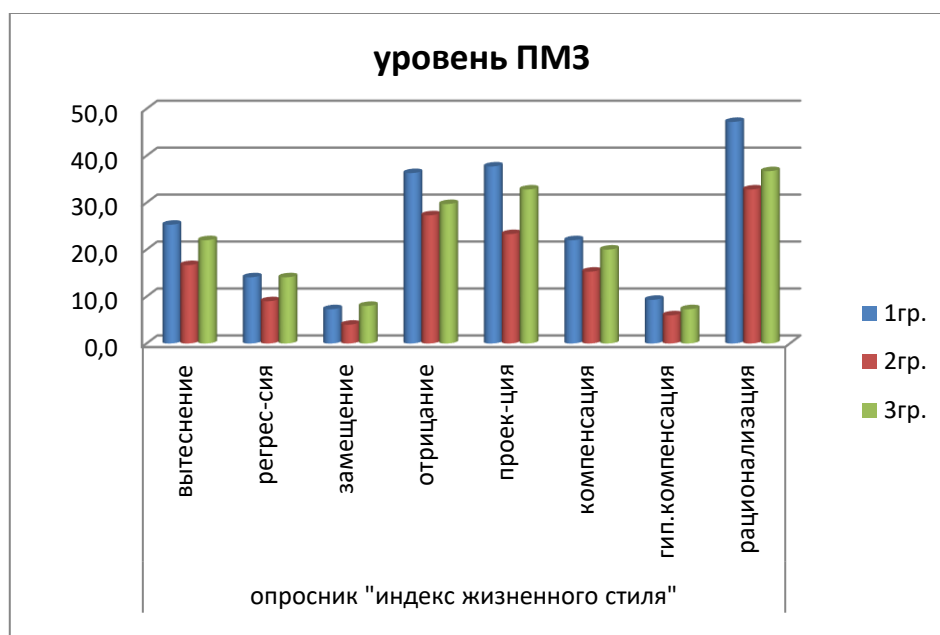

Рисунок 5 – Соотношение механизмов психологических защит от срока службы

Figure 5 – The ratio of psychological protection mechanisms to service life

На основе проведенных методик по выявлению выраженности психологических защитных механизмов и активности копинг-стратегий военнослужащие по контракту были разделены на 3 группы:

- 1) со сроком военной службы до 5 лет – 1-я группа;
- 2) со сроком военной службы до 10 лет – 2-я группа;
- 3) со сроком военной службы более 10 лет – 3-я группа, возраст от 25 до 40 лет.

Все группы по 15 человек.

В данных группах было проведено сравнение с помощью статистической методики t-критерий Стьюдента в программе STATISTIKA 7.0.

Статистический анализ результатов исследования показал значимые различия в трех группах исследуемых по выбору копинг-стратегий и механизмов психологических защит.

Анализ 1-й и 2-й групп по выбору

механизмов психологической защиты свидетельствует о том, что наиболее высокий уровень «рационализации» показала 1-я группа, что вполне объяснимо. Такой выбор защит свойственен более молодому поколению из боязни пережить неудачи в конкуренции с более опытными людьми (таблица 6). Проявляется в старательности, ответственности, добросовестности, дисциплинированности.

Высокий уровень «проекции» проявляется в гордости, самолюбии, эгоизме, обидчивости, обостренном чувстве несправедливости, заносчивости.

По выбору копинг-стратегии у обеих групп наиболее выражены «планирование решения проблемы».

У обеих групп низкий уровень по шкале «замещение» и «гиперкомпенсация», что свойственно людям этой профессии. Механизм психологической защиты проявляется в подавлении эмоций.

Таблица 6 – Результаты статистического сравнения между 1-й и 2-й группами

Table 6 – Results of statistical comparison between the 1st and 2nd groups

Методика	Шкалы	Хср. 1-я гр.	Хср. 2-я гр.	T	p
Методика локуса контроля	Им	6,87	5,67	1,86	0,05
Индекс жизненного стиля	Проекция	37,74	23,33	1,98	0,05
	Рационализация	47,20	32,77	2,84	0,01

Анализ 1-й и 3-й групп значимых различий не показал. По копинг-стратегиям у обеих групп выражен низкий уровень избегания неудач и высокий уровень планирования решений.

Обе группы показали высокий уровень «рационализации», причем у 1-й группы показатели выше, чем у 3-й группы, что может говорить о том, что психологический механизм защит свойственен как более молодой группе, так и более опытной группе.

Также у 1-й и 3-й групп отмечается низкий уровень защит: «замещение» и

«компенсация».

Обе группы показали высокий уровень Ид – интернальность в области достижений, высокий уровень субъективного контроля над эмоционально положительными событиями и ситуациями. Человек с высоким Ид считает, всего добился сам и способен в дальнейшем может рассчитывать на свои силы.

Обе группы показали высокий уровень Им – интернальности в межличностных отношениях. Высокие показатели свидетельствуют о том, что человек способен вызвать к себе уважение и симпатию.

Таблица 7 – Результаты статистического сравнения между 1-й и 3-й группами

Table 7 – Results of statistical comparison between the 1st and 3rd groups

Методика	Шкалы	Хср. 1-й гр.	Хср. 3-й гр.	T	p
Индекс жизненного стиля	рационализация	47,20	36,66	2,18	0,04

Анализ 2-й и 3-й групп показал по копинг-стратегиям высокий уровень «планирование решений» в обеих группах, что тоже свойственно людям данной профессии (таблица 8).

Низкий уровень «избегания неудач» и во 2-й и в 3-й группах.

Различия показала копинг-стратегия «дистанцирование»: у 3-й группы показания немного выражений.

Таблица 8 – Результаты статистического сравнения между 2-й и 3-й группами

Table 8 – Results of statistical comparison between groups 2 and 3

Методика	Шкалы	Хср. 2-й гр.	Хср. 3-й гр.	T	p
Индекс жизненного стиля	Дистанцирование	30,74	44,81	2,18	0,04
	Планирование решения	65,18	75,55	-2,20	0,04

Общий анализ:

У всех групп низкий показатель «избегания неудач», высокий уровень «планирование решения» и «социальной поддержки».

У 1-й группы выражена «рационализация» (старательность, ответственность, дисциплинированность).

У 1-й и 3-й групп ПМЗ наиболее

выражены, чем у 2-й группы.

По копинг-стратегиям показатели между группами имеют небольшие различия.

Между 2-й и 3-й группами в «дистанцировании» и «планировании решения проблем» небольшое отличие с 3-й группой с тенденцией к росту.

6. Анализ взаимосвязи выраженности

психологических защитных механизмов и активности копинг-стратегий в зависимости от срока прохождения военной службы.

Для проверки гипотезы был выбран метод корреляции Пирсона. В качестве основной гипотезы рассматривалось, что военнослужащие с разным сроком военной службы имеют разные психологические защитные механизмы и копинг-стратегии.

Также в исследовании нами использовались результаты тестов для исследования эмоционально-волевой сферы в качестве дополнительных факторов при проведении корреляционного анализа.

Мы можем предположить, что между показателями по выбору психологических защитных механизмов и копинг-стратегий, определенных по тестам и срокам военной службы, возможна корреляционная связь.

В качестве переменных для корреляционного анализа были выбраны результаты проведенных нами эмпирических исследований.

Для более наглядного анализа корреляционных связей мы представили результаты в виде корреляционных плеяд на каждую группу исследуемых.

Корреляционный анализ показал значимые взаимосвязи копинг-стратегий и механизмов психологических защит.

Взаимосвязи выражены по всей выборке испытуемых и особенно у 1-й и 2-й групп.

Корреляционный анализ 1-й группы показал положительную корреляционную связь по конфронтационному копингу с дистанцированием, самоконтролем, социальной поддержкой, принятием ответственности и избеганием. Это вполне естественно для молодых военнослужащих, пытающихся адаптироваться к новым условиям, связанным с прохождением военной службы.

Выражена положительная корреляционная связь по шкале интернальности в области межличностных отношений. Это может свидетельствовать о том, что испытуемые считают именно себя ответственными за межличностные отношения, принимают на себя ответственность за все происходящее с ними неприятные ситуации и считают, что все, что есть и было хорошего в их жизни, они добились сами.

Отрицательная корреляционная связь с интернальностью в семейных отношениях Ис может говорить о взаимосвязи со спецификой их служебной деятельности, графиком работы, ограничениями, связанными со службой.

Выражена положительная корреляционная связь по шкале общей интернальности

Ио с интернальностью в области достижений Ид, с интернальностью производственных отношений Ип и межличностных отношений Им. Отрицательная корреляция с самоконтролем Ис.

Высокие показатели по шкале Ип говорят о том, что исследуемые нацелены на карьерный рост, важность своей профессии.

Также много положительных корреляционных связей наблюдается по копингу самоконтроля с избеганием, дистанцированием и конфронтацией.

Отрицательные связи с рационализацией, отрицанием свидетельствуют о высокой степени ответственности испытуемых, субъективным уменьшением значимости проблемных ситуаций, наличии регуляции в сфере эмоций и чувств, сознательном выборе конструктивной стратегии совладания для адаптации к военной службе.

Положительная корреляционная связь копинг-стратегии «избегание» обнаружена с такими поведенческими характеристиками, как стратегия конфронтации, сроком службы, дистанцированием, самоконтролем, планированием решения проблемы. Готовность к риску, способность к саморегуляции, уменьшение значимости психотравмирующих ситуаций позволяет говорить о наличии положительной тенденции.

Отрицательная связь с защитным механизмом «отрицание», в свою очередь, показывает, что при использовании конструктивных копинг-стратегий значимость влияния защитных механизмов снижается.

По копинг-стратегии «положительная переоценка» есть положительная корреляционная связь с «принятием ответственности» и «шкалой интернальности в межличностных отношениях Им».

Корреляционный анализ эмпирических данных, полученных во 2-й группе испытуемых, показал положительные связи копинг-стратегии «самоконтроль» с конфронтацией, избеганием, принятием ответственности, дистанцированием, социальной поддержкой. Отрицательная корреляционная связь установлена с таким механизмом психологической защиты, как «отрицание».

Выбор копинг-стратегий, исследуемых может говорить о конструктивном подходе в решении проблем.

Копинг-стратегия – «положительная переоценка» – имеет положительные корреляционные связи с принятием ответственности, избеганием, самоконтролем, шкалой тревоги, интернальностью в области производственных отношений Ип. Это трактуют таким образом, что, чем выше осознание роста

собственной личности, тем адекватнее понимание своего влияния на отношения в коллективе и перспектив своего продвижения по службе.

Копинг-стратегия – избегание – имеет положительные корреляционные связи с положительной переоценкой, самоконтролем, дистанцированием, принятием ответственности, конфронтацией и отрицательные корреляционные связи со шкалой лжи, отрицанием.

Прибегая к такой неконструктивной защите, как избегание, исследуемые повышают действие более конструктивных защит, таких как положительная переоценка, самоконтроль, принятие ответственности. Например, избегая некоторых психотравмирующих проблем, можно сфокусировать решение проблемы карьерного роста и повысить контроль над эмоциями и чувствами.

Копинг-стратегия «принятие ответственности» имеет положительные корреляционные связи с самоконтролем, положительной переоценкой и избеганием, отрицательные – со шкалой лжи.

Механизм психологической защиты – гиперкомпенсация – имеет положительные корреляционные связи с компенсацией, проекцией, социальной поддержкой.

По шкале интернальности в области достижений Ид наблюдаются корреляционные положительные связи со шкалами интернальности в области неудач, межличностных отношений, показателями здоровья, а также общей интернальности Ио.

Оптимистические взгляды на будущее и достаточно высокая самооценка, принятие ответственности за взаимоотношения с людьми и за свое здоровье.

По шкале межличностных отношений Им, положительная связь с Ио и Из.

По копинг-стратегии «конфронтация» положительная корреляционная связь с самоконтролем и избеганием неудач, отрицательная – с механизмом психологической защиты «отрицание».

Результаты корреляционных связей 2-й группы изображены на рисунке 7.

Корреляционный анализ 3-й группы исследуемых показал значимые корреляционные связи по следующим значениям.

По копинг-стратегии «самоконтроль» положительная корреляционная связь с принятием ответственности, избеганием, положительной переоценкой.

С конфронтационным копингом – положительная корреляционная связь с социальной поддержкой, избеганием,

рационализацией, отрицанием, компенсацией.

Положительная переоценка коррелируется положительно с социальной поддержкой, принятием ответственности и самоконтролем.

Копинг-стратегия «избегание» положительно коррелируется с самоконтролем, конфронтационным копингом.

Анализ корреляционных связей по 3-й группе показал, что исследуемые реже прибегают к копинг-стратегиям и механизмам психологической защиты, что может говорить о достаточно развитой саморегуляции, самосознания и сформировавшейся адекватной жизненной позиции.

Сравнительный анализ корреляционных связей по всем группам показал, что каждая группа исследуемых имеет свой набор психологических защитных механизмов и копинг-стратегий в зависимости от срока прохождения военной службы. Это подтверждает нашу гипотезу: военнослужащие с разным сроком военной службы имеют разные психологические защитные механизмы и копинг-стратегии.

Заключение

1. При диагностике уровня субъективного контроля у 45 военнослужащих, проходящих службу по контракту (в возрасте от 20 до 45 лет), выяснилось, что все исследуемые имеют результаты, близкие к норме.

2. При диагностике стрессоустойчивости и социальной адаптации все исследуемые показали высокую степень сопротивляемости к стрессу. Это можно интерпретировать таким образом, что для этой выборки любая деятельность личности, независимо от ее направленности и характера, эффективна. Последнее немаловажно, ведь деятельность исследуемых классифицируется как особо опасная профессия.

3. При диагностике уровня тревожности все 3 группы исследуемых показали среднее значение уровня тревоги (с тенденцией к низкому).

4. При диагностике копинг-механизмов и способов преодоления трудностей в различных сферах психологической деятельности наибольший копинг в процентах зафиксирован по шкалам:

- «планирование решения проблемы» – 69,8 %;
- «поиск социальной поддержки» – 55,2 %;
- «положительная переоценка» – 53 %;

Наименьший балл показала шкала «бегство-избегание» – 30,9 %;

Все три группы по этим шкалам

показали близкие значения.

5. По результатам эмпирического исследования механизмов психологической защиты можно сделать вывод, что ведущим механизмом психологической защиты как в группе является «рационализация» – 38,9 %, что принято считать конструктивной психологической защитой.

Также можно отметить такой механизм психологической защиты, как «отрицание»: его показатели достаточно высоки в сравнении с данными по другими защитными механизмами (по среднему значению 31,1 %). В 1-й группе показатель выше 36,3 %, нежели в других группах. Авторы соответствующей диагностической методики проявление такого механизма психологической защиты связывают с повышенной внушаемостью и доверчивостью.

Достаточно высокие показатели механизма психологической защиты «проекция» обнаружены в 1-й группе – 37,7 %, и по среднему показателю – 31,3 %. Подобные значения показателей придают деструктивный характер взаимодействию с другими членами группы.

6. Статистический сравнительный анализ результатов исследования показал у всех групп низкий показатель «избегания неудач», высокий уровень «планирование решения» и «социальной поддержки».

У 1-й группы выражена «рационализация» (старательность, ответственность, дисциплинированность).

У 1-й и 3-й групп механизмы психологической защиты более выражены, нежели у 2-й

группы.

По копинг-стратегиям показатели между группами имеют небольшие различия.

Между 2-й и 3-й группами в «дистанцирование» и «планирование решения проблем» есть небольшое отличие у 3-й группы с тенденцией к росту.

7. Результаты корреляционного анализа показали, что каждая группа исследуемых имеет свой набор психологических защитных механизмов и копинг-стратегий в зависимости от срока прохождения военной службы, что подтверждает нашу гипотезу, а именно: военнослужащие с разным сроком военной службы имеют разные психологические защитные механизмы и копинг-стратегии.

В ходе данного исследования была поставлена цель: выявить особенности психологических защитных механизмов и копинг-стратегий у военнослужащих с разным сроком военной службы. Были решены задачи по изучению теоретического материала, проведен анализ полученных эмпирическим путем данных. По результатам исследования выявлена взаимосвязь выраженности защитных механизмов и активность копинг-стратегий в зависимости от срока службы.

Перспективные направления исследования возможны в разработке психологических программ, обеспечивающих профессиональную подготовку военнослужащих, также психологической коррекции свойств, входящих в состав личностного потенциала военнослужащих.

Список источников

1. Пашкин С. Б. Психологические особенности гендерных различий кадровых военнослужащих / С. Б. Пашкин, Н. Б. Лисовская // Научные проблемы материально-технического обеспечения Вооруженных Сил Российской Федерации: сборник научных трудов / под общ. ред. В. Б. Коновалова. Вып. 2(8). СПб.: Изд-во Политехнического университета, 2018. С. 284–293.
2. Пашкин С. Б. Гендерные особенности самооценки деловых и личностных качеств служащих / С. Б. Пашкин, Г. Ю. Иконникова // Психолого-педагогические аспекты подготовки кадров к профессиональной деятельности в экстремальных условиях: сборник научных трудов Международной научно-практической конференции 13 мая 2022 года / под общ. ред. Р. Е. Булата. СПб.: Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России, 2022. С. 278–284.
3. Пашкин С. Б. Результаты исследования образа «Я» у оптантов, занимающихся командными и индивидуальными видами спорта / С. Б. Пашкин, А. С. Турчин, А. Н. Минко [и др.] // Актуальные проблемы военно-научных исследований. 2023. № 3 (27). С. 250–263.
4. Пашкин С. Б. Экспериментальное изучение взаимосвязей личностного профиля, стиля руководства и психологической защиты руководителя / С. Б. Пашкин, А. С. Турчин // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2023. № 2 (23). С. 38–48.
5. Белашева И. В. Стратегии совладающего поведения в трудных жизненных ситуациях: учебное пособие / И. В. Белашева, И. Н. Польшакова. Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2017. 104 с.

6. Милосердова В. С. Сравнительный анализ стратегий совладающего поведения в экстремальных ситуациях руководителей и студентов управленческой специализации // Вестник Башкирского университета. 2007. Т.12. № 3. С.163–166.
7. Анцыферова Л. И. Личность в трудных жизненных условиях: переосмысливание, преобразование ситуаций и психологическая защита // Психологический журнал. 1994. Т. 15. № 1. С. 3–17.
8. Ворожейкин С. А. Теоретическая модель субъективного благополучия курсантов в контексте военно-профессиональной социализации // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2023. № 3 (24). С. 65–71. URL: <https://vestnik-spvi.ru/2023/09/008.pdf> (дата обращения: 10.02.2024). EDN: OHVOMH.
9. Кудинов С. И. Субъектные предпосылки профессиональной самореализации военнослужащих контрактников / С. И. Кудинов, С. С. Кудинов, С. С. Кудинов // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2023. № 2 (23). С. 84–94. URL: <https://vestnik-spvi.ru/2023/06/010.pdf> (дата обращения: 10.02.2024). EDN: SOBTUQ.
10. Пашкин С. Б. Система мероприятий психологической помощи военнослужащим в интересах укрепления, сохранения, восстановления психического здоровья / С. Б. Пашкин, А. С. Турчин, Е. А. Саркисова // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2020. № 1(10). С. 82–88.
11. Пашкин С. Б. Актуальные аспекты оказания психологической помощи военнослужащим / С. Б. Пашкин, С. А. Мозеров, Е. С. Мозерова // Военный инженер. 2019. № 3(13). С. 48–57.
12. Пашкин С. Б. Взаимосвязь жизнестойкости и агрессивности у военнослужащих / С. Б. Пашкин, А. И. Тихомирова, Е. А. Саркисова // Актуальные проблемы военно-научных исследований. 2023. № 3 (27). С. 233–249.
13. Пашкин С. Б. Эмоциональное выгорание военнослужащего как результат профессионального стресса / С. Б. Пашкин, А. Н. Минко, Л. В. Давыдов // Офицер – педагог и наставник: материалы Межвузовской научно-методической конференции / под ред. С. В. Костарева, И. И. Соколовой. СПб. : ВАС, 2023. С. 304–310.
14. Мадди С. Р. Выносливость и психическое здоровье / С. Р. Мадди, Д. М. Хашба // Журнал оценки личности. 1994. № 63. С. 265–274. URL: http://dx.doe.org/10.1207/s15327752jape6302_6 (дата обращения: 11.02.2024).
15. Жангужинова О. Ю. Взаимосвязь социально-психологической адаптации и стратегий безопасности личности // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2024. № 1 (26). С. 118–127. URL: <https://vestnikspvi.ru/2024/03/012.pdf>. (дата обращения: 11.02.2024). EDN: GIGOXU.
16. Метакогнитивные основы конфликтной компетентности / под науч. ред. М. М. Кашапова. Ярославль: ЯрГУ, 2012. 428 с.
17. Эджибадзе А. В. Оценка эффективности педагогических условий профилактики деструктивных конфликтов среди подростков в общеобразовательной организации / А. В. Эджибадзе, А. С. Турчин // Перспективы науки и образования. 2022. № 3 (57). С. 422–440.
18. Сапогова Е. Е. Экзистенциальная психология взрослости. М. : Смысл, 2013. 767 с.
19. Практикум по психодиагностике. Психодиагностические материалы: учебное пособие. М. : Изд-во Московского гос. ун-та, 1988. 141 с.
20. Корнилова А. А. Сборник дидактических и справочных материалов по дисциплинам психолого-педагогического цикла / А. А. Корнилова, С. Б. Пашкин, Е. Е. Радюкин. СПб., 2017. 82 с.

References

1. Pashkin S. B. Psihologicheskie osobennosti gendernyh razlichij kadrovyyh voennosluzhashchih / S. B. Pashkin, N. B. Lisovskaya // Nauchnye problemy material'no-tekhnicheskogo obespecheniya Vooruzhennykh Sil Rossijskoj Federacii: sbornik nauchnykh trudov / pod obshch. red. V. B. Konovalova. Vyp. 2(8). SPb. : Izd-vo Politehnicheskogo universiteta, 2018. S. 284–293. (In Russ.).
2. Pashkin S. B. Gendernye osobennosti samoocenki delovyh i lichnostnykh kachestv sluzhashchih / S. B. Pashkin, G. Yu. Ikonnikova // Psihologo-pedagogicheskie aspekty podgotovki kadrov k professional'noj deyatel'nosti v ekstremal'nykh usloviyakh: sbornik nauchnykh trudov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii 13 maya 2022 goda / pod obshch. red. R. E. Bulata. SPb. : Sankt-Peterburgskij universitet GPS MChS Rossii, 2022. S. 278–284. (In Russ.).
3. Pashkin S. B. The results of the study of the "I" image of optants engaged in team and individual sports / S. B. Pashkin, A. S. Turchin, A. N. Minko [i dr.] // Aktual'nye problemy voenno-nauchnykh issledovaniy. 2023;3 (27): 250–263. (In Russ.).

4. Pashkin S. B. Experimental study of the interrelationships of personal profile, leadership style and psychological protection of the head / S. B. Pashkin, A. S. Turchin // Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta vojsk nacional'noj gvardii. 2023;2 (23): 38–48. (In Russ.).
5. Belasheva I. V. Strategii sovladayushchego povedeniya v trudnyh zhiznennykh situatsiyah: uchebnoe posobie / I. V. Belasheva, I. N. Pol'shakova. Stavropol': Izd-vo SKFU, 2017. 104 s. (In Russ.).
6. Miloserdova V. S. Comparative analysis of coping strategies in extreme situations for managers and students of management specialization // Vestnik Bashkirskogo universiteta. 2007. T.12;3:163–166. (In Russ.).
7. Ancyferova L. I. Personality in difficult life conditions: rethinking, transformation of situations and psychological protection // Psihologicheskij zhurnal. 1994. T. 15;1: 3–17. (In Russ.).
8. Vorozhejkin S. A. A theoretical model of the subjective well-being of cadets in the context of military-professional socialization // Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta vojsk nacional'noj gvardii. 2023;3 (24): 65–71. Available from: <https://vestnik-spvi.ru/2023/09/008.pdf> (data obrashcheniya: 10.02.2024). EDN: OHVOMH. (In Russ.).
9. Kudinov S. I. Sub'ektnye predposylki professional'noj samorealizatsii voennosluzhashchih kontraktnikov / S. I. Kudinov, S. S. Kudinov, S. S. Kudinov // Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta vojsk nacional'noj gvardii. 2023;2 (23): 84–94. Available from: <https://vestnik-spvi.ru/2023/06/010.pdf> (data obrashcheniya: 10.02.2024). EDN: SOBTUQ. (In Russ.).
10. Pashkin S. B. A system of measures for psychological assistance to military personnel in the interests of strengthening, preserving, and restoring mental health / S. B. Pashkin, A. S. Turchin, E. A. Sarkisova // Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta vojsk nacional'noj gvardii. 2020;1(10): 82–88. (In Russ.).
11. Pashkin S. B. Current aspects of providing psychological assistance to military personnel / S. B. Pashkin, S. A. Mozerov, E. S. Mozerova // Voennyj inzhener. 2019;3(13): 48–57. (In Russ.).
12. Pashkin S. B. The relationship between resilience and aggressiveness in military personnel / S. B. Pashkin, A. I. Tihomirova, E. A. Sarkisova // Aktual'nye problemy voenno-nauchnykh issledovaniy. 2023;3 (27): 233–249. (In Russ.).
13. Pashkin S. B. Emocional'noe vygoranie voennosluzhashchego kak rezul'tat professional'nogo stressa / S. B. Pashkin, A. N. Minko, L. V. Davydov // Oficer – pedagog i nastavnik: materialy Mezhevuzovskoy nauchno-metodicheskoy konferencii / pod red. S. V. Kostareva, I. I. Sokolovoj. SPb. : VAS, 2023. S. 304–310. (In Russ.).
14. Maddi S. R. Endurance and mental health / S. R. Maddi, D. M. Hashba // Zhurnal ochenki lichnosti. 1994;63: 265–274. Available from: http://dx.doe.org/10.1207/s15327752jape6302_6 (data obrashcheniya: 11.02.2024). (In Russ.).
15. Zhanguzhinova O. Yu. Vzaimosvyaz' social'no-psihologicheskoy adaptatsii i strategij bezopasnosti lichnosti // Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta vojsk nacional'noj gvardii. 2024;1 (26): 118–127. Available from: <https://vestnikspvi.ru/2024/03/012.pdf>. (data obrashcheniya: 11.02.2024). EDN: GIGOXU. (In Russ.).
16. Metakognitivnye osnovy konfliktnoj kompetentnosti / pod nauch. red. M. M. Kashapova. Yaroslavl': Yargu, 2012. 428 s. (In Russ.).
17. Edzhibadze A. V. Evaluation of the effectiveness of pedagogical conditions for the prevention of destructive conflicts among adolescents in a general education organization / A. V. Edzhibadze, A. S. Turchin // Perspektivy nauki i obrazovaniya. 2022;3 (57): 422–440. (In Russ.).
18. Sapogova E. E. Ekzistencial'naya psihologiya vzroslosti. M. : Smysl, 2013. 767 s. (In Russ.).
19. Praktikum po psihodiagnostike. Psihodiagnosticheskie materialy: uchebnoe posobie. M. : Izd-vo Moskovskogo gos. un-ta, 1988. 141 s. (In Russ.).
20. Kornilova A. A. Sbornik didakticheskikh i spravochnykh materialov po disciplinam psihologo-pedagogicheskogo cikla / A. A. Kornilova, S. B. Pashkin, E. E. Radyukin. SPb., 2017. 82 s. (In Russ.).

Информация об авторах

С. Б. Пашкин – доктор педагогических наук, профессор
А. С. Турчин – доктор психологических наук, профессор

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author

S. B. Pashkin – Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor
A. S. Turchin – Doctor of Sciences (Psychology), Professor

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 27.05.2024;
одобрена после рецензирования 28.05.2024;
принята к публикации 20.06.2024.

The article was submitted 27.05.2024;
approved after reviewing 28.05.2024;
accepted for publication 20.06.2024.

Научная статья

УДК 316.6
EDN: ILNOOO

КОМПОНЕНТЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ГОТОВНОСТИ ЛИЧНОСТИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ И СОТРУДНИКОВ РОСГВАРДИИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Сергей Александрович Шконда¹, Наталья Борисовна Карабущенко²

¹ ФГКВОУВО «Военный университет» имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, Москва, Россия

² Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ» (НИЯУ МИФИ), Москва, Россия

¹ sergeyshkonda@yandex.ru

² n_karabushenko@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0885-8082>

Аннотация. В статье приводятся результаты эмпирического исследования особенностей проявления психологических защитных механизмов и копинг-стратегий у военнослужащих одной из организаций Северо-Западного региона России с разными сроками службы.

Ключевые слова: психология, военнослужащий, профессиональная деятельность, психологическая защита, копинг-стратегия, диагностика

Для цитирования: Шконда С.А., Карабущенко Н.Б. Компоненты психологической готовности личности военнослужащих и сотрудников Росгвардии в современных условиях // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2024. № 2 (27). С. 95–103. URL: <https://vestnik-spvi.ru/2024/06/010.pdf>. EDN: ILNOOO.

Original article

COMPONENTS OF PSYCHOLOGICAL READINESS OF THE PERSONALITY OF MILITARY MEMBERS AND EMPLOYEES OF THE NATIONAL GUARD TROOPS IN MODERN CONDITIONS

Sergey A. Shkonda¹, Natalia B. Karabushchenko²

¹ Military University named of Alexandr Nevskiy: Ministry of Defence of the Russian Federation, Moscow, Russia

² National Research Nuclear University "MEPhI" (NRNU MEPhI), Moscow, Russia

¹ sergeyshkonda@yandex.ru

² n_karabushenko@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0885-8082>

Abstract. The article reveals the psychological components of the formation of readiness of military members (employees) of the National Guard troops, affecting their performing official activities and tasks for their intended purpose, shows the organizational specifics of training military members to successfully complete the tasks.

Keywords: readiness, psychological components, organizational specifics, security, sovereignty, military members, activity, socio-psychological conditions, professional

For citation: Shkonda S.A., Karabushchenko N.B. Components of psychological readiness of the personality of military members and employees of the National Guard troops in modern conditions. Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta vojsk nacional'noj gvardii. 2024;2(27): 95–103. (In Russ.). Available from: <https://vestnik-spvi.ru/2024/06/010.pdf>. EDN: ILNOOO.

© Шконда С.А., Карабущенко Н.Б., 2024

Введение

События, разворачивающиеся вокруг территориальной целостности нашего государства, четко указывают на то, что национальная безопасность Российской Федерации обеспечивается работой всей совокупности социальных институтов. Одним из важнейших является деятельность силовых структур, поскольку угрозы целостности

страны зачастую являются внутрисубъективными. Президентом Российской Федерации перед войсками национальной гвардии четко поставлена задача военного и социального обеспечения системы улучшения условий для самореализации гражданина России в контексте меняющихся мировых реалий. При этом основным их предназначением является пресечение и

предупреждение нарушений охраны общественного порядка, обеспечение безопасности личности, общества и государства, участие в борьбе с международным терроризмом за территорией Российской Федерации [1].

Готовность к действию в психолого-педагогическом словаре¹ рассматривается, как «состояние мобилизации всех психофизиологических систем организма, обеспечивающих эффективное выполнение определенных действий» [2].

В освоении военной специальности значительную роль играет личность военнослужащего. Наряду с основными психическими особенностями, к которым относятся направленность, профессионально важные качества и способности, особое значение имеют волевые и эмоциональные свойства личности военнослужащего, позитивные и негативные привычки, ценностно-смысловая сфера, обуславливающие дисциплинированность, организованность сотрудника [3–7]. Мы постараемся раскрыть компоненты психологической готовности военнослужащих и сотрудников Росгвардии, обеспечивающие качественное выполнение поставленных задач.

В. М. Коровин считает, что противостоять внешним и внутренним угрозам может только профессиональная, хорошо подготовленная армия, имеющая высокоэффективное вооружение с современным уровнем профессиональной и морально-психологической подготовки личного состава [8].

Еще одним немаловажным аспектом подготовки военного специалиста является объективность. И. В. Юдин считает, что военнослужащий должен стать независимым от влияния отдельных граждан, профессиональных или социальных групп и организаций в принятии решений, а также соблюдать беспристрастность, исключающую возможность влияния на служебно-боевую деятельность принимаемых политических решений [9].

В соответствии с Конституцией Российской Федерации, носителем суверенитета и единственным источником власти является многонациональный народ России [10]. В этой связи, если каждый гражданин не проникнется чувством патриотизма и не воспитает его в подрастающих поколениях, нашему государству придется очень нелегко, перед лицом консолидированного в своей ненависти к России

террористического сообщества, сохранить свой суверенитет и государственную целостность.

Основные положения

Таким образом, очевидно, что, например, особенность выполнения задач Росгвардии и состоит в том, что ее объектом является население России: от отдельных граждан, допускающих незначительные правонарушения, до крупных преступных банд, экстремистских формирований и бесчинствующих толп, которые нередко бывают хорошо вооружены и организованы. Непосредственное восприятие личным составом объекта своих действий должно быть адекватным [11].

Василий Александрович Сухомлинский как-то по этому поводу сказал, что, будучи естественным чувством привязанности к стране рождения и проживания, патриотизм выражается в готовности созидать и жертвовать личным благом для общественной пользы. Он, по определению большинства источников, является одной из мощных скреп любой социальной организации, с разложения которой (самопроизвольно или искусственно вызванного) начинается ее гибель [12].

Исходя из вышеизложенного, особенности выполняемых задач военнослужащими и сотрудниками войск национальной гвардии по своей специфике и содержанию обязаны полностью соответствовать рамкам «законности». В связи с этим основой профессиональной готовности военнослужащего является личностно-волевая требовательность к своим морально-деловым качествам, повышению профессиональной подготовки в условиях постоянно меняющихся реалий.

Ключевыми факторами становятся не только обученность, но и натренированность воинского коллектива к успешному выполнению поставленных задач. Готовность человека к чему-либо, прежде всего, представляет собой психоэмоциональное состояние, выраженное в желании или нежелании совершать какие-либо поступки, но, как говорил Блез Паскаль: «Хотеть – ещё не значит мочь».

В ведомственных нормативных правовых актах (приказах) отмечается широкое разнообразие и неоднозначность подходов к освещению вопросов психологической подготовки и психологической готовности.

¹ Психолого-педагогический словарь / сост. Е. Рапацевич. Минск: БукРивер, 2006. 928 с.

Так, в МВД России при организации морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел нормативно установлен термин – морально-психологическая готовность личного состава к оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел Российской Федерации. Определяемый, как состояние сознания и психики сотрудников, отражающее их нацеленность, активность, настроенность и мобилизованность на преодоление возможных трудностей, обеспечивающее результативность и качество выполнения оперативно-служебных задач [13].

В соответствии с требованиями, установленными в ведомственном приказе (пункт 4.2.), морально-психологическая готовность сотрудников к выполнению оперативно-служебных задач формируется в ходе морально-психологической подготовки, наряду с формированием государственно-патриотического мировоззрения, понимания государственной политики в сфере внутренних дел, профессиональной культуры [13].

Также указано (пункт 4.6.), что психологическая работа (вид морально-психологического обеспечения) направлена на формирование у сотрудников профессионально значимых психологических качеств личности, психологической (без моральной составляющей) устойчивости и готовности к эффективному выполнению оперативно-служебных задач (не просто выполнению, а именно эффективному) [13]. При этом (в пункте 84.3.) уже обозначена задача обеспечить высокую психологическую готовность (ранее уровни готовности не устанавливались) и эмоционально-волевую устойчивость сотрудников (ранее в документе она обозначена как психологическая).

В войсках национальной гвардии Российской Федерации (ранее –внутренние войска) при своей близости к МВД России на нормативном уровне отказались от терминов «морально-психологическая подготовка», «морально-психологическая готовность». В Положении об организации работы с личным составом в войсках национальной гвардии Российской Федерации установили задачу формирования психологической готовности, поддержания психологической устойчивости личного состава в целях выполнения служебно-боевых задач [14]. При этом формирование психологической готовности, поддержание психологической устойчивости личного состава, воинских и служебных коллективов, сохранение психического здоровья

военнослужащих и сотрудников войск национальной гвардии в интересах выполнения служебно-боевых задач осуществляется, как и в МВД России, в рамках психологической работы.

В боевой обстановке решаются задачи защиты с применением боевой техники и вооружения собственных военных объектов и территорий, достижения победы в боевых столкновениях, уничтожения либо выведения из строя живой силы, боевой техники и объектов противника, используемых в военных целях. Учебно-боевые и специальные задачи решаются вне условий противоборства с реальным противником, более ограничены по времени, позволяют использовать достаточные ресурсы для их выполнения, не включают обязательное использование боевой техники и вооружения.

Основываясь на анализе психологической литературы и руководящих документов МВД России и войск национальной гвардии Российской Федерации, мы можем представить структуру такого сложного психологического феномена, как «готовность личности». Таким образом, готовность военнослужащих войск национальной гвардии к служебной деятельности является сложным личностно-субъектным образованием и содержит в себе следующие компоненты: мотивационный, нервно-психической устойчивости, ценностно-смысловой, профессионально-деятельностный, эмоционально-волевой.

Мотивационный компонент готовности состоит из положительного отношения к своей деятельности, осознания личностной и профессиональной значимости выполняемых задач, наличия стойкого интереса к решению профессиональных задач. Необходимо отметить, что мотивация занимает далеко не последнее место в структуре личности и является одним из основных понятий, которое используется для объяснения поведения и деятельности человека. В условиях двуполярного мира граждане нашей страны оказались перед моральным выбором: остаться преданными своей Родине или отказаться от нее. Чем обусловлено то или иное поведение? Несомненно, потребностями и мотивами личности. Ориентация на материальные блага и гедонистическая направленность приводит человека к выбору в пользу эгоистической позиции, мотивы альтруизма и преданности своему Отечеству свидетельствуют о сопричастности человека к общему делу и приводят к единению народа.

Подтверждением данных тенденций стал 2022 г. – год специальной военной операции. Офицеры и военнослужащие войск национальной гвардии оказались в непростой ситуации, наряду с военнослужащими Министерства обороны Российской Федерации. Им приходится взаимодействовать с гражданским населением, которое бывает настроено не всегда позитивно, сталкиваться с угрозой террористической агрессии. Количество террористических актов за это непростое время было минимальным, многие планируемые атаки предотвращались, не успев начаться. Психологическое состояние российского общества стабильно, отсутствуют негативные массовидные явления: «страх», «паника», «агрессия». И во многом это заслуга четкой, слаженной работы всех силовых ведомств, весомый вклад в достижение результатов которой вносит Росгвардия. Формирование и воспитание военнослужащего войск национальной гвардии во многом строится на укреплении альтруистической направленности, мотивированности на решение задач по предназначению, на выполнение служебного долга, достижение поставленной цели и готовности принять меры для сохранения стабильности и безопасности в обществе.

Компонент нервно-психической устойчивости отражает степень готовности организма и нервной системы военнослужащего к выполнению служебно-боевых задач в различных ситуациях, включая экстремальные, конфликтные, боевые. Реакция организма на стресс и стрессогенные ситуации определяет способность человека грамотно оценить происходящие события, организовать окружение и самоорганизоваться, принять оптимально правильное решение и эффективно решить поставленные задачи. Использование конструктивных копинг-стратегий позволяет военнослужащему критически мыслить, контролировать экспрессию, сбалансировать нервно-психическое напряжение. Обучение приемам и техникам саморегуляции, снятия психоэмоционального напряжения способствует сохранению психического здоровья, обеспечению жизнестойкости и субъективного благополучия военнослужащих войск национальной гвардии.

Ценностно-смысловой компонент определяет влияние профессиональной деятельности на формирование

специфических ценностей военнослужащего в рамках выбранной деятельности, является скрепом удовлетворенности трудом и ценностно-смысловым ориентиром личности. То есть характеризует, с одной стороны, связь человека с обществом, а с другой стороны, его стратегические цели и идеалы. Ценностные ориентации направляют и корректируют процесс целеполагания, дают основания для выбора целей и средств. Данный компонент является «ядерным» для структуры личности, он лежит в основе мировоззрения и миропонимания человека. Исследования, проводимые долгие годы Институтом психологии РАН, показывают, что ценностно-смысловая сфера человека претерпевает изменения в процессе жизни. На нее оказывают влияние не только внутриличностные факторы, но и социально-политические и экономические. Лонгитюдное исследование Н. А. Журавлевой показало, что кризисы в истории России, начиная с 90-х годов XX в., существенно повлияли на иерархию ценностных ориентаций людей, переживших периоды подъема и спада российской экономики. Традиционные ценности соборности, коллективизма, дружбы, доброты уступили свое место индивидуализму, прагматизму, гедонизму. Современное российское общество нуждается в единении и возвращении к истокам. Во многом этому могут и должны способствовать «Вежливые люди», готовые не только обеспечить безопасность, но и прийти на помощь. Для России сегодня непростые времена. Тем не менее правительство и народ готовы оказывать поддержку тем странам, которые в этом нуждаются (февральское землетрясение 2023 г. в Турции, Сирии).

Эмоционально-волевой компонент готовности военнослужащего к служебной деятельности характеризуется активизацией эмоциональных и волевых психологических механизмов самого человека, вовлеченного в этот род деятельности. Эмоциональная составляющая определяет степень и спектр выраженности эмоциональных состояний и чувств. Контроль экспрессии, сдержанность в выражении эмоций, саморегуляция мимических проявлений и жестикуляций – важный навык, который должен быть выработан у военнослужащих. Офицеры же Росгвардии должны обладать более обширным спектром умений: контролировать и управлять не только

собственными эмоциями, но и эмоциональными состояниями своих подчиненных. Обладая этими навыками, командир подразделения в критической ситуации сможет вывести бойцов из состояния ступора, страха, паники и пр., а в ситуациях экстремальных, связанных с безопасностью гражданского населения, испытывать чувство сопричастности, эмпатии, сочувствия. Умение быстро переключаться, эмоциональная сбалансированность, мужество, стойкость, психологический самоконтроль – характеристики волевой составляющей данного компонента. Формирование волевых качеств личности, отработка техник саморегуляции, осмысленное применение практик самоконтроля и самоанализа позволит курсантам военных образовательных организаций высшего образования (далее – ВООВО) овладеть важной составляющей психологической готовности к выполнению задач по предназначению.

Профессионально-деятельностный компонент определяет способность сотрудника войск национальной гвардии к служебной деятельности посредством выполнения задач по предназначению. Военнослужащий должен обладать необходимыми компетенциями, полученными во время обучения или военной подготовки, и применять их на практике. Только интеграция теоретических знаний и практических навыков способствует профессионализации личности. Модернизация современной военной сферы: информатизация, ядерная безопасность, искусственный интеллект, новые виды техники и вооружения – ставят не только новые образовательные задачи перед ВООВО, но и требует обеспечить качественную переподготовку военнослужащих войск национальной гвардии. Готовность повышать свое профессиональное мастерство, ставить перед собой сложные цели и достигать намеченного результата – важная составляющая психологической готовности.

По мнению А. К. Марковой, этот компонент представляет собой самое позднее новообразование в профессиональной сфере человека и выражается в его неповторимости, целостности, уникальности и, наконец, в творчестве, как высшем её проявлении [14]. Исходя из этого, чтобы в результате своей служебно-боевой деятельности стать настоящим наставником,

необходимо стать профессионалом ратного дела [16]. С другой стороны, развивать в себе творческие начала, такие как любознательность, педагогическую увлеченность, важнейшие предпосылки педагогического творчества, основанного на созидательных ценностях.

В процессе профессиональной подготовки военнослужащего необходимо сбалансированно освоить:

- Знание оружия и тактики его применения.
- Знание международного и отечественного права и умение его применять.
- Психологическая и физическая готовность к выполнению задач.
- Обладать знаниями и быть носителем морально-нравственных основ.

Вышеупомянутые знания характеризуют военного специалиста, как целостную гармонично развитую личность, с предпосылками к самостоятельному творчеству.

Ключевые компоненты психологической готовности личности военнослужащего войск национальной гвардии напрямую связаны с рядом условий, без учета которых не возможно становление военного специалиста (рисунок 1).

Учебно-боевая деятельность предполагает моделирование условий выполнения боевых задач, что повышает адаптационные ресурсы человека применительно к воинской деятельности. В условиях выполнения боевых задач сила, продолжительность и интенсивность воздействия дестабилизирующих психологических факторов, как правило, более выражена.

Классификация факторов боевой обстановки, влияющих на боеготовность военнослужащего, предложенная Г. В. Гнездиловым, включает две группы [17]. К первой отнесены факторы непосредственного эмоционального воздействия на личность военнослужащего: опасность, внезапность, новизна (нестандартность) обстановки, неопределенность (дефицит либо противоречивость личностно значимой информации), ответственность за принятые решения и действия, негативные эмоциональные реакции взаимодействующих военнослужащих, монотония в режиме длительного ожидания, групповая изоляция, реакции на вид крови, тяжелых ранений, смерти боевых товарищей, разрушения строений и техники, дискомфорт, вызванный дефицитом нормальных условий жизнедеятельности и т. д.

Рисунок 1 – Модель формирования психологической готовности военнослужащего войск национальной гвардии

Figure 1 – The model of formation of psychological readiness of a serviceman of the National Guard Troops

В боевой обстановке решаются задачи защиты с применением боевой техники и вооружения собственных военных объектов и территорий, достижения победы в боевых столкновениях, уничтожения либо вывода из строя живой силы, боевой техники и объектов противника, используемых в военных целях. Учебно-боевые и специальные задачи решаются вне условий противоборства с реальным противником, более ограничены по времени, позволяют использовать достаточные ресурсы для их выполнения, не включают обязательное использование боевой техники и вооружения.

В ходе учебно-боевой деятельности решается задача «опривычивания» условий опасности, ограничений и дефицита информации, а также снижения количества ситуаций, несущих для военнослужащего новизну и неопределенность, которые в выполнении боевых задач могут привести к снижению результативности боевой деятельности [18, С. 79]

При этом моделирование внешних условий в ходе выполнения учебно-боевых задач

имеет определенные ограничения («условия, приближенные к боевым»), связанные с неточностью имитации и уменьшением силы воздействия ряда факторов боевой обстановки (вражеская техника, применение оружия по нашим войскам, ведущее к разрушениям, повреждению техники, гибели и ранениям личного состава, информационным прецедентам и т. п.) и ограниченной длительностью их воздействия. Ограничения связаны и с затратностью или (и) опасностью моделирования условий угрозы для жизни; длительностью формирования образа врага и рисками применения техники и вооружения. При этом необходимость моделирования боевых условий в ходе выполнения учебно-боевых задач свидетельствует о различиях психологических особенностей боевой и повседневной деятельности.

Различие научных, эмпирических подходов к анализу и прогнозам в области военной практики, изменение военно-технического оснащения и эволюция тактических и стратегических взглядов на ведение боевых

действий, военных операций и войн в целом привело к наличию различных авторских или концептуальных подходов к пониманию военной реальности, военной деятельности как её составной части и предъявляемых ими требований к подготовке войск для выполнения функциональных задач.

Анализ профессиональной деятельности военнослужащих различных категорий показал, что боевая обстановка и условия повседневной деятельности войск различаются, и пребывание в них предъявляет отличные требования к психологическим качествам военнослужащих и социально-психологическим характеристикам воинских коллективов (А. В. Барабаншиков, В. И. Вдовюк, Г. А. Воловицкий, Ф. Д. Горбов, В. П. Давыдов, М. И. Дьяченко, П. Н. Корчемный, В. И. Лебедев, В. Н. Лоскутов, В. А. Пономаренко, Н. Ф. Феденко и др.) [17, 18, 19, 20].

Заключение

В отечественной военной психологии были описаны и изучены такие характеристики деятельности военнослужащих, как напряженность, обязательность и беспрекословность выполнения задач, коллективизм и сплоченность, регламентированность и структурированность, однозначность и упорядоченность трактовки передаваемых распоряжений и сигналов, использование маскировки и военной хитрости в целях внезапности, мотивация к ведению боя, информационная неопределенность, ограничение бытовых и санитарно-гигиенических условий, нормативность,

необходимость быстрого принятия ответственных решений и т. п.

Условия военного противоборства, выполнения войсками боевых задач многократно исследовались в целях обеспечения боеспособности и боеготовности армий. Военными экспертами описаны подтвержденные боевым опытом требования к личностным качествам воинов: дисциплинированность, организованность и строгая субординация, самообладание и решительность, способность переносить ограничения и тяготы службы, верность присяге, взаимопомощь, воинское товарищество, ответственность, бесстрашие [19].

Таким образом, в образовательном процессе ВООВО необходимо формировать социально-психологические условия формирования психологической готовности военнослужащего: духовно-нравственные, социально-политические и экономические, психологическая подготовка, военное образование, психофизиологическое. Важно отметить, что психологическая готовность военнослужащих и сотрудников войск национальной гвардии к служебной деятельности может быть качественно осуществлена посредством комплекса мероприятий, направленных на проработку и развитие каждого из компонентов готовности в рамках психологической подготовки с учетом изменяющихся условий.

Список источников

1. Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» // Российская газета. 2016. 6 июля.
2. Психолого-педагогический словарь / сост. Е. Рапацевич. Минск: БукРивер, 2006. 345 с.
3. Леонтьев Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. 2-е испр. изд. М. : Смысл, 2003. 487 с.
4. Кизенок И. Л. Диагностика ценностных ориентаций военнослужащих // Современная наука: идеи, которые изменят мир: материалы Всероссийской научно-практической конференции, Брянск, 22–23 ноября 2018 года. Брянск: Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского, 2018. С. 43–45.
5. Евдокимова О. В. Особенности формирования и оценивания профессионально-ценностных ориентаций у обучающихся в рамках гуманитарного образования в военном вузе / О. В. Евдокимова, А. Н. Колобов, А. А. Захаров // Бизнес. Образование. Право. 2021. № 2(55). С. 450–456. DOI 10.25683/VOLBI.2021.55.281. EDN XKFCNF.
6. Бурова Е. А. Взаимосвязь ценностных ориентаций и уровня субъективного контроля военнослужащих по призыву // Аллея науки. 2018. Т. 1. № 7(23). С. 838–841.
7. Мекебаев Н. С. Взаимосвязь ценностных ориентаций и ролевых моделей у военнослужащих по контракту // СМАЛЬТА. 2021. № 2. С. 87–95. EDN HHQVIC.
8. Коровин В. М. Система профессионального становления офицеров в военных вузах. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2002 (ИПФ Воронеж). 188 с.

9. Юдин И. В. Развитие служебной самостоятельности офицеров подразделений войск национальной гвардии Российской Федерации: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01 / Юдин Иван Владимирович. М., 2017. 278 с.
10. Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.]. URL: <https://base.garant.ru/10103000/> (дата обращения: 10.04.2023).
11. Суховой А. В. Психологическая готовность к профессиональной деятельности военнослужащих спецподразделений войск национальной гвардии Российской Федерации / А. В. Суховой, С. В. Оспенников // Гуманитарные проблемы военного дела. 2017. № 3. С. 214–220.
12. Сухомлинский В. А. Сердце отдаю детям: избранные произведения: в 5 т. / под ред. А. Г. Дзевекина. Киев: Радянська школа, 1980. Т. 3. 719 с.
13. Приказ Министерства внутренних дел Российской Федерации от 25 декабря 2020 г. № 900 «Вопросы организации морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации». URL: <http://base.garant.ru> (дата обращения 22.03.2022).
14. Приказ Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации от 14 ноября 2017 г. № 487 «Об утверждении Положения об организации работы с личным составом в войсках национальной гвардии Российской Федерации». URL: <http://base.garant.ru> (дата обращения 22.01.2024).
15. Маркова А. К. Психология профессионализма. М.: Междунар. гуманитарный фонд «Знание», 1996. 308 с.
16. Косухин В. В. Вопросы формирования готовности будущих офицеров войск национальной гвардии Российской Федерации к антитеррористической деятельности // Сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции (9 декабря 2019 г., г. Тюмень). Тюмень: Изд-во АМИ, 2019. С. 88–91.
17. Военная психология: методология, теория, практика / Корчемный П. А., Абдурахманов Р. А., Анцупов А. Я. [и др.]. М.: Воениздат, 2010. 340 с.
18. Корчемный П. А. Психологическая подготовка летного состава военно-воздушных сил к активным боевым действиям в условиях современной войны: дис. ... д-ра психол. наук: 20.02.02 / Корчемный Петр Антонович. М., 1990. – 228 с.
19. Лебедев В. И. Личность в экстремальных условиях. М.: Политиздат, 1989. 303 с.
20. Феденко Н. Ф. Очерки по психологии советского воина. М.: ВПА имени В. И. Ленина, 1966. 228 с.

References

1. Federal'nyj zakon ot 3 iyulya 2016 g. № 226-FZ «O vojskakh nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii» // Rossijskaya gazeta. 2016. 6 iyulya. (In Russ.).
2. Psihologo-pedagogicheskij slovar' / sost. E. Rapacevich. Minsk: BukRiver, 2006. 345 s. (In Russ.).
3. Leont'ev D. A. Psihologiya smysla: priroda, stroenie i dinamika smyslovoj real'nosti. 2-e ispr. izd. M.: Smysl, 2003. 487 s. (In Russ.).
4. Kizenok I. L. Diagnostika cennostnyh orientacij voennosluzhashchih // Sovremennaya nauka: idei, kotorye izmenyat mir: materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Bryansk, 22–23 noyabrya 2018 goda. Bryansk: Bryanskij gosudarstvennyj universitet imeni akademika I. G. Petrovskogo, 2018. S. 43–45. (In Russ.).
5. Evdokimova O. V. Features of the formation and assessment of professional and value orientations among students in the framework of humanitarian education at a military university / O. V. Evdokimova, A. N. Kolobov, A. A. Zaharov // Biznes. Obrazovanie. Pravo. 2021;2(55): 450–456. DOI 10.25683/VOLBI.2021.55.281. EDN XKFCHF. (In Russ.).
6. Burova E. A. The relationship between value orientations and the level of subjective control of conscripted military personnel // Alleya nauki. 2018. T. 1; 7(23): 838–841. (In Russ.).
7. Mekebaev N. S. The relationship of value orientations and role models among military personnel under contract // SMAL'TA. 2021;2: 87–95. EDN HHQVIC. (In Russ.).
8. Korovin V. M. Sistema professional'nogo stanovleniya oficerov v voennyh vuzah. Voronezh: Izd-vo Voronezh. gos. un-ta, 2002 (IPF Voronezh). 188 s. (In Russ.).
9. Yudin I. V. Razvitie sluzhebnoj samostoyatel'nosti oficerov podrazdelenij vojsk nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii: dis. ... kand. ped. nauk: 13.00.01 / Yudin Ivan Vladimirovich. M., 2017. 278 s. (In Russ.).

10. Konstituciya Rossijskoj Federacii: [prinyata vsenarodnym golosovaniem 12 dekabrya 1993 g. s izmeneniyami, odobrennymi v hode obshcherossijskogo golosovaniya 01 iyulya 2020 g.]. Available from: <https://base.garant.ru/10103000/> (data obrashcheniya: 10.04.2023). (In Russ.).
11. Suhovej A. V. Psychological readiness for professional activity of military personnel of special forces of the National Guard of the Russian Federation / A. V. Suhovej, S. V. Ospennikov // Gumanitarnye problemy voennogo dela. 2017;3: 214–220. (In Russ.).
12. Suhomlinskij V. A. Serdce otdayu detyam: izbrannye proizvedeniya: v 5 t. / pod red. A. G. Dzeverina. Kiev: Radyan'ska shkola, 1980. T. 3. 719 s. (In Russ.).
13. Prikaz Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii ot 25 dekabrya 2020 g. № 900 «Voprosy organizacii moral'no-psihologicheskogo obespecheniya deyatel'nosti organov vnutrennih del Rossijskoj Federacii». Available from: <http://base.garant.ru> (data obrashcheniya 22.03.2022). (In Russ.).
14. Prikaz Federal'noj sluzhby vojsk nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii ot 14 noyabrya 2017 g. № 487 «Ob utverzhdenii Polozheniya ob organizacii raboty s lichnym sostavom v vojskakh nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii». Available from: <http://base.garant.ru> (data obrashcheniya 22.01.2024). (In Russ.).
15. Markova A. K. Psihologiya professionalizma. M. : Mezhdunar. gumanitar. fond «Znanie», 1996. 308 s. (In Russ.).
16. Kosuhin V. V. Voprosy formirovaniya gotovnosti budushchih oficerov vojsk nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii k antiterroristicheskoy deyatel'nosti // Sbornik statej po itogam Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (9 dekabrya 2019 g., g. Tyumen'). Tyumen': Izd-vo AML, 2019. S. 88–91. (In Russ.).
17. Voennaya psihologiya: metodologiya, teoriya, praktika / Korchemnyj P. A., Abdurahmanov R. A., Ancupov A. Ya. [i dr.]. M. : Voenizdat, 2010. 340 s. (In Russ.).
18. Korchemnyj P. A. Psihologicheskaya podgotovka letnogo sostava voenno-vozdushnyh sil k aktivnym boevym dejstviyam v usloviyah sovremennoj vojny: dis. ... d-ra psihol. nauk: 20.02.02 / Korchemnyj Petr Antonovich. M., 1990. 228 s. (In Russ.).
19. Lebedev V. I. Lichnost' v ekstremal'nyh usloviyah. M. : Politizdat, 1989. 303 s. (In Russ.).
20. Fedenko N. F. Ocherki po psihologii sovetskogo voina. M. : VPA imeni V. I. Lenina, 1966. 228 s. (In Russ.).

Информация об авторах

Н. Б. Карабущенко – доктор психологических наук, профессор

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 12.02.2024;
одобрена после рецензирования 20.04.2024;
принята к публикации 20.06.2024.

Information about the author

N. B. Karabushchenko – Doctor of Sciences (Psychology), Professor

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 12.02.2024;
approved after reviewing 20.04.2024;
accepted for publication 20.06.2024.

Научная статья

УДК 37.015.3
EDN: IPGPYG

МАРКЕРЫ ДЕСТРУКТИВНОЙ АГРЕССИИ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ:
МОНИТОРИНГ, АНАЛИЗ, ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Роман Викторович Голубин¹, Наталья Ивановна Дунаева², Александр Павлович Коротышев³,
Павел Павлович Рыхтик⁴

¹⁻⁴ Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского, Россия, г. Нижний Новгород

¹ golubin@unn.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4565-1942>

² nataliadunaeva468@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4310-5115>

³ aleks_korotyshev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8824-0169>

⁴ rykhtikpavel@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1667-7270>

Аннотация. В статье обосновывается проблема деструктивной агрессии, которая становится сегодня нормой в молодежных коллективах. Отмечено, что в своих крайних формах она проявляется в деструктивных идеологиях, представляющих серьезную общественную опасность, в частности – в идеологии «колумбайн». Поскольку подавляющее большинство российской молодежи в настоящее время вовлечено в процессы коммуникации посредством «новых медиа» и социальных сетей, обосновывается необходимость в разработке и апробации методики мониторинга склонности к деструктивной агрессии в виртуальной среде. Основной целью исследования является разработка методики онлайн-мониторинга склонности к деструктивной агрессии в социальных сетях. Научная новизна заключается в обосновании авторского подхода к проведению такого рода мониторинга, представлены принципы составления и обновления маркерных рядов фраз-индикаторов, дан анализ и интерпретации результатов. Изучены возможности ведения мониторинга склонности к деструктивной агрессии, с использованием технологического инструментария онлайн-сервисов анализа сетевой активности пользователей IQbuzz и Wordstat.

Ключевые слова: деструктивная агрессия, киберпсихология, «новые медиа», веб-аналитика, социология Интернета, массовая коммуникация, интернет-сообщество, психотипы субъектов виртуальной реальности, виртуальное пространство

Для цитирования: Голубин Р.В., Дунаева Н.И., Коротышев А.П., Рыхтик П.П. Маркеры деструктивной агрессии в социальных сетях: мониторинг, анализ, интерпретация // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2024. № 2 (27). С. 104–115. URL: <https://vestnik-spvi.ru/2024/06/011.pdf>. EDN: IPGPYG.

PEDAGOGICAL PSYCHOLOGY, PSYCHODIAGNOSTICS OF DIGITAL EDUCATIONAL ENVIRONMENTS

Original article

MARKERS OF DESTRUCTIVE AGGRESSION IN SOCIAL NETWORKS:
MONITORING, ANALYSIS, INTERPRETATION

Roman V. Golubin¹, Natalia I. Dunaeva², Aleksandr P. Korotyshev³, Pavel P. Rykhtik⁴

¹⁻⁴ University of Nizhny Novgorod (N.I. Lobachevsky University), Nizhny Novgorod, Russia

¹ golubin@unn.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4565-1942>

² nataliadunaeva468@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4310-5115>

³ aleks_korotyshev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8824-0169>

⁴ rykhtikpavel@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1667-7270>

Abstract. The article substantiates the problem of destructive aggression, which is becoming the norm in youth collectives today. It is noted that in its extreme forms it manifests itself in destructive ideologies that pose a serious social danger, in particular – in the ideology of "columbine". Since the vast majority of Russian youth is currently involved in the processes of communication through "new

media" and social networks, the need to develop and test the methodology for monitoring the propensity to destructive aggression in the virtual environment is substantiated. The main purpose of the study is to develop a methodology for on-line monitoring of the propensity to destructive aggression in social networks. The scientific novelty consists in the substantiation of the author's approach to conducting this kind of monitoring, the principles of compiling and updating the marker series of phrase-indicators are presented, the results are analyzed and interpreted. The possibilities of monitoring the propensity to destructive aggression using technological tools of online services for analyzing the network activity of users IQbuzz and Wordstat have been studied.

Keywords: destructive aggression, cyber psychology, "new media", web analytics, Internet sociology, mass communication, Internet community, psychotypes of virtual reality subjects, virtual space

For citation: Golubin R.V., Dunaeva N.I., Korotyshev A.P., Rykhtik P.P. Markers of destructive aggression in social networks: monitoring, analysis, interpretation. Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta vojsk nacional'noj gvardii. 2024;2(27): 104–115. (In Russ.). Available from: <https://vestnik-spvi.ru/2024/06/011.pdf>. EDN: IGPYTG.

© Голубин Р.В., Дунаева Н.И., Коротышев А.П., Рыхтик П.П., 2024

Введение

Современные представления о деструктивной агрессии базируются на обширной теоретической основе, восходящей к классикам западной науки. Теоретико-методологические подходы к изучению деструктивной агрессии как социально-психологического феномена составляют: теория влечения (З. Фрейд) [12], эволюционно-генетическая теория, представленная работами К. Лоренца [5], В. П. Эфроимсона [14], А. А. Реана [9], теория агрессии на основе фрустрационного подхода, который развивали Н. Миллер [18], Дж. Доллард [17], Л. Берковиц [16], К. Хорни [13], представление об агрессии как об актах враждебности, разрушения по Х. Дельгадо [2], теория принуждающей силы М. Фишбаха [19]. В основе теории З. Фрейда и К. Лоренца лежит представление о генетической обусловленности агрессии, которая может по-разному проявляться в поведении человека. Так, у З. Фрейда важным механизмом для перерождения агрессивной энергии является сублимация, которая позволяет направить ее в другое русло, например, в творческую деятельность [12, С. 23]. К. Лоренц, опираясь на результаты, полученные при изучении поведения животных, связывает агрессивное поведение с адаптирующей функцией [5, С. 210]. Дж. Доллард и его коллеги видят истоки агрессии во фрустрации, наступающей вследствие нереализованных целей и жизненных планов [17, С. 281–292]. Все это вызывает беспокойство, растерянность у человека и может привести к агрессивному поведению. Г. Салливан считает, что агрессивность является не врожденным, а приобретенным качеством, возникает из-за нереализованных потребностей в нежности и потребности в избегании тревоги [10, С. 78]. К. Хорни рассматривает агрессивное поведение как защитную реакцию ребенка в случае применения по отношению к нему

психологического и эмоционального насилия [13, С. 134].

В комплексе с агрессией часто рассматривают состояние враждебности (А. Басс) [15]. Здесь следует отметить, что враждебность и агрессивность по отношению к другому могут проявляться совместно, что нередко усугубляет их отрицательные последствия. Впрочем, враждебность может и не вести к агрессивным действиям. Согласно Х. Дельгадо, агрессия неразрывно связана с разрушительной силой, с причинением вреда и ущерба личности или обществу. Он трактует ее как поведенческую реакцию с актами разрушения [4, С. 73]. Созвучны этой теории и определение агрессии как действия, нацеленного на причинение вреда или ущерба другим Р. Бэрона и Д. Ричардсон [3, С. 45]. Они выделили важную характеристику агрессивного поведения – «намеренность» и понимают под агрессией «любые действия, имеющие целью причинение ущерба или вреда (неважно – прямого или косвенного) другим, в независимости от характера преследуемой цели». С. Фишбах подчеркивал важность включения мотивационных факторов в определение агрессии [19]. Дж. Каган утверждал, что для суждения об агрессивности акта необходимо знать его мотивы и то, как он переживается [7].

Деструктивная агрессия – это не обособленное психоневрологическое явление, а общественный феномен, имеющий социальное, психологическое, информационное, коммуникационное измерение. Общественная опасность ее проявлений усугубляется тем, что данная тема зачастую табуируется как гражданами, так и официальными лицами. Тем не менее она находит свое отражение в массовой культуре, популярных художественных произведениях и на пространстве «новых медиа». Именно сетевая активность пользователей (включая

и активность в социальных сетях) служит первым признаком и объективным показателем проявления деструктивной агрессии как у отдельных индивидов, так и в обществе в целом [1, 2, 8, 11].

Основные положения

В исследовании проявлений деструктивной агрессии коллектив ученых Нижегородского государственного университета опирается на комплексный подход, объединяющий научный инструментарий современной психологии и социологии и программные возможности веб-аналитики. Он получил свое практическое воплощение в рамках технического задания «Школьное насилие – скулшутинг – колумбайн: лики, маски, причины и тенденции насилия в современной российской школе» федеральной программы «Приоритет-2030». Общая выборка исследования составила 45670 пользовательских сообщений, размещенных в период с 1 сентября по 30 ноября 2022 г., из которых 1586 содержали явные признаки деструктивной агрессии. Методом исследования явился контент-анализ пользовательских сообщений в социальных сетях. Целью исследования явилось формирование перечня маркеров-индикаторов склонности к деструктивной агрессии. Сбор эмпирических данных осуществлялся посредством сервиса IQBuzz, затем был проведен статистический анализ данных.

Одной из главных задач этого проекта является разработка системы мониторинга деструктивной агрессии в социальных сетях. Рассмотрим ее прикладное использование подробнее. Первым этапом и основой дальнейшего мониторинга и анализа является составление перечня вербальных маркеров. Вербальные маркеры (лингвистические признаки) – слова и словосочетания, характерные лексемы, используемые в речи, текстах, сообщениях, которые могут свидетельствовать о склонности пользователей к деструктивной агрессии. Они условно разделены на слова-призывы (лексемы, содержащие призывы к деструктивной деятельности или угрозы ее применения по отношению к миру, людям или себе) и слова-стигмы (лексемы, наиболее часто используемые последователями идеологии «колумбайн» и отражающие их отношение к себе, к людям и окружающей действительности) [6, 11].

Перечень маркеров составлялся экспертным коллективом проекта на основе собственного опыта и представлений, а затем уточнялся путем содержательного анализа пользовательских сообщений с деструктивным контентом в социальных медиа. В общей сложности было выявлено 175 маркеров. В качестве примера приведем некоторые из них.

Таблица 1 – Вербальные маркеры деструктивной агрессии

Table 1 – Verbal markers of destructive aggression

Отношение к миру		Отношение к людям	
Слова-призывы	Слова-стигмы	Слова-призывы	Слова-стигмы
уничтожить всё	анархизм	хочу убить их всех	биомусор/ биомасса
нападение на школу	kill mankind	убью свою мать	естественный отбор
завтра идем стрелять	неонацизм	хочу размазывать мозги	смерть
пойти против системы	хаос	хочу битву с гвоздями	ненависть
уничтожить недоразвитых людей	ненависть к человечеству	я вас всех ненавижу	человечество переоценено (humanity is overrated)
хочу показать, кто здесь Бог	человеко- ненавистничество	у людей лишь одно предназначение – смерть и страдания	все люди роботы
delete my life	солипсизм	вскрыл бы глотку каждому без сожаления или презрения	все люди рабы

Второй этап фактически представляет собой адаптацию вербальных маркеров к машинному поиску и предусматривает формирование на основе маркерного

ряда перечня фраз-индикаторов, на которые будут опираться сервисы мониторинга социальных медиа. Эта адаптация необходима, поскольку в прикладном онлайн

мониторинге нельзя полагаться на готовые формулировки из перечня.

Во-первых, для поисковых систем слова – это просто набор символов. Они далеко не всегда могут учесть контекст и все смысловые оттенки. Практика показала, что при попытках прямого поиска по формулировкам из маркерного ряда, основную часть найденных сообщений составляют обсуждения исторических и политических событий, компьютерных игр, религиозных текстов и пр.

Во-вторых, часть маркеров представляет собой абстрактные понятия, которые (в практике сетевого общения) могут быть выражены самыми разными формулировками. В рамках интернет-коммуникации достаточно легко возникают разного рода субкультурные сообщества, использующие собственный уникальный сленг. Такого рода формулировки, связанные с проявлениями деструктивной агрессии, также необходимо учитывать и, по мере появления, включать в перечень фраз-индикаторов.

В-третьих, деструктивная агрессия нередко меняет внешние формы своего проявления, находится под влиянием контркультурных течений, моды, быстро возникающих в интернете «хайповых» информационных поводов. Лиц, склонных к деструктивной агрессии, как правило, привлекают художественные продукты (книги, фильмы и

сериалы, комиксы и пр.) остросоциальной тематики, содержащие психологическую или псевдопсихологическую рефлексия, или же эпатажно демонстрирующие насилие. Нередко стремление к деструктивной агрессии проявляет себя именно в ходе обсуждения такого рода материалов.

Кроме того, большой риск для исследователя состоит в подмене понятийных установок деструктивной агрессии, встречающихся в сети, своими собственными. С одной стороны, исследователь может не знать всех возможных маркеров, быть не в курсе последних контркультурных тенденций. С другой, он должен постоянно отслеживать изменения в информационной среде, ориентироваться в предпочтениях и интересах молодежи, связанных с деструктивной агрессией.

Поэтому при составлении перечня фраз-индикаторов необходимо опираться не только на маркеры, но и на особенности сетевой активности пользователей. Здесь можно обратиться к сервису WordStat, который позволяет зафиксировать число поисковых запросов на портале «Яндекс», связанных с культурными продуктами, затрагивающими тему колумбайна. Он также предоставляет варианты схожих по смыслу запросов, что значительно расширяет возможности поиска, в т. ч. в части мониторинга маркеров деструктивной агрессии.

Таблица 2 – Число пользовательских запросов, связанных с культурными продуктами, затрагивающими тему колумбайна, в поисковом сервисе Яндекс (ноябрь 2020 г. – ноябрь 2022 г.). Данные сервиса WordStat

Table 2 – Number of user queries related to cultural products touching on the topic of columbine in the Yandex search service (November 2020 - November 2022). Data from the WordStat service

Формулировка поискового запроса	Ноябрь 2020	Май 2021	Ноябрь 2021	Май 2022	Ноябрь 2022
«колумбайн фильм»	1425	12438	2611	1887	1605
«колумбайн видео»	834	8245	818	795	595
«колумбайн песня»	376	63905	1141	1530	783
«колумбайн фото»	276	3082	414	378	396

Заметно, что среди российских интернет-пользователей существует небольшая, но постоянная группа, интересующаяся проблемой колумбайна. Она отдает предпочтение видеоконтенту, причем художественные произведения данной тематики пользуются большим спросом в сравнении с материалами с места реальных событий. Заметный рост обозначенных показателей в мае 2021 г. связан с большим общественным резонансом, вызванным расстрелом

учеников в гимназии № 175 в г. Казань. Однако интерес к этому событию быстро угас: уже в июне-июле активность поисковых запросов возвращается к среднему уровню.

Помимо общих оценок, сервис позволяет уточнять конкретные формулировки, используемые пользователями в практике интернет-постинга. К примеру, суицидальные мысли могут проявлять себя в следующих формулировках, вводимых пользователями в поисковую строку.

Таблица – 3 Число пользовательских запросов, связанных с суицидальными устремлениями в поисковом сервисе Яндекс (ноябрь 2020 г. – ноябрь 2022 г.). Данные сервиса WordStat

Table – 3 Number of user queries related to suicidal aspirations in Yandex search service (November 2020 – November 2022). Data from WordStat service

Формулировка поискового запроса	Ноябрь 2020	Май 2021	Ноябрь 2021	Май 2022	Ноябрь 2022
«как покончить самоубийством»	3758	3183	3553	3518	3703
«я хочу умереть»	98410	77989	85126	82598	99342
«как совершить самоубийство»	11467	9343	11093	10017	12310
«как суициднуться»	1283	1385	1528	1418	1611
«как покончить с собой»	3550	3801	4172	4062	4206

Другим примером использования сервиса WordStat в мониторинге маркеров деструктивной агрессии может служить оценка популярности в обществе отдельных культурных объектов, явлений и феноменов, связанных с темой колумбайна. Таким

образом, можно отслеживать их популярность в молодежной среде. В качестве примера приведем статистику поисковых запросов по названиям художественных фильмов, затрагивающих тематику колумбайна.

Таблица 4 – Число пользовательских запросов, связанных с фильмами, затрагивающими тематику колумбайна, в поисковом сервисе Яндекс (ноябрь 2020 г. – ноябрь 2022 г.). Данные сервиса WordStat

Table 4 – Number of user queries related to movies touching on the subject of columbine in the Yandex search service (November 2020 – November 2022). Data from WordStat service

Формулировка поискового запроса	Ноябрь 2020	Май 2021	Ноябрь 2021	Май 2022	Ноябрь 2022
«что-то не так с Кевином»	348909	342921	495498	424629	503529
«класс фильм»	116276	134654	139728	177400	244655
«слон фильм»	29141	37063	46122	47710	182251
«боулинг для колумбины»	516	1835	449	603	405
«школьный стрелок фильм»	770	3772	1322	1641	945
«нулевой день фильм»	332	916	375	1001	887

Эти данные свидетельствуют, что массовое убийство, совершенное 11 мая 2021 г. в казанской гимназии № 175 Ильназом Галявиевым, усилило общественный интерес к теме колумбайна. Именно на май приходится заметный рост числа поисковых запросов. В дальнейшем общественный интерес к данной проблеме постепенно

снижается, однако в 2022 г. он все еще остается более выраженным, чем в аналогичный период 2021 г.

С учетом описанных выше обстоятельств был составлен перечень фраз-индикаторов, пригодных для машинного поиска. Некоторые из них приведены в качестве примера в следующей таблице.

Таблица 5 – Примеры фраз-индикаторов, сформированных на основе психологических маркеров деструктивной агрессии и адаптированных для машинного поиска

Table 5 – Examples of phrase-indicators formed on the basis of psychological markers of destructive aggression and adapted for machine search

Исходные вербальные маркеры деструктивной агрессии		Фраза-индикатор
Слова-призывы	Слова-стигмы	
уничтожить всё	анархизм	«правят идиоты» / «власть баранов»
нападение на школу	kill mankind	«убить»
завтра идем стрелять	неонацизм	«наши» / «нормис»
пойти против системы	хаос	«против системы» / «на улицы»

уничтожить недоразвитых людей	ненависть к человечеству	«биомусор» / «биомасса» /
хочу показать, кто здесь Бог	человеко-ненавистничество	«людишки» / «биомасса» / «подпискович» / «нормис»
delete my life	солипсизм	«хочу умереть» / «убью себя»
хочу убить их всех	биомусор/ биомасса	«биомусор» / «биомасса»
убью свою мать	естественный отбор	«хочу убить» / «естественный отбор»
хочу размазывать мозги	смерть	«труп» / «жесть смерти»
хочу битую с гвоздями	ненависть	«оружие купить» / «на смерть»
я вас всех ненавижу	человечество переоценено (humanity is overrated)	«ненавижу» / «биомасса»
у людей лишь одно предназначение – смерть и страдания	все люди роботы	«биоробот» / «хомячок»
вскрыл бы глотку каждому без сожаления или презрения	все люди рабы	«рабы»

Особо отметим, что в ходе последующего поиска и анализа пользовательских постов в социальных сетях этот перечень может уточняться и дополняться, поскольку с большой вероятностью обнаружатся новые формулировки, которые могут служить указанием на склонность к деструктивной агрессии.

Третий этап работ заключается в организации мониторинга сетевой активности пользователей в социальных сетях. Его основная задача сугубо прикладная – выявление конкретных пользователей, проявляющих признаки деструктивной агрессии. Однако, помимо основной, есть и две дополнительные. Первая состоит в поиске новых формулировок для уточнения и дополнения перечня индикаторов. Вторая носит академический характер и заключается в обнаружении в динамике пользовательской активности скрытых закономерностей и причинно-следственных связей.

Эффективное решение этих задач обеспечивается технологическим инструментарием сервисов мониторинга пользовательских сообщений в социальных сетях. В рамках настоящего исследования проводился пробный мониторинг с использованием интерфейса и программных возможностей сервиса IQbuzz. Изучались посты, отобранные сервисом при введении различных индикаторов и их комбинаций. Фиксировалась статистика распределения постов по дням, анализировались семантические связи сообщений, общий тон и направленность постов, наличие и уровень деструктивной агрессии, выражаемой в

сообщениях их авторами.

С 1 сентября по 30 ноября 2022 г. проводился пробный мониторинг по части фраз-индикаторов. Прежде всего отрабатывалась специфика использования индикаторов с «широким» диапазоном смысловых значений (например, «оружие», «убить», «хочу умереть» и т. п.). Это дало достаточно широкую выборку сообщений, пригодную для экспертного анализа. Всего за 3 месяца мониторинга средствами машинного анализа было исследовано более 45000 пользовательских сообщений, из которых 1586 содержали явные признаки деструктивной агрессии. Тематически они в основном содержали суицидальные мысли, призывы к насилию в отношении коллег, друзей, одноклассников, учителей, представителей власти, объектов неразделенной любви и т. п. Пример динамики такого рода постов приведен в таблице.

Всего в обозначенный период было зафиксировано 2864 поста с формулировкой «хочу умереть», однако собственно суицидальные мысли высказываются не более чем в 126 из них. Вполне понятно, что ключевым элементом мониторинга должен стать качественный, содержательный анализ текстов сообщений. Функционал сервиса IQbuzz позволил членам авторского коллектива собрать обширную базу пользовательских постов, выражающих склонность к деструктивной агрессии. Ее качественный анализ позволил сделать некоторые выводы о природе данного феномена и особенностях его проявления у российских граждан.

Таблица 6 – Динамика численности пользовательских постов в социальных сетях с формулировкой «хочу умереть» с 1 по 27 сентября 2022 г. Данные сервиса IQbuzz

Table 6 – Dynamics of the number of user posts in social networks with the wording "I want to die" from September 1 to 27, 2022. 2022 Data from IQbuzz service

1 сент.	94	10 сент.	183	19 сент.	90
2 сент.	51	11 сент.	139	20 сент.	58
3 сент.	80	12 сент.	111	21 сент.	81
4 сент.	67	13 сент.	143	22 сент.	74
5 сент.	60	14 сент.	172	23 сент.	92
6 сент.	100	15 сент.	89	24 сент.	138
7 сент.	78	16 сент.	96	25 сент.	170
8 сент.	82	17 сент.	138	26 сент.	86
9 сент.	152	18 сент.	65	27 сент.	175

В первую очередь заметно, что деструктивная агрессия, выражаемая в текстах в социальных сетях, имеет тенденцию канализироваться в отношении реальных или воображаемых автором людей, на которых можно возложить ответственность за испытываемые им негативные эмоции. Посты, где автор направляет агрессию на себя или признается в том, что не понимает, кого винить, тоже встречаются, но в меньшем объеме.

С точки зрения осознания автором причины своего недовольства, посты можно разделить на три группы: «виновен сам автор», «виновен кто-то другой» и «виновник не осознается». В первом случае для автора допускается более высокий потенциал суицидального поведения. При анализе постов второй группы большой интерес для исследователя представляют «виновные объекты», потенциально способные стать объектами не только вербальной агрессии, но и социально неприемлемых действий. В контексте социальной безопасности особенно важны для анализа посты второй группы, когда в проблемах автора обвиняются представители образовательных учреждений (школы) или институтов политической власти. Посты третьей группы представляют интерес для психологов и социальных работников, работающих с индивидами, находящимися в группах риска, особенно когда осознание непонимания причины своих неудач прямо или косвенно сопровождается запросом на необходимость все-таки найти эту причину, осознать ее и проработать с наименее деструктивными для личности последствиями.

Рассмотрим некоторые примеры такого рода постов:

«Я понял одну вещь, никому, никогда не доверять!!! Я, как всегда, сломлен

психологически. Опять полная демотивация вследствие каких-либо отрицательных событий. Состояние, когда уже не можешь и не хочешь ничего делать! Вроде бы люблю тебя, но так хочу убить!!!». Подобного рода высказывания объясняются тем, что молодые люди в подростковом и юношеском возрасте находятся в процессе личностного становления, переживают возрастные кризисы. Идеализированные представления о жизни, отсутствие знаний об эффективных способах выхода из трудных жизненных ситуаций, недостаток доверительных отношений со значимыми взрослыми приводят к накоплению отрицательных эмоций, негативному восприятию действительности, дезадаптивным формам поведения с проявлением агрессивных тенденций.

У некоторых наблюдается также и неадекватная самооценка, порождающая проблемы во взаимоотношениях с другими. Данная категория молодых людей болезненно воспринимает критику в свой адрес, неадекватно оценивает свои возможности. Их посты пронизаны ненавистью: «Я хочу убить всех, кто плохо обращался со мной, у этих людей нет хорошего, они не заслуживают жизни. Смотрят на тебя свысока, общаются так, будто я никто. Я хочу убить всех». Нередко эта ненависть распространяется и на себя, выливается в посты с принятием, обесцениванием себя и своей жизни: «Я убью себя, мне на это хватит силы. Сколько после моей смерти станет меньше имбецилов?».

Возвращаясь к проблеме осознания пользователями глубинных причин своих деструктивных намерений, отметим весьма характерную тенденцию канализации агрессии интернет-пользователей в сторону государственных институтов (в первую

очередь – школы) или тех, кого считают агентом государства (учитель, чиновник, представитель муниципалитета и др.). Именно эти институты и должностные лица (выступающие в данном случае как некие социальные функции) зачастую становятся объектом сетевой агрессии.

Агрессивное поведение молодежи тесно связано с успешностью в учебной деятельности. Высокая дидактическая нагрузка, неудачи и трудности в освоении материала – все это приводит к росту нервно-психического напряжения и порождает защитные реакции в форме агрессии, направленной на себя и других: «...я не понимаю математику и уравнение, она задала 6 уравнений. Я их решала 2 часа и не смогла решить одно, если считать, то много времени потратила впустую, я ничего не поняла!!! Я решала одно уравнение полчаса, потом оказалось, что учительница сделала его неправильным.)». Обвинение учителей в несправедливости, в непонимании, в формальном подходе и поверхностном решении проблем приводит к оборонительной позиции, порождая ненависть к школе и к участникам образовательного процесса: «Каждый раз, когда что-то происходило, я всегда была виновата везде, и никогда, НИКОГДА не была права. ... зам. директора, классный руководитель, Айша и ее мамаша и психологи, я вас всех ненавижу, живите в свое удовольствие, строят из себя справедливых, а на деле просто обвиняют, никому не веря кроме "жертвы")».

Нередко подростки описывают свое столкновение с физической агрессией: с драками, порчей вещей, нападениями. Все это порождает у жертв насилия чувство страха, незащищенности, осознание своей малоценности, ненужности, отчуждения: «Я ненавижу школу, а всему виной буллинг, которому я систематически подвергаюсь. Наш класс живёт по воровским понятиям. Я обращался за помощью к учителям, но вместо решения проблемы я получаю отговорки, типа я сам виноват, что я провоцирую ребят, что я должен влиться в коллектив, а не быть обособленным».

В ходе мониторинга также был выявлен ряд новых маркеров, например: бренд уличной одежды («ТБМА») [15]; отсылки на творчество русских реп-исполнителей, различные компьютерные игры жанра «шутер»; контркультурные произведения кино и др. Стоит, однако, отметить, что данные маркеры сами по себе не являются однозначными индикаторами склонности авторов к деструктивной агрессии. Но в сочетании с

прямыми деструктивными и агрессивными сообщениями они служат дополнительными признаками, сигнализирующими о потенциально высокой моральной готовности автора к деструктивному поведению.

Практика показывает, что при ведении мониторинга по индикаторам с «широким» диапазоном смысловых значений доля нерелевантных сообщений превышает 90 %, а сам состав выборки насчитывает сотни публикаций с невероятно большими объемами текстов даже за период не более суток. В силу специфики современной коммуникации на пространстве социальных сетей, в выборку по приведенным выше индикаторам попадают рекламные посты о книгах, фильмах или новости и их обсуждение по темам, где ключевые понятия формально идентичны искомому, но к проблеме деструктивной агрессии прямого отношения не имеют.

Это, впрочем, не означает, что от индикаторов с широким смысловым диапазоном следует отказаться. Несмотря на высокую долю «лишней» информации, именно анализ сообщений из широкой выборки позволяет максимально охватить и проверить непосредственные сообщения по теме. Кроме того, анализ объемов релевантной доли в итоговой выборке позволяет судить об эффективности и адекватности работы по формулированию конкретных индикаторов – чем таковая доля выше, тем более удачным можно считать индикатор, по крайней мере, в актуальных общественных условиях. Наконец, широкая выборка позволяет обнаружить и проанализировать маркеры, темы, теги деструктивной агрессии, которые не были учтены на подготовительном этапе мониторинга, но являющиеся важной составляющей актуального коммуникативного процесса для пользователей, склонных к деструктивной агрессии. Становится возможным сосредоточиться на таких «неочевидных» ранее маркерах и индикаторах, анализ которых порой может иметь критическое значение.

С другой стороны, использование слишком конкретных «индикаторов» (например, «убью учительницу первой» или «заберу ваши жизни») даже при широком хронологическом диапазоне поиска предлагает для анализа слишком мало пользовательских сообщений. Вполне очевидно, что сам факт упоминания некоего маркера в сообщении пользователя еще не означает проявления деструктивной агрессии. Кроме того, различные маркеры явно неравнозначны: в конкретном сообщении может идти речь как о призывах к конкретным

действиям, так и об отвлеченном обсуждении некой абстрактной ситуации. На наш взгляд, целесообразно разделить маркеры как минимум на две группы.

К первой, условно «красной» группе опасности, следует отнести маркеры, непосредственно указывающие на намерение индивида совершить конкретные действия. Примером красного маркера могут служить фразы «я хочу умереть» или «я его убью». На практике они применяются главным образом в двух контекстах.

Первая фраза «я хочу умереть» связана с аутоагрессией. В сообщениях прослеживается непринятие и обесценивание себя и своей жизни, состояние безысходности, суицидальные мысли: «Я, правда, хочу умереть. Забавно, что, умерев, я сделаю мир только лучше».

Во втором случае, агрессия направлена на других, проявляясь в сообщениях с угрозой расправы, с желанием причинить другим боль или увечье. При этом отмечается сниженный уровень саморегуляции, самоконтроля, проявляется враждебность, ненависть: «ребят, я его зарежу, я отвечаю, ночью, когда спать будет ... Я хочу убить всех людей, кто так поступает и портит мне нервы, психику и меня, убить, сесть в тюрьму, отсидеть

и умереть».

В случае обнаружения красных маркеров, означающих выраженное намерение, сервис IQbuzz позволяет исследователям просмотреть открытые регистрационные данные пользователя, оставленные в сети, и дать сигнал в компетентные службы для запуска процедуры контроля за деструктивным поведением и помощи пользователям, оказавшихся в тяжелой жизненной ситуации.

Ко второй, условно «зеленой» группе, относятся маркеры, демонстрирующие интерес к деструктивным идеологиям, контркультурным проявлениям, информационным поводам и т. п. Сам факт интереса к такой тематике еще не говорит о склонности пользователя к деструктивной агрессии. Однако накопление таких маркеров, устойчивый и постоянный интерес может служить поводом для беспокойства.

Наконец, следует отметить определенный потенциал, который описанный мониторинг имеет с точки зрения изучения массовой психологии. Так, в ходе сбора эмпирического материала авторам удалось выявить некоторые закономерности в динамике распространения целевых маркеров в интернет-коммуникации.

Таблица 7 – Динамика численности пользовательских постов в социальных сетях с формулировками «биомусор» и «хочу убить» с 18 сентября по 14 октября 2022 г. Данные сервиса IQbuzz

Table 7 – Dynamics of the number of user posts in social networks with the phrases "biom trash" and "I want to kill" from September 18 to October 14, 2022 Data from IQbuzz service

18 сент.	212	27 сент.	453	6 окт.	300
19 сент.	287	28 сент.	360	7 окт.	182
20 сент.	173	29 сент.	222	8 окт.	200
21 сент.	101	30 сент.	248	9 окт.	224
22 сент.	99	1 окт.	194	10 окт.	177
23 сент.	164	2 окт.	190	11 окт.	193
24 сент.	274	3 окт.	189	12 окт.	127
25 сент.	643	4 окт.	299	13 окт.	96
26 сент.	377	5 окт.	322	14 окт.	143

На 25 и 27 сентября приходятся пики использования этих деструктивных лексем, в несколько раз превышающие стандартный уровень. 13 октября, напротив, фиксируется необычно низкий уровень их использования. Представляется, что эти колебания могут служить отражением глубинных процессов, происходящих в общественном сознании. Так, в конце сентября в обществе активно обсуждалась объявленная 21 сентября частичная мобилизация, которая, вполне

вероятно, стала крупнейшим общественным потрясением последних лет. Это потрясение могло вызвать повышенную сетевую активность и у психически неуравновешенных личностей и у людей, находящихся в трудных жизненных обстоятельствах. Глубинные причины фиксируемых средствами онлайн мониторинга колебаний, очевидно носят синегетический характер и нуждаются в дополнительных исследованиях.

Заключение

Опыт авторского коллектива показал, что онлайн мониторинг в социальных сетях может стать эффективным средством выявления склонности с деструктивной агрессии. Однако для его эффективного использования необходимо осознавать ограничения данной методики и учитывать следующее:

1. Машинный поиск не решает окончательно задачу отбора сообщений, содержащих фразы-индикаторы деструктивной агрессии. Он лишь позволяет создать базу таких постов, с которой должен работать специалист, способный осознать контекст и обстоятельства использования этих фраз. Массив эмпирических данных, с которыми придется работать такому оператору остается весьма обширным, но это вполне выполнимо. В среднем в день, по региону Российской Федерации, в выборку попадает 20–30 сообщений. Таким образом, ежедневная проверка оператором около 10 индикаторов, дает по региону выборку около 200–300 сообщений, усиленную для анализа психологом и социологом и позволяющую уловить потенциальные отклонения в поведении отдельных пользователей и судить о степени их склонности к деструктивной агрессии.

2. Маркерный ряд и перечень фраз-индикаторов нельзя, однажды составив, использовать без дополнений и изменений. Это – подвижная система символов и понятий, формируемая информационной, культурной, социальной средами. Для эффективного мониторинга следует постоянно дополнять и совершенствовать перечни маркеров и фраз-индикаторов, особенно в части новых культурных (и контркультурных) продуктов и явлений, сленговых терминов и т. п.

3. Если исключить наиболее острые случаи, когда пользователь прямо заявляет о своем намерении совершить конкретные противоправные действия, то сам факт использования фразы-индикатора не говорит о склонности к немотивированной агрессии. О такой склонности может говорить регулярное использование этих фраз в соответствующем контексте.

По этой причине маркеры имеет смысл разделить как минимум на две группы. Первая группа включает маркеры, указывающие на желание или намерение совершить насильственные действия, акты агрессии, терроризма и пр. («красные» маркеры). Маркеры второй группы говорят об интересе пользователя к деструктивной тематике, участии в ее обсуждении («зеленые» маркеры). Предположение о склонности пользователя к деструктивной агрессии можно делать лишь при фиксации в его сообщениях комплекса маркеров.

Данные обстоятельства диктуют для коллективов, профессионально занимающихся выявлением фактов деструктивной агрессии, следующий алгоритм работы:

1. Машинный поиск на базе маркерного ряда и перечня индикаторов.

2. Первичный просмотр сообщений оператором, отбор потенциально указывающих на склонность к деструктивной агрессии.

3. Анализ сообщений профессиональным психологом и, при необходимости, социологом.

4. Совместная работа оператора и профильных экспертов над актуализацией маркерного ряда и списка фраз-индикаторов.

Одной из будущих задач проекта «Школьное насилие – скулшутинг – колумбайн: лики, маски, причины и тенденции насилия в современной российской школе» федеральной программы «Приоритет-2030», реализуемого в Национальном исследовательском Нижегородском государственном университете имени Н. И. Лобачевского, выступает выведение общих правил построения маркерного ряда и фраз-индикаторов, которые, возможно, будут рекомендовать исследователям и службам, проводящим аналогичные мониторинги. Эти правила должны учитывать, во-первых, совокупный теоретический и практический опыт широкого спектра социальных наук (психологии, социологии, политологии), а, во-вторых, актуальную повестку в коммуникации молодежи в «новых медиа» и в деструктивных онлайн-сообществах.

Список источников

1. Амелина Я. А. Эклектика экстремизма. Как идеология ненависти завоевывает умы и сердца. М., 2022. 72 с.
2. Баяева Л. В. «Группы смерти» и «колумбайн-сообщества» в онлайнкультуре и реальном социуме // Информационное общество. 2019. № 3. С. 33–42.
3. Бэррон Р. Агрессия / Р. Бэррон, Д. Ричардсон. М. : Питер, 2014. 411 с.
4. Дельгадо Х. Мозг и сознание / пер. Л. Я. Белопольского. М. : Мир, 1971. 263 с.
5. Лоренц К. Агрессия, или так называемое зло / пер. А. Федорова. М. : АСТ, 2018. 413 с.

6. Дунаева Н. И. Проблема профилактики деструктивной агрессии на примере движения «колумбайн» / Н. И. Дунаева, Ю. М. Баранова, Т. В. Филина // Проблемы современного педагогического образования. 2022. № 75. Ч. 4. С. 354–357.
7. Массен П. Развитие личности ребенка / П. Массен, Дж. Конджер, Дж. Каган. М. : Прогресс, 1987. 269 с.
8. Мацута В. В. Анализ текстового контента девиантных онлайн-сообществ (на примере сообществ скулшутинга) / В. В. Мацута, Ю. О. Мундриевская, Г. Н. Сербина [и др.] // Гуманитарный научный вестник. 2020. № 2. С. 90–101.
9. Реан А. А. Проявление агрессивности подростков в зависимости от пола и социально-экономического статуса семьи / А. А. Реан, И. А. Коновалов // Национальный психологический журнал. 2019. № 1(33). С. 23–33.
10. Салливан Г. Теория межличностных отношений и когнитивные теории личности / Г. Салливан, Дж. Роттер, У. Мишел. СПб. : Прайм-ЕВРОЗНАК, 2007. 128 с.
11. Силантьев Р. А. Кто такие колумбайнеры и как их распознать: методическое пособие / Р. А. Силантьев, Р. В. Голубин, Н. И. Дунаева [и др.]. Н. Новгород: Правительство Нижегородской области. 2022. С. 70.
12. Фрейд З. Очерки по психологии сексуальности / пер. М. В. Вульфа. М. : МЦ «Система» при МК ВЛКСМ, 1989. 83 с.
13. Хорни К. Наши внутренние конфликты / пер. В. Старовойтовой. М. : ЭКСМО-Пресс, 2000. 555 с.
14. Эфроимсон В. П. Генетика этики и эстетики. СПб. : АОЗТ «Талисман», 1995. 279 с.
15. Bass A.H. Instrumentality of aggression, feedback, and frustration as determinants of physical aggression // Journal of Personality and Social Psychology. 1966. P. 153–162.
16. Berkowitz L. Frustration-aggression hypothesis: Examination and reformulation // Psychological Bulletin. 1989. № 106 (1). P. 59–73.
17. Dollard J., Miller N. E., Doob L. W., Mowrer O. H., Sears R. R. Frustration and Aggression. New Haven, CT, US: Yale University Press, 1939. 226 p.
18. Miller N. E. The frustration-aggression hypothesis // Psychological Review. 1941. 48 (4) P. 337–342.
19. Feshbach S. Dynamics Morality of Violence and Agression: Some Psychological Considerations // American Psychologist. 1971. № 26. P. 281–292.
20. Тьма: бренд уличной одежды. URL: https://vk.com/dark_s_w?ysclid=lc0g7c2efz934049784 (дата обращения: 12.03.2023).

References

1. Amelina Ya. A. Eklektika ekstremizma. Kak ideologiya nenavisti zavoevyvaet umy i serdca. M., 2022. 72 s. (In Russ.).
2. Baeva L. V. "Death groups" and "Columbine communities" in online culture and real society // Informacionnoe obshchestvo. 2019;3: 33–42. (In Russ.).
3. Beron R. Agressiya / R. Beron, D. Richardson. M. : Piter, 2014. 411 s. (In Russ.).
4. Del'gado H. Mozg i soznanie / per. L. Ya. Belopol'skogo. M. : Mir, 1971. 263 s. (In Russ.).
5. Lorenc K. Agressiya, ili tak nazyvaemoe zlo / per. A. Fedorova. M. : AST, 2018. 413 s. (In Russ.).
6. Dunaeva N. I. The problem of preventing destructive aggression on the example of the Columbine movement / N. I. Dunaeva, Yu. M. Baranova, T. V. Filina // Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya. 2022; 75. Ch. 4: 354–357. (In Russ.).
7. Massen P. Razvitie lichnosti rebenka / P. Massen, Dzh. Kondzher, Dzh. Kagan. M. : Progress, 1987. 269 s. (In Russ.).
8. Macuta V. V. Analiz tekstovogo kontenta deviantnyh onlajn-soobshchestv (na primere soobshchestv skulshutinga) / V. V. Macuta, Yu. O. Mundrievskaya, G. N. Serbina [i dr.] // Gumanitarnyj nauchnyj vestnik. 2020;2: 90–101. (In Russ.).
9. Rean A. A. The manifestation of aggressiveness of adolescents depending on gender and socio-economic status of the family / A. A. Rean, I. A. Kononov / Nacional'nyj psihologicheskij zhurnal. 2019;1(33): 23–33. (In Russ.).
10. Sallivan G. Teoriya mezhlichnostnyh otnoshenij i kognitivnye teorii lichnosti / G. Sallivan, Dzh. Rotter, U. Mishel. SPb. : Prajm-EVROZNAK, 2007. 128 s. (In Russ.).
11. Silant'ev R. A. Kto takie kolumbajneri i kak ih raspoznat': metodicheskoe posobie / R. A. Silant'ev, R. V. Golubin, N. I. Dunaeva [i dr.]. N. Novgorod: Pravitel'stvo Nizhegorodskoj oblasti. 2022. S. 70. (In Russ.).
12. Frejd Z. Ocherki po psihologii seksual'nosti / per. M. V. Vul'fa. M. : MC «Sistema» pri MK VLKSM, 1989. 83 s. (In Russ.).
13. Horni K. Nashi vnutrennie konflikty / per. V. Starovojtovoij. M. : EKSMO-Press, 2000. 555 s. (In Russ.).

14. Efromson V. P. Genetika etiki i estetiki. SPb. : AOZT «Talisman», 1995. 279 s. (In Russ.).
15. Bass A.H. Instrumentality of aggression, feedback, and frustration as determinants of physical aggression // Journal of Personality and Social Psychology. 1966. P. 153–162.
16. Berkowitz L. Frustration-aggression hypothesis: Examination and reformulation // Psychological Bulletin. 1989;106 (1): 59–73.
17. Dollard J., Miller N. E., Doob L. W., Mowrer O. H., Sears R. R. Frustration and Aggression. New Haven, CT, US: Yale University Press, 1939. 226 p.
18. Miller N. E. The frustration-aggression hypothesis // Psychological Review. 1941;48 (4) R. 337–342.
19. Feshbach S. Dynamics Morality of Violence and Agression: Some Psychological Considerations // American Psychologist. 1971;26: 281–292.
20. Tma: brend ulichnoj odezhdy. Available from: https://vk.com/dark_s_w?ysclid=lc0g7c2efz934049784 (data obrashcheniya: 12.03.2023). (In Russ.).

Информация об авторах

Р. В. Голубин – кандидат исторических наук, доцент
Н. И. Дунаева – кандидат психологических наук, доцент
А. П. Коротышев – кандидат исторических наук, доцент
П. П. Рыхтик – кандидат исторических наук

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование выполнено в рамках программы Приоритет 2030, техническое задание от ноября 2021 г. «Школьное насилие – скулшутинг – колумбайн: лики, маски, причины и тенденции насилия в современной российской школе», Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского.

Статья поступила в редакцию 26.01.2024; одобрена после рецензирования 16.02.2024; принята к публикации 20.06.2024.

Information about the authors

R. V. Golubin – Candidate of Sciences (History), Docent
N. I. Dunaeva – Candidate of Sciences (Psychology), Docent
A. P. Korotyshev – Candidate of Sciences (History), Docent
P. P. Rychtik – Candidate Sciences (History)

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Funding. The article prepared within the framework of the Priority 2030 program, terms of reference dated November 2021 "School violence – schoolshooting – columbine: faces, masks, causes and trends of violence in modern Russian school", Nizhny Novgorod State University. N.I. Lobachevsky.

The article was submitted 26.01.2024; approved after reviewing 16.02.2024; accepted for publication 20.06.2024.

Научная статья

УДК 37.015.3

EDN: LEYIYO

ЖИЗНЕСТОЙКОСТЬ ЛИЧНОСТИ КАК ОБЪЕКТ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Алла Евгеньевна Ким

Социально-психологический институт Кемеровского государственного университета,
Кемерово, Россия

ianko.alla@yandex.ru

Аннотация. В статье проведен анализ основных подходов к пониманию феномена жизнестойкости в отечественной и западной психологии. На основании исследования актуальной литературы выделены и описаны смежные понятия. Рассмотрены особенности развития жизнестойкости в разные возрастные периоды, затронут вопрос о влиянии внешних и внутренних факторов на формирование изучаемого феномена. Проведена работа по обобщению материала, касающегося влияния жизнестойкости на успешность, эффективность профессиональной и учебной деятельности. Изучены актуальные исследования, касающиеся корреляции жизнестойкости со здоровьем и уровнем благополучия личности. Выделены основные вопросы для дальнейшего изучения и проведения эмпирического исследования.

Ключевые слова: жизнестойкость, вовлеченность, контроль, принятие рисков, формирование, копинг, совладание со стрессом, эффективность, здоровье, благополучие

Для цитирования: Ким А.Е. Жизнестойкость личности как объект психологического исследования // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2024. № 2 (27). С. 116–125. URL: <https://vestnik-spvi.ru/2024/06/012.pdf>. EDN: LEYIYO.

Original article

HARDINESS AS AN OBJECT OF PSYCHOLOGICAL RESEARCH

Alla E. Kim

Socio-psychological institute Kemerovo State University, Kemerovo, Russia

ianko.alla@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the main approaches to understanding the phenomenon of resilience in domestic and Western psychology. Based on a study of current literature, related concepts are identified and described. The features of the development of resilience in different age periods are considered, and the question of the influence of external and internal factors on the formation of the phenomenon under study is raised. Work has been carried out to summarize the material concerning the influence of resilience on the success and effectiveness of professional and educational activities. Current research concerning the correlation of resilience with health and the level of well-being of an individual has been studied. The main issues for further study and empirical research are highlighted.

Keywords: hardiness, commitment, control, accepting the risks, challenge, coping, coping with stress, effectiveness, health, well-being

For citation: Kim A.E. Hardiness as an object of psychological research. Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta vojsk nacional'noj gvardii. 2024;2(27): 116–125. (In Russ.). Available from: <https://vestnik-spvi.ru/2024/06/012.pdf>. EDN: LEYIYO.

© Ким А.Е., 2024

Введение

Интерес к исследованию способов совладания со стрессом, а также к их развитию в процессе обучения и жизнедеятельности человека в современных реалиях становится только больше. Фокусом внимания

автора являются вопросы целенаправленного формирования качеств, способствующих адаптивному поведению [3]. Чем шире диапазон условий, с которыми приходится сталкиваться человеку, тем больший репертуар реакций и адаптационных механизмов

необходим. В число личностных характеристик, способствующих успешному приспособлению, входит нервно-психическая устойчивость, самооценка личности, способность выдерживать стресс, а также то, насколько ощущается поддержка социума в контексте опыта социального общения, уровня конфликтности, оценки личностью собственной значимости [5].

Отдельное внимание уделяется исследованию такого качества, как жизнестойкость, в корреляции с ощущением общего благополучия жизни, здоровья человека, способностью справляться со стрессом. Эффективность профессиональной деятельности, успех, связанный с уровнем социального признания, и общее внешнее благополучие уходит на второй план, тогда как ощущение удовлетворенности жизнью, переживание наполненности смыслом обретает для современного человека особую важность [12].

Развитие личностных установок, включенных в понятие жизнестойкости, может стать основой для формирования позитивного взгляда на жизнь, собственные способности и возможности, что в свою очередь позволяет реализовать заложенный в личности потенциал [4]. Идентификация является одним из способов развития личности, работа с установками является частью психотерапевтической практики в разных модальностях. Сам специалист помогающей профессии сталкивается с рядом трудностей, связанных с эмоциональной нагрузкой, необходимостью быть в контакте со сложными переживаниями клиента. И тогда формирование такой черты, как жизнестойкость, кажется особенно важным, если мы говорим об обучении в рамках вуз. Смена социальных ролей, внешние перемены, необходимость взять ответственность за свою жизнь и самостоятельно принимать решения приводят к смене ценностных ориентаций, что также определяет значимость изучения факторов и механизмов формирования позитивного отношения к профессиональной и учебной деятельности [12].

Целью является обобщение материала, связанного с понятием жизнестойкости, с целью проведения в дальнейшем эмпирического исследования, направленного на формирование данной черты в рамках обучения в вуз.

Жизнестойкость как объект психологического исследования

В начале 80-х годов XX века американские ученые Сьюзен Кабейса и Сальвадоре Мадди вводят понятие *hardiness*. Аналогом в

отечественной психологии станет термин «жизнестойкость», предложенный Дмитрием Алексеевичем Леонтьевым в 2000 г. [7].

Сьюзен Кабейса рассматривает жизнестойкость (*hardiness*), как способ, который помогает человеку лучше справляться со стрессом. В таком случае личность сохраняет внутренний баланс, успешность и эффективность деятельности [18].

Сальвадоре Мадди описывает феномен жизнестойкости, как «один из способов преодолеть онтологическую тревогу, связанную с обдумыванием или принятием решения в пользу будущего». Столкнувшись с трудностью, человек может быть способен взять на себя ответственность за совладание с трудной жизненной ситуацией и мобилизовать доступные ему внутренние и внешние ресурсы для ее преодоления. Таким образом, он приобретет новый опыт, способный изменить его самого, развить необходимые качества, сформулировать новые жизнеутверждающие выводы [20].

В случае, когда ситуацию изменить невозможно, жизнестойкость будет проявляться в компенсаторном саморазвитии. Из факторов, входящих в структуру жизнестойкости и являющихся предикторами ее сформированности, автор выделяет: наследственный фактор, психическую напряженность, физическую мобилизацию, здоровье, установки жизнестойкости, жизнестойкое совладание с ситуацией, социальную поддержку, ведение определенного жизнестойкого образа жизни [19].

С. Мадди выделил три относительно автономных компонента жизнестойкости: вовлеченность, контроль и принятие рисков.

Вовлеченность (*commitment*) проявляет себя как убеждение в том, что включенность в жизненную ситуацию и жизнь в целом дает возможность найти в ней нечто ценное и интересное. Это позволяет получать большее удовольствие и удовлетворение от деятельности и избежать ощущение себя, как отсутствующего в жизни, находящегося «вне» ее. Человек с развитым компонентом вовлеченности более активен, заинтересован, открыт к общению [7].

Контроль (*control*) проявляется в виде убеждения человека в том, что его конкретные действия имеют смысл, и он может повлиять на течение ситуации, даже если положительный исход не гарантирован. Этот компонент переключается с понятием «локус контроля». Большая степень выраженности этой характеристики свидетельствует о том, что человек склонен брать на себя ответственность за то, что с ним происходит, в

том числе за свои жизненные выборы. В случае проигрыша, или вспоминая прошлый негативный опыт, такие люди склонны сознательно приуменьшать его значимость, в связи с чем снижается стрессовая реакция организма. Противоположное этому – ощущение беспомощности и неспособности повлиять на свою жизнь [1].

Принятие риска (challenge) определяется как убежденность в полезности любых событий, как позитивных, так и негативных, в качестве возможного опыта и способа получения новых знаний. Опираясь на это убеждение, человек будет готов действовать в неопределенной ситуации и более стойко выдерживать жизненные вызовы, которые, в свою очередь, переживаются, как непростые задачи, и их решение будет способствовать совершенствованию собственных способностей [3, 7].

В отечественной психологии, согласно Д. А. Леонтьеву, жизнестойкость – черта, характеризующаяся мерой преодоления личностью заданных обстоятельств, а в конечном счете мерой преодоления личностью самой себя [4].

О. А. Березкина определяет жизнестойкость как личностное состояние человека, достигаемое им в процессе его упорной деятельности в социальной среде, которая воздействует на него, развивает и обогащает все сферы его психики, позволяя ему выстроить свой «фундамент» жизнестойкости за счет своей энергии, воли и чувств [7].

Устойчивость личности, как по своему звучанию, так и по содержанию, может казаться близким термином. На данный момент нет устоявшегося определения для этого феномена. Обычно психологическую устойчивость рассматривают через призму диалектической парадигмы «стабильности» – «изменчивости». Тогда устойчивость становится некоторым балансом между неизменными характеристиками личности и способностью быть гибким в условиях внешней среды. С. Мадди, сравнивая два этих понятия, говорит, что психологическая устойчивость является больше бихевиоральным понятием [7].

Если говорить об оптимизме, то он, как и жизнестойкость, способствует более эффективному совладанию со стрессом. Оптимизм подразумевает взгляд на жизнь с позитивной точки зрения, веру в лучший исход ситуации и в лучшее будущее, что может способствовать неверному истолкованию событий, а значит менее адаптивному выбору стратегии поведения. Позитивная переоценка событий, которая более вероятна

при оптимизме, оказывается в меньшей степени возможной при жизнестойкости личности [9].

Что касается концепции самоэффективности, впервые предложенной Альбертом Бандурой, то это понятие нередко сравнивают с жизнестойкостью, в частности с компонентом контроля. Самоэффективность понимается как вера человека в свою способность справиться с тем или иным видом деятельности, опираясь на свою компетенцию, прошлый опыт, наблюдения за достижениями других людей. Стоит отметить, что жизнестойкость выражается как общая установка человека относительно себя и жизни. Тогда как самоэффективность касается определенного вида деятельности. Таким образом, жизнестойкость кажется более общим понятием [1].

В отечественной психологии понятие жизнестойкость рассматривалось через призму таких феноменов, как «зрелость» личности, «жизнеспособность» [9].

Такие ученые, как К. А. Альбуханова-Славская, Л. И. Анцыферова, Д. А. Леонтьев, А. Г. Асмолов рассматривают психологическую зрелость личности с точки зрения ее субъективных характеристик. На передний план выходит выбор жизненного пути, сознательная организация образа жизни в связи с представлениями о должном. Б. С. Братусь делает акцент на том, видит ли личность разницу между идеальным представлением о мире и реальным положением дел. Таким образом, зрелость – это качество, которое пронизывает всю жизнь человека, вне зависимости от того, в каких условиях она проходит, в том числе касается вопросов целеполагания, формирования «Образа Я», возможности планировать свое будущее. Тогда как жизнестойкость связана со способностью справляться с неблагоприятными, стрессогенными событиями разного масштаба и возможностью их преобразования [10].

Жизнеспособность является малоизученным понятием, а также интегральным качеством, включающим в себя ряд характеристик. Это стремление человека выжить в постоянно меняющейся культурной и социальной среде, воспроизвести потомство, которое окажется жизнеспособным и жизнестойким. В процессе жизни и взаимодействия с обществом реализовать себя, стать индивидуальностью, в наиболее полной мере раскрыть свои способности и задатки. Направить силы на преобразование окружающей среды, делая ее более благоприятной для своей жизни и жизни

следующего поколения [8]. На данный момент есть много вопросов, касающихся того, как оценить жизнеспособность, и что будет означать обратная сторона этого феномена.

Леонтьев Д. А. вводит понятие «жизнетворчество», которое определяет через расширение жизненных отношений перенос фокуса внимания человека во вне при помощи творчества. В некотором роде житетворчество задает направление для развития личности человека вовне, проявления большей активности во внешней среде, большей открытости миру в целом, способности запросить и получить поддержку, построения отношений, основанных на любви и дружбе [4].

С. Мадди проводит сравнение феномена чувства связности, описанного Аароном Антоновским и жизнестойкости. Это понятие строится на понимании и принятии, поиске смысла, тогда как жизнестойкость больше раскрывается через процесс активного совладания со стрессом посредством применения копинг-стратегий [21].

Понятие локуса контроля, предложенное Дж. Роттером, определяется как склонность человека детерминировать результаты своей деятельности и жизненные события внешним или внутренними факторам. Некоторые отечественные авторы рассматривают данное понятие как «особую мировоззренческую установку», в чем можно увидеть схожесть с компонентом контроля в структуре жизнестойкости. А. И. Дементий рассматривает локус контроля и жизнестойкость в качестве копинг-ресурсов личности [9].

Изучая стратегии совладания со стрессом, Лазарус и Фолкман пришли к выводу, что наиболее эффективными являются плановое решение проблемы, принятие ответственности, самоконтроль, поиск социальной поддержки и переоценка. Авторы видят отличие жизнестойкости от копинг-стратегий в том, что последние являются набором привычных действий в стрессовых ситуациях. Тогда как жизнестойкость – это черта личности, которая помогает справляться с жизненными трудностями, что позволяет развиваться как отдельным способностям, так и личности в целом [11].

Таким образом, жизнестойкость является интегральной чертой личности, которая проявляется в том, насколько эффективно человек справляется со стрессом, воспринимает возникающие перед ним задачи, делает выбор в пользу тех или иных способов адаптации. Жизнестойкость связана с реалистичным взглядом на жизнь и проявляется

в активной позиции по отношению к миру и другим людям, благодаря наличию жизнеутверждающих аттитюдов. Также определяется через наличие внутреннего баланса, напряжения, не дестабилизирующего, а активизирующего силы, направленные на приспособление к меняющимся условиям среды.

Представляют интерес многочисленные исследования, посвященные феномену жизнестойкости, в контексте вопросов здоровья, адаптации и эффективности деятельности.

Ла Грека (La Greca, 1985) рассматривает влияние стресса на организм человека с точки зрения психологии и медицины. На данный момент известно, что стресс может иметь серьезные последствия для сердечно-сосудистой системы, центральной нервной и иммунной системы. Жизнестойкость (*hardiness*), по его мнению, является одним из факторов, которые могут сгладить влияние стресса. При этом есть определенные копинг-стратегии, которые также могут повлиять на совладание со стрессом, и которые включают активное применение указанных стратегий человеком (что отражает компоненты включенности и контроля по С. Мадди). Сюда входят спорт, отдых, различные способы релаксации, расширение социальных связей, полноценное питание [7, 19].

Исследование влияния жизнестойкости (*hardiness*) на повседневную жизнь было проведено Солковой и Томанеком (Solcova, Irva, and Tomanek, Pavel, 1994). Было выявлено, что люди с большей степенью выраженности *hardiness* склонны оценивать себя, как компетентного специалиста, использовать эффективные стратегии совладания с трудными жизненными ситуациями, испытывали меньший уровень стресса в решении повседневных проблем. Жизнестойкость (*hardiness*) рассматривается как буфер против стресса [30].

Солкава и Сикора (Solcava, Iva and Sykora, J. 1995) занимались исследованием взаимосвязи между жизнестойкостью (*hardiness*) и наличием напряжения в стрессовой ситуации, в частности, проводили исследование физиологических реакций в условиях, способствующих появлению тревоги. Испытуемые с более высокими показателями жизнестойкости и низкой тревожностью продемонстрировали большую толерантность к стрессу, что отражалось в менее выраженных физиологических реакциях [29].

Флориан, Микулинчер и Таубман (Florian, Victor; Mikulincer, Mario; Taubman, Orit. 1995) изучали, может ли жизнестойкость повлиять

на сохранение психического здоровья в условиях, способных вызвать стрессовую реакцию. Было выявлено то, что высокий уровень *hardiness*, а именно компонентов включенности и контроля, положительно коррелирует с психическим здоровьем. Оба компонента положительно повлияли на умственное здоровье, снизили оценки угрозы событий, способствовали использованию более адаптивных копингов, в том числе поиск социальной поддержки. При этом особый акцент ученые сделали на оценку событий и копинг-стратегии [16].

Вильямс, Вие и Смит (Williams, Paula G., Wiebe, Deborah J., and Smith, Timothy W. 1992) также изучали соотношение копинг-стратегий с жизнестойкостью, где копинг выступает медиатором между *hardiness* и здоровьем. Фокусировка на решении проблем, ориентация на социальную поддержку в сложных жизненных ситуациях и другие адаптивные копинг-стратегии оказались положительно связаны с жизнестойкостью, в противовес неадаптивным копингам, что аналогичным образом сказывается на здоровье [32].

Олред и Смит (Allred, Kenneth D., and Smith, Timothy W. 1989) в своем исследовании подтвердили гипотезу, что люди с более высоким качеством «харди» (*hardy*) скорее склонны показать большую стойкость в условиях, связанных со стрессом. Мужчин предлагалось выполнить задания с высокой и низкой степенью угрозы. Испытуемые, с более выраженным качеством «харди», давали больше позитивных самоотчетов, по сравнению с теми, кто показал меньшие результаты по данному качеству. При этом проводилось измерение физиологических и когнитивных реакций [13].

Шарли и компания исследователей (Sharpley, F., Dua, Jagdish K., Reynolds, Roisin и Acosta, Alisia. 1999г.) выявили, что использование определенных копинг-стратегий, недостаток социальной поддержки, характер типа А (По Фридману и Розенману), низкий уровень когнитивного компонента жизнестойкости положительно коррелируют с низким уровнем физического и психологического здоровья. Была выявлена взаимосвязь между низким уровнем когнитивного компонента жизнестойкости с общим физическим здоровьем и наличием сильного стресса на работе [26].

Родволт и Агустдоттер (Rhodewalt, Frederick, and Agustsdottir, Sjofn. 1989) в своем исследовании провели анализ восприятия различных событий и совладания с событиями, происходящими в жизни. Авторами

была исследована взаимосвязь между характером типа А и степенью выраженности жизнестойкости. Полученные данные показывают, что события, которые оцениваются испытуемыми как управляемые и неуправляемые, вызывают разную степень дистресса и людей с разной степенью выраженности *hardiness*. Так, испытуемые с низким уровнем жизнестойкости воспринимали накопленные негативные события более остро и были подвержены негативному влиянию стресса. Тогда как люди с более высоким *hardiness* более позитивно воспринимают трудности, считая их более желательными и подверженными контролю [24].

Нэги и Никс (Nagy, Stephen, and Nix, Charles L. 1989) изучали взаимосвязь между адаптивными копингами в том, что касается профилактики заболеваний и жизнестойкостью. Было выявлено то, что высокий показатель *хардинесс* позитивно влияет на поведение человека в отношении его здоровья и позволяет снизить риск развития заболеваний [23].

С. Мадди, совместно с коллегами, пришли к выводу, что жизнестойкость является тем качеством, которое защищает, как бы является буфером, который не дает дистрессу стать разрушительным для организма человека. В своей статье «Жизнестойкость и психическое здоровье», С. Мадди и Кошаба (Khoshaba, D., & Maddi, S. 1999) описывают исследование студентов, по результатам которого приходят к выводу, что жизнестойкость может являться не только детерминирующим общее психическое здоровье, но и его своеобразным маркером [22]. Также авторы исследовали ранний опыт, который мог быть основой для формирования жизнестойкости. При применении регрессивного и корреляционного анализа пришли к выводу о значимой роли семейных стандартов и самовосприятия личности [7].

Ханг (Huang, Cindy. 1995) рассматривает жизнестойкость как индивидуальную и семейную характеристику. Автор включает в компоненты *hardiness* вызов, контроль, включенность и доверие. Высокая степень выраженности жизнестойкости говорит о способности человека легче справляться со сложными жизненными ситуациями благодаря когнитивной переоценке, и видеть в них вызов, который необходимо преодолеть. Тогда, проблемы и кризисы имеют положительную окраску, несмотря на усилия, которые необходимо применить для их разрешения, а такой человек показывает лучшее физическое и психическое здоровье. Автор предлагает рассматривать жизнестойкость как элемент семейных отношений [17].

Такие авторы, как Лик и Вильямс (Leak, Gary, K., and Williams Dale E., 1989) посвятили свое исследование влиянию жизнестойкости на социальную сферу человека. Вовлеченность, как компонент жизнестойкости, говорит о включенности человека в социальную жизнь, в отношения с другими людьми, и в целом, во взаимодействие с окружающей средой. Было выявлено, что социальный интерес, как стремление быть вовлеченным в деятельность, и чувствовать свою сопричастность с другими, является стимулирующим для развития жизнестойкости в целом, а также к использованию эффективных копинг-стратегий [20].

Вибе с соавторами (Wiebe, Deborah J. 1991) изучали жизнестойкость в контексте толерантности к стрессу. Было показано, что более жизнестойкие испытуемые характеризуются более высокой степенью толерантности к фрустрации, при выполнении заданий демонстрировали более позитивное отношение и эмоции, и давали менее негативную оценку заданиям, в том, что касается безопасности. Также, было обнаружено более выраженное напряжение адаптационных механизмов у мужчин, что показало учащение сердечных ритмов. У женщин подобной реакции выявлено не было [31].

Интересно исследование Сиддики и Хасан (Siddiqi, S. H., и Hasan, Quamar 1998), которые рассмотрели взаимосвязь жизнестойкости с субъективными воспоминаниями о проблемных ситуациях. Те исследуемые, которые показали низкий уровень жизнестойкости, характеризуют негативные жизненные события, как неуправляемые, с которыми невозможно справиться. Тогда как оценка респондентов с высокими показателями оценивают ситуацию, как более контролируемую, и себя, как способных с ней справиться, при этом не отрицают само наличие проблемных ситуаций в своей жизни [28].

Шепард и Кашани (Sheppard, James A., Kashani, Javad. H. 1991) исследовали взаимосвязь жизнестойкости с полом и стрессом в контексте его влияния на здоровье. Было выявлено отсутствие значимой корреляции между полом и стрессом, когда речь идет о женщинах. У мужчин была обнаружена взаимозависимость симптоматики, физической и психологической от уровня стресса. Чем больше стресс, тем большую выраженность симптоматики мы наблюдаем. Вне зависимости от уровня жизнестойкости, чем выше стресс, тем больше проблем со здоровьем [27].

Эванс и соавторы (Evans, David R., Pellizari, Joseph R., Culbert, Brenda J., and Metzen,

Michelle E. 1993) изучали взаимосвязь между личностными, супружескими и профессиональными факторами и качеством жизни. Они называют жизнестойкость и самооценку характеристиками, определяющими качество жизни, а также задают вопрос о возможности изменения личностных характеристик, навыков и убеждений, который могут оказывать подобное влияние. Само качество *hardiness* соотносится с ощущением полноты и качеством жизни [15].

Шейер и Карвер (Scheier, Michael F., and Carver, Charles S. 1989) исследовали взаимосвязи диспозиционного оптимизма и здоровья. Авторы считают что жизнестойкость (*hardiness*) может быть связана с оптимизмом и быть в некотором роде буфером между влиянием стрессогенной среды и реакцией организма человека. Оптимизм и пессимизм по аналогии с копинг-стратегиями могут воздействовать на физиологические показатели, иммунную систему, кардиоваскулярные реакции, таким образом определяя физическое и психологическое здоровье человека [25].

Представляет интерес исследование Кларка и соавторов (Clarke, David E. 1995). Был проведен корреляционный анализ таких характеристик, как локус контроля, жизнестойкость, характер типа А (по Фридману и Розерману), пола и возраста. Исследование было проведено среди студентов. Было выявлено то, что возраст и уровень выраженности такого качества как жизнестойкость в большей мере влияют на уязвимость при стрессовой ситуации. Возраст показал обратную корреляцию с уровнем устойчивости к стрессу, тогда как жизнестойкость обнаруживает прямую взаимосвязь [14].

Как мы видим, большое количество исследований посвящено взаимосвязи жизнестойкости со стрессом, взаимному влиянию хардинесс и копинг-стратегий, соотношению здоровья, психического и физического с адаптационными механизмами, направленными на его сохранение и поддержание []. Уровень проявления влияния установок, связанных с жизнестойкостью, начинаясь с уровня конкретной личности, выходит на семейный, и организационный уровень, затрагивая все сферы общественной жизни. Мы можем говорить не только о здоровье самого человека, но и о здоровье социума в целом, в котором передаются, воспитываются, перенимаются через научение способы справляться с трудностями жизни [6]. Возможность преодолеть заданные рамки восприятия, трансформировать кризисные ситуации и переживания в

возможности для роста и развития раскрывают новые горизонты в вопросах, касающихся как витальности человека, так и раскрытия личного потенциала и реализации жизненных смыслов в условиях неопределенности внешней ситуации [4,10].

Особенно интенсивное развитие жизнестойкости наблюдается в ранние годы жизни. Определяющую роль здесь имеют детско-родительские отношения и стрессовые факторы, с которыми ребенок столкнулся в детском возрасте [7].

С. Мадди, совместно с группой исследователей, разработали и провели тренинг жизнестойкости, результаты которого подтвердили, что данная черта является не врожденной, но успешно формируется уже во взрослом возрасте. Система убеждений, составляющих жизнестойкость может быть скорректирована благодаря комплексному воздействию. Целью такого воздействия может быть достижение более объемного и глубокого понимания стрессогенных ситуаций и факторов, влияющих на возникновение стрессовых реакций организма; поиск возможных способов и решений той или иной проблемы, а также активное участие в ее разрешении; умение принимать и использовать обратную связь для того, что скорректировать свое поведение и обеспечить формирование более подходящих копингов [7]. За счет этого человек учится лучше понимать себя и то, как он устроен, более глубоко воспринимает себя, свои реакции, мышление и поведение [3].

Таким образом, феномен жизнестойкости становится возможным для изучения и исследования, разработана система, целью которой является формирование данного качества, так и надежные и валидные методы, для его оценки.

Заключение

Жизнестойкость является интегральной

чертой личности, при должной ее выраженности способствующей большей адаптации человека к условиям среды. В отечественной и зарубежной психологии предлагались и исследовались схожие понятия, однако феномен жизнестойкости обладает свойствами, определяющими его существование: емкость, универсальность относительно разных сфер жизни человека, опора на реалистичный взгляд, в противовес оптимизму, ориентация на преодоление трудных жизненных ситуаций и стрессовых факторов.

Существуют валидные и надежные способы исследования жизнестойкости, апробированные в России. Жизнестойкость развивается в детском возрасте, где основным предиктором ее формирования являются детско-родительские отношения. Во взрослом возрасте необходимы специальные, комплексные мероприятия для ее формирования.

Совокупность установок, входящих в понятие жизнестойкости способствует более успешной и эффективной профессиональной деятельности, совладанию со стрессом при сохранении внутреннего равновесия.

На данный момент нет исчерпывающей информации и исследований подтверждающих возможность формирования жизнестойкости у специалистов помогающих профессий. Как и нет полных комплексных программ, направленных на формирование исследуемого качества в рамках обучения в ВУЗ. Это не означает, что данная черта не претерпевает развития. Скорее мы говорим о необходимости системного, комплексного и понятного подхода к формированию жизнестойкости будущих специалистов. Таким образом, мы видим необходимость в дальнейшем изучении феномена жизнестойкости, а также разработки доступных и научно обоснованных способов формирования этого качества в условиях ВУЗа.

Список источников

1. Гордеева Т. О. Мотивация достижения: теория, исследования, проблемы / под ред. Д. А. Леонтьева // Современная психология мотивации. М. : «Смысл», 2002. С. 74–76; 77–78.
2. Климов А. А. Характеристика взаимосвязи структуры ценностных ориентаций и жизнестойкости у студентов // Молодежь и наука: реальность и будущее: в 6 т. Т. 3 / В. А. Кузьмищев, О. А. Мазур, Т. Н. Рябченко. Невинномысск: НИЭУП, 2010. С. 265–266.
3. Леонтьев Д. А. Личностное в личности: личностный потенциал как основа самодетерминации // Учёные записки кафедры общей психологии МГУ им. М. В. Ломоносова. М., 2002. Т. 1. С. 56–65.
4. Леонтьев Д. А. Тест жизнестойкости / Д. А. Леонтьев, Е. И. Рассказова. М. : Смысл, 2006. С. 15–17.
5. Маклаков А. Г. Личностный адаптационный потенциал: его мобилизация и прогнозирование в экстремальных условиях // Психологический журнал. 2001. Т. 22. № 1. С. 16–24.

6. Никитина Е.В. Феномен жизнестойкости: концепция, современные взгляды и исследования // Academy. 2017. № 4 (19). С. 100–103.
7. Овчарова Р.В. Методология исследования жизнестойкости личности // Вестник Курганского государственного университета. 2019. № 2 (53). С. 59–65.
8. Рыльская Е.А. Жизнеспособность человека: понятие и концептуальные основы исследования // Сибирский психологический журнал. 2009. № 31. С. 6–12.
9. Савина Ю. В. Локус контроля в понимании современной психологии / Ю. В. Савина, Е. В. Щетинина // Молодой ученый. 2022. № 42 (437). С. 219–223.
10. Сухобская Г. С. Понятие «зрелость социально-психологического развития человека» в контексте андрагогики // Новые знания. 2002. № 4. С. 17–20.
11. Човдырова Г. С. Копинг стратегии личности при адаптации к стрессу / Г. С. Човдырова, О. А. Пяткина // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2021. Т. 26. № 1(84). С. 41–47.
12. Яницкий М. С. Ценностные ориентации личности как динамическая система. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2000. 203 с.
13. Allred, Kenneth D., and Smith, Timothy W. (1989). The Hardy Personality: Cognitive and physiological responses to evaluative threat. *Journal of Personality & Social Psychology*, Feb, v 56 (n 2): 257–266.
14. Clarke David E. (1995). Vulnerability to stress as a function of age, sex, locus of control, Hardiness and Type A personality. *Social Behavior and Personality*, 1995, v 23 (n 3): 285–286.
15. Evans, David R., Pellizzari, Joseph R., Culbert, Brenda J., and Metzen, Michelle E. (1993). Personality, marital, and occupational factors associated with quality of life. *Journal of Clinical Psychology*, Jul, v 49 (n 4): 477–485.
16. Florian, Victor; Mikulincer, Mario; Taubman, Orit. (1995). Does hardiness contribute to mental health during a stressful real-life situation? The roles of appraisal and coping. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1995 Apr. 68 (4): p. 687–695.
17. Huang, Cindy. (1995). Hardiness and stress: A critical review. *Maternal-Child Nursing Journal*, Jul-Sep, v 23 (n 3): 82–89.
18. Kobasa S. C., Maddi S. R., Kahn S. Hardiness and Health: A Prospective Study // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1982. Vol. 42. № 1. P. 168–177. DOI: <https://doi.org/10.1037/0022-3514.42.1.168>.
19. LaGreca (1985). The Psychosocial factors in surviving stress. Special Issue: Survivorship: The other side of death and dying. *Death studies*, v 9 (1): 23–36
20. Leak, Gary, K., and Williams Dale E. (1989). Relationship between social interest, alienation, and psychological hardiness. *Individual Psychology: Journal of Adlerian Theory Research and Practice*, Sept, v 45 (n 3): 369–375.
21. Maddi S. R. Hardiness as a pathway to resilience under stress // *The Routledge international handbook of psychosocial resilience*. Routledge, 2016. P. 104–110.
22. Maddi S. R. Relevance of Hardiness Assessment and Training to the Military Context. *Military Psychology*. 2007. P. 61–70.
23. Nagy, Stephen, and Nix, Charles L. (1989). Relations between preventive health behavior and hardiness. *Psychological Reports*, 1989. Aug, v 65 (n 1): 339–345.
24. Rhodewalt, Frederick, and Agustsdottir, Sjöfn. (1989). On the relationship of hardiness to the Type A behavior pattern: Perception of life events versus coping with life events. *Journal of Research in Personality*, 1989 Jun, v 18 (n 2): 211–223.
25. Scheier, Michael F., and Carver, Charles S. (1989). Dispositional optimism and physical well being: The influence of generalized outcome expectancies on health. Special Issue: Personality and Physical Health. *Journal of Personality*, Jun, v55 (n2): 169–210.
26. Sharpley J, Christopher F., Dua, Jagdish K., Reynolds, Roisin and Acosta, Alicia. (1999). The direct and relative efficacy of cognitive hardiness, a behavior pattern, coping behavior and social support as predictors of stress and ill-health. *Scandinavian Journal of Behavior Therapy*, 1999 (1):15–29.
27. Sheppard, James A., Kashani, Javad. H. (1991). The Relationship of Hardiness, Gender, and Stress to Health Outcomes in Adolescents. *Journal of Personality*, Dec, v 59 (n 4) 747–768.
28. Siddiq, S. H., and Hasan, Quamar (1998). Recall of past experiences and their self-evaluated impact on hardiness-related characteristics. *Journal of Personality & Clinical Studies*, Mar-Sep. 14 (1–2): 89–93.
29. Solcava, Iva, and Sykora, J. (1995). Relation between psychological Hardiness and Physiological Response. *Homeostasis in Health & Disease*, Feb, v 36 (n 1): 30–34.
30. Solcava, Iva, and Tomanek, Pavel. (1994). Daily stress coping strategies: An effect of Hardiness. *Studia Psychologica*, 1994, v 36 (n 5): 390–392.

31. Wiebe, Deborah J. (1991). Hardiness and stress moderation: A test of proposed mechanisms. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1991 Jan, v 60 (n 1): 89–99.
32. Williams, Paula G., Wiebe, Deborah J., and Smith, Timothy W. (1992). Coping processes as mediators of the relationship between Hardiness and health. *Journal of Behavioral Medicine*, Jun, v 15 (n 3): 237–255.

References

1. Gordeeva T. O. Motivaciya dostizheniya: teoriya, issledovaniya, problemy / pod red. D. A. Leont'eva // *Sovremennaya psihologiya motivacii*. M. : «Smysl», 2002. C. 74–76; 77–78. (In Russ).
2. Klimov A. A. Harakteristika vzaimosvyazi struktury cennostnyh orientacii i zhiznestoikosti u studentov // *Molodezh' i nauka: real'nost' i budushchee*: v 6 t. T. 3 / V. A. Kuz'mishchev, O. A. Mazur, T. N. Ryabchenko. Nevinnomyssk: NIEUP, 2010. C. 265–266. (In Russ).
3. Leont'ev D. A. Lichnostnoe v lichnosti: lichnostnyj potencial kak osnova samodeterminacii // *Uchebnye zapiski kafedry obshchej psihologii MGU im. M. V. Lomonosova*. M., 2002. T. 1. C. 56–65. (In Russ).
4. Leont'ev D. A. Test zhiznestoikosti / D. A. Leont'ev, E. I. Rasskazova. M. : Smysl, 2006. S. 15–17. (In Russ).
5. Maklakov A. G. Lichnostnyj adaptacionnyj potencial: ego mobilizaciya i prognozirovanie v ekstremal'nyh usloviyah // *Psihologicheskij zhurnal*. 2001. T. 22;1: 16–24. (In Russ).
6. Nikitina E.V. Fenomen zhiznestoikosti: koncepciya, sovremennye vzglyady i issledovaniya // *Academy*. 2017;4 (19): 100–103. (In Russ).
7. Ovcharova R. V. Metodologiya issledovaniya zhiznestoikosti lichnosti // *Vestnik Kurganskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2019;2 (53): 59–65. (In Russ).
8. Ryl'skaya E.A. Zhiznesposobnost' cheloveka: ponyatie i konceptual'nye osnovy issledovaniya // *Sibirskij psihologicheskij zhurnal*. 2009;31: 6–12. (In Russ).
9. Savina Yu. V. Lokus kontrolya v ponimanii sovremennoj psihologii / Yu. V. Savina, E. V. Shchetinina // *Molodoj uchenyj*. 2022; 42 (437): 219–223. (In Russ).
10. Suhobskaya G. S. Ponyatie «zrelost' social'no-psihologicheskogo razvitiya cheloveka» v kontekste andragogiki // *Novye znaniya*. 2002;4: 17–20. (In Russ).
11. Chovdyrova G. S. Koping strategii lichnosti pri adaptacii k stressu / G. S. Chovdyrova, O. A. Pyatkina // *Psihopedagogika v pravoohranitel'nyh organah*. 2021. T.26;1 (84): 41–47. (In Russ).
12. Yanickij M. S. Cennostnye orientacii lichnosti kak dinamicheskaya sistema. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2000. 203 s. (In Russ).
13. Allred, Kenneth D., and Smith, Timothy W. (1989). The Hardy Personality: Cognitive and physiological responses to evaluative threat. *Journal of Personality & Social Psychology*, Feb, v 56 (n 2): 257–266.
14. Clarke David E. (1995). Vulnerability to stress as a function of age, sex, locus of control, Hardiness and Type A personality. *Social Behavior and Personality*, 1995, v 23 (n 3): 285–286.
15. Evans, David R., Pellizzari, Joseph R., Culbert, Brenda J., and Metzen, Michelle E. (1993). Personality, marital, and occupational factors associated with quality of life. *Journal of Clinical Psychology*, Jul, v 49 (n 4): 477–485.
16. Florian, Victor; Mikulincer, Mario; Taubman, Orit. (1995). Does hardiness contribute to mental health during a stressful real-life situation? The roles of appraisal and coping. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1995 Apr. 68 (4): p. 687–695.
17. Huang, Cindy. (1995). Hardiness and stress: A critical review. *Maternal-Child Nursing Journal*, Jul-Sep, v 23 (n 3): 82–89.
18. Kobasa S. C., Maddi S. R., Kahn S. Hardiness and Health: A Prospective Study // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1982. Vol. 42. № 1. P. 168–177. DOI: <https://doi.org/10.1037/0022-3514.42.1.168>.
19. LaGreca (1985). The Psychosocial factors in surviving stress. Special Issue: Survivorship: The other side of death and dying. *Death studies*, v 9 (1): 23–36
20. Leak, Gary, K., and Williams Dale E. (1989). Relationship between social interest, alienation, and psychological hardiness. *Individual Psychology: Journal of Adlerian Theory Research and Practice*, Sept, v 45 (n 3): 369–375.
21. Maddi S. R. Hardiness as a pathway to resilience under stress // *The Routledge international handbook of psychosocial resilience*. Routledge, 2016. P. 104–110.
22. Maddi S. R. Relevance of Hardiness Assessment and Training to the Military Context. *Military Psychology*. 2007. P. 61–70.
23. Nagy, Stephen, and Nix, Charles L. (1989). Relations between preventive health behavior and hardiness. *Psychological Reports*, 1989. Aug, v 65 (n 1): 339–345.

24. Rhodewalt, Frederick, and Agustsdottir, Sjöfn. (1989). On the relationship of hardiness to the Type A behavior pattern: Perception of life events versus coping with life events. *Journal of Research in Personality*, 1989 Jun, v 18 (n 2): 211–223.
25. Scheier, Michael F., and Carver, Charles S. (1989). Dispositional optimism and physical well being: The influence of generalized outcome expectancies on health. Special Issue: Personality and Physical Health. *Journal of Personality*, Jun, v55 (n2): 169–210.
26. Sharpley J, Christopher F., Dua, Jagdish K., Reynolds, Roisin and Acosta, Alicia. (1999). The direct and relative efficacy of cognitive hardiness, a behavior pattern, coping behavior and social support as predictors of stress and ill-health. *Scandinavian Journal of Behavior Therapy*, 1999 (1):15–29.
27. Sheppard, James A., Kashani, Javad. H. (1991). The Relationship of Hardiness, Gender, and Stress to Health Outcomes in Adolescents. *Journal of Personality*, Dec, v 59 (n 4) 747–768.
28. Siddiq, S. H., and Hasan, Quamar (1998). Recall of past experiences and their self-evaluated impact on hardiness-related characteristics. *Journal of Personality & Clinical Studies*, Mar-Sep. 14 (1–2): 89–93.
29. Solcava, Iva, and Sykora, J. (1995). Relation between psychological Hardiness and Physiological Response. *Homeostasis in Health & Disease*, Feb, v 36 (n 1): 30–34.
30. Solcova, Iva, and Tomanek, Pavel. (1994). Daily stress coping strategies: An effect of Hardiness. *Studia Psychologica*, 1994, v 36 (n 5): 390–392.
31. Wiebe, Deborah J. (1991). Hardiness and stress moderation: A test of proposed mechanisms. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1991 Jan, v 60 (n 1): 89–99.
32. Williams, Paula G., Wiebe, Deborah J., and Smith, Timothy W. (1992). Coping processes as mediators of the relationship between Hardiness and health. *Journal of Behavioral Medicine*, Jun, v 15 (n 3): 237–255.

Статья поступила в редакцию 21.02.2024;
одобрена после рецензирования 15.03.2024;
принята к публикации 20.06.2024.

The article was submitted 21.02.2024;
approved after reviewing 15.03.2024;
accepted for publication 20.06.2024.

Научная статья

УДК 378.145.3
EDN: NTOECM

СМЫСЛОВАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ПЕРЕЖИВАНИЯ КРИЗА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СРЕДНЕМ ВОЗРАСТЕ

Светлана Вадимовна Майер

Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия

Mayersv@yandex.ru

Аннотация. В статье изложены результаты поискового исследования, направленного на выявление смысложизненных ориентаций, обуславливающих кризис профессиональной идентичности личности в среднем возрасте.

Результаты исследования показали, что кризис профессиональной идентичности в среднем возрасте следует рассматривать во взаимосвязи с другими ведущими сферами самоосуществления личности. У большинства испытуемых кризис самореализации проходит на фоне дезинтеграции в других жизненных сферах и проявляется в утрате целостности «Я-концепции», в том числе и положительного образа «профессионального Я», а также – в нарушении временной перспективы жизненного цикла, а именно в разорванности субъективных «прошлого», «настоящего» и «будущего» и утрате образа будущего не только в области профессионального развития, но и во всей жизненной парадигме в целом.

Ключевые слова: профессиональная идентичность, смысложизненные ориентации, кризис профессиональной идентичности, средний возраст

Для цитирования: Майер С.В. Смысловая обусловленность переживания криза профессиональной идентичности в среднем возрасте // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2024. № 2 (27). С. 126–136. URL: <https://vestnik-spvi.ru/2024/06/013.pdf>. EDN: NTOECM.

Original article

SEMANTIC CONDITIONALITY OF EXPERIENCING A PROFESSIONAL IDENTITY CRISIS IN MIDDLE AGE

Svetlana V. Mayer

Kemerovo State University, Kemerovo, Russia

Mayersv@yandex.ru

Abstract. The article presents the results of an exploratory study aimed at identifying the meaning of life orientations that cause the crisis of professional identity of a person in middle age.

The results of the study showed that the crisis of professional identity in middle age should be considered in conjunction with other leading spheres of personal self-realization. In the majority of the subjects, the crisis of self-realization takes place against the background of disintegration in other spheres of life and is manifested in the loss of the integrity of the "self-concept", including the positive image of the "professional self", as well as in the violation of the time perspective of the life cycle, namely, in the rupture of the subjective "past", "present" and "future" and the loss of the image of the future not only in the field of professional development, but also in the whole paradigm of life as a whole.

Keywords: professional identity, meaningful life orientations, crisis of professional identity, middle age

For citation: Mayer S.V. Semantic Conditionality of Experiencing a Professional Identity Crisis in Middle Age. Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta vojsk nacional'noj gvardii. 2024;2(27): 126–136. (In Russ.). Available from: <https://vestnik-spvi.ru/2024/06/013.pdf>. EDN: NTOECM.

© Майер С.В., 2024

Введение

Практикующие психологи констатируют возрастающий запрос на психологическое сопровождение людей среднего возраста (35–45 лет), потерявших ориентиры профессионального развития, которые испытывают

неудовлетворённость, нереализованность в профессиональной сфере, либо разочарование в совершённом когда-то выборе, а также невозможность определиться с дальнейшей профессиональной перспективой. В широком смысле речь идёт о

профессиональном самоопределении и вопросах идентичности, которые актуализировались в нашей стране в последние десятилетия, в связи с рядом социально-экономических процессов, неизбежно повлекших изменения во всех сферах, в том числе и на рынке труда. Тем временем существующие сегодня в психологической науке исследования на тему профессиональной идентификации посвящены в основном периоду юношества и разным этапам студенчества, когда речь идёт о первом выборе профессии, о самом начале и становлении профессионального пути [1]. Проблематика самоопределения во взрослом возрасте, в частности, в середине жизни, изучена достаточно фрагментарно, хотя очевидно, что профессиональная реализация является одной из ведущих сфер жизнеосуществления взрослого человека и во многом определяет целостность «Я-концепции» личности [2]. Кроме того, рассматриваемый возрастной период – середины жизни – характеризуется совершенно иными, в отличие от юношеского возраста, задачами развития [3]. Несмотря на то, что возраст 35–45 лет является одним из самых продуктивных в жизненном цикле человека, именно период середины жизни рассматривается сегодня в психологии и смежных науках как потенциально наиболее противоречивый, сопровождающийся внутриличностными конфликтами, подразумевающий масштабное переосмысление человеком собственных целей.

Неслучайно, изучая феномен середины жизни, разные авторы называют средний возраст «поиском истинного единства с нашим внутренним "Я"» [4], «перевалом в середине пути» [5]. Ещё К. Юнг, впервые описавший феномен кризиса середины жизни, видел причину переживаний своих клиентов в том, что в этот период сталкиваются имеющиеся, но больше не удовлетворяющие личность, ценности и смыслы [6]. Э. Эриксон связывал кризис середины жизни с потерей продуктивности. Позитивным полюсом развития, по его мнению, в этот период являются самореализация, производительность (Generativity), отрицательным – стагнация (Stagnation), направленность на себя. Проявлениями кризиса в этом возрасте, препятствующим самореализации личности, могут быть неудовлетворенность семейными (близкими) отношениями либо работой [7].

Современные авторы также отмечают сложность переживаемого личностью периода. Е. А. Солдатова считает, что этот период связан с обращением человека к

своему «Я», с осознанием системы основных жизненных ценностей, а также с пересмотром и определением новых целей. Кризис, по мнению автора, «охватывает многие стороны человеческого бытия, но путь в будущее лежит через обновление, принятие и понимание себя, своего возрастного статуса – окончания молодости. Это важный шаг для осознания необходимости новых целей и определения задач» [8]. В. К. Гвоздецкая характеризует период середины жизни как время трансформации мировоззрения, ценностно-смысловых убеждений и установок [9]. Е. Ф. Присяжная отмечает, что «именно в середине жизни у человека актуализируются все базовые экзистенциальные проблемы (смысл жизни, смерть, одиночество и свобода), в то же время возникают определенные социально-психологические проблемы, сопровождающиеся дезадаптацией, сменой ценностей, изменением социального статуса» [10]. М. О. Алфёрова пишет, что в период середины жизни человек становится перед проблемой формирования новых взаимоотношений с миром, что может приводить к проблемам невротического, профессионального и личностного характера: происходит не только изменение отношения к физической активности, здоровью, внешней привлекательности, образу жизни, но и осознание расхождения между мечтами, жизненными планами и их осуществлением, нередко наблюдается неудовлетворенность достигнутым положением [11]. А. К. Гаврилина и В. М. Бызова отмечают «внезапность кризиса середины жизни», которая переживается личностью как ощущение утраты молодости, восприятия собственной жизни как никчемной, и предлагают два пути решения: первый путь – саморазвития и самосовершенствования, второй – изменения ценностей, целей и смысла нового этапа жизни. Благополучное решение кризиса, по мнению авторов, возможно при достижении социальной зрелости, ответственности личности за свою жизнь, принятии происходящих изменений, а также в результате продолжения процесса саморазвития личности [12].

Что касается профессионального самоопределения, то это одна из ведущих сфер жизнедеятельности взрослого человека, которая также может подвергаться трансформации в середине жизненного цикла. Э. Ф. Зеер и Э. Э. Сыманюк, в рамках периодизации профессионального развития, выделяют нормативный кризис профессиональной карьеры на стадии вторичной

профессионализации, приходящийся именно на период середины жизни. Наряду с тем, что, по мнению авторов, данный период характеризуется высококачественной и высокопроизводительной реализацией человеком своей профессиональной деятельности, кризис заключается в том, что личность «перерастает» свою профессию, появляется неудовлетворенность собой, своим профессиональным положением, нарастают противоречия между желаемой карьерой и её реальными перспективами [13]. Или, напротив, высокий уровень неопределённости и нарушение процесса профессиональной идентификации могут быть связаны с невозможностью осуществить цели и задачи, которые ставились человеком и были значимы в более ранние периоды жизни.

Отдельного внимания заслуживает феноменология субъективного времени в период середины жизни, так как осознание личностью времени своего существования является одной из важнейших составляющих идентичности в целом [14] – [16]. Близость образов себя в прошлом, настоящем и будущем является одним из показателей интегрированной, позитивной идентичности. К. А. Абульханова замечает, что человек предвосхищает, организует события своей жизни всегда с точки зрения будущего и ему свойственна «временная транспектива» – сквозное видение из настоящего в прошлое и будущее [17]. Понятие «самооценки возраста» предполагает сопоставление личностью своих достижений с ожиданиями, которые предъявляет общество. Это своеобразные нормы и требования для включения в круг определённых социальных ролей. Таким образом, каждой личности свойственна определённая концепция времени, которая конструирует связь настоящего, прошлого и будущего человека и понимание которой является важнейшим элементом общего образа мира [18]. Одним из ведущих признаков рассматриваемого нами возрастного кризиса исследователи называют нарушение тождественности «образа Я» во времени, «разорванность» между субъективными прошлым, настоящим и будущим, что приводит к неспособности человека ориентироваться в своей жизни и связывать в целостную линию свой жизненный путь. Г. Шихи пишет о том, что «диффузия времени является глубокой болезнью, которая начинается с утраты уверенности в будущем и нежелания верить, что есть что-то, к чему нужно стремиться» [19]. Кроме разорванности временной перспективы,

происходит «сужение» психологического будущего [20]. И если в юношеском возрасте ориентир был на будущее, то к середине жизни происходит сокращение личностной перспективы во всех жизненных сферах.

Проведённый теоретический анализ позволяет сделать вывод о том, что кризис на данной стадии носит экзистенциальный характер, детерминирован ценностно-смысловой сферой жизни личности и может быть вызван как нереализованностью тех задач, которые ставились в юношеском возрасте, так и переосмыслением целей, обязательств, поиском новых смыслов во всех сферах самоосуществления человека. Следовательно, и кризис профессиональной реализации в данный период развития необходимо рассматривать во взаимосвязи со всеми аспектами идентификационных процессов личности. Признаками кризиса середины жизни, в том числе и в области профессиональной реализации, будут являться рассогласование в ведущих сферах жизнедеятельности личности, нарушение целостности «Я-концепции», временной перспективы личности, утрата образа позитивного «будущего».

В качестве гипотезы поискового исследования выступило предположение о том, что кризис профессиональной идентичности в среднем возрасте является одной из составляющих кризиса личностной идентичности, характеризуется дезинтеграцией в ведущих сферах самоосуществления и обусловлен структурными компонентами смысложизненных ориентаций личности.

В этой связи целью данного исследования являлось выявление и характеристика взаимосвязи смысложизненных ориентаций с проявлениями кризиса профессиональной идентичности в среднем возрасте.

Методы

В исследовании использовались следующие методики: методика исследования личностной идентичности Л. Б. Шнейдер (МИЛИ), опросник «Личностная и социальная идентичность» (ЛиСИ) А. А. Урбанович; методика М. Куна и Т. Макпартенда «Кто Я?»; тест смысложизненных ориентаций Д. А. Леонтьева (реконцептуализация А. В. Серого, А. В. Юпитова). Выборку составили 40 человек в возрасте от 35 до 45 лет (средний возраст по выборке – 39 лет), из них 17 мужчин и 23 женщины, 90 % респондентов имеют высшее образование, 10 % – средне-специальное, 83 % состоят в браке, 17 % находятся в разводе. Все они обратились за консультативной психологической

помощью, в связи с переживанием определённого кризиса в профессиональной сфере деятельности. В процессе интервьюирования респонденты описывали состояние, в котором находятся в текущий период жизни как психологический дискомфорт, неудовлетворённость профессиональной самореализацией, непонимание перспективы как профессионального, так и личностного развития. Кроме этого, некоторые участники отмечали сниженный фон настроения, повышение общей тревожности, сопровождаемой чувством усталости, как физической, так и психологической, жаловались на состояние апатии, потерю интереса к жизни. Для кого-то из обратившихся кризис, по их словам, заключается в «поиске новых путей самореализации», «переосмыслении жизненных приоритетов», а для кого-то является «крахом», «утратой не только профессиональной перспективы», но и «потерей смысла жизни» в целом. Поскольку спектр выражаемого респондентами психологического дискомфорта был достаточно широк, целесообразным было провести феноменологическое описание группы по результатам исследования согласно указанным выше методикам.

Результаты

Применение методики исследования личностной идентичности А. Б. Шнейдер (МИЛИ) позволило определить статусы (уровни развития) личностной идентичности респондентов. Согласно рисунку 1 статус «достигнутой» идентичности, который характеризуется «сформированной совокупностью личностно значимых целей, ценностей и убеждений, обеспечивающих чувство осмысленности жизни, а также стабильной связи с социумом» [21] выявлен лишь у 17,5 % респондентов – это самый низкий показатель по выборке. Непосредственно «кризисная» идентичность или статус «моратория», согласно методике, выявлен у 22,5 % испытуемых – это обозначает, что человек осознаёт состояние кризиса и пытается разрешить его, рассматривая различные варианты и предпринимая какие-либо конкретные действия. «Диффузная идентичность», согласно полученным результатам, свойственна 27,5 % респондентов; данный статус характеризуется неудовлетворенностью собой, своими возможностями, потерей интереса к происходящему в жизни, при котором не имеется прочных целей, ценностей и убеждений и попыток их активно сформировать. Кроме этого, нарушены хронотопы – в будущем и настоящем

существует неопределённость ситуации, бессознательно прошлое как бы «оказывает давление» на настоящее и будущее. При этом попыток изменить ситуацию не предпринимается. И, наконец, самые высокие показатели – 32,5 % – наблюдаются по статусу «псевдоидентичность». Основными характеристиками «псевдоидентичности», по методике А. Б. Шнейдер, являются: нарушение временной связности жизни, ригидность «Я-концепции», болезненное неприятие критики в свой адрес, низкая рефлексия. В некоторых случаях «псевдоидентичность» трактуют как «гиперидентичность», указывая на тотальное поглощение человека статусом, ролью, работой, другим объектом или субъектом, при высоко положительном оценивании собственных качеств и нарушении доверительных, гибких связей с социумом, стремлении достичь цели любыми средствами. Не выявлен в группе испытуемых пятый статус – «преждевременной идентичности», который относится к варианту навязанной идентичности и характеризуется тем, что человек вообще не делал жизненных выборов, либо сделанные им выборы продиктованы, навязаны, либо были сделаны согласно социальными установкам.

Итак, учитывая тот факт, что согласно методике МИЛИ все статусы идентичности, кроме «достигнутой», являются условно кризисными, полученные результаты позволили предположить, что большинство участников исследования, действительно, находятся в ситуации неопределённости, разлада с собой и окружающим миром.

Данное предположение подтвердилось и в результате применения методики изучения личностной и социальной идентичности А. А. Урбанович (ЛиСИ), которая используется для выявления первых признаков разлада в ведущих сферах жизнедеятельности человека, в том числе и профессиональной. Опросник содержит следующие шкалы: работа, материальное положение, внутренний мир, здоровье, семья, окружающие, будущее, общество. Каждой позиции соответствуют 12 утверждений. Утвердительный ответ на каждое предлагаемое высказывание оценивается в один балл и в целом повышает показатель личностной и социальной идентичности и характеризует «чувство самотождественности личности» [22]. В процессе применения методики ЛиСи были использованы средние значения, просчитанные для каждого испытуемого по всем шкалам.

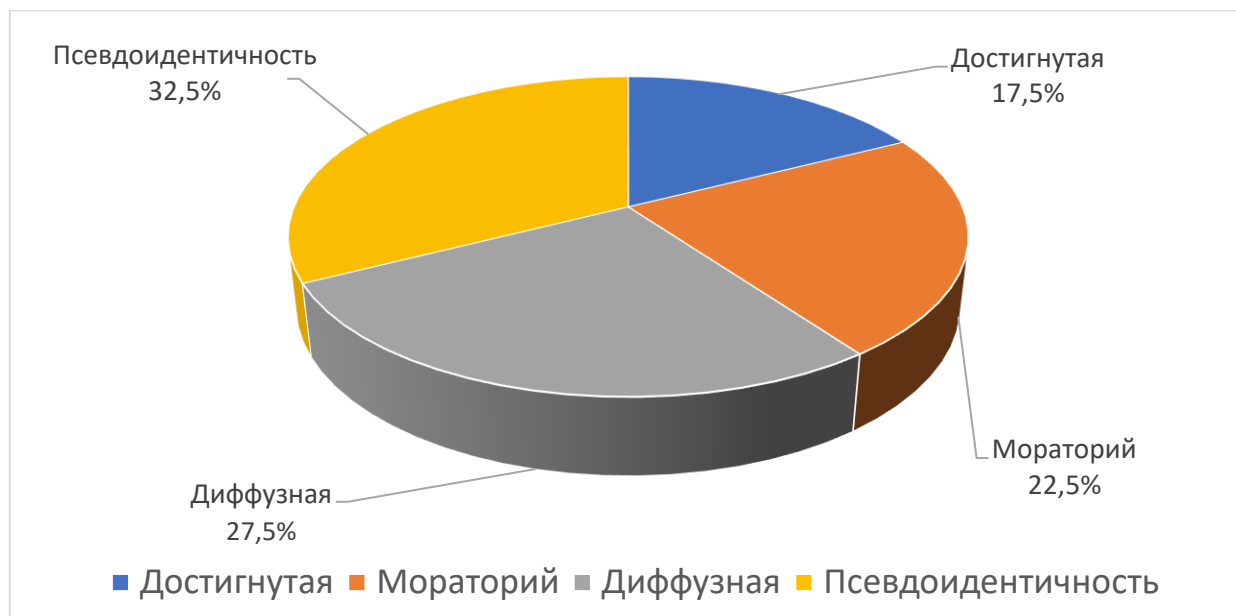

Рисунок 1 – Статусы идентичности по методике МИЛИ Л. Б. Шнейдер

Figure 1 – Identity statuses according to the MILI METHOD L. B. Schneider

Согласно полученным результатам, изображенным на рисунке 2, показатели личностной и социальной идентичности у респондентов оказались ниже среднего практически по всем шкалам методики. Самые низкие значения в группе выявлены по шкалам «работа», «материальное положение», «внутренний мир», «будущее» и

«общество, в котором я живу». В рамках исследования полученные данные показывают, что именно эти сферы являются, с одной стороны, ведущими и определяющими жизненную концепцию личности в среднем возрасте, и в то же время считаются наиболее уязвимыми и подверженным кризисным проявлениям.

Рисунок 2 – Показатели личностной и социальной идентичности по методике ЛиСИ (средние значения)

Figure 2 – Indicators of personal and social identity according to the LiSI method (average values)

Кроме этого, значения ниже среднего по названным шкалам могут свидетельствовать не только о дезинтеграции в ведущих сферах жизнеосуществления, но и указывать на утрату целостности личностной и профессиональной «Я-концепции». Так, например, согласно методике, основные характеристики идентификации по шкале «работа» предполагают «ясное представление о сути своей профессии, её целях и перспективах, соответствие не только материальным запросам, но и собственным интересам и жизненной философии личности, что определяет желание работать в выбранной сфере в течение ближайших 5–10 лет и получать внутреннее удовлетворение от работы, осознавая её социальную значимость» [22]. Все эти показатели в группе испытуемых снижены. Шкала «общество, в котором я живу» демонстрирует удовлетворенность либо неудовлетворенность социальным статусом, в том числе и понимание значимости своей профессии в современном обществе, а также уверенность в своих возможностях для достижения поставленных профессиональных целей. Эти показатели в группе также находятся ниже среднего уровня.

Выявленные по результатам опроса низкие показатели по шкале «будущее» также говорят о неуверенности в своих целях, о нежелании или невозможности построения жизненных и профессиональных планов.

Таким образом, в группе наблюдается рассогласование в главных жизненных сферах жизнеосуществления, которое выражается в отсутствии, либо разрозненности планов и целей на будущее, неудовлетворенности своим социальным положением, в том числе профессиональным выбором, и непонимании необходимых шагов по выходу из кризисной ситуации.

С целью изучения содержательных характеристик «образа Я» респондентов применялась методика М. Куна – Т. Макпартленда «Кто Я?». Отвечая на вопрос «Кто Я?», респонденты указывали роли и характеристики-определения, с которыми они себя соотносят, идентифицируют, то есть с социальным статусом и теми чертами, которые, по их мнению, характеризуют личностные особенности. Переживание кризиса идентичности определенным образом сказывается на том, какие характеристики человек использует при описании себя.

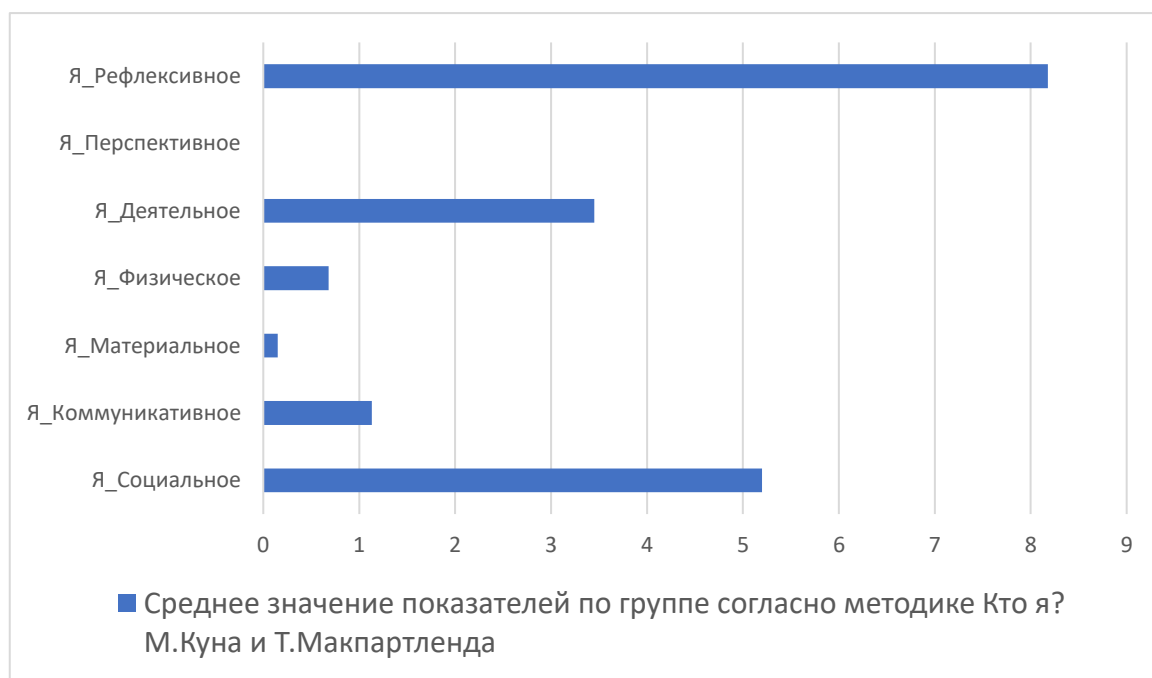

Рисунок 3 – Среднее значение показателей по группе согласно методике «Кто я?» М. Куна и Т. Макпартленда

Figure 3 – Average value of indicators for the group according to the method "Who am I?" by M. Kuhn and T. McPartland

Как видно из рисунка 3, самые низкие показатели выявлены по шкалам методики «Я_коммуникативное», «Я_деятельное», «Я_физическое» и «Я_материальное».

Отдельного внимания заслуживает нулевой результат по шкале «Я_перспективное». Согласно методике «Я_перспективное» включает в себя показатели, которые

характеризуют персональное будущее человека во всех сферах жизни: в семейной, социальной, профессиональной. Что касается рассматриваемой профессиональной сферы деятельности, ни один из респондентов не идентифицировал себя через образ будущего в сфере самореализации. Подобная «блокировка» будущего и «сужение» профессиональной перспективы могут являться признаками кризиса профессиональной идентичности на фоне кризиса личностной идентичности.

Для изучения особенностей смысловой сферы респондентов, осмысленности субъективных прошлого, настоящего и будущего, а также выявления специфики взаимосвязи идентификационных характеристик и смысло-жизненных ориентаций применялся тест СЖО Д. А. Леонтьева в концептуализации А. В. Серого и А. В. Юпитова [23]. Наряду с общим показателем осмысленности жизни (ОЖ), тест включает в себя пять субшкал, отражающих три конкретных смысло-жизненных ориентации: «цели в жизни», (субъективное будущее) «процесс жизни» (субъективное настоящее), «результативность жизни» (субъективное прошлое) и два аспекта локуса контроля: «локус контроля-Я» (Я – хозяин жизни); «локус контроля-Жизнь» (управляемость жизни). С точки зрения А. В. Серого, смысло-жизненные ориентации индивидуума показывают, в каких субъективных временах он живет, как соотносит и оценивает их. При этом смысло-жизненные ориентации представляют собой интернализированные личностью ценности и мотивы, подобное смысловое отношение и определяют особенности субъективной временной перспективы, а именно значение прошлого опыта, осмысленность настоящего и осмысленность будущего. Необходимым условием эффективной индивидуальной жизни является синхронизация временных локусов смысла. Переживание кризиса может привести к тому, что человек в отношении ситуации «наделяет ее не смыслом, но значением, относящимся к одному из его временных локусов, что ведет к фиксации в этом временном локусе, а, следовательно, своеобразному «смысловому десинхронизму» [23]

Тест СЖО применялся в исследовании в двух аспектах: во-первых, как классический анализ показателей смысло-жизненных ориентаций, во-вторых, с целью выявления актуального смыслового состояния (АСС), возможного в случае использования реконцептуализации данной методики, предложенной А. В. Серым и А. В. Юпитовым. Для

выделения типа АСС рассматривались показатели только по трем шкалам: «цели в жизни», «процесс жизни» и «результативность жизни». При определении актуального смыслового состояния высчитывалось процентное соотношение типов АСС в выборке. Перевод результатов теста СЖО в стандартные баллы позволил провести сравнение уровней осмысленности прошлого, настоящего и будущего у респондентов. Высокая осмысленность данных временных модусов диагностируется при 5 и более стандартных баллов по вышеуказанным шкалам. Результаты менее 5 баллов соответствуют низкой осмысленности [23].

Полученные результаты указывают на уровень показателей в границах среднего по всем субшкалам методики: общей осмысленности жизни в группе (шкала «осмысленность жизни», средний балл по выборке 5,7); осознанное отношение к построению собственного жизненного пути через постановку целей в будущем (средний балл по шкале «цели» – 5,15); положительную оценку личного прошлого (средний балл по шкале «Результат» – 6,6) и настоящего (средний балл по шкале «процесс» – 4,9). При этом необходимо отметить преобладание в группе показателей по шкале «результат», что может свидетельствовать о некоторой смысловой фиксации участников исследования на своём прошлом опыте.

Исходя из понимания временной дезинтеграции личности как одного из признаков проявления кризиса в среднем возрасте, было сделано предположение о том, что переживание кризиса сопровождается десинхронизацией временных локусов смысла, диагностика которой возможна посредством определения актуального смыслового состояния (АСС). Согласно полученным результатам, у 52 % респондентов преобладают продуктивные типы актуального состояния, характеризующиеся взаимосвязью всех временных компонентов: субъективных прошлого, настоящего и будущего. Вместе с тем у 12 % опрошенных выявлен первый тип актуального смыслового состояния, для которого характерны низкие показатели осмысленности прошлого, настоящего и будущего и как следствие – неудовлетворенность прожитой частью жизни, низкая осмысленность настоящего, отсутствие или непонимание целей в будущем. Личностные смыслы индивида в подобном случае лишены направленности и временной перспективы, что выражается в негативной самооценке,

неудовлетворенности собой, экстернальном локусе контроля поведения. Размытый «локус Я», осознание проблем сквозь призму неудовлетворенности и пессимизма относительно перспектив влекут за собой инертность в принятии решения, отказ от самореализации обуславливает мотивационную направленность «избегания неудач» и ориентацию на «дефицитарные» ценности [24]. Также 16 % опрошенных продемонстрировали 4-й тип актуального смыслового состояния, который характеризуется высокими показателями осмысленности прошлого и настоящего и низкой осмысленностью будущего. Подобное состояние свойственно людям, живущим сегодняшним днём с ориентацией на опыт прошлого при низкой осмысленности целей в жизни; у 7,5 % испытуемых выявлены 6-й и 7-й типы АСС, характеризующиеся

синхронизацией двух временных локусов (соответственно); 6 % респондентов проявили ориентацию на локус смысла субъективного будущего с блокированием смыслов субъективных настоящего и прошлого. Таким образом, наблюдается тенденция рассогласования временных локусов смысла у половины респондентов, что указывает на определенную связь смысло-жизненных ориентаций с идентификационными характеристиками личности участников исследования.

Для выявления связи смысловых и идентификационных компонентов переживания кризиса идентичности был проведён корреляционный анализ между показателями методики ЛиСИ и «Кто Я?» Т. Куна и Макпартленда с показателями методики СЖО (реконцептуализация А. В. Серого и А. В. Юпитова).

Таблица 1 – Результаты корреляционного анализа между показателями методики ЛиСИ и «Кто Я?» Т. Куна и Макпартленда с показателями методики СЖО

Table 1 – Results of correlation analysis between the indicators of the LiSI and "Who am I?" methods by T. Kuhn and McPartland with the indicators of the LSS method

Шкалы методики ЛиСИ и Кто Я?	Шкалы методики СЖО	ОЖ	Цели	Процесс	Результат	ЛК-Я	ЛК-Ж
ЛиСИ работа		0,30	0,34*	0,25	0,30	0,23	0,24
ЛиСИ мат. положение		0,34*	0,33*	0,11	0,50*	0,22	0,31
ЛиСИ внутренний мир		0,33*	0,36*	0,08	0,26	0,37*	0,22
ЛиСИ здоровье		0,40*	0,44*	0,22	0,47*	0,44*	0,17
ЛиСИ семья		0,49*	0,45*	0,23	0,48	0,44*	0,42*
ЛиСИ отношения с окружающими		0,30	0,32*	0,15	0,23	0,18	0,16
ЛиСИ будущее		0,48*	0,45*	0,37*	0,46*	0,42*	0,32*
ЛиСИ общество		0,44*	0,35*	0,29	0,42*	0,45*	0,41*
Социальное Я		-0,30	-0,35*	-0,16	-0,32*	-0,33*	-0,19
Коммуникативное Я		0,004	0,08	-0,004	-0,03	-0,05	-0,05
Материальное Я		-0,04	-0,13	0,05	-0,06	-0,07	0,05
Физическое Я		0,12	0,10	0,09	0,32*	0,05	0,16
Деятельное Я		0,009	-0,07	0,02	0,08	-0,02	-0,01
Рефлексивное Я		0,18	0,23	0,16	0,13	0,11	0,07

* $p < 0,05$

Согласно данным, представленным в Таблице 1, наибольшее количество связей смысложизненных ориентаций выявлено с такими сферами жизнедеятельности респондентов (шкалы методики ЛИСИ), как «здоровье», «семья», «будущее» и «общество». Показатели сферы «работа» имеют прямую корреляцию с «жизненными целями» ($r=0,34$), сфера «материального положения» обусловлена показателями осмысленности «целей будущего» ($r=0,33$), «опыта прошлого» ($r=0,50$) и общей «осмысленности жизни» ($r=0,33$). Сфера «внутреннего мира» респондентов, переживающих кризис, обусловлена целями ($r = 0,36$), общей осмысленностью жизни ($r = 0,33$), локусом контроля «Я» ($r=0,37$). Сфера «здоровье» в данной группе во многом определяется идентификацией себя через осмысленность жизни (0,40), цели (0,44), Локус контроля «Я» (0,44). Определение себя в сфере «семейных отношений» напрямую связано с такими показателями смысложизненных ориентаций как «осмысленность жизни» (0,49), «цели» (0,45), «локус контроля Я» (0,44) и «локус контроля «Жизнь» (0,42). При этом «отношение с окружающими» имеет связь только с показателями «жизненных целей» ($r=0,32$). Наибольшее количество взаимосвязей выявлено в сфере «будущее», показатели которой коррелируют со всеми параметрами смысложизненных ориентаций респондентов, кроме показателя «процесс» (психологическое настоящее). Взаимосвязи также обнаружены со сферой «общество»: «осмысленность жизни» (0,44), «цели» (0,35), «результат» (0,42), «локус контроля Я» (0,45), «локус контроля Жизнь» (0,41).

Поскольку показатели в группе, полученные в результате применения методики ЛИСИ, оказались ниже средних практически по всем ведущим сферам самоосуществления, в том числе и по тем, которые характеризуют профессиональную деятельность респондентов, то выявленные

связи указывают на смысловой характер обусловленности переживания кризиса профессиональной идентичности в данной группе.

Значимые корреляции выявлены и во взаимосвязи идентификационных характеристик, используемых респондентами в тесте М. Куна и Т. Макпартленда «Кто Я»? с показателями смысложизненных ориентаций, полученных в результате использования методики СЖО. Так, «социальное Я» имеет обратную связь с показателями «цели жизни» (-0,35), «результат жизни» (-0,32) и локусом контроля «Я» (-0,33), а «физическое Я» напрямую обусловлено показателем «результат жизни».

Выводы

Проведенное исследование показало, что профессиональную идентичность в среднем возрасте следует рассматривать как один из ведущих структурных компонентов целостной «Я-концепции» личности. Кризис профессиональной идентичности в среднем возрасте характеризуется «деинтеграцией» основных сфер жизни и обусловлен смысловыми характеристиками идентификационной структуры личности. Смысловые аспекты переживания кризиса профессиональной идентичности проявляются в десинхронизации временных локусов смысла и снижении осмысленности субъективных будущего, настоящего и прошлого, что указывает на нарушение тождественности «образа Я» во времени. На следующих этапах исследования планируется расширение выборки, а также уточнение эмоциональных, когнитивных и поведенческих аспектов кризиса. Результаты исследования могут быть использованы для разработки и реализации программ психологической помощи, в практике консультирования, психологического сопровождения профессионального обучения, а также в работе служб профконсультирования и профориентации.

Список источников

1. Утюганов А. А. Нарративные технологии формирования ценностно-смысловых ориентаций личности: психологическое содержание и применение в образовательной практике / А. А. Утюганов, М. С. Яницкий, А. В. Серый Вестник НГПУ. 2019. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/narrativnye-tehnologii-formirovaniya-tsennostno-smyslovyh-orientatsiy-lichnosti-psiologicheskoe-soderzhanie-i-primenenie-v> (дата обращения: 21.02.2024).
2. Ермолаева Е. П. Психология социальной реализации профессионала. М. : Институт психологии РАН, 2008. 470 с.
3. Айви А. Е. Психологическое консультирование и психотерапия: методы, теории и техники: практическое руководство / А. Е. Айви, М. Б. Айви, Л. Саймэк-Даунинг. М., 1999. 487 с.
4. Шихи Г. Возрастные кризисы – ступени личностного роста. СПб., 1999. 223 с.
5. Холлис Д. Перевал в середине пути. М. : Когито-Центр, 2016. 202 с.

6. Юнг К. Г. Проблемы души нашего времени. СПб. : Питер, 2019. 336 с.
7. Эриксон Э. Детство и общество. СПб. : Питер, 2020. 447 с.
8. Солдатова Е. Л. Эго-идентичность в нормативных кризисах развития // Вопросы психологии. 2006. № 5. С. 74–84.
9. Гвоздецкая В. К. Психологические особенности и поддержка взрослых в ситуациях нормативного кризиса взрослости // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2016. Т. 5. № 6А. С. 5–20.
10. Присяжная Е. Ф. Экзистенциальное состояние кризиса середины жизни // Седьмая волна психологии: сборник / под ред. В. В. Козлова, Н. А. Качановой. Ярославль, Минск: МАПН ЯрГУ, 2007. 331 с.
11. Алферова М. О. Психологический анализ проживания личностью кризиса среднего возраста: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.13/ Алфёрова Маргарита Олеговна. М., 2010. 208 с.
12. Гаврилина Л. К. Кризисы взрослой жизни: моменты роста / Л. К. Гаврилина, В. М. Бызова. СПб. : Речь, 2010. 221 с.
13. Зеер Э. Ф. Эмоциональный компонент в профессиональном становлении педагога / Э. Ф. Зеер, Э. Э. Сыманюк // Мир психологии. 2002. № 4 (32). С. 194–203.
14. Серый А. В. Темпоральные аспекты актуализации смысловых граней субъективных образов переживания кризиса идентичности в период юности / А. В. Серый, Е. М. Вечканова // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 3. С. 238–247.
15. Яницкий М. С. Хронотопические характеристики образа мира студентов вузов / М. С. Яницкий, А. В. Серый, Р. О. Балабашук // Герценовские чтения: психологические исследования в образовании. 2019. № 2. С. 851–859.
16. Мазуркевич А. В. Темпоральные аспекты трансформации ценностной структуры самоидентичности в условиях кардинальных изменений жизненной ситуации / А. В. Мазуркевич, М. С. Яницкий, А. В. Серый // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2017. Т. 7. № 3. С. 104–122.
17. Абульханова К. А. Время личности и время жизни / К. А. Абульханова, Т. Н. Березина. СПб. : Алетейя, 2001. 300 с.
18. Андреева Г. М. К вопросу о кризисе идентичности в условиях социальных трансформаций // Психологические исследования: электрон. науч. Журнал. 2011. № 6. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 10.02.2024).
19. Шихи Г. Возрастные кризисы – ступени личностного роста. СПб., 1999. 222 с.
20. Кроник А. А. Субъективная картина жизненного пути как предмет психологического исследования, диагностики и коррекции: дис. ... д-ра психол. наук: 19.00.13 / Кроник Александр Александрович. М., 1994.
21. Шнейдер Л. Б. Профессиональная идентичность: структура, генезис и условия становления: дис. ... д-ра психол. наук: 19.00.13 / Шнейдер Лидия Бернгардовна. М., 2001. 327 с.
22. Урбанович А. А. Психология кризисов социальной идентичности личности. Минск: Академия МВД Республики Беларусь, 2005. 228 с.
23. Серый А. В. Применение теста смысложизненных ориентаций к диагностике актуальных смысловых состояний (новая концептуализация) / А. В. Серый, А. В. Юпитов // Сибирская психология сегодня: сборник научных трудов. Кемерово, Кузбассвуиздат, 2002. С. 55–72.
24. Серый А. В. Система личностных смыслов: структура, функции, динамика. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2004. 272 с.

References

1. Utyuganov A. A. Narrative technologies for the formation of value-semantic orientations of personality: psychological content and application in educational practice / A. A. Utyuganov, M. S. Yanickij, A. V. Seryj Vestnik NGPU. 2019;1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/narrativnye-tehnologii-formirovaniya-tsennostno-smyslovyyh-orientatsiy-lichnosti-psihologicheskoe-soderzhanie-i-primenenie-v> (data obrashcheniya: 21.02.2024). (In Russ.).
2. Ermolaeva E. P. Psihologiya social'noj realizacii professionala. M. : Institut psihologii RAN, 2008. 470 s. (In Russ.).
3. Ajvi A. E. Psihologicheskoe konsul'tirovanie i psihoterapiya: metody, teorii i tekhniki: prakticheskoe rukovodstvo / A. E. Ajvi, M. B. Ajvi, L. Sajmek-Dauning. M., 1999. 487 s. (In Russ.).
4. Shihi G. Vozrastnye krizisy – stupeni lichnostnogo rosta. SPb., 1999. 223 s. (In Russ.).
5. Hollis D. Pereval v seredine puti. M. : Kogito-Centr, 2016. 202 s. (In Russ.).
6. Yung K. G. Problemy dushi nashego vremeni. SPb. : Piter, 2019. 336 s. (In Russ.).

7. Erikson E. *Detstvo i obshchestvo*. SPb. : Piter, 2020 447 s. (In Russ.).
8. Soldatova E. L. Ego-identichnost' v normativnykh krizisah razvitiya // *Voprosy psihologii*. 2006. № 5. S. 74–84. (In Russ.).
9. Gvozdeckaya V. K. Psychological characteristics and adult support in situations of normative crisis of adulthood // *Psihologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya*. 2016. T. 5;6A: 5–20. (In Russ.).
10. Prisyazhnaya E. F. *Ekzistencional'noe sostoyanie krizisa serediny zhizni* // *Sed'maya volna psihologii: sbornik / pod red. V. V. Kozlova, N. A. Kachanovoj*. Yaroslavl', Minsk: MAPN Yargu, 2007. 331 s. (In Russ.).
11. Alferova M. O. *Psihologicheskij analiz prozhivaniya lichnost'yu krizisa srednego vozrasta: dis. ... kand. psiol. nauk: 19.00.13/ Alfyorova Margarita Olegovna*. M., 2010. 208 s. (In Russ.).
12. Gavrilina L. K. *Krizisy vzrosloj zhizni: momenty rosta* / L. K. Gavrilina, V. M. Byzova. SPb. : Rech', 2010. 221 s. (In Russ.).
13. Zeer E. F. *Emocional'nyj komponent v professional'nom stanovlenii pedagoga* / E. F. Zeer, E. E. Symanyuk // *Mir psihologii*. 2002. № 4 (32). S. 194–203. (In Russ.).
14. Seryj A. V. Temporal aspects of actualization of semantic facets of subjective images of experiencing an identity crisis during adolescence / A. V. Seryj, E. M. Vechkanova // *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2015;3: 238–247. (In Russ.).
15. Yanickij M. S. Chronotopic characteristics of the image of the world of university students / M. S. Yanickij, A. V. Seryj, R. O. Balabashchuk // *Gercenovskie chteniya: psihologicheskie issledovaniya v obrazovanii*. 2019;2: 851–859. (In Russ.).
16. Mazurkevich A. V. Temporal aspects of the transformation of the value structure of self-identity in the context of cardinal changes in the life situation / A. V. Mazurkevich, M. S. Yanickij, A. V. Seryj // *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2017. T. 7;3: 104–122. (In Russ.).
17. Abul'hanova K. A. *Vremya lichnosti i vremya zhizni* / K. A. Abul'hanova, T. N. Berezina. SPb. : Aleteya, 2001. 300 s. (In Russ.).
18. Andreeva G. M. On the issue of identity crisis in the context of social transformations // *Psihologicheskie issledovaniya: elektron. nauch. Zhurnal*. 2011;6. URL: <http://psystudy.ru> (data obrashcheniya: 10.02.2024). (In Russ.).
19. Shihi G. *Vozrastnye krizisy – stupeni lichnostnogo rosta*. SPb., 1999. 222 s. (In Russ.).
20. Kronik A. A. *Sub'ektivnaya kartina zhiznennogo puti kak predmet psihologicheskogo issledovaniya, diagnostiki i korrekcii: dis. ... d-ra psiol. nauk: 19.00.13 / Kronik Aleksandr Aleksandrovich*. M., 1994. (In Russ.).
21. Shnejder L. B. *Professional'naya identichnost': struktura, genezis i usloviya stanovleniya: dis. ... d-ra psiol. nauk: 19.00.13 / Shnejder Lidiya Berngardovna*. M., 2001. 327с. (In Russ.).
22. Urbanovich A. A. *Psihologiya krizisov social'noj identichnosti lichnosti*. Minsk: Akademiya MVD Respubliki Belarus', 2005. 228 s. (In Russ.).
23. Seryj A. V. Application of the life sense orientation test to the diagnosis of actual semantic states (new conceptualization) / A. V. Seryj, A. V. Yupitov // *Sibirskaya psihologiya segodnya: sbornik nauchnykh trudov*. Kemerovo, Kuzbassvuzizdat, 2002. S. 55–72. (In Russ.).
24. Seryj A. V. *Sistema lichnostnykh smyslov: struktura, funkcii, dinamika*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2004. 272 s. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 25.04.2024;
одобрена после рецензирования 14.06.2024;
принята к публикации 20.06.2024.

The article was submitted 25.04.2024;
approved after reviewing 14.06.2024;
accepted for publication 20.06.2024.

Научная статья

УДК 159.99

EDN: ONXFDE

ТЕХНОЛОГИИ ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗА ВРАГА В ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ ПРОТИВОБОРСТВЕ (НА ПРИМЕРЕ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ НА УКРАИНЕ)

Сергей Викторович Цыганков¹, Юлия Михайловна Караяни², Александр Григорьевич Караяни³

¹ ФГКВОУ ВО «Военный университет имени князя Александра Невского» Министерства обороны Российской Федерации, Москва, Россия

^{2, 3} Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии, Санкт-Петербург, Россия

¹ ideas.vk@yandex.ru

² yulyakarayani@mail.ru, <https://orcid.org/> ORCID: 0000-0001-9586-9718

³ karayani@mail.ru, <https://orcid.org/> ORCID: 0000-0001-9586-9718

Аннотация. В статье освещаются основные технологии формирования образа врага, используемые средствами массовой информации западных стран в условиях проведения Россией специальной военной операции на Украине. На основе проведенного анализа антироссийской пропаганды выделяются основные способы противодействия негативному информационно-психологическому воздействию противника.

Ключевые слова: информационно-психологическое воздействие, образ врага, пропаганда

Для цитирования: Цыганков С.В., Караяни Ю.М., Караяни А.Г. Технологии формирования образа врага в информационно-психологическом противоборстве (на примере специальной военной операции на Украине) // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2024. № 2 (27). С. 137–146. URL: <https://vestnik-spvi.ru/2024/06/014.pdf>. EDN: ONXFDE.

SOCIAL PSYCHOLOGY, POLITICAL AND ECONOMIC PSYCHOLOGY

Original article

TECHNOLOGIES FOR FORMING IMAGE OF ENEMY IN INFORMATION AND PSYCHOLOGICAL WARFARE (BASED ON EXAMPLE OF SPECIAL MILITARY OPERATION IN UKRAINE)

Sergej V. Cygankov¹, Yuliya M. Karayani², Aleksandr G. Karayani³

¹ «Prince Alexander Nevsky Military University» of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russia

^{2, 3} Saint-Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard Troops, Saint-Petersburg, Russia

¹ ideas.vk@yandex.ru

² yulyakarayani@mail.ru, <https://orcid.org/> ORCID: 0000-0001-9586-9718

³ karayani@mail.ru, <https://orcid.org/> ORCID: 0000-0001-9586-9718

Abstract. The article highlights the main technologies for forming the image of the enemy, used by the media of Western countries in the conditions of Russia's special military operation in Ukraine. Based on the analysis of anti-Russian propaganda, the main methods of countering the negative information and psychological influence of the enemy are identified.

Keywords: information and psychological impact, image of the enemy, propaganda

For citation: Cygankov S.V., Karayani Yu.M., Karayani A.G. Technologies for forming image of enemy in information and psychological warfare (based on example of special military operation in Ukraine). Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta vojsk nacional'noj gvardii. 2024;2(27): 137–146. (In Russ.). Available from: <https://vestnik-spvi.ru/2024/06/014.pdf>. EDN: ONXFDE.

© Цыганков С.В., Караяни Ю.М., Караяни А.Г., 2024

Введение

С момента начала специальной военной операции (далее – СВО) на Украине

стало очевидно, что характер боевых действий в современных условиях подвергся существенной трансформации. Это

проявилось не только в появлении новых способов поражения противника на поле боя, таких как беспилотные летательные аппараты и дальнобойные ракетные системы, но и небывалой эскалацией информационно-психологического противоборства. Так, по данным социологических опросов, 90 % россиян отмечают участвовавшие информационные атаки на Россию после начала СВО, а 61 % – лично видели материалы, показывающие действия российской армии на Украине в негативном ключе [7].

Надо отметить, что подготовительная работа по формированию образа «России как врага» началась задолго до СВО. Например, такие страны, как Грузия, Литва, Латвия, Эстония, Польша в последние годы периодически стремятся «раскрыть» так называемые враждебные происки Москвы по отношению к себе. Такая политика дискредитации России поощряется Западными покровителями, особенно США, и приносит этим странам, в основном правящей элите, политические дивиденды, как во внешней, так и во внутренней политике. Некоторые страны Запада также не упускают возможности обвинить Россию во «враждебных» помыслах или действиях. Суть таких безосновательных обвинений состоит в том, чтобы заставить Россию оправдываться в том, чего она не совершала, и поступаться своими интересами в пользу «обвинителей» [2].

Также применяется технология «поиск врага» как способ переложить свою вину на другого, как стремление присвоить другому свои пороки, помыслы, желания, действия. Чтобы оправдать свое сотрудничество с фашистской Германией и свои преступления во время Второй мировой войны, профашистские силы в некоторых странах (Эстония, Латвия, Литва, Украина, Польша) стремятся представить Красную Армию не «освободителем», а «завоевателем», т. е. как «врага» [2].

В настоящее время Соединенные Штаты обвиняют Россию в имперских амбициях, хотя данные амбиции присущи, прежде всего, им самим. Развязанная в 2003 г. США и Англией война в Ираке также основывалась на «поиске мнимого врага», который, якобы, угрожает миру оружием массового поражения. Однако данная авантюра, по сути своей, провалилась [2].

Таким образом, основанием для возникновения образа «врага» выступают не столько реальные характеристики или действия соответствующей страны, сколько наличие неких негативных обстоятельств, вину за которые на эту страну можно

возложить. Появляется возможность целенаправленного формирования образа «врага». Для решения данной задачи используются следующие технологии: подчеркивание угрожающей опасности от этой страны; формирование представлений о наносимом конкретном вреде этой страной; формирование представлений о «враге» как источнике этого вреда [6].

Проведенный С. И. Кузьминской анализ публикаций в западной прессе (*The Guardian, The Washington Times, The Times, The Mirror, The New York Times, The Global Post*) за последние несколько лет свидетельствует о том, что основными культурно-ценностными компонентами, которые являются ключевыми в формировании «образа врага» в массовом сознании западной аудитории (независимо от того, идет ли речь об Ираке, Ливии, Сирии или России), являются: ценность демократии, как некоторый эталон государственного устройства; гуманистические ценности, среди которых ценность человеческой жизни и верховенство закона, вероятно, являются наиболее значимыми в сознании западной массовой аудитории [17].

Чаще всего «образ врага» создается на основе различных манипулятивных технологий. По мнению специалистов, успешность создания «образа врага» во многом зависит от полной дегуманизации оппонента, стирания всех человеческих черт, отсутствия человеческого лица (*Mr. Assad's savagery – жестокость господина Ассада, Gaddafi's poisonous legas – ядовитое наследие Кадаффи*) [17].

Как отмечал в своем выступлении президент России В. В. Путин, борьба западных стран с Россией «всегда сопровождалась борьбой в информационном поле... а то, что происходит сегодня и сопровождает специальную военную операцию, – это только обострение этой борьбы, которая велась всегда». Кроме того, президент отметил, что «главной целевой аудиторией этого воздействия всегда была молодежь» [4].

Ситуация ценностного вакуума, в которой оказалась российская молодежь, создает благоприятную почву для негативной идентификации через образ «врага». Результаты проведенного исследования, представленного в работе Т. В. Евгеньевой и А. В. Селезневой, указывают на пустоту символического пространства, определяющего систему смыслов, на основе которых могла бы происходить самоидентификация российской молодежи. Среди возможных символов России действительной значимостью для молодых россиян обладают лишь размер ее территории и место в

мире. Идеальное будущее ассоциируется в их сознании не с собственными успехами и даже не с уровнем развития страны, а с возвращением ей статуса великой державы и расширением ее границ [6].

Таким образом, для противодействия описанным выше тенденциям необходима особым образом организованная деятельность, т. е. целенаправленное информационно-психологическое противоборство. Важнейшей целью информационно-психологического противоборства является формирование образа врага [21] как деструктивной, беспринципной, человеконенавистнической силы.

Для этого в последние годы отмечается широкое использование нашими информационными противниками современных цифровых и, в частности, игровых технологий, а также нейротехнологий, деструктивных, краудсорсинговых схем и методов создания ложных событий. Такие технологии, «включая» эмоциональную составляющую, позволяют мягко и постепенно, минуя сознательные фильтры, формировать у пользователей желаемые социальные установки и поведение.

К сожалению, отдельных научных работ, посвященных использованию таких технологий в практике реального информационно-психологического противоборства, крайне мало [5; 8–13; 16; 18; 21].

Цель исследования

Сложившаяся ситуация явно не соответствует актуальности и важности обсуждаемой проблемы. В связи с этим целью данной статьи является исследование современных

информационно-психологических технологий в формировании образа врага.

Дизайн исследования

Были изучены современные информационно-психологические технологии формирования образа России как агрессора, ведущего войну на Украине, врага «прогрессивного человечества» и нарастающей военной угрозы для мира. Проанализированы ведущие мировые периодические издания, кластеры интернет-пространства, ориентированные на освещение проблем информационно-психологического противоборства, документы и научная литература.

Методами исследования выступили: изучение литературы и документов, сканирование интернет-пространства с помощью поисковых систем Яндекс и Google.

Ход и результаты исследования

Изучение литературы и документов, отражающих состояние информационно-психологического противоборства в мире, показывает, что еще в 2016 году в The Washington Post вышла статья под заголовком «Какая страна является наиболее частым врагом в жестоких видеоиграх?». Эксперты издания проанализировали наиболее популярные игры в жанре шутер от первого лица, каждая из которых была продана тиражом свыше 1,5 млн копий. Антагонисты, представленные в данных играх, были сгруппированы в категории. В результате было установлено, что чаще всего, а именно в 21 % случаев, врагами являлись русские [23]. Таким образом, русские становились противниками игроков чаще, чем инопланетяне, террористы и вымышленные монстры (рисунок 1).

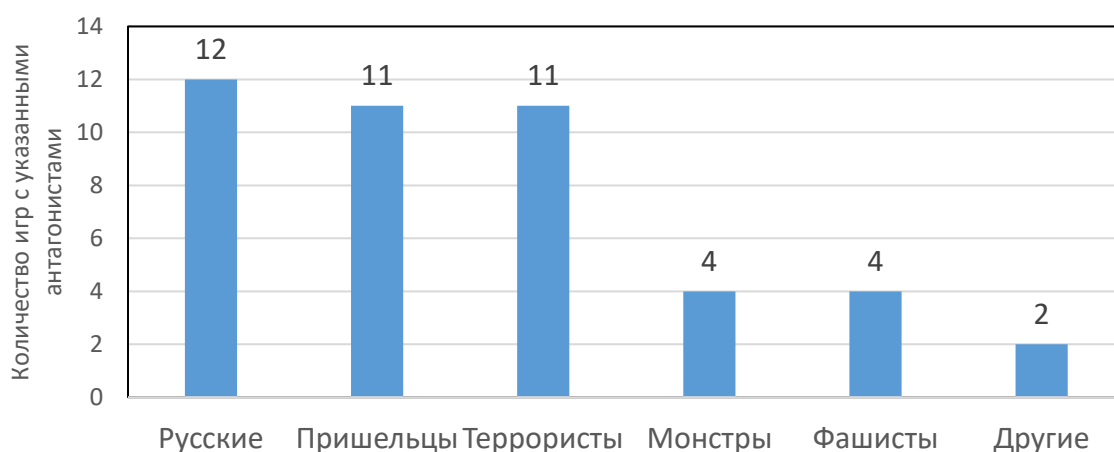

Рисунок 1 – Результаты контент-анализа наиболее популярных игр в жанре шутер, созданных в период 2001–2013 гг.

Figure 1 – Results of content analysis of the most popular shooter games created in the period 2001-2013.

Примечателен тот факт, что видеоигры, отобранные экспертами, вышли в свет с 2001 по 2013 годы, в период так называемого «потепления» отношений между Россией и странами Запада.

С точки зрения психологии, использование продуктов массовой культуры, таких как видеоигры, фильмы и сериалы, в интересах пропаганды эффективен по ряду причин:

- информационно-психологическое воздействие осуществляется ненавязчиво, образ врага незаметно закрепляется в сознании аудитории (например, иногда враги-русские не называются прямо, но легко угадываются по характерным именам, акценту или внешности);

- игра побуждает объект воздействия к активным действиям, интеракции, в рамках которой он не просто является наблюдателем, а буквально «своими руками убивает плохих русских» (так, более 40 % взрослых американцев имеют дома игровые приставки, а наиболее популярные видеоигры, как отмечалось выше, изображают русских в качестве врагов [23]);

- антироссийская пропаганда подкрепляет и усиливает уже сложившиеся стереотипы и предрассудки о русских, что вызывает положительную когнитивную реакцию у аудитории (эффект «Я так и знал!»).

Проведенный анализ информационно-психологического противоборства в условиях СВО на Украине позволил описать наиболее часто используемые технологии формирования образа врага.

Технология *астротурфинга* (название технологии происходит от американской компании *AstroTurf*, производящей искусственное покрытие для стадионов, имитирующее траву) или «игра в простонародность» предполагает маскировку информационной кампании под общественную инициативу, а пропагандиста – под человека, которому аудитория может доверять.

С целью повышения доверия к своей информации западными пропагандистами были созданы интернет-ресурсы, наполнением которых занимаются так называемые медиа-активисты – якобы «неравнодушные граждане», документирующие события на местах. Примером реализации данной технологии может служить сайт *liveuamap.com*, представляющий из себя интерактивную карту зоны СВО, на которой любой желающий может отметить место «обстрела», «военного преступления» и т. д. При этом язык публикаций указывает на то, что целевой аудиторией сайта являются англоговорящие жители западных стран (рисунок 2).

Рисунок 2 – Интерактивная карта зоны специальной военной операции на интернет-портале *liveuamap.com*

Figure 2 – Interactive map of the special military operation zone on the Internet portal *liveuamap.com*

Такая информация, полученная от «рядового интернет-пользователя», приобретает свойство просачивания в сознание адресата за счет срабатывания психологического эффекта тождества (эффект «свой – чужой»).

Технология симулякров. Симулякр – объект-медиаобраз, не существующий в реальности, но оказывающий определенное воздействие на массовое сознание. Идею симулякров еще на заре XX века описал социолог У. Томас в своей теореме: «Ситуации, которые люди определяют как реальные, реальны по своим последствиям» [22]. Из этой теоремы следует важный вывод, который хорошо усвоили западные мастера информационной войны, – восприятие людьми реальности намного важнее самой реальности.

Технология симулякров была апробирована западными элитами сперва на Ближнем Востоке для оправдания вторжения США в Ирак (знаменитая пробырка Колина Пауэлла с «сибирской язвой» в ООН), а затем при освещении военного конфликта в Сирии. Применяется данная технология и на Украине. В качестве примеров симулякров, созданных киевскими властями и их спонсорами, можно назвать «уничтожение российской авиацией роддома в Мариуполе» и «резню в Буче». В обоих случаях были подготовлены сцены масштабных разрушений, а обученные актеры, среди которых были замечены популярные украинские блогеры, на камеру рассказывали о перенесенных ими страданиях. Весь мир облетели кадры «зверски замученных гражданских лиц», а удачно выбранное название населенного пункта надолго закрепилось в сознании западного обывателя (Буча созвучно с английским словом *butchery* – бойня).

Технология фреймирования (от англ. *frame* – рамка) предполагает воздействие на массовое сознание посредством сообщения полуправды, рамочного представления действительности. В качестве примера можно рассмотреть два новостных заголовка, освещающих одно и то же событие:

1. «Конгресс США предложил выделить Украине \$150 млн на военные расходы» [15].

2. «Конгресс США предложил вдвое сократить военную помощь Украине до \$150 млн» [14].

Применение в первом заголовке технологии фреймирования полностью меняет значение события и формирует у аудитории искаженное представление о том, что Украина получает существенную финансовую поддержку от своих американских

союзников, тогда как на самом деле финансирование киевского режима сокращается, а в США растет недовольство действиями украинских властей.

Эту же технологию западные и украинские СМИ использовали, чтобы переложить на Россию вину за сбитый 24 февраля 2024 г. украинскими военными самолет Ил-76, перевозивший военнопленных ВСУ. В своих публикациях авторы делали акцент на второстепенных деталях и различных спекуляциях, пытаясь отвести внимание от истинных причин данного военного преступления.

Технология отмены или замалчивания – исключение из информационного пространства точки зрения, которая противоречит навязываемой пропагандистом. В качестве примера можно упомянуть запрет вещания российских телеканалов и радиостанций на Западе, исключение из программ учреждений культуры произведений русских авторов и т. д. [3].

При этом замалчивание той или иной точки зрения часто приводит к закручиванию «спирали молчания», т. е. срабатыванию эффекта, описанного в работах немецкого политолога Э. Ноэль-Нойман. Когда людям кажется, что какая-либо точка зрения является непопулярной, число ее сторонников со временем становится еще меньше, и они с меньшей вероятностью будут высказываться в ее поддержку. Это вызвано страхом социальной изоляции, которым потенциально грозит высказывание непопулярного мнения [19].

Технология негативного переноса предполагает формирование образа врага путем проецирования на ситуацию или человека закрепившихся в массовом сознании одиозных характеристик и черт, например, сравнение с Гитлером, нацистами и т. д.

Негативный перенос давно используется для формирования представления о России как «стране-агрессоре». При этом можно наглядно убедиться в том, насколько лицемерно выглядят подобные попытки, если сравнить публикации одних и тех же западных изданий периода вторжения Вооруженных сил (далее – ВС) США в Ирак, Югославию и др. страны с публикациями, вышедшими в печать во время проведения СВО на Украине (таблица).

В интересах противодействия перечисленным выше технологиям формирования образа «России как врага» и защиты населения страны от негативного информационно-психологического воздействия целесообразно проведение следующих мероприятий:

Информирование граждан России, военнослужащих ВС РФ и лиц, призванных в рамках частичной мобилизации, о проводимых противником пропагандистских

мероприятиях. Публичное разоблачение основных тезисов вражеской пропаганды с демонстрацией конкретных примеров манипулирования фактами.

Таблица – Сравнительный анализ публикаций западных СМИ периода вторжения США в Ирак и специальной военной операции на Украине

Table – Comparative analysis of Western media publications from the period of the US invasion of Iraq and the special military operation in Ukraine

Название издания	Вторжение США в Ирак (февраль 2003 г.)	СВО на Украине (февраль 2022 г.)
Time	Человек года – Американский Солдат Person of the Year: The American Soldier	Возвращение истории. Как Путин разрушил мечты Европы The Return of History. How Putin Shattered Europe's Dreams
The Economist	Почему война может быть оправданной // Саддам Хусейн должен быть разоружен. Если потребуется, это следует сделать с применением силы Why war would be justified // Saddam Hussein must be disarmed. If necessary, it should be done by force	История жестоко осудит Владимира Путина за его войну // Российский президент начал неспровоцированную атаку на своего соседа History will judge Vladimir Putin harshly for his war // Russia's president has launched an unprovoked assault on his neighbour
Daily Mirror	Статуя Свободы... // Но теперь Америка должна дать Ираку НАСТОЯЩУЮ свободу Statue of Liberty... // But now America must give Iraq REAL freedom	Ее кровь – на его руках // Запад вводит санкции в ответ на вторжение в Украину сошедшего с ума от власти Путина Her blood... His hands // West reacts with sanctions as power-crazed Putin invades Ukraine

Необходимо подчеркнуть, что задачи, выделенные В. Ворденом, не являются стадиями, на которых в динамике необходимо концентрироваться. Чаще всего они решаются последовательно, но это не значит, что часть задач не будет решаться одновременно или в другой последовательности.

Для работы психолога с родственниками пропавших без вести необходимо учитывать следующие моменты: какие отношения были с пропавшим без вести (при нарушенной сепарации или созависимых отношениях процесс горевания будет еще более осложненным), каковы были обстоятельства пропажи без вести (в ситуации боевых действий риск психогенной травматизации родных усиливается), а также наличие сопутствующих событий в жизни родственников пропавших без вести (ранние детские травмы или недавние потери, например, беременности накануне пропажи без вести мужа и др.).

Пропажа человека – всегда внезапное и неожиданное событие. Чаще всего

случается при травматических условиях. Близкие пропавших без вести зачастую остаются без социальной поддержки и понимания того, что с ними происходит со стороны друзей, коллег, родных. Они не могут или не считают возможным показать свою боль утраты. Во время психотерапии необходимо запустить процесс горевания. Для решения следующих задач горевания также возможна организация психологического сопровождения. Но вполне может быть достаточно решения первой задачи: принятие реальности утраты. В дальнейшем человек при соответствующей поддержке ближайшего социального окружения справиться самостоятельно. В процессе работы с родственниками пропавших без вести необходимо осуществлять поддержку и со стороны психолога. Иногда с этой целью психолог обговаривает возможность созваниваться с клиентом между встречами.

Психотерапевтический подход «Десенсибилизация и переработка движениями глаз» (ДПДГ/EMDR) показан при различных

диагнозах: ПТСР, депрессии, тревоги. Наиболее эффективной продолжительностью одной сессии является время, превышающее 60 минут [7]. На основе общих

рекомендаций реализации работы в рамках ДПДГ [19] можем представить этапы работы с родственниками пропавших без вести.

Таблица 2 – Этапы работы с родственниками пропавших без вести

Table 2 – Stages of the work with relatives of missing persons

Этап работы	Содержание	Обсуждаемые моменты
Оценка симптомов	- Тягостные мысли. - Ощущение нереальности происходящего. - Нарушения сна, питания. - Приступы паники и пр.	Что сопутствует проявлению симптомов? Как часто они проявляются? В какое время они особенно тяжело переживаются? Насколько часто проявляются? Где они локализуются в теле?
Длительность	Динамика симптомов	Как давно проявляются симптомы? Как они меняются со временем? Что менялось в жизни при проявлении симптомов?
Первоначальный повод	В данном случае повод определен изначально	Какие сопутствующие события происходили в жизни, когда пришло известие о пропаже?
Дополнительные прошлые события	Были ли другие важные события, предшествующие событию	Какие были события в Вашей жизни, которые повлияли на Ваше восприятие сейчас (например, отсутствие сепарации с родителями, поссорились с пропавшим и пр.)
Другие жалобы	Есть ли дополнительные жалобы помимо ситуации с пропавшим без вести	Трудности на работе, сложные взаимоотношения с родственниками, друзьями и пр.
Нынешняя напряженность	При рассматриваемом запросе проводится общая оценка состояния	Какова оценка общего состояния? Что может и не может клиент предпринять?
Желаемое состояние	Что хочешь чувствовать? Что хочешь сделать?	Необходимо учитывать, что наличие определенной боли, горя является необходимым для благоприятного образа клиента о себе

▪ Регулярное проведение встреч членов гражданских организаций, военнослужащих ВС РФ с бывшими военнопленными и жителями новых российских регионов, которые лично стали свидетелями зверств и преступлений украинских неонацистов.

▪ Организация работы с руководителями молодежных организаций, педагогами, офицерским составом, командирами и работниками органов военно-политической работы ВС РФ с целью обучения методам профилактики и защиты военнослужащих, а также гражданского населения от негативного информационно-психологического воздействия противника.

Выводы

Специальная военная операция на Украине еще раз продемонстрировала, что информационно-психологическое

сопровождение военных действий имеет огромное значение в современных условиях. От того, какой образ противника формируется в сознании участников боевых действий, населения страны в значительной степени зависят смыслы участия людей в военных событиях, мотивация активных боевых действий и их поддержки. Очевидно, что изучение технологий воздействия на массовое сознание, применяемых противником, является одним из условий достижения превосходства в современной «войне смыслов».

Для победы в информационно-психологическом противоборстве необходимо непрерывно анализировать действия врага в сфере воздействия на общественное мнение, своевременно вскрывать начало его информационно-психологических атак и принимать адекватные ответные меры.

Список источников

1. Авуза А. А. Информационно-психологическое воздействие боевиков террористического движения «Талибан» на население и военно-политическое руководство Афганистана / А. А. Авуза, С. В. Цыганков // Военный академический журнал. 2021. № 4 (32). С. 122–126.
2. Вrag. Образ врага. URL: <http://kozyrev-gi.ru/pages/vrag-obraz-vraga/> (дата обращения: 21.02.2024).
3. В США и Европе пытались запретить все русское, но не смогли // Лента Ру. URL: <https://lenta.ru/articles/2023/06/07/kantata/> (дата обращения: 15.01.2024).
4. Встреча с представителями общественных патриотических и молодёжных организаций // Официальный сайт Президента России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/70435> (дата обращения: 15.01.2024 г.).
5. Гафнер В. В. Информационная безопасность: учебное пособие. Ростов н/Д: Феникс, 2010. 324 с.
6. Евгеньева Т. В. Образ «врага» как фактор формирования национальной идентичности современной российской молодежи / Т. В. Евгеньева, А. В. Селезнева // Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз». 2007. № 3(46). С. 83–92.
7. Информационная война вокруг специальной военной операции // ВЦИОМ новости. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/informacionnaja-voyna-vokrug-specialnoi-voennoi-operacii?ysclid=lxp5rvfy2237413087> (дата обращения: 15.01.2024).
8. Караяни А. Г. Нейрокогнитивные технологии негативного информационно-психологического воздействия // Профессиональное юридическое образование и наука. 2023. № 4 (12). С. 38–40.
9. Караяни А. Г. Конструирование ложных событий как технология информационно-психологического воздействия / А. Г. Караяни, Ю. М. Караяни // Ананьевские чтения-2022. 60 лет социальной психологии в СПбГУ: от истоков – к новым достижениям и инновациям: материалы Международной научной конференции. СПб., 2022. С. 569–570.
10. Караяни А. Г. Технологии дизруптивных событий и социального лазера в информационно-психологическом воздействии // Профессиональное образование сотрудников органов внутренних дел. Педагогика и психология служебной деятельности: состояние и перспективы. V Международная конференция: сборник научных трудов / сост. А. В. Кравченко. М., 2021. С. 45–48.
11. Караяни А. Г. Информационно-психологическое противоборство: сущность, содержание, методы / А. Г. Караяни, В. В. Ефремов, А. Н. Размазнин [и др.]. М., 2000. С. 128.
12. Караяни А. Г. Использование краудсорсинговых технологий в информационно-психологическом противоборстве в социальных сетях / А. Г. Караяни, Ю. М. Караяни, С. В. Цыганков // Военный академический журнал. 2018. № 1 (17). С. 75–82.
13. Караяни А. Г. Мессенджер как орудие гибридной войны / А. Г. Караяни, Ю. М. Караяни, С. В. Цыганков // Психология и педагогика служебной деятельности. 2020. № 4. С. 172–174.
14. Конгресс США предложил вдвое сократить военную помощь Украине // Интерфакс. URL: <https://www.interfax.ru/world/552121> (дата обращения: 15.01.2024).
15. Конгресс США предложил выделить \$150 млн на военную помощь Украине // Европейская правда. URL: <https://www.eurointegration.com.ua/rus/news/2017/03/3/7062484/> (дата обращения: 15.01.2024).
16. Кузьмина Е. И. Средства информационно-психологического воздействия на личность и группу через сеть интернет в условиях современной войны / Е. И. Кузьмина, С. В. Цыганков // Мир образования – образование в мире. 2020. № 1 (77). С. 141–145.
17. Кузьминская С. И. «Образ врага» в современной политической мифологии // Вестник ВГУ. Серия: лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. № 3. С. 49–52.
18. Макаренкова В. Видеоигры в информационной и психологической борьбе // Зарубежное военное обозрение. 2005. № 2. С. 17–25.
19. Нозль-Нойман Э. Общественное мнение. Открытие спирали молчания: пер. с нем. / общ. ред. и предисл. Н. С. Мансурова. М. : Прогресс-Академия, Весь Мир, 1996.
20. Сенявская Е. С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М. : «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999. 383 с.
21. Цыганков С. В. Психологические условия повышения эффективности информационного воздействия на войска противника через сеть Интернет // Военная мысль. 2022. № 3. С. 96–101.
22. The child in America: Behavior problems and programs. W. I. Thomas and D.S. Thomas. New-York: Knopf, 1928: 571–572.

23. Which country is the most frequent enemy in violent video games? // The Washington Post. URL: <https://www.washingtonpost.com/news/monkey-cage/wp/2016/04/21/do-video-games-change-how-we-think-about-our-enemies-we-investigated/> (дата обращения: 15.01.2024).

References

1. Avuza A. A. The informational and psychological impact of the militants of the terrorist movement "Taliban" on the population and the military-political leadership of Afghanistan / A. A. Avuza, S. V. Cygankov // *Voennyj akademicheskij zhurnal*. 2021;4 (32): 122–126. (In Russ).
2. Vrag. Obraz vraga. Available from: <http://kozyrev-gi.ru/pages/vrag-obraz-vraga/> (data obrashcheniya: 21.02.2024). (In Russ).
3. V SSHA i Evrope pytalys' zapretit' vse russkoe, no ne smogli // Lenta Ru. Available from: <https://lenta.ru/articles/2023/06/07/kantata/> (data obrashcheniya: 15.01.2024). (In Russ).
4. Vstrecha s predstavitelyami obshchestvennyh patrioticheskikh i molodyozhnykh organizacij // Oficial'nyj sayt Prezidenta Rossii. Available from: <http://kremlin.ru/events/president/news/70435> (data obrashcheniya: 15.01.2024 g.). (In Russ).
5. Gafner V. V. Informacionnaya bezopasnost': uchebnoe posobie. Rostov n/D: Feniks, 2010. 324 s. (In Russ).
6. Evgen'eva T. V. The image of the "enemy" as a factor in the formation of the national identity of modern Russian youth / T. V. Evgen'eva, A. V. Selezneva // *Zhurnal politicheskoy filosofii i sociologii politiki* «Politiya. Analiz. Hronika. Prognoz». 2007;3(46): 83–92. (In Russ).
7. Informacionnaya vojna vokrug special'noj voennoj operacii // VCIOM novosti. Available from: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/informacionnaya-voyna-vokrug-specialnoi-voennoi-operacii?ysclid=lxp5rvfy2237413087> (data obrashcheniya: 15.01.2024). (In Russ).
8. Karayani A. G. Nejrokognitivnye tekhnologii negativnogo informacionno-psihologicheskogo vozdejstviya // *Professional'noe yuridicheskoe obrazovanie i nauka*. 2023;4 (12): 38–40. (In Russ).
9. Karayani A. G. Konstruirovaniye lozhnykh sobytij kak tekhnologiya informacionno-psihologicheskogo vozdejstviya / A. G. Karayani, Yu. M. Karayani // *Anan'evskie chteniya-2022. 60 let social'noj psihologii v SPbGU: ot istokov – k novym dostizheniyam i innovatsiyam: materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii*. SPb., 2022. S. 569–570. (In Russ).
10. Karayani A. G. Tekhnologii dizruptivnykh sobytij i social'nogo lazera v informacionno-psihologicheskom vozdejstvii // *Professional'noe obrazovanie sotrudnikov organov vnutrennih del. Pedagogika i psihologiya sluzhebnoj deyatel'nosti: sostoyanie i perspektivy. V Mezhdunarodnaya konferenciya: sbornik nauchnykh trudov* / sost. A. V. Kravchenko. M., 2021. S. 45–48. (In Russ).
11. Karayani A. G. Informacionno-psihologicheskoe protivoborstvo: sushchnost', sodержание, metody / A. G. Karayani, V. V. Efremov, A. N. Razmaznin [i dr.]. M., 2000. S. 128. (In Russ).
12. Karayani A.G. The use of crowdsourcing technologies in information and psychological warfare on social networks / A. G. Karayani, Yu. M. Karayani, S. V. Cygankov // *Voennyj akademicheskij zhurnal*. 2018;1 (17): 75–82. (In Russ).
13. Karayani A. G. Messenger as a weapon of hybrid warfare / A. G. Karayani, Yu. M. Karayani, S. V. Cygankov // *Psihologiya i pedagogika sluzhebnoj deyatel'nosti*. 2020;4: 172–174. (In Russ).
14. Kongress SSHa predlozhit' vdvoe sokratit' voennuyu pomoshch' Ukraine // Interfaks. Available from: <https://www.interfax.ru/world/552121> (data obrashcheniya: 15.01.2024). (In Russ).
15. Kongress SSHa predlozhit' vydelit' \$150 mln na voennuyu pomoshch' Ukraine // *Evropejskaya pravda*. Available from: <https://www.eurointegration.com.ua/rus/news/2017/03/3/7062484/> (data obrashcheniya: 15.01.2024). (In Russ).
16. Kuz'mina E. I. Means of informational and psychological influence on a person and a group through the Internet in the conditions of modern war / E. I. Kuz'mina, S. V. Cygankov // *Mir obrazovaniya – obrazovanie v mire*. 2020;1 (77): 141–145. (In Russ).
17. Kuz'minskaya S. I. The "Image of the Enemy" in modern political mythology // *Vestnik VGU. Seriya: lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya*. 2016;3: 49–52. (In Russ).
18. Makarenkova V. Video games in the information and psychological struggle // *Zarubezhnoe voennoe obozrenie*. 2005;2: 17–25. (In Russ).
19. Noel'-Nojman E. Obshchestvennoe mnenie. Otkrytie spirali molchaniya: per. s nem. / obshch. red. i predisl. N. S. Mansurova M. : Progress-Akademiya, Ves' Mir, 1996. (In Russ).
20. Senyavskaya E. S. Psihologiya vojny v XX veke: istoricheskij opyt Rossii. M. : «Rossijskaya politicheskaya enciklopediya» (ROSSPEN), 1999. 383 s. (In Russ).
21. Cygankov S. V. Psychological conditions for increasing the effectiveness of information impact on enemy troops via the Internet // *Voennaya mysl'*. 2022;3: 96–101. (In Russ).

22. The child in America: Behavior problems and programs. W. I. Thomas and D.S. Thomas. New-York: Knopf, 1928: 571–572.

23. Which country is the most frequent enemy in violent video games? // The Washington Post. Available from: <https://www.washingtonpost.com/news/monkey-cage/wp/2016/04/21/do-video-games-change-how-we-think-about-our-enemies-we-investigated/> (data obrashcheniya: 15.01.2024).

Информация об авторе

С. В. Цыганков – кандидат психологических наук
Ю. М. Караяни – доктор психологических наук,
доцент

А. Г. Караяни – член-корреспондент Российской академии образования, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор психологических наук, профессор

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 14.02.2024;
одобрена после рецензирования 23.05.2024;
принята к публикации 20.06.2024.

Information about the author

S. V. Cygankov – Candidate of Sciences (Psychology)

Yu. M. Karayani – Doctor of Sciences (Psychology), Docent

A. G. Karayani – Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Sciences (Psychology), Professor

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 14.02.2024;
approved after reviewing 23.05.2024;
accepted for publication 20.06.2024.

Научная статья

УДК 159.942.31,32,33
EDN: PVNBAH

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ПСИХОЛОГИИ ЭМОЦИЙ

Александр Юрьевич Чудаков¹, Александр Владимирович Вертаев², Максим Валерьевич Аниканов³

¹⁻³ Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии, Санкт-Петербург, Россия

¹ chief.chudakow@yandex.ru

² vertaev77@mail.ru

³ anika-maxim@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются различные подходы к проблеме эмоций, области их исследования, природа их возникновения. Приводятся некоторые классификации эмоций. Отмечаются функции эмоций. Приводятся описания некоторых морфологических структур головного мозга, которые оказывают влияние на развитие эмоций.

Ключевые слова: эмоции, фундаментальные эмоции, стресс, эмоциональная тупость, эмоции мотивов деятельности, чувства, функции эмоций, коммуникативные функции эмоций, переживания, страсти, настроения, аффекты

Для цитирования: Чудаков А.Ю., Вертаев А.В., Аниканов М.В. Теоретические представления о психологии эмоций // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2024. № 2 (27). С. 147–156. URL: <https://vestnik-spvi.ru/2024/06/015.pdf>. EDN: PVNBAH.

Original article

THEORETICAL CONCEPTS OF THE PSYCHOLOGY OF EMOTIONS

Alexander Yu. Chudakov¹, Alexander V. Vertaev², Maxim V. Anikanov³

¹⁻³ Saint-Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard Troops, Saint-Petersburg, Russia

¹ chief.chudakow@yandex.ru

² vertaev77@mail.ru

³ anika-maxim@yandex.ru

Abstract. The article discusses various approaches to the problem of emotions, the areas of their research, the nature of their occurrence. Some classifications of emotions are given. The functions of emotions are noted. Descriptions of some morphological structures of the brain that influence the development of emotions are given.

Keywords: emotions, fundamental emotions, stress, emotional stupidity, emotions of motives of activity, feelings, functions of emotions, communicative functions of emotions, experiences, passions, moods, affects

For citation: Chudakov A.Yu., Alexander V.V., Anikanov M.V. Theoretical concepts of the psychology of emotions. Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta vojsk nacional'noj gvardii. 2024;2(27): 147–156. (In Russ.). Available from: <https://vestnik-spvi.ru/2024/06/015.pdf>. EDN: PVNBAH.

© Чудаков А.Ю., Вертаев А.В., Аниканов М.В., 2024

Введение

В различной степени выраженности, начиная от состояния бодрствующего покоя до самой смерти, у человека в большей или в меньшей степени присутствует эмоциональный компонент (положительное или отрицательное чувство к объекту), который может быть слабо выраженным, в той или иной форме. Во внутреннем мире человека

эмоциональная окраска всего воспринимаемого (самочувствия), самосознания всегда присутствует. Если эмоциональный компонент отсутствует, то это уже относится к психопатологии. Эмоциональная тупость (слабость эмоциональных реакций, равнодушие к окружающим, формальность межличностных отношений, низкая выразительность мимики, жестикуляции, модуляции

голоса и позы, оскудение чувств, безучастность, чувственное «одеревенение» и т. д.) – это уже симптом определённого психопатологического состояния, которое может быть выражено, в той или иной степени (шизофренический дефект) [8]. Существует много различных подходов к проблеме эмоции (когнитивная психология, психоанализ, гештальтпсихология, бихевиоризм и др.), концептуального единства по-прежнему нет, интегративная теория отсутствует.

Основная часть

Эмоции – это мощная сила, оказывающая огромное влияние на поведение людей и животных. Термин эмоция как психологическая концепция встречается в таких разных областях исследования, как общая психология, клиническая психология, психобиология, этология и психосоматическая медицина. В переводе с латинского языка эмоции (*emoveo*) – потрясаю, волную, т. е. это то, что приводит в движение, побуждает, волнует или по другим мнениям происходит от латинского слова *movere* (двигаться наружу) [1]. Оно использовалось для обозначения физического возбуждения или беспокойства. Затем оно стало обозначать социальные или политические беспорядки. Эмоции – интегральная реакция организма на воздействие факторов внешней и внутренней среды, а также на результаты собственной деятельности, проявляющаяся в ярко выраженных субъективных переживаниях (например, ярость, страх, радость, горе, волнение и др.), в специфических двигательных реакциях и неспецифических сдвигах деятельности внутренних органов (подъём артериального давления, учащение пульса или дыхания, учащение мочеиспускания на фоне страха, диарея на фоне паники и др.).

Эмоции – постоянный спутник существования, жизни, бытия человека, но, тем не менее, степень и качество эмоций, несомненно, меняются, а внимание на это обращают тогда, когда выраженность эмоций достигает определённой силы и возникающие при этом проявления эмоций связывают с определёнными факторами, в которых выделяют:

1. Эмоциогенный фактор (внешние или внутренние условия, которые влияют на эмоциональное состояние и поведение человека), к которому относят вновь поступившую информацию [4], которая меняет душевное (физическое) состояние человека.

2. Ассоциативно-мыслительную деятельность человека (последствие аналитической работы психики, в результате которой

конкретный объект вызывает определённые эмоции и чувства) относительно настоящего, прошлого и будущего.

3. Результаты собственной деятельности, особенно результаты творческой деятельности, т. е. та степень удовлетворения (неудовлетворения), которую человек испытывает от своей деятельности, от того результата, который получился (не получился).

4. Социальные контакты.

5. Степень удовлетворения биологических и социальных потребностей.

6. Эндогенные эмоции – под этим предполагаются в первую очередь эмоции, обусловленные подсознательными процессами, неосознаваемыми процессами, которые составляют большую часть нашей психики, а также трудно объяснимыми в оперативном плане нейрохимическими (гормональными) сдвигами в организме, потому что ежели происходит избыточная выработка, более, чем в адекватных ситуациях, каких-то биологически активных веществ, то это приводит к выраженному изменению эмоций.

7. Повышенную сензитивность – повышенную чувствительность к эмоциогенным факторам [8].

Ещё Ч. Дарвин подчёркивал проявление эмоций у человека и животных, и он, используя методологию наблюдения, отмечал выразительное поведение животных, связанное с позой их тела. По мнению Ч. Дарвина, выражение эмоций посредством телесных изменений и специфических движений имеет адаптивную функцию в жизни животного, поскольку служит подготовкой к действию и сохранению жизни животного. Он также затронул вопрос о врожденных и приобретенных эмоциях. Многие эмоции являются врожденными. Он также признал, что некоторые эмоции или жесты можно выучить [5]. Очевидно, что такое общебиологическое явление, которое формировалось на значительно ранних этапах эволюции, совершенствовалось, выполняло свою биологическую роль. Безусловно, на уровне человека степень выраженности эмоций и их разнообразие достигает самых высоких пределов. Эмоция не есть чисто человеческий признак психики, это общебиологический компонент психики, который постепенно формировался в процессе эволюции, ровно так же, как и все другие психические явления (речь, мышление, интеллект и т. д.). Единой классификации не существует. Эмоции могут быть положительные и отрицательные, биологические и социальные и т. д. К числу социальных относят и

творческие эмоции. Существует понятие «фундаментальные эмоции»: радость, горе, интерес, безразличие, удивление, отвращение, презрение, страх, стыд, вина. В. И. Медведев, А. А. Алдашева предлагали следующее разделение эмоций [12]:

1. Эмоции мотивов деятельности:
 - эмоционально-положительные мотивы (социально обусловленные, личностно обусловленные);
 - эмоции отрицательных мотивов (социально обусловленные, личностно обусловленные);
 - эмоции диссоциации мотивов.
2. Эмоции, обусловленные целью деятельности (эмоции оценки цели).
3. Эмоции, обусловленные средствами деятельности.
4. Эмоции, связанные с процессом деятельности:
 - эмоции, обусловленные процессом принятия решения;
 - эмоции реализации решения;
 - эмоции, связанные с личностными факторами поведения;
 - эмоции, связанные с внешними факторами деятельности.

Эмоции рассматриваются и как процессы, и как состояния, и как свойства. И с этой точки зрения вводятся, преимущественно в психологической и в педагогической литературе, следующие виды эмоций [2]. Эмоциональные процессы разделяют:

- эмоциональный тон ощущения, т. е. переживание воздействий;
- эмоциональные реакции или собственно эмоции – страх, гнев, печаль, радость и т. д.;
- стенические и астенические.

Эмоциональные состояния делят:

- настроение (поддаётся произвольной регуляции);
- аффекты, бурно протекающие, чрезвычайно интенсивные эмоции (практически не регулируемые).

В эмоциональных свойствах личности выделяют: эмоциональную возбудимость, эмоциональную импульсивность, невозмутимость, сентиментальность, впечатлительность, брутальность, эмоциональную реактивность, аффектированность, эмоциональную стабильность, общий эмоциональный тонус, экспрессивность [8]. Эти свойства в значительной мере обусловлены типом высшей нервной деятельности индивида.

Чувства имеют больше социальный аспект, чем аспект биологический: любовь, ненависть, патриотизм, эстетическое переживание, этические нормы, нравственные

страдания, интеллектуальные переживания, практические эмоции, эгоизм, жестокость и т. д. [8].

Функции эмоций:

1) отражение воздействия (ответ, отклик, воспроизведение, отражательно-оценочная функция), т. е. переживание индивидуальной значимости ситуации;

2) переключение (перевод, переадресовка, легато, переключающая функция) – это влияние эмоций на структуру поведения, виды деятельности в таком направлении, что сознательно и несознательно все живые существа (и, естественно, человек), обладающие эмоциями, стремятся к минимизации отрицательной составляющей и максимизации положительных эмоций. В этом механизме не только положительная сторона процесса, но и отрицательная сторона, т. к. один из механизмов развития алкоголизма и наркомании заключается в том, что после достижения, определённого «положительного» психоэмоционального состояния, после приёма психоактивных (психотропных) веществ, человек сознательно или подсознательно (как и другие живые существа) стремится к усилению этого состояния [8; 27];

3) закрепление (фиксация, упрочение, подкрепляющая функция) – это повышение эффективности обучения (научения). Хуже всего идёт научение на эмоционально-индифферентном фоне. Для того чтобы повысить эффективность научения, нужно или давать отрицательное подкрепление (наказание, порицание, воздействие, взыскание, выговор, санкции и т. д.) или же положительное подкрепление (вознаграждение, подбодрение, стимуляция, премирование и т. д.), которое является более эффективным методом;

4) активация (иницирование, возбуждение, активизирующая функция) – это мобилизация различных психосоматических функций, направленная на достижение наибольшего результата поведенческой активности [27];

5) интеграция (интегрирующая функция, объединяющая, обобщающая) – поддержание и формирование длительного эмоционального состояния.

Компоненты эмоций: эмоции характеризуются тремя группами проявлений: – субъективное переживание; – моторика; – вегетатика.

Специфическая двигательная активность очень тонко передаёт нюансы тех чувств и переживаний, которые возникают у человека (и у других живых существ) [8]. На сегодняшний день считают, что двигательный

компонент эмоций – это свойство врождённое, генетически закреплённое, эволюционно преобразованное, а потому люди различных культур, разных рас, находящиеся на разных уровнях развития цивилизации, имеющие различное воспитание, образование, вероисповедание, тем не менее при эмоциональных проявлениях сопровождают их примерно аналогичными двигательными компонентами (иногда разной степени и амплитудой выраженности). Именно по двигательным компонентам можно судить о проявлении эмоций у животных (страх, радость, горе, боль, удивление и т. д.). Это связано с тем, что, по всей видимости, двигательный компонент эмоций – это отражение коммуникативных функций эмоций, т. е. способ передачи информации, способ воздействия одного индивида того или иного уровня на другого индивида [4]. При общении людей до 50 % (иногда и более) информации передаётся не за счёт вербального способа (т. е. за счёт слов и их семантики), а при помощи эмоционально-моторного способа. По выражению эмоций левая и правая половины лица не совсем идентичны. При этом было обнаружено, что лучше всего эмоции проявляются левой стороной лица. Левое и правое полушария головного мозга по-разному моделируют эмоции и их проявление, но что касается двигательного компонента, то это больше связано с правым полушарием у правшей (праворуких), а эмоциональная выразительность больше присуща леворуким (левополушарным) лицам.

Внешнее выражение, раз оно играет коммуникативную функцию, то обладает семантической специфичностью. В то же время, как вегетативный компонент эмоций, всё-таки гораздо менее специфичен. Если по выражению лица можно понять, что за эмоцию переживает человек, то по картине работы внутренних органов это без обследования понять достаточно трудно [22]. При развитии эмоций происходит мобилизация деятельности почти всех внутренних органов, всех висцеральных систем в зависимости от модельности и интенсивности эмоций. Также в этом принимают участие нервные регуляторные механизмы и гуморальное звено (подъём артериального давления, сужение-расширение сосудов кожи – побледнение – покраснение кожи, возникновение «гусиной кожи», мышечный тремор, расширение площади опоры – готовность к прыжку-броску-атаке-бегу, сгущение крови – готовность к возможной кровопотери при ранении, «эмоциональный»

диурез и т. д.).

Американский физиолог У. Б. Кеннон обосновал «центральную теорию» эмоций и сформулировал концепцию о наличии определённых структур в головном мозгу, возбуждение которых приводит к развитию эмоций с достаточной степенью специфичности и выраженности [10]. Его положение было дополнено и сформулировано спустя 10 лет концепцией о лимбической системе. Лимбическая система – это не морфологическое, а функциональное образование. Эта система является первоосновой, где зарождаются те процессы, совокупность которых, при их субъективном осознании, приводит уже к появлению феномена эмоций. Сначала у человека (и не только у человека) возникает потребность осознания того, что ему что-то нужно, на основании этой потребности формируется мотивация, т. е. побуждение к удовлетворению этой потребности, в зависимости насколько велик разрыв между потребностью и возможностью формируется эмоция, причём на начальном этапе эта эмоция всегда носит отрицательный характер. В результате этого развивается совокупность процессов, которые приводят к какой-то поведенческой активности, вследствие которой устраняется мотивация (побуждение) к этой активности, и вместо отрицательной эмоции развивается положительная эмоция – удовлетворение (в английской литературе – «антидрайф»). Таким образом, есть пример активирующей функции эмоции в том смысле, что отрицательная эмоция – это «локомотив» активности, поведения, деятельности. С чего начинается жизнь человека? Как известно, с детского плача, который является проявлением отрицательной эмоции. Со времён автора теории «бей или беги» У. Б. Кеннона – основную роль в проявлении эмоций (запуске механизмов) отводили мозговому веществу надпочечников, т. е. в зависимости от степени выделения катехоламинов (гормонов адреналина, норадреналина, дофамина) соответственно была большая или меньшая степень выраженности эмоций и, соответственно, выраженность тех вегетативных сдвигов, которые развиваются в организме. Это всё в целом составляет психологическую характеристику эмоций [6].

Психозэмоциональный стресс – в переводе с английского означает «нажим, давление, напряжение»: характеристикой проявления этого психозэмоционального состояния служит выраженная степень проявления эмоций, особенно в боевых условиях

[23; 24; 25; 26]. Высота (уровень, стадия, последовательность проявления) выраженности эмоций превышает по своей интенсивности адекватный уровень и ведёт к развитию патологических состояний (психомоторная фуга, истерика, потеря сознания, психогенный ступор и т. д.) вплоть до развития летального состояния (психическая смерть). Более чёткое описание психоэмоционального стресса дал Г. Селье и назвал он его общеадаптационный синдром. По Г. Селье, нормальное состояние, на которое воздействует какой-то фактор (он его назвал стрессор), сначала развивается алярм-реакция (стресс, аффект, фрустрация, реакция тревоги), в результате которой организм пытается компенсировать воздействия этого стрессора, и затем выходит на уровень стадии компенсации, и далее эта стадия заканчивается выздоровлением (приспособлением) или, если возможности организма оказываются недостаточными, то живое существо гибнет [14; 15; 16]. Стрессор – это обычно какое-то внешнее (чаще) воздействие (явление) – физическое, химическое, биологическое, психическое – не имеющее какого-то абсолютного критерия по своей интенсивности и способу, т. е. это может быть повышенная чувствительность организма к некоторому воздействию или же это могут быть супер-экстремальные (надпороговые) воздействия, которые превышают все мыслимые биологические возможности организма, но его модульности, его интенсивности оказывается достаточно, чтобы запустить очень длинную и сложную цепочку процесса (м. б. и патологического). Все раздражители (стрессор – это в основе раздражитель) доходят до ретикулярной формации – неспецифической активирующей системы мозга. Следовательно, интенсивность возбуждения, интенсивность активности ретикулярной формации зависит от степени и способа воздействия стрессора [13]. Ретикулярная формация, структура которой далее имеет очень много неспецифических проявлений, в том числе и повышение тонуса симпатического отдела вегетативной нервной системы. Симпатические волокна иннервируют абсолютно всё в организме, поэтому целый «букет» эффектов активирует мозговое вещество надпочечников, так как эволюционно (в процессе филогенеза) оно есть часть симпатической нервной системы. Мозговое вещество надпочечников вырабатывает катехоламины, которые, как и сама симпатическая нервная система, оказывают стимулирующее действие на

передний гипоталамус, а, следовательно, стимулирует выделение соответствующих релизинг-факторов: кортикотропина и соматотропина. Эти оба релизинг-фактора реализуются через гипофиз. Стимуляция выработки адренокортикотропного гормона и соответственно соматотропного гормона, выработка которого происходит с коротким латентным периодом. За это время этот гормон влияет не только на рост, но и проявляется его активирующее влияние на тимус (вилочковую железу, которая является центральным органом резистентности организма человека). В результате этого стимулирующего влияния на тимус происходит повышение специфической и неспецифической резистентности [28]. В результате этого происходит противодействие стрессору (организм пытается справиться с патогенным воздействием). Но эта компенсация быстро истощается, развивается «бесконечное негативное звено» проявляющееся весь период действия стрессора [11; 13; 27].

Ч. Дарвин впервые поднял вопрос о биологической природе эмоций, которые он рассматривал как компонент целесообразного и инстинктивного поведения (физиологические механизмы эмоций) [5]. Далее теория была развита работами У. Джемса – К. Г. Ланге, хотя в данном случае речь идет вовсе не о соавторстве или сотрудничестве. Американский философ и психолог Уильям Джемс и датский медик, и анатом Карл Ланге жили в разных концах света, писали на разных языках и пришли к своим выводам почти одновременно, но совершенно независимо друг от друга (достоверных свидетельств их общения, хотя бы заочного, не существует).

В журнале *Mond* была опубликована статья У. Джемса «Что такое эмоция». В ней автор выдвинул неожиданную и парадоксальную гипотезу: если отсечь от эмоции ее внешнее проявление, то от нее вообще ничего не останется. Более того – наблюдаемые признаки есть не столько следствие эмоции, сколько ее причина. У. Джемс рассуждал так: в ответ на изменение окружающих условий в организме безотчетно возникает рефлекторная физиологическая реакция – повышается секреция желез, сокращаются определенные группы мышц и т.п. Сигнал об этих изменениях в организме поступает в центральную нервную систему, тем самым порождая сильное эмоциональное переживание – стресс. То есть мы плачем не потому, что опечалены, но впадаем в грусть, стоит лишь нам заплакать или даже нахмуриться. Независимо от У. Джемса в те

же годы аналогичную гипотезу высказал К.Г. Ланге. Однако если У. Джемс связывал эмоции с широким кругом периферических изменений, то К. Г. Ланге – только с сосудодвигательной системой: состоянием иннервации и просветом сосудов. Статья К. Г. Ланге об эмоциях была переведена на английский язык и вошла в сборник «Эмоции» под редакцией К. Данлэпа, который и увидел свет в издательстве «Вильяме и Вилкинс». Статьи К. Г. Ланге и У. Джемса в этом сборнике соседствовали под одной обложкой, что и привело к соответствующему наименованию теории. Прагматичные американцы быстро сделали практический вывод из теории Джемса-Ланге. Так, блестящий знаток человеческих отношений Дейл Карнеги в своих книгах многократно обращается к идеям У. Джемса, в том числе к его теории эмоций, и делает простое заключение: чтобы вызвать приятное переживание, надо вести себя так, словно оно уже наступило [9]. У вас не ладятся дела, кошки скребут на сердце? Гоните прочь уныние и грусть! Улыбайтесь! Улыбайтесь всегда и везде, и вы на самом деле почувствуете себя жизнерадостным [8]. Немаловажно и то, что люди безотчетно сторонятся хмурых лиц. У каждого хватает своих проблем и не хочется сталкиваться еще и с чужими проблемами. А вот человек с оптимистичной улыбкой на лице всегда встречает отклик и взаимное расположение. У. Джеймс и К. Г. Ланге обосновали одну из первых физиологических теорий эмоций – это «периферическая теория» эмоций, в том смысле, что эмоция вторична по отношению к изменениям внутренней среды. По его представлению, первичным является изменение деятельности висцеральных органов, а вторичным – развитие эмоций. То есть, по его мнению, формула механизма формирования эмоций такова, что «мы испытываем печаль, потому что плачем, а боимся, потому что мы дрожим».

Ранее психологи опирались на биологическую теорию эмоций П. К. Анохина, в которой эмоции рассматриваются в основном с точки зрения энергии – «направить» живой организм к достижению цели [1]. П. В. Симонов сформулировал «информационную теорию» эмоций [17; 18; 19; 20; 21]. П. В. Симонов считал, что в оценке вероятности получения удовлетворения, вероятность – понятие информационное. Оно связано с оценкой информации, поступающей из внешней среды, для прогноза вероятности достижения цели. При этом речь идет не об информации, актуализирующей потребность, но

об информации, необходимой для удовлетворения потребности. Под информацией тогда мы понимаем отражение всей совокупности средств достижения цели, которыми обладает индивид [4]. Это и знания, которыми он располагает, и совершенство его навыков. Это энергетические ресурсы организма, а также время, достаточное или недостаточное для организации соответствующих действий и т. д. Можно сказать, что цели, мотивации и потребности, таким образом, П. В. Симонов, так же, как и П. К. Анохин, ставит на первое место, а понятия вероятностного прогнозирования и самих эмоций на второе. Но при этом эмоции в теории П. В. Симонова играют в организации целенаправленного поведения даже более важную роль, чем мотивация и потребности. Каким образом? Мотивационное возбуждение сопровождается отрицательными эмоциями (например, я голоден). Это верно не только для теории П. В. Симонова, но и для других теорий эмоций. Оценка вероятности удовлетворения потребности по П. В. Симонову (я голоден – и готов съесть яблоко с дерева за тем забором) также сопровождается отрицательными эмоциями, т. к. индивид не всегда располагает всем необходимым для удовлетворения потребности (насколько высок забор? кто охраняет это яблоко? безопаснее добыть это яблоко? или безопаснее попросить яблоко?). Способов достижения цели есть огромное множество, каждый из которых имеет разную вероятность и предполагает различные энергетические затраты и возможные опасности [17; 19; 20].

Таким образом, данная стадия начинает излишне усложняться интеллектуализацией и оценками вероятности достижения цели. П. В. Симонов вывел так называемую формулу эмоций, или общий закон человеческих эмоций, который в настоящее время многократно подкреплён человеческой практикой, особенно при тех видах деятельности, которые сопровождаются сильно выраженными эмоциями. «Эмоция» равна «функция» минус «потребность» (минус потому, что потребность есть тогда, когда чего-то не хватает), далее информация, необходимая для удовлетворения этой потребности, т. е. информация, которой располагает субъект. В тех случаях, когда необходимая информация больше, чем та, которой располагает субъект, формула будет иметь положительный знак. А если необходимая информация будет меньше, то + (плюс) на – (минус) даст отрицательный знак [4].

Известны некоторые морфологические структуры головного мозга, которые оказывают влияние на развитие эмоций. Гипоталамус является ключевой структурой для реализации подкрепляющей функции эмоций (т. е. те свойства, которые проявляются в максимизации и минимизации). Миндалина (амигдала, миндалевидное тело) играет решающую роль в осуществлении переключающей функции эмоций, что осуществляется при вовлечении в этот процесс хвостатого ядра. Гипокамп и фронтальные отделы новой коры обеспечивают прогнозирование вероятности удовлетворения потребности и обеспечивают отражательно-оценочную функцию эмоций. Теменно-височные отделы правого полушария ответственны за интенсивность эмоционального напряжения без относительности к его знаку, т. е. положительному или отрицательному, а также за выход на вегетативные функции. Если сравнивать активность правой и левой фронтальной коры, то получается, что знак эмоций (положительный или отрицательный) зависит от соотношения уровней активности этих двух структур. Если активность левой фронтальной коры больше, чем правой фронтальной коры, то развивается положительная эмоция и наоборот.

Эмоции связаны с нейрохимией и получается так, что депрессия есть следствие дефицита моноаминоэргических путей, т. е. таких взаимодействий между структурами, где в качестве медиатора выступают моноамины. Хотя этот дефицит может быть как следствие и дефицита трансмиттера, и дефицита пострецептора и др. сочетания.

Чувство страха морфологически связано больше с амигдалой и сопровождается повышением уровня норадреналина. Хотя нельзя говорить о ключевой роли какого-то вещества, потому что у разных людей одно и то же вещество иногда действует по-разному.

Агрессия возникает в результате избытка ацетилхолина в латеральном гипоталамусе ил в результате недостатка серотонина в лимбической системе.

В реализации формирования удовольствия принимает участие прилежащее ядро (нуклеус аккумбус), но с участием дофамина. Прилежащее ядро прозрачной перегородки (нуклеус аккумбус) ответственно за систему вознаграждений, эффект плацебо, смех, страх, наркоманию и др. Все эти данные химические, морфологические, биохимические весьма разрозненные.

Виды расстройства эмоций (по выраженности и длительности: аффект (душевное

волнение, страсть); изменения настроения (различные формы маний и депрессий): 1-я группа – отвечает за сниженное настроение: гипотимия (просто пониженное настроение, тоска, дистемия – т. е. неустойчивое меняющееся отрицательное настроение, дисфория – тоскливо злобное настроение, тревога, страх); 2-я группа – курирующая повышенное настроение: гипертимия (повышенное настроение – относительно небольшая степень положительных переживаний, эйфория, мория – беспечность, дурашливость – характерно для поражения левых структур мозга, экстаз; 3-я группа – регулирующая отсутствие эмоций: качественное искажение – эмоциональное оскудение, эмоциональная тупость (атимия) – это почти полное отсутствие эмоций, апатия, психическая анестезия; 4-я группа – «расплачивающаяся» за извращение эмоций: паратимия – эмоциональная неустойчивость, эмоциональная лабильность, слабодушие.

Заключение

Эмоции представляют собой специфическую группу состояний психики субъективного характера, которые находят выражение в форме переживаний и ощущений позитивного либо негативного характера, восприятия человеком окружающего мира и людей, собственных поступков и результатов действий. В группу эмоций входят чувства и страсти, настроения и аффекты, а также стрессы. Все процессы психики протекают в сопровождении данных состояний. Другими словами, любое проявление человеческой активности окрашивается какими-либо эмоциями. Именно благодаря эмоциям и чувствам люди лучше находят язык с окружающими, оказываются способными, не используя вербальные сигналы, делать выводы о состоянии своего ближнего.

Разнообразные эмоциональные моменты входят в содержание всех умственных процессов – восприятия, памяти, мышления и др. Чувства обуславливают яркость и полноту наших восприятий, они влияют на скорость и прочность запоминания. Эмоционально окрашенные факты запоминаются быстрее и прочнее. Чувства непроизвольно активизируют или, наоборот, затормаживают процессы мышления. Они стимулируют деятельность нашей фантазии, придают нашей речи убедительность, яркость и живость. Чувства вызывают и стимулируют наши действия. Сила и настойчивость волевых действий в значительной степени обуславливается чувствами, которые обогащают содержание человеческой жизни. Люди с бедными и слабыми

эмоциональными переживаниями становятся педантами. Положительные эмоции и чувства, наряду с отрицательными, повышают нашу энергию и трудоспособность.

Также не стоит забывать о физическом состоянии организма человека. Эмоции и чувства оказывают воздействие на многие внутренние органы, такие как, например, сердце, дыхание, пищеварение, зрение и т. д. Есть несколько предположений, по которым положительный настрой может защищать человека от проблем со здоровьем на протяжении всей жизни. Например, более счастливые люди скорее применяют активный метод для борьбы со старением, обычно, регулярно выполняя физические упражнения и проводя больше времени с пользой для здоровья. В то же самое время эти люди могут избегать нездорового поведения, как, например, злоупотребление алкоголем, употребление наркотических средств и курение [28].

Учёными доказано, что люди, которые в своей жизни испытывали больше положительных эмоций и чувств, чем отрицательных, живут намного дольше. С одной стороны, отрицательные чувства и эмоции могут явиться не только причиной психосоматических

заболеваний, но и обусловить наступление преждевременной старости. С другой стороны, они мотивируют человека решать насущные проблемы, менять то, что его не устраивает. Страх необходим для выживания и сохранения безопасности. Чувство вины побуждает к сотрудничеству. Гнев мотивирует поиск справедливости. Часто отрицательные эмоции доносят до человека важную информацию, и поэтому иногда они даже превосходят положительные эмоции по полезности. Печаль сигнализирует о потере, страх – об угрозе, а гнев предупреждает о недостойном поступке.

Таким образом, роль эмоций как положительных, так и отрицательных крайне важна для человека. Чувства и эмоции являются неотъемлемой частью личности. Они содействуют росту личности и обогащают её. Однако, анализируя различные подходы учёных к вопросу природы эмоций, можно сделать выводы, что в настоящее время психологи не пришли к единому мнению относительно содержания и соотношения ряда психических функций, так как эмоции крайне ситуативны и кратковременны, они быстро сменяют друг друга, что мешает полностью их понять и управлять ими.

Список источников

1. Анохин П. К. Эмоции // Психология эмоций. М., 1984. 542 с.
2. Вилюнас В. К. Психология эмоций / В. К. Вилюнас, Ю. Б. Гиппенрейтер. СПб. : «Питер», 2006. 404 с.
3. Гершон Б. Б. Психология эмоций. М., 2004. 440 с.
4. Гальцев Ю. В. Информационный подход в изучении жизнедеятельности человека // Актуальные вопросы современной психологии: сборник научных трудов / Ю. В. Гальцев, Е. Ю. Коржова, А. Ю. Чудаков. СПб., 2023. С. 10–19.
5. Дарвин Ч. Происхождения видов: сочинения. М. : Изд-во АН СССР 1939. Т. 3. 270 с.
6. Дружинин В. Н. Психология. СПб. : «Питер», 2001. 656 с.
7. Изард К. Э. Психология эмоций. СПб. : «Питер», 2002. 464 с.
8. Ильин Е. П. Эмоции и чувства. СПб. : «Питер», 2008. 782 с.
9. Карнеги Д. Как перестать беспокоиться и начать жить. СПб. : «Лениздат», 2014. 306 с.
10. Кеннон У. Б. Физиология эмоций. Телесные изменения при боли, голоде, страхе и ярости / пер. с англ. В. А. Дорфмана, А. Г. Кратимова / под ред. В. М. Завадовского. Л. : Рабочее издательство «Прибой», 1927. 176 с.
11. Марищук В. М. Роль эмоций в накоплении негативного опыта и формы его актуализации // Психология. 2008. № 3. С. 23–27.
12. Медведев В. И. Экологическое сознание: учебное пособие / В. И. Медведев, А. А. Алдашева. М. : «Юрайт», 2001. 384 с.
13. Мурачковский Н. В. Об особенностях некоторых мыслительных операций в условиях эмоциональной напряженности (эмоционального стресса) // Психология. 2006. № 4. С. 25–28.
14. Селье Г. Очерки об адапционном синдроме. М., 1960. 266 с.
15. Селье Г. Неизвестные силы в нас: система психофизиологического саморегулирования. Когда стресс не приносит горя. М. : Белая Русь: Рэнер, 1992. 160 с.
16. Селье Г. На уровне целого организма. М. : «Наука», 1972. 132 с.
17. Симонов П. В. Что такое эмоция? М. : «Наука», 1962. 375 с.
18. Симонов П. В. Болезнь неведения: Введение в психофизиологию неврозов. М. : «Наука», 1968. 66 с.

19. Симонов П. В. Теория отражения и психофизиология эмоций. М., 1970. 144 с.
20. Симонов П. В. Высшая нервная деятельность человека. Мотивационно-эмоциональные аспекты. М., 1975. 174 с.
21. Симонов П. В. Эмоциональный мозг. М. : «Наука», 1981. 215 с.
22. Сысоев В. Н. Выявление значимых внешних детерминант формирования психосоматических заболеваний / В. Н. Сысоев, А. С. Араби, А. Ю. Чудаков [и др.] // Medline.ru. Российский биомедицинский журнал. 2011. Т. 12. С. 711–723.
23. Утюганов А. А. Особенности смысловой сферы военнослужащих внутренних войск МВД России, переживших боевой стресс. Новосибирск: Новосибирский военный институт внутренних войск им. генерала армии И. К. Яковлева МВД России, 2013. 100 с.
24. Утюганов А. А. Развитие ценностей при реализации компетентного подхода в военном вузе // Направления и перспективы развития образования в военных институтах внутренних войск МВД России: материалы VI Международная научно-практическая конференция. Новосибирск: Новосибирский военный институт внутренних войск им. генерала армии И. К. Яковлева МВД России, 2014. С. 415–418.
25. Утюганов А. А. Смысловые компоненты переживания боевого стресса // Сибирский педагогический журнал. 2011. № 3. С. 260–271.
26. Утюганов А. А. Система ценностно-смысловых ориентаций курсантов вузов национальной гвардии: феноменология и психолого-педагогические детерминанты формирования: автореф. дис... д-ра психол. наук: 19.00.07 / Утюганов Алексей Анатольевич. Кемерово, 2019. 50 с.
27. Чудаков А. Ю. Формы девиантного поведения подростков: сборник научных трудов / А. Ю. Чудаков, П. А. Чудакова. СПб. – Самара, 2023. С. 107–135.
28. Чудаков А. Ю. Адаптация человека к неблагоприятным условиям: сборник научных трудов / А. Ю. Чудаков, Ю. В. Гальцев, В. В. Гайворонская. СПб. – Самара, 2023. С. 51–64.

References

1. Anohin P. K. Emocii. In: Psihologiya emocij. Moscow, 1984. (In Russ.).
2. Vilyunas V. K., Gippenrejtser Y. U. B. Psihologiya emocij. Saint-Petersburg: Piter, 2006. (In Russ.).
3. Gershon B. B. Psihologiya emocij. Moscow, 2004. (In Russ.).
4. Gal'cev Yu. V., Korzhova E. Yu., Chudakov A. Yu. Informacionnyj podhod v izuchenii zhiznedeyatel'nosti cheloveka. In: Current issues of modern psychology. Saint-Petersburg, 2023: 10–19. (In Russ.).
5. Darvin Ch. Proiskhozhdeniya vidov. Moscow: Izd-vo AN SSSR 1939. Vol. 3. (In Russ.).
6. Druzhinin V. N. Psihologiya. Saint-Petersburg: Piter, 2001. (In Russ.).
7. Izard K. E. Psihologiya emocij. Saint-Petersburg: Piter, 2002. (In Russ.).
8. Il'in E. P. Emocii i chuvstva. Saint-Petersburg: Piter, 2008. (In Russ.).
9. Karnegi D. Kak perestat' bespokoit'sya i nachat' zhit'. Saint-Petersburg: «Lenizdat», 2014. (In Russ.).
10. Kennon U. B., Dorfman V. A., Kratinov A. G., Zavadovskij V. M. (eds.) Fiziologiya emocij. Telesnye izmeneniya pri boli, golode, strahе i yarosti. Leningrad: Rabochee izdatel'stvo «Priboj», 1927. (In Russ.).
11. Marishchuk V. M. The role of emotions in the accumulation of negative experiences and the forms of its actualization. In: Psihologiya. 2008;3: 23–27. (In Russ.).
12. Medvedev V. I., Aldasheva A. A. Ekologicheskoe soznanie. Moscow: Yurajt, 2001. (In Russ.).
13. Murachkovskij N. V. On the peculiarities of some mental operations in conditions of emotional tension (emotional stress). In: Psihologiya. 2006;4: 25–28. (In Russ.).
14. Sel'e G. Ocherki ob adaptacionnom sindrome. Moscow, 1960. (In Russ.).
15. Sel'e G. Neizvestnye sily v nas: sistema psihofiziologicheskogo samoregulirovaniya. Kogda stress ne prinosit gorya. Belaya Rus: Renner, 1992. (In Russ.).
16. Sel'e G. Na urovne celogo organizma. Moscow: Nauka, 1972. (In Russ.).
17. Simonov P. V. Chto takoe emociya? Moscow: Nauka, 1962. (In Russ.).
18. Simonov P. V. Bolezn' nevedeniya: Vvedenie v psihofiziologiyu nevrozov. Moscow: Nauka, 1968. (In Russ.).
19. Simonov P. V. Teoriya otrazheniya i psihofiziologiya emocij. Moscow, 1970. (In Russ.).
20. Simonov P. V. Vysshaya nervnaya deyatel'nost' cheloveka. Motivacionno-emocional'nye aspekty. Moscow, 1975. (In Russ.).
21. Simonov P. V. Emocional'nyj mozg. Moscow: Nauka, 1981. (In Russ.).
22. Sysoev V. N., Arabi L. S., Gajvoronskaya V. V. Vyyavlenie znachimyh vneshnih determinant formirovaniya psichosomaticheskikh zabolevanij. In: Medline.ru. Russian Biomedical Journal. 2011. Vol.

12: 711–723. (In Russ.).

23. Utyuganov A. A. Osobennosti smyslovoj sfery voennosluzhashchih vnutrennih vojsk MVD Rossii, perezhivshih boevoy stress. Novosibirsk: Novosibirskij voennyj institut vnutrennih vojsk im. generala armii I. K. Yakovleva MVD Rossii, 2013. (In Russ.).

24. Utyuganov A. A. Razvitie cennostej pri realizacii kompetentnostnogo podhoda v voennom vuze. In: Directions and prospects for the development of education in military institutes of the internal troops of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Novosibirsk: Novosibirskij voennyj institut vnutrennih vojsk im. generala armii I. K. Yakovleva MVD Rossii, 2014: 415–418. (In Russ.).

25. Utyuganov A. A. Smyslovye komponenty perezhivaniya boevogo stressa. In: Siberian Pedagogical Journal. 2011;3: 260–271. (In Russ.).

26. Utyuganov A. A. Sistema cennostno-smyslovyh orientacij kursantov vuzov nacional'noj gvardii: fenomenologiya i psihologo-pedagogicheskie determinanty formirovaniya. Kemerovo, 2019. (In Russ.).

27. Chudakov A. Yu., Chudakova P. A. Formy deviantnogo povedeniya podrostkov: sbornik nauchnyh trudov. Saint-Petersburg. – Samara, 2023: 107–135. (In Russ.).

28. Chudakov A. Yu., Gal'cev Yu. V., Gajvoronskaya V. V. Adaptaciya cheloveka k neblagopriyatnym usloviyam. Saint-Petersburg. – Samara, 2023: 51–64. (In Russ.).

Информация об авторах

А. Ю. Чудаков – доктор медицинских наук, профессор

А. В. Вертаев – кандидат педагогических наук

М. В. Аниканов – кандидат педагогических наук

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 28.11.2023; одобрена после рецензирования 21.01.2024; принята к публикации 20.06.2024.

Information about the authors

A. Yu. Chudakov – Doctor of Sciences (Medical), Professor

A. V. Vertaev – Candidate of Sciences (Pedagogy)

M. V. Anikanov – Candidate of Sciences (Pedagogy)

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 28.11.2023; approved after reviewing 21.01.2024; accepted for publication 20.06.2024.

Научная статья

УДК 796

EDN: PVOMCD

СТИМУЛИРОВАНИЕ СПОРТИВНОЙ ПОДГОТОВКИ ОБУЧАЮЩИХСЯ В КАДЕТСКИХ УЧИЛИЩАХ РОСГВАРДИИ: ВНЕДРЕНИЕ НАГРУДНОГО ЗНАКА «ЗА ОТЛИЧИЕ В СПОРТЕ»

Владимир Викторович Прокопенко

Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии, Санкт-Петербург, Россия
vvbars@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению вопроса, раскрывающего один из путей, ведущих к совершенствованию физической и спортивной подготовки обучающихся в образовательных организациях кадетского типа Росгвардии с использованием средств стимулирующего характера. Показано значение целенаправленной физической и спортивной подготовки выпускников училища для военной службы. Раскрыто содержание проекта Положения о нагрудном знаке «За отличие в спорте» для кадет Росгвардии, разработанного автором статьи.

Ключевые слова: физическая и спортивная подготовка, кадеты, Росгвардия, нагрудный знак, проект Положения, степени, требования

Для цитирования: Прокопенко В.В. Стимулирование спортивной подготовки обучающихся в кадетских училищах Росгвардии: внедрение нагрудного знака «За отличие в спорте» // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2024. № 2 (27). С. 157–164. URL: <https://vestnik-spvi.ru/2024/06/016.pdf>. EDN: PVOMCD.

GENERAL PEDAGOGY, HISTORY OF PEDAGOGY AND EDUCATION

Original article

STIMULATING THE SPORTS TRAINING OF STUDENTS IN THE CADET SCHOOLS OF THE RUSSIAN GUARD: THE INTRODUCTION OF THE BADGE «FOR DISTINCTION IN SPORTS»

Vladimir V. Prokopenko

Saint-Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard Troops, Saint-Petersburg, Russia
vvbars@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the consideration of the issue that reveals one of the ways leading to the improvement of physical and sports training of students in educational organizations of the cadet type of Rosgvardiya using stimulating mean. The importance of purposeful physical and athletic training of college graduates for military service is shown. The content of the draft Regulation on the badge "For distinction in sports" for the cadets of the Russian Guard, developed by the author of the article, is disclosed.

Keywords: physical and sports training, cadets, National Guard, badge, draft regulations; degrees, requirements

For citation: Prokopenko V.V. Stimulating the sports training of students in the cadet schools of the Russian Guard: the introduction of the badge «For distinction in sports». Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta vojsk nacional'noj gvardii. 2024;2(27): 157–164. (In Russ.). Available from: <https://vestnik-spvi.ru/2024/06/016.pdf>. EDN: PVOMCD.

© Прокопенко В.В., 2024

Введение

В настоящее время образовательная и внеурочная деятельность в кадетских училищах Росгвардии регулируется федеральными и ведомственными нормативно-правовыми актами. «Жесткие» требования

данных актов не позволяют решать задачи по качественной военно-прикладной и физической подготовке кадет к будущей военной службе. В частности, это касается эффективного использования возможностей разных форм физической подготовки и

занятий спортом. Например, утренняя физическая зарядка проводится, как правило, не более 15 минут, учебные занятия по физической культуре проводятся всего два раза в неделю по 40 минут и решают в первую очередь образовательные задачи, спортивная работа проводится преимущественно по видам спорта, культивируемым в училище, и охватывает незначительное количество обучающихся, поскольку в данной форме основным является именно личное желание кадет заниматься в спортивной секции или в секции иной направленности (технической, художественной, музыкальной и т. п.), что не позволяет решать задачи по максимальному вовлечению обучающихся в занятия спортом [1–7, 21–23].

Как следствие, у подавляющего количества обучающихся спортивное направление их подготовки в лучшем случае заключается в участии в «плановых» спортивных соревнованиях в программе Спартакиады кадетского училища, а это не способствует совершенствованию спортивной подготовки кадет.

Практически не используется в кадетских училищах и такая форма физической подготовки, как физическая тренировка в процессе учебной деятельности, которая должна проводиться в виде попутной физической тренировки при нахождении учебных взводов (классов) в пункте постоянной или временной дислокации училища. Вместе с тем именно данная форма позволяет эффективно развивать необходимые организаторско-методические и прикладные двигательные навыки, специальные физические и психологические качества [8–16].

Нормативные ограничения не способствуют массовому вовлечению кадет к выполнению испытаний комплекса ГТО и спортивных разрядов. Это приводит к тому, что обучающиеся, в своем большинстве занимающиеся физической подготовкой только на утренней зарядке и в рамках уроков по физической культуре и не участвующие в работе спортивных секций, не смогут выполнять спортивные разряды, нормативы ГТО. Как следствие, они никогда не смогут претендовать на награждение нагрудным знаком и, скорее всего, не будут к этому стремиться.

Положительной стороной федеральных нормативных документов, регламентирующих образовательную деятельность в кадетских училищах, выступает предоставленное им право в объеме до 30 % учебного времени, выделенного для освоения основной образовательной программы, самим

перераспределять его между учебными предметами. При четко продуманном планировании использование данного права может оказать существенную помощь в совершенствовании организации как физической культуры, так и спортивной работы кадетского училища. Кадетские училища могут дополнительно выделять до 68 часов в год на приоритетные направления обучения и, в частности, на один из разделов дисциплины «Физическая культура».

На практике данные дополнительные учебные часы, как правило, выделяются на два раздела учебной программы по физической культуре – это раздел «плавание» (при наличии условий) и раздел «прикладные единоборства». Такое распределение учебных часов способствует узконаправленному решению образовательных задач в области физического развития, потому что в итоге не позволяет привлечь большинство обучающихся к плановой и разнонаправленной спортивно-массовой работе [17–20].

Иначе говоря, спортивно-массовая работа, как отдельная форма физической и спортивной подготовки кадет, которая подразумевает именно массовое участие обучающихся в занятиях по видам спорта, в кадетских училищах в настоящих условиях практически отсутствует.

Вместе с тем решение данной проблемы видится вполне реальным. Это – более грамотное планирование основной образовательной и дополнительной общеразвивающей деятельности, самостоятельной подготовки обучающихся и их оптимальная организация в училище, включая «массовую» спортивную работу, которая в обязательном порядке должна быть отражена в распорядке дня.

Почему это важно? Занятия физическими упражнениями только на уроках физической культуры, на которые отводится 2 часа в неделю, и участие кадет в кружковой (секционной) работе по «личным интересам» обучающихся, не позволяют в полном объеме совершенствовать основные и специальные физические качества, формировать разносторонние двигательные навыки и умения, психологические качества. В то же время является общеизвестным фактом, что военнослужащие, имеющие высокий уровень физической и спортивной подготовленности, намного эффективнее выполняют служебно-боевые задачи в различных условиях обстановки. Следует также отметить, что, кроме высокого уровня развития необходимых физических и специальных свойств, у таких военнослужащих формируется еще и

широкий диапазон различных прикладных двигательных навыков и умений, функциональных возможностей организма к повышенной мышечной нагрузке, воспитываются необходимые морально-волевые и психологические качества.

Приведенные аргументы не противоречат Положению об организации образовательной деятельности в кадетских училищах Росгвардии, где основной целью обучения является подготовка кадет к военной службе в войсках Росгвардии или к иной государственной службе. Такой вид службы как раз и предполагает хорошую физическую подготовку молодых воинов, поскольку физическая подготовка является одним из основных элементов боевой подготовки войск.

Таким образом, необходимость высокого уровня спортивной и физической подготовленности выпускника кадетского училища и зависимость от него последующей его результативности в различных видах практической деятельности, в том числе в профессиональной деятельности в войсках, становятся очевидными. Это и стало решающим аргументом для Федеральной службы войск Росгвардии для поиска стимулирующего фактора, способствующего совершенствованию спортивной подготовки обучающихся в кадетских училищах.

Цель статьи состоит в раскрытии результатов поиска инновационных педагогических средств стимулирования спортивной подготовки обучающихся в кадетских училищах Росгвардии. Таким инновационным педагогическим средством стимулирования спортивной подготовки обучающихся выступает внедрение нагрудного знака «За отличие в спорте».

Основные результаты исследования

Для решения задачи совершенствования физической и спортивной подготовки обучающихся в кадетских училищах Росгвардии и стимулирования кадет к активным занятиям по видам спорта, культивируемым в училище, выполнению спортивных разрядов и испытаний (тестов) комплекса ГТО, развития стремления к участию в крупномасштабных спортивных соревнованиях на федеральном и ведомственном уровнях, было принято решение о разработке и внедрении в Росгвардии для обучающихся в кадетских училищах нагрудного знака «За отличие в спорте». Появление нагрудного знака потребовало разработки соответствующего Положения и Требований для награждения нагрудным знаком (далее – нагрудный знак, Положение, Требования) первой, второй или третьей степени [17, 18].

В Спорткомитете Росгвардии предварительно был разработан эскиз геральдических знаков «За отличие в спорте» I, II и III степени. Для разработки Положения и Требований для нагрудного знака трех степеней по инициативе руководства Спортивного комитета Росгвардии была создана рабочая группа (в которую также вошел и автор данной статьи) из числа ведущих специалистов физической культуры и спорта военных институтов и кадетских училищ Росгвардии. При этом было определено, что содержание Положений и Требований для награждения нагрудным знаком Росгвардии должно быть доступным и стать максимально востребованным для всех категорий обучающихся.

Педагогическое предназначение нагрудного знака – стимулирующий фактор к регулярным занятиям физическими упражнениями и спортом, развития стремления к повышению своего уровня спортивной подготовки и достижению максимальных спортивных результатов.

Успехи в спорте связаны с методически грамотно организованными занятиями и тренировками. Методически грамотный подход преподавателя физического воспитания училища и самого кадета к тренировочному процессу в избранном виде спорта всегда должен заключаться в правильном планировании, обязательной и целенаправленной реализации всех направлений, составляющих основу тренировочного процесса в любом виде спорта: общей и специальной физической подготовки, психологической подготовки, технической подготовки, тактической подготовки, методической подготовки, контрольной и соревновательной подготовки. Каждое из названных направлений спортивной подготовки обучающегося играет свою определенную роль на разных этапах учебно-тренировочного процесса.

В начале подготовительного периода в годовом цикле спортивной подготовки кадета к «своим» основным спортивным соревнованиям, выполнению максимально возможного спортивного разряда и норм ГТО и, соответственно, для выполнения Требований к награждению, приоритет в тренировочном процессе по своему виду спорта отдается методической, общефизической и технической подготовке обучающегося (увеличенный объем и интенсивность физической нагрузки по данным направлениям подготовки).

Это определяется тем, что на данном этапе подготовки кадет должен овладеть специальными знаниями и методикой

организации тренировки по своему виду спорта, техническими двигательными навыками и основами тактики, акцентировать направленность занятий на развитие необходимых физических качеств, развивая и совершенствуя общефизическую подготовку.

В основном тренировочном периоде подготовки кадетам необходимо в тренировках до 80 % времени отводить на специальную физическую и технико-тактическую подготовку, периодически проводить контрольные тренировки с выполнением нормативов по физическим упражнениям спортивной классификации и комплекса ГТО. В этом периоде каждая очередная спортивная тренировка должна проводиться на фоне неполного восстановления функциональной и мышечной систем организма кадета после предыдущей нагрузки.

На заключительном этапе тренировочного процесса перед участием кадета в основных (для своего уровня подготовленности) спортивных соревнованиях и перед контрольной сдачей нормативов на спортивный разряд и испытаний комплекса ГТО, основное внимание на занятиях уделяется специальной физической и психологической подготовке, совершенствованию технико-тактических приемов и действий.

Очень важно для кадета на этом предстартовом этапе несколько снизить объем и интенсивность физических нагрузок до полного восстановления всех функциональных и мышечных систем, опорно-двигательного аппарата, что позволит организму быстрее адаптироваться к новым более высоким нагрузкам.

Знание и применение кадетами этих особенностей методики организации тренировочного процесса в спортивной подготовке, основных принципов и методов спортивной тренировки упражнений позволят наиболее качественно организовать и методически грамотно проводить занятия по спорту в целях достижения максимально возможного для данных условий спортивного результата.

С учетом научно-теоретического обоснования, практикуемой в разных видах спорта методики спортивной тренировки и проведенного обсуждения содержания Положения и Требований, автором статьи было разработано содержание первого варианта проекта Положения о нагрудном знаке и Требований, где предлагалось, кроме достижения высоких результатов в спортивных соревнованиях, также учитывать и другие важные критерии, характеризующие разные стороны физической и

спортивной подготовленности обучающегося. Это:

- уровень физической подготовленности каждого кадета (учитывается годовая оценка по предмету «Физическая культура»);

- выполнение обязательных испытаний (тестов) и испытаний (тестов) по выбору комплекса ГТО для своей гендерной категории (мальчики и девочки – 12–15 лет, юноши и девушки – 16–17 лет) и возрастной группы (IV ступень – 12–13 лет, V ступень – 14–15 лет, VI ступень – 16–17 лет);

- выполнение спортивного разряда (кандидат в мастера спорта, I, II или III спортивный разряд) по одному из видов спорта, культивируемых в училище, необходимого для награждения соответствующей степенью нагрудного знака «За отличие в спорте»;

- кроме деления кандидатов на награждение нагрудным знаком соответствующей степени по гендерному признаку, также осуществлять награждение и в трех возрастных категориях (как при возрастной градации в комплексе ГТО): в первой группе 12–13 лет (1 и 2 курсы, это обучающиеся 5–6 классов), во второй группе 14–15 лет (3 и 4 курсы, это обучающиеся 7–8 классов), в третьей группе 16–17 лет (5–7 курсы, это обучающиеся 9–11 классов) [17].

Выполнение обучающимися нормативов I, II или III спортивного разряда и испытаний комплекса ГТО в дальнейшем должны соответствовать и степени присваиваемого нагрудного знака.

Указанные условия для награждения видятся как наиболее приемлемые, поскольку позволяют вовлечь в активные занятия физической подготовкой и спортом наибольшее количество обучающихся 1–7 курсов, то есть будут способствовать повышению массовости и спортивных результатов.

В то же время в данном варианте содержания есть и свои определенные недостатки. Например, способность кадета выполнить «менее сложные» требования для награждения нагрудным знаком третьей или второй степени, чем первой, не будет способствовать его максимальной эффективности в спортивной подготовке, что отразится на спортивных достижениях и сможет привести к формированию такого субъективного психологического качества, как «психология определенной достаточности». Это, в свою очередь, может отразиться и на эффективности в последующей практической или образовательной деятельности выпускника кадетского училища (в период прохождения военной службы по

призыву или в период обучения в военном институте). Поскольку «удовлетворенность» достижением минимально установленного в данных условиях результата (что не противоречит требованиям ФГОС) не будет способствовать его стремлению к постановке для себя максимальной задачи по достижению какой-то важной цели и в практической деятельности. Кроме этого, «массовое» выполнение кадетами Требований скажется и на снижении престижности нагрудного знака, который, по своей сути, должен быть заветной, но недостаточно простой для достижения целью.

Плюсы и минусы представленного варианта Положения и Требований послужили причиной, по которой было предложено более тщательно проанализировать действующее Положение о нагрудном знаке в суворовских и других училищах кадетского типа Министерства Обороны, выявить наиболее позитивные стороны в его реализации на практике и взять все лучшее за основу.

После тщательно проведенного научного анализа был разработан и представлен новый вариант проекта Положения и Требований для награждения нагрудным знаком Росгвардии [18]. Его основное стимулирующее содержание сводится к следующему:

1. Нагрудный знак «За отличие в спорте» является ведомственной наградой Росгвардии.
2. Нагрудный знак имеет три степени отличия: I, II и III степени.
3. Нагрудным знаком награждаются обучающиеся в кадетских училищах Росгвардии:
 - за достижение высоких спортивных результатов;
 - за участие в популяризации юношеского спорта.
4. Награждение нагрудным знаком III степени осуществляется правами начальника кадетского училища.
5. Награждение нагрудным знаком II степени осуществляется правами заместителя директора Росгвардии.
6. Награждение нагрудным знаком I степени осуществляется правами директора Росгвардии.
7. Награждаемым вручается нагрудный знак и удостоверение к нему.
8. Нагрудный знак носится на правой стороне груди.

К требованиям для награждения нагрудным знаком «За отличие в спорте» отнесены следующие.

Для нагрудного знака I степени:

1 место в Чемпионате войск Росгвардии или во всероссийских спортивных соревнованиях и выше.

Для нагрудного знака II степени:

1 место в спортивных соревнованиях республиканского или регионального масштаба.

Для нагрудного знака III степени:

1 место в спортивных соревнованиях в программе Спартакиады кадетского училища.

4. Выполнение Требований учитывается только за текущий учебный год.

5. Награждение проводится в торжественной обстановке в присутствии всего личного состава кадетского училища.

Вывод

Сравнивая разработанные варианты Положения о нагрудном знаке и Требования к награждению, можно заметить, что в конечном варианте будут учитываться только победные достижения, показанные кадетами в официальных спортивных соревнованиях без их разделения на возрастные группы, но с учетом гендерного различия обучающихся. Также не будет учитываться уровень физической подготовленности, выполнение нормативов спортивных разрядов и испытаний (тестов) комплекса ГТО. Вместе с тем, без достижения обучающимися максимально высоких показателей в данных критериях, невозможно будет достичь и максимального спортивного результата в избранном виде спорта.

Таким образом, результативность каждого кадета в спортивных соревнованиях напрямую или косвенно зависит от уровня развития его основных и специальных физических качеств, которые в свою очередь отражаются на успеваемости кадета по предмету «Физическая культура», на выполнении спортивных разрядов и нормативов комплекса ГТО [17].

Внедрение представленного Положения и Требований к награждению нагрудным знаком соответствующей степени для обучающихся в кадетских училищах Росгвардии послужит стимулирующим фактором к совершенствованию физической и спортивной подготовки кадет, внедрению современных методик организации спортивно-массовой работы в кадетских училищах, потребности обучающихся в систематических занятиях физической подготовкой и спортом, в выполнении спортивных разрядов и испытаний (тестов) комплекса ГТО.

Список источников

1. Актуальные проблемы физической культуры и спорта студенческой молодежи. Тезисы докладов Республиканской научно-практической конференции / под. ред. П. К. Петрова. Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2001. 156 с.
2. Бальсевич В. К. Спортивный вектор физического воспитания в российской школе: монография. М. : НИЦ «Теория и практика физической культуры и спорта», 2006. 112 с.
3. Бальсевич В. К. Мотивация как двигатель карьеры / В. К. Бальсевич, Л. И. Лубышева, А. А. Ипатов. М. : ФиС, 2004. 634 с.
4. Боброва Г. В. Значимость занятий спортом в военном самоопределении кадет // Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта. 2017. № 6. С. 29–36.
5. Виноград Д. В. Сущность и структура процесса физического воспитания в суворовских кадетских училищах и кадетских корпусах Министерства обороны Российской Федерации // Международный академический вестник. 2015. № 3. С. 19–22.
6. Волков А. В. Физические способности детей и подростков. М. : Здоровье, 2002. С. 56.
7. Воронов И. В. Особенности спортивной мотивации. Ростов н/Д: Феникс, 2007. 479 с.
8. Ефимов В. В. Воспитание патриотизма у молодежи средствами прикладного спорта: VIII Вневедомственная научно-практическая конференция, посвященная 80-летию образования органов «СМЕРШ». СПб. : Первый пограничный кадетский военный корпус Федеральной службы безопасности Российской Федерации. 2023. С. 21–23.
9. Ефимов В. В. Специальная профессионально-прикладная физическая подготовка курсантов ВООВО войск национальной гвардии: монография / В. В. Ефимов, Н. Н. Цирульников. СПб. : Изд-во СПВИ войск национальной гвардии, 2021. 227 с.
10. Ефимов В. В. Специальная функциональная тренировка курсантов военных образовательных организаций высшего образования войск Росгвардии: монография / В. В. Ефимов, Н. Н. Цирульников. СПб. : Изд-во СПВИ войск национальной гвардии, 2020. 281 с.
11. Гулидов П. В. Комплекс ГТО: от советского периода до наших дней // Справочник руководителя образовательного учреждения. 2014. № 11. С. 14–37.
12. Кабаев И. Е. Организация физкультурно-спортивной работы с допризывной молодежью: межвузовская научно-практическая конференция. СПб.: СПВИ внутренних войск МВД России, 2015. С. 36–40.
13. Коледа В. А. Психология физической подготовки молодежи. Мн. : Польша, 2014. С. 78.
14. Лубышева Л. И. Обоснование эффективности проектирования здоровьесформирующего образовательного пространства школы на основе спортизации физического воспитания / Л. И. Лубышева, Е. А. Черепов // Человек. Спорт. Медицина. 2016. № 2. С. 52–61.
15. Ница А. А. Использование военно-спортивных игр на спортивном празднике с курсантами // VIII Вневедомственная научно-практическая конференция, посвященная 80-летию образования органов «СМЕРШ». СПб. : Первый пограничный кадетский военный корпус Федеральной службы безопасности Российской Федерации, 2023. С. 24–25.
16. Окуньков Ю. В. Всероссийский физкультурно-спортивный комплекс «Готов к труду и обороне» (ГТО) – путь к здоровью и физическому совершенству / Ю. В. Окуньков, А. В. Царик. М. : Спорт, 2016. 234 с.
17. Прокопенко В. В. Один из путей, ведущий к совершенствованию спортивной подготовки обучающихся в кадетских училищах Росгвардии: сборник научных трудов по материалам Всероссийской научно-методической конференции. Пермь: ПВИ войск национальной гвардии, 2024. С. 36–40.
18. Проект Положения о нагрудном знаке «За отличие в спорте». СПб. : Изд-во СПВИ войск национальной гвардии, 2023. 15 с.
19. Прокопенко В. В. Военно-патриотическое воспитание подрастающего поколения средствами специальной физической подготовки. VIII вневедомственная научно-практическая конференция, посвященная 80-летию органов контрразведки «СМЕРШ». СПб. : ФГКОО ППВКУ Федеральной службы безопасности Российской Федерации, 2023. С. 21–25.
20. Прокопенко В. В. Использование средств физической и военно-прикладной подготовки в военно-патриотическом воспитании обучающихся в кадетских училищах Росгвардии / В. В. Прокопенко, Н. Н. Цирульников // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2023. № 2 (23). С. 112–119.
21. Физическая культура в образовательном процессе: Межвузовский сборник научных трудов. Екатеринбург, 2003. 432 с.

22. Физическая культура и спорт в системе образовательной деятельности президентских кадетских училищ Федеральной службы войск национальной гвардии: сборник материалов Всероссийской научно-методической конференции. Пермь, 2023. С. 71–74.

23. Янсон Ю. А. Физическая культура в школе. Научно-педагогический аспект: Книга для педагога. Ростов н/Д: Феникс, 2015. 432 с.

References

1. Aktual'nye problemy fizicheskoy kul'tury i sporta studencheskoj molodezhi. Tezisy dokladov Respublikanskoj nauchno-prakticheskoy konferencii / pod. red. P.K. Petrova. Izhevsk: Izdatel'skij dom «Udmurtskij universitet», 2001. 156 s. (In Russ.).

2. Bal'sevich V. K. Sportivnyj vektor fizicheskogo vospitaniya v rossijskoj shkole: monografiya. M.: NIC «Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury i sporta», 2006. 112 s. (In Russ.).

3. Bal'sevich V. K. Motivaciya kak dvigatel' kar'ery / V. K. Bal'sevich, L. I. Lubysheva, A. A. Ipatov. M.: FiC, 2004. 634 s. (In Russ.).

4. Bobrova G. V. Znachimost' zanyatij sportom v voennom samoopredelenii kadet // Uchenye zapiski universiteta im. P. F. Lesgafta. 2017;6: 29–36. (In Russ.).

5. Vinograd D. V. Sushchnost' i struktura processa fizicheskogo vospitaniya v suvorovskih kadetskih uchilishchah i kadetskih korpusah Ministerstva oborony Rossijskoj Federacii // Mezhdunarodnyj akademicheskij vestnik. 2015;3: 19–22. (In Russ.).

6. Volkov L. V. Fizicheskie sposobnosti detej i podrostkov. M.: Zdorov'e, 2002. S. 56. (In Russ.).

7. Voronov I. V. Osobennosti sportivnoj motivacii. Rostov n/D: Feniks, 2007. 479 s. (In Russ.).

8. Efimov V. V. Vospitanie patriotizma u molodezhi sredstvami prikladnogo sporta: VIII Vnevedomstvennaya nauchno-prakticheskaya konferenciya, posvyashchennaya 80-letiyu obrazovaniya organov «SMERSh». SPb.: Pervyj pogranichnyj kadetskij voennyj korpus Federal'noj sluzhby bezopasnosti Rossijskoj Federacii. 2023. S. 21–23. (In Russ.).

9. Efimov V. V. Special'naya professional'no-prikladnaya fizicheskaya podgotovka kursantov VOOVO vojsk nacional'noj gvardii: monografiya / V. V. Efimov, N. N. Cirul'nikov. SPb.: Izd-vo SPVI vojsk nacional'noj gvardii, 2021. 227 s. (In Russ.).

10. Efimov V. V. Special'naya funkcional'naya trenirovka kursantov voennyh obrazovatel'nyh organizacij vysshego obrazovaniya vojsk Rosgvardii: monografiya / V. V. Efimov, N. N. Cirul'nikov. SPb.: Izd-vo SPVI vojsk nacional'noj gvardii, 2020. 281 s. (In Russ.).

11. Gulidov P. V. Kompleks GTO: ot sovetского периода до наших дней // Spravochnik rukovoditelya obrazovatel'nogo uchrezhdeniya. 2014;11: 14–37. (In Russ.).

12. Kabaev I. E. Organizaciya fizkul'turno-sportivnoj raboty s dopriyuznoj molodezh'yu: mezhvuzovskaya nauchno-prakticheskaya konferenciya. SPb.: SPVI vnutrennih vojsk MVD Rossii, 2015. S. 36–40. (In Russ.).

13. Koleda V. A. Psihologiya fizicheskoy podgotovki molodezhi. Mn.: Polymya, 2014. S. 78. (In Russ.).

14. Lubysheva L. I. Obosnovanie effektivnosti proektirovaniya zdorov'eformiruyushchego obrazovatel'nogo prostranstva shkoly na osnove sportizacii fizicheskogo vospitaniya / L. I. Lubysheva, E. A. Cherepov // Chelovek. Sport. Medicina. 2016;2: 52–61. (In Russ.).

15. Nica A. A. Ispol'zovanie voenno-sportivnyh igr na sportivnom prazdnike s kursantami // VIII Vnevedomstvennaya nauchno-prakticheskaya konferenciya, posvyashchennaya 80-letiyu obrazovaniya organov «SMERSh». SPb.: Pervyj pogranichnyj kadetskij voennyj korpus Federal'noj sluzhby bezopasnosti Rossijskoj Federacii, 2023. S. 24–25. (In Russ.).

16. Okun'kov Yu. V. Vserossijskij fizkul'turno-sportivnyj kompleks «Gotov k trudu i oborone» (GTO) – put' k zdorov'yu i fizicheskomu sovershenstvu / Yu. V. Okun'kov, A. V. Carik. M.: Sport, 2016. 234 s. (In Russ.).

17. Prokopenko V. V. Odin iz putej, vedushchij k sovershenstvovaniyu sportivnoj podgotovki obuchayushchihsya v kadetskih uchilishchah Rosgvardii: sbornik nauchnyh trudov po materialam Vserossijskoj nauchno-metodicheskoy konferencii. Perm': PVI vojsk nacional'noj gvardii, 2024. S. 36–40. (In Russ.).

18. Proekt Polozheniya o nagrudnom znake «Za otlichie v sporte». SPb.: Izd-vo SPVI vojsk nacional'noj gvardii, 2023. 15 s. (In Russ.).

19. Prokopenko V. V. Voенно-patrioticheskoe vospitanie podrastayushchego pokoleniya sredstvami special'noj fizicheskoy podgotovki. VIII vnevedomstvennaya nauchno-prakticheskaya konferenciya, posvyashchennaya 80-letiyu organov kontrazvedki «SMERSh». SPb. : FGKOO PPPVKU Federal'noj sluzhby bezopasnosti Rossijskoj Federacii, 2023. S. 21–25. (In Russ.).

20. Prokopenko V. V. Ispol'zovanie sredstv fizicheskoy i voенно-prikladnoj podgotovki v voенно-patrioticheskom vospitanii obuchayushchihsya v kadetskih uchilishchah Rosgvardii /

V. V. Prokopenko, N. N. Cirul'nikov // Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta vojsk nacional'noj gvardii. 2023;2 (23): 112–119. (In Russ.).

21. Fizicheskaya kul'tura v obrazovatel'nom processe: Mezhvuzovskij sbornik nauchnyh trudov. Ekaterinburg, 2003. 432 s. (In Russ.).

22. Fizicheskaya kul'tura i sport v sisteme obrazovatel'noj deyatel'nosti prezidentskih kadetskih uchilishch Federal'noj sluzhby vojsk nacional'noj gvardii: sbornik materialov Vserossijskoj nauchno-metodicheskoy konferencii. Perm', 2023. S. 71–74. (In Russ.).

23. Yanson Yu. A. Fizicheskaya kul'tura v shkole. Nauchno-pedagogicheskij aspekt: Kniga dlya pedagoga. Rostov n/D: Feniks, 2015. 432 s. (In Russ.).

Информация об авторе

В. В. Прокопенко – кандидат педагогических наук, доцент

Статья поступила в редакцию 18.04.2024;
одобрена после рецензирования 20.05.2024;
принята к публикации 20.06.2024.

Information about the author

V. V. Prokopenko – Candidate of Sciences (Pedagogy), Docent r

The article was submitted 18.04.2024;
approved after reviewing 20.05.2024;
accepted for publication 20.06.2024.

Научная статья

УДК 37.013
EDN: RFZWQS

КАЧЕСТВА ЛИЧНОСТИ ВЫПУСКНИКА ВОЕННОГО ИНСТИТУТА РОСГВАРДИИ
КАК ЦЕЛЬ И РЕЗУЛЬТАТ ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА

Анатолий Петрович Шарухин

Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии, Санкт-Петербург, Россия
apsha@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению вопроса целеполагания в воспитательном процессе военного института Росгвардии. В статье раскрывается актуальность темы. Отмечается, что конечная цель воспитания курсантов представляет собой сложный феномен. Этот феномен может быть смоделирован в процессе целеполагания в виде качеств личности курсанта. Проводится анализ состава компонентов и структуры качества личности курсанта как педагогической цели. Приводится характеристика компонентов качества личности курсанта как задач воспитания. Сделаны выводы о значимости решения проблемы раскрытия качеств личности как цели воспитания.

Ключевые слова: военный институт Росгвардии, система воспитания курсантов, педагогическое целеполагание, качества личности курсанта как педагогическая цель

Для цитирования: Шарухин А.П. Качества личности выпускника военного института Росгвардии как цель и результат воспитательного процесса // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2024. № 2 (27). С. 165–172. URL: <https://vestnik-spvi.ru/2024/06/017.pdf>. EDN: RFZWQS.

Original article

PERSONALITY QUALITIES OF A GRADUATE OF THE ROSGVARDIYA MILITARY INSTITUTE
AS THE GOAL AND RESULT OF THE UPBRINGING PROCESS

Anatoly P. Sharukhin

Saint-Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard Troops, Saint-Petersburg, Russia
apsha@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the issue of goal setting in the upbringing process of the Rosgvardiya Military Institute. The article reveals the theme topicality. It is noted that the ultimate goal of cadets' upbringing is a complex phenomenon. This phenomenon can be modeled in the goal-setting process of in the form of a cadet's personality traits. The analysis of the components and structure of the cadet's personality quality as a pedagogical goal is carried out. The characteristics of the components of the cadet's personality quality as the tasks of upbringing are given. Conclusions are drawn about the importance of solving the problem of revealing personality qualities as a goal of upbringing.

Keywords: the Rosgvardiya Military Institute, the cadets' upbringing system, pedagogical goal-setting, the qualities of a cadet's personality as a pedagogical goal

For citation: Sharukhin A.P. Personality qualities of a graduate of the Rosgvardiya Military Institute as the goal and result of the upbringing process. Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta vojsk nacional'noj gvardii. 2024;2(27): 165–172. (In Russ.). Available from: <https://vestnik-spvi.ru/2024/06/017.pdf>. EDN: RFZWQS.

© Шарухин А.П., 2024

Введение в проблему

Потребность в подготовке статьи, посвященной раскрытию целей воспитания курсантов военных институтов Росгвардии, состоит в том, что воспитательный процесс в военных

институтах Росгвардии выступает объективной необходимостью. Вместе с тем результативность существующих систем воспитания не всегда соответствует предъявляемым требованиям по формированию у обучающихся

необходимых для будущей профессиональной деятельности качеств личности. В то же время общепризнанным является факт, что выпускники военных институтов Росгвардии, безусловно, должны отличаться абсолютной подготовленностью к решению задач, которые предстоит выполнять в соответствии со служебно-должностным предназначением [1]. Для этого они должны обладать комплексом личностно-профессиональных качеств, соответствующих общественным и профессиональным ожиданиям [2].

Ценностной стороной этой идеи выступает мысль о том, что целью и мерой успешности воспитания курсантов является безупречное выполнение ими служебно-должностных обязанностей после выпуска. Одним из основных условий успешной ее реализации выступает обоснованная модель качеств личности будущих выпускников как цели воспитания курсантов [3]. Важность решения научной задачи, связанной с обоснованием и разработкой модели качеств личности выпускника военного института Росгвардии, обусловлена прежде всего тем, что при ее отсутствии фактически невозможно осуществлять деятельность по созданию системы воспитания и организации ее результативного функционирования.

Следует также отметить, что проектирование технологичных процессов воспитания, которые должны быть методологически обоснованы, личностно и профессионально ориентированы, начинается с целеопределения [4]. Качества и компоненты качеств личности будущего выпускника выступают в виде задач более или менее общего порядка. Сформированные качества личности составляют фундамент, на котором формируется профессиональная готовность будущего выпускника к выполнению служебно-должностных функций.

Учитывая сказанное, логичным будет определить в виде цели научной работы выявление и раскрытие структуры профессиональных качеств курсантов на основе принципов антропоцентристской парадигмы и личностно-социально-деятельностного подхода.

Материалы и методы

Обоснование комплекса качеств личности будущих выпускников осуществлялось посредством: опроса офицеров управления воинских частей и соединений, округов войск национальной гвардии Российской Федерации (более 100 человек) и молодых выпускников военных институтов (более 300 человек); анализа нормативных документов, регламентирующих деятельность

выпускников военных институтов Росгвардии и образовательный процесс в военных образовательных организациях высшего образования (далее – ВООВО) Росгвардии; изучения результатов деятельности офицеров ротного звена; анализа научных источников; теоретического моделирования.

Результаты

В процессе педагогического целеполагания (особенно в области воспитания) офицеры-практики далеко не всегда правильно трактуют и используют термины «готовность подчиненного к выполнению поставленных задач» и «качества личности подчиненного». В значительной степени это объясняется неосведомленностью о том, что существуют, во-первых, разные подходы к раскрытию структуры личности (например, речь может идти о динамической или о статической структуре личности – Б. Д. Парыгин [5]); во-вторых, разные по содержанию педагогические задачи (в частности, задачи профессиональной подготовки и задачи воспитания). Поэтому будет вполне обоснованным объяснение того, как соотносятся данные понятия, какова их структура и взаимосвязь.

Применительно к теме статьи необходимо отметить, что выпускники военных институтов Росгвардии должны быть готовы к эффективному решению служебно-профессиональных задач по предназначению. Это означает, что состояние их профессиональной готовности представляет собой единство профессиональной подготовленности (сформированность специальных компетенций) и прежде всего долговременной психологической готовности (комплекс установок и способностей оперативно включиться и результативно решить соответствующие задачи), сформированные после определения профессиональной пригодности (наличие соответствующих требованиям профессиональной деятельности субъектных свойств) будущего выпускника. Практически все офицеры-практики сходятся во мнении о том, что курсантов надо готовить к творческо-продуктивному решению профессиональных задач.

В научной литературе отмечается, что состояние профессиональной готовности охватывает целостного субъекта – носителя деятельности – и четко выражено в его мотивационной, компетентностной, саморегуляционно-волевой готовности [6] – [9]. Для образовательного процесса в военном институте из этого необходимо сделать следующие выводы:

Рисунок – Модель взаимосвязи личностно-профессиональной надежности выпускника военного института и профессиональной готовности офицера к осуществлению управленческой, педагогической, военно-специальной, хозяйственно-бытовой деятельности

Figure – A model of the relationship between the personal and professional reliability of a graduate of a military institute and the professional readiness of an officer to carry out managerial, pedagogical, military-special, household activities

- под профессиональной готовностью будущего выпускника понимается функциональное состояние вновь сформированных и развитых психологических структур (мотивационной, компетентностной, саморегуляционно-волевой), выступающих системным образованием и динамическим проявлением комплекса качеств личности: нравственной надежности (офицерские долг и честь, профессиональные ответственность и мужество, государственный патриотизм, офицерское достоинство), профессиональной надежности (целеустремленность, компетентность, творческий подход, решительность, настойчивость, самоорганизованность), общекультурной и эстетической развитости (соблюдение правил общего и служебного этикета, радость от отождествления себя с красотой военной службы) [10];

- педагогические задачи, решаемые для достижения поставленной цели (профессиональной готовности), заключаются в формировании высокого уровня мотивационной, компетентностной, саморегу-

ляционно-волевой готовности будущих выпускников, так как каждый из этих видов готовности входит в компонентный состав профессиональной готовности.

Важно отметить, что уровень профессиональной готовности к творческо-продуктивному решению будущих служебно-должностных задач зависит от степени сформированности профессиональных качеств личности у курсанта (рисунок 1).

Возникает вопрос: что такое профессиональные качества личности будущего выпускника?

Анализ определений, приведенных в научной литературе [11] – [15], свидетельствует о существовании двух точек зрения на сущность «качества»:

качество как самобытность, отличительная сущностная реальность, характеристика, отражающая оригинальную определенность объекта;

качество как ценность, конкретная полезность свойств объекта, позволяющая удовлетворить существующие потребности общества, сообщества, человека (таблица).

Таблица – Определение «качества» в философских, экономических, социальных и гуманитарных науках

Table – Definition of "quality" in philosophical, economic, social and humanitarian sciences

Наука	Определение качества
Философия	Специфика, существенная определенность объектов реального мира, благодаря которой они являются тем, что есть, отличающая их друг от друга и проявляющаяся через свойства, которые познаются через взаимодействие человека с объектами
Экономика	Существенная характеристика объектов, отражающая их способность удовлетворить те или иные потребности человека. Степень достоинства, ценности, пригодности объекта
Социология	Целостное социальное свойство человека как представителя определенного класса, страты, группы. Его положительная или отрицательная характеристика
Культурология	Свойство человека как единичного воплощения исторически определенной культуры и конкретного выразителя системы общественных отношений в процессе выполнения возложенных на него функций
Психология	Биологически и социально обусловленное образование, предопределяющее устойчивое поведение человека в различных ситуациях

Очевидно, что курсант как будущий руководитель подразделения – это суперсложный феномен, который:

с одной стороны, представляет собой отдельного, самобытного, реального человека, обладающего оригинальными физическими, интеллектуальными, мотивационными, эмоционально-чувственными, волевыми, моральными и другими свойствами и качествами, своим стилем общения и профессиональной деятельности;

с другой стороны, выступает представителем российского общества, профессионального сообщества, семьи и т. д., которые ожидают от него вполне определенного социального (профессионального) поведения, отвечающего их потребностям и культурным образцам (соответственно, если поведение курсанта отвечает общесоциальным и профессиональным потребностям, то оно оценивается обществом и профессиональным сообществом как полезное и достойное уважения);

с антропологической точки зрения курсант обладает всеми общечеловеческими свойствами.

В социальных и гуманитарных науках при определении феномена «качество личности» акцент делается на учет всех сторон.

Механизм формирования, развития и проявления качеств личности раскрыт выдающимися советскими учеными-психологами: С. Л. Рубинштейном [16], А. Н. Леонтьевым [17], Б. Г. Ананьевым [18], К. К. Платоновым [19], В. Д. Небылицыным [20], В. Д. Мясищевым [21] и другими, качества формируются и

развиваются в процессе осознанно осуществляемой, лично и общественно значимой деятельности, реализуемой в системе сложившихся отношений и обстоятельств; качества проявляются в поступках социального поведения личности и отражают ее взгляды, убеждения, идеалы, ценности, привычки. Педагогика высшего профессионального образования в системе войск национальной гвардии рассматривает профессиональные качества личности курсанта как цель образовательного процесса (планируемый результат) и понимает под ними неотъемлемую, базисную, стабильную, интегративную личностную характеристику.

Что отражает данная характеристика?

1) Сущностную определенность – целостную, структурированную, многоаспектную, проявляющуюся прежде всего в статусно-ролевой области в сфере общественного взаимодействия как надежность (нравственную и профессиональную).

2) Органическую связь надежности с культурно-эстетической развитостью будущего офицера.

3) Особенности статусно-ролевого взаимодействия выпускника с социумом, состоящую в его служении обществу [22].

4) Константность нравственной и профессиональной составляющих с позиции безусловного и качественного выполнения офицерского долга.

5) Нужность (полезность) и безусловную ценность нравственного, профессионального и культурно-эстетического формирования и развития будущих офицеров.

6) Деятельную сторону формирования и развития качеств личности будущих офицеров в учебной, служебной, культурно-досуговой, хозяйственно-бытовой, внутригрупповой деятельности. Реализация качеств осуществляется в виде поступков и реализации своих взглядов, убеждений, идеалов и ценностей во всех видах деятельности [23]

7) Связь между качествами личности курсанта и профессиональной готовностью выпускника, которая отчетливо проявляется в сходстве их структур, включающих: мотивационный компонент; компетентностный компонент, саморегуляционный компонент. В свою очередь, каждый из компонентов качеств личности курсанта состоит из комплекса блоков, от функционального состояния которых зависит как функциональное состояние структурного компонента качества личности курсанта, так и функциональное состояние готовности в целом. Профессиональная готовность выпускника выступает одновременно характеристикой динамической структуры личности и «срезом» состояния качеств на определенный отрезок времени.

Структура качества личности курсанта включает:

- мотивационный компонент («Я-личности»), потребности, цели, мировоззрение, эмоции и чувства, установки), выполняющий функции побуждений, осуществления выбора поступка, его динамической регуляции;

- волевой компонент, выполняющий функции саморегуляции в условиях: компенсации недостатка (или устранения избытка) мотивирующих сил – влечений, желаний; обеспечения своевременности принятия решения (при возникновении конфликта между мотивами, между целями или способами их достижения); необходимости сохранения выдержки/хладнокровия, бдительности и терпения (особенно в стрессогенных ситуациях);

- интеллектуально-творческий компонент, состоящий из: общего и профессионального кругозора; способности анализировать и генерировать актуальные, нестандартные, но в то же время реальные идеи; умения моделировать обоснованное решение, планы по его реализации; оптимального функционирования психических познавательных процессов;

8) поведенческий компонент – накопленный курсантом опыт (знания, умения, навыки, компетенции, привычки в речевой и предметно-практической деятельности) [24];

психофизиологический компонент – задатки и темпераментные особенности.

Интеллектуально-творческий, поведенческий и психофизиологический компоненты входят в состав компетентностных структур.

В профессиональных качествах будущего выпускника, как базы профессиональной готовности к эффективному выполнению возложенных на него служебно-должностных обязанностей, мотивационный компонент [25] наполнен нравственным, правовым, предметно-содержательным и культурно-эстетическим содержанием и в функциональном плане выступает как мотивационная готовность. Под мотивационной готовностью будущего выпускника к творческо-продуктивному решению профессиональных задач следует понимать функциональное состояние сформированных у него психологических структур, отвечающих за:

проявление активности и инициативы в решении управленческих, педагогических, военно-специальных, хозяйственно-бытовых задач и задач по самосовершенствованию;

моральное, правовое, предметно-содержательное и культурно-эстетическое обоснование планируемых результатов деятельности, выбора общей стратегии поведения и совершения конкретно-ситуативных поступков;

рефлексивно-чувственные переживания наступивших последствий поступков;

идентификацию своего профессионального «Я» с моральными ценностями;

развитие привычек морального, правового, культурно-эстетического поведения.

В профессиональных качествах будущего выпускника, как базы профессиональной готовности к эффективному выполнению возложенных на него служебно-должностных обязанностей, компетентностный компонент [26] также наполнен нравственным содержанием и в функциональном плане выступает как компетентностная готовность. Под компетентностной готовностью офицера к творческо-продуктивному решению профессиональных задач следует понимать функциональное состояние сформированных у него таких психологических структур, как:

кругозор (общий, профессиональный);

аналитико-синтетические, творческо-прогностические, моделирующие умения, связанные с управленческой, педагогической, военно-специальной и хозяйственно-бытовой деятельностью;

умение осуществлять нравственно-правовую, культурно-эстетическую, педагогическую и предметно-специальную диагностику действий, направленных на выполнение принятого

решения, объективно оценивать получаемые результаты и вносить коррективы, не выходя за «координаты нравственной, профессиональной, культурно-эстетической надежности».

В профессиональных качествах будущего выпускника, как базы профессиональной готовности к эффективному выполнению возложенных на него служебно-должностных обязанностей, саморегуляционно-волевой компонент [27] включает в себя самоорганизацию, самоконтроль и в функциональном плане выступает как саморегуляционная готовность. Под саморегуляционной готовностью офицера к творческо-продуктивному решению профессиональных задач следует понимать функциональное состояние сформированных у него психологических структур, отвечающих за:

самоконтроль мотивационного, интеллектуального, эмоционального, волевого и физического состояния, нравственно-правовых, культурно-эстетических, операциональных аспектов поведения;

своевременность и скоординированность интеллектуальных процессов и практических действий.

Выводы

Актуальность рассматриваемой темы обусловлена необходимостью повышения педагогического мастерства профессорско-преподавательского, командного и военно-политического состава военных институтов Росгвардии.

При осуществлении целеполагания необходимо понимать, что между профессиональной готовностью выпускника военного института и профессиональными качествами личности курсанта существует неразрывная связь. Профессиональная готовность выступает динамическим проявлением профессиональных качеств личности будущего выпускника. Разница в структурно-функциональном составе не является принципиальной и существует за счет разных теоретических подходов к их моделированию.

Представленная принципиальная модель структуры качества личности позволяет разработать детализированный образец различных качеств для курсантов, обучающихся по разным направлениям и специальностям.

Список источников

1. Шарухин А. П. Педагогическое мастерство выпускников военных институтов Росгвардии как результат образовательного процесса: функционально-ролевой анализ и критерии оценки / А. П. Шарухин, Т. Г. Шарухина // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2020. № 3 (35). С. 274–288. URL: http://vestospu.ru/archive/2020/articles/20_35_2020.pdf. (дата обращения: 06.05.2024). DOI: <https://doi.org/10.32516/2303-9922.2020.35.20>.
2. Общевоинские уставы Вооруженных Сил Российской Федерации. М. : Эксмо, 2013. 624 с.
3. Сергеев Н. К. О некоторых основах построения системы целей формирования качеств личности / Н. К. Сергеев, В. П. Сергиенко // Органическое единство учебного и воспитательного процессов: сб. науч. тр. Волгоград: ВГПИ им. А. С. Серафимовича, 1982. 167 с.
4. Егорова Ю. А. Педагогическое целеполагание: сущностные характеристики // Теория и практика общественного развития. 2013. № 7. С. 80–85.
5. Парыгин Б. Д. Социальная психология. Проблемы методологии, истории и теории. СПб. : ИГУП, 1999. 592 с.
6. Дьяченко М. И. Психологические проблемы готовности к деятельности / М. И. Дьяченко, Л. А. Кандыбович. Минск: Изд-во БГУ, 1976. 176 с.
7. Коренева Е. Н. Понятие «профессиональная готовность» в научной литературе / Е. Н. Коренева, М. Н. Киреев // Альманах современной науки и образования. 2012. № 8 (63). С. 74–76. URL: https://www.gramota.net/articles/issn_1993-5552_2012_8_25.pdf (дата обращения: 10.05.2024).
8. Аринушкина Н. С. Психологические компоненты профессиональной готовности студентов / Н. С. Аринушкина, М. В. Сивохин // Профессиональная ориентация: электронный научный журнал. 2018. № 1. URL: <https://careerjourney.ru/wp-content/uploads/2019/09/psihologicheskie-komponenty-professionalnoy-gotovnosti-studentov-2.pdf> (дата обращения: 10.05.2024).
9. Санжаева Р. Д. Психологические механизмы формирования готовности человека к деятельности: дис. ... д-ра психол. наук: 19.00.01 / Санжаева Раиса Дмитриевна. Новосибирск, 1997. 354 с.
10. Шарухин А. П. Система воспитания военнослужащих и сотрудников подразделений войск национальной гвардии Российской Федерации // Мир образования, образование в

мире. 2023. № 3 (91). С. 128–138. (дата обращения: 02.05.2024). DOI: 10.51944/20738536_2023_3_128.

11. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. М. : ООО «А ТЕМП», 2006. 944 с.

12. Российская педагогическая энциклопедия: в 2 т. М. : Большая рос. энцикл., 1994–1999. URL: <https://docs.google.com/file/d/0B11HJnXhosBTampjV3dfT3IVaUk/preview?resourcekey=0-01HxRNiKcJWQzefgASmEyA> (дата обращения: 10.05.2024).

13. Толковый словарь русского языка / под ред. Д. В. Дмитриева. М. : Астрель, 2003. 989 с.

14. Психология. Полный энциклопедический справочник / сост. и общ. ред. Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. СПб. : Прайм-ЕВРОЗНАК, 2007. 896 с.

15. Философия: Энциклопедический словарь / под ред. А. А. Ивина. М. : Гардарики, 2004. 1072 с.

16. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. 2-е изд. СПб. : Питер, 2009. 720 с.

17. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М. : Политиздат, 1975. 304 с.

18. Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. СПб. : Изд-во «Питер», 2001. 288 с.

19. Платонов К. К. Структура и развитие личности. М., 1986. 256 с.

20. Небылицын В. Д. Проблемы психологии индивидуальности: избранные психологические труды. М. : МОДЭК, МПСИ, 2000. 688 с.

21. Мясичев В. Н. Психология отношений: избранные психологические труды / под ред. А. А. Бодалева. М. : Изд-во Московского психолого-социального ин-та; Воронеж: МОДЭК, 2011. 398 с.

22. Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» // Российская газета. 2016. 6 июля.

23. Шарухина Т. Г. Воспитание государственного патриотизма у курсантов военных институтов Росгвардии в процессе изучения иностранному языку // Международный научно-исследовательский журнал: сетевой журнал. 2023. № 7 (133). URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=54206456> (дата обращения: 08.05.2024). DOI: 10.23670/IRJ.2023.133.57.

24. Бурцев А. Н. Личностно-центрированная технология педагогической подготовки слушателей командного факультета военной академии к эффективному решению воспитательных задач в войсках национальной гвардии Российской Федерации // Новое в психолого-педагогических исследованиях. 2022. № 3 (66). С. 30–37. DOI: 10.51944/20722516_2022_3_30.

25. Ильин Е. П. Мотивация и мотивы. СПб. : Питер, 2002. 508 с.

26. Афанасьева Т. В. Компонентная модель компетенций в оценке качества результата образования / Афанасьева Т. В., Афанасьева Н. А. // Вестник Ульяновского государственного технического университета. 2006. № 4. С. 9–14.

27. Чекалина М. С. Саморегуляция и ее компоненты как условие готовности к профессиональному самоопределению // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2020. Т. 26. № 1. С. 65–71. DOI 10.34216/2073-1426-2020-26-1-65-71.

References

1. Sharuhin A. P. Pedagogical skills of graduates of Rosgvardiya military institutes as a result of the educational process: functional role analysis and evaluation criteria / A. P. Sharuhin, T. G. Sharuhina // Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Elektronnyj nauchnyj zhurnal. 2020;3 (35): 274–288. Available from: http://vestospu.ru/archive/2020/articles/20_35_2020.pdf. (data obrashcheniya: 06.05.2024). DOI: <https://doi.org/10.32516/2303-9922.2020.35.20>. (In Russ.).

2. Obshchevoinskie ustavy Vooruzhennyh Sil Rossijskoj Federacii. M. : Eksmo, 2013. 624 s. (In Russ.).

3. Sergeev N. K. O nekotoryh osnovah postroeniya sistemy celej formirovaniya kachestv lichnosti / N. K. Sergeev, V. P. Sergienko // Organicheskoe edinstvo uchebnogo i vospitatel'nogo processov: sb. nauch. tr. Volgograd: VGPI im. A. S. Serafimovicha, 1982. 167 s. (In Russ.).

4. Egorova Yu. A. Pedagogical goal-setting: essential characteristics // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. 2013;7: 80–85. (In Russ.).

5. Parygin B. D. Social'naya psihologiya. Problemy metodologii, istorii i teorii. SPb. : IGUP, 1999. 592 s. (In Russ.).

6. D'yachenko M. I. Psihologicheskie problemy gotovnosti k deyatelnosti / M. I. D'yachenko, L. A. Kandybovich. Minsk: Izd-vo BGU, 1976. 176 s. (In Russ.).

7. Koreneva E. N. The concept of "professional readiness" in the scientific literature / E. N. Koreneva, M. N. Kireev // Al'manah sovremennoj nauki i obrazovaniya. 2012;(63): 74–76. Available from:

https://www.gramota.net/articles/issn_1993-5552_2012_8_25.pdf (data obrashcheniya: 10.05.2024). (In Russ.).

8. Arinushkina N. S. Psychological components of students' professional readiness / N. S. Arinushkina, M. V. Sivohin // Professional'naya orientatsiya: elektronnyy nauchnyy zhurnal. 2018;1. Available from: <https://careerjourney.ru/wp-content/uploads/2019/09/psihologicheskie-komponenty-professionalnoy-gotovnosti-studentov-2.pdf> (data obrashcheniya: 10.05.2024). (In Russ.).

9. Sanzhaeva R. D. Psihologicheskie mekhanizmy formirovaniya gotovnosti cheloveka k deyatel'nosti: dis. ... d-ra psiol. nauk: 19.00.01 / Sanzhaeva Raisa Dmitrievna. Novosibirsk, 1997. 354 s. (In Russ.).

10. Sharuhin A. P. The system of education of military personnel and employees of units of the National Guard of the Russian Federation // Mir obrazovaniya, obrazovanie v mire. 2023;3 (91): 128–138. (data obrashcheniya: 02.05.2024). DOI: 10.51944/20738536_2023_3_128. (In Russ.).

11. Ozhegov S. I. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenij / S. I. Ozhegov, N. Yu. Shvedova. M. : OOO «A TEMP», 2006. 944 s. (In Russ.).

12. Rossijskaya pedagogicheskaya enciklopediya: v 2 t. M. : Bol'shaya ros. encikl., 1994–1999. Available from: <https://docs.google.com/file/d/0B11HJnXhosBTampjV3dft3IVaUk/preview?resourcekey=0-01HxRNiKcJWQzefgASmEyA> (data obrashcheniya: 10.05.2024). (In Russ.).

13. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka / pod red. D. V. Dmitrieva. M. : Astrel', 2003. 989 s. (In Russ.).

14. Psihologiya. Polnyj enciklopedicheskij spravocnik / sost. i obshch. red. B. G. Meshcheryakova, V. P. Zinchenko. SPb. : Prajm-EVROZNAK, 2007. 896 s. (In Russ.).

15. Filosofiya: Enciklopedicheskij slovar' / pod red. A. A. Ivina. M. : Gardariki, 2004. 1072 s. (In Russ.).

16. Rubinshtejn S. L. Osnovy obshchej psihologii / S. L. Rubinshtejn. 2-e izd. SPb. : Piter, 2009. 720 s. (In Russ.).

17. Leont'ev A. N. Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'. M. : Politizdat, 1975. 304 s. (In Russ.).

18. Anan'ev B. G. Chelovek kak predmet poznaniya. SPb. : Izd-vo «Piter», 2001. 288 s. (In Russ.).

19. Platonov K. K. Struktura i razvitie lichnosti. M., 1986. 256 s. (In Russ.).

20. Nebylicyn V. D. Problemy psihologii individual'nosti: izbrannye psihologicheskie trudy. M. : MODEK, MPSI, 2000. 688 s. (In Russ.).

21. Myasishchev V. N. Psihologiya otnoshenij: izbrannye psihologicheskie trudy / pod red. A. A. Bodaleva. M. : Izd-vo Moskovskogo psihologo-social'nogo in-ta; Voronezh: MODEK, 2011. 398 s. (In Russ.).

22. Federal'nyj zakon ot 3 iyulya 2016 g. № 226-FZ «O vojskah nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii» // Rossijskaya gazeta. 2016. 6 iyulya. (In Russ.).

23. Sharuhina T. G. Education of state patriotism among cadets of the military institutes of the Russian Guard in the process of learning a foreign language // Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal: setevoy zhurnal. 2023;7 (133). Available from: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=54206456> (data obrashcheniya: 08.05.2024). DOI: 10.23670/IRJ.2023.133.57. (In Russ.).

24. Burcev A. N. Personality-centered technology of pedagogical training of students of the command faculty of the Military Academy for the effective solution of educational tasks in the troops of the National Guard of the Russian Federation // Novoe v psihologo-pedagogicheskikh issledovaniyah. 2022;3 (66): 30–37. DOI: 10.51944/20722516_2022_3_30. (In Russ.).

25. Il'in E. P. Motivatsiya i motivy. SPb. : Piter, 2002. 508 s. (In Russ.).

26. Afanas'eva T. V. Komponentnaya model' kompetencij v ocenke kachestva rezul'tata obrazovaniya / T. V. Afanas'eva, N. A. Afanas'eva // Vestnik Ul'yanovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. 2006;4: 9–14.

27. Chekalina M. S. Samoregulyatsiya i ee komponenty` kak uslovie gotovnosti k professional'nomu samoopredeleniyu // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psihologiya. Sociokinetika. 2020. T. 26;1: 65–71. DOI 10.34216/2073-1426-2020-26-1-65-71.

Информация об авторе

А. П. Шарухин – доктор педагогических наук, профессор

Статья поступила в редакцию 13.05.2024;
одобрена после рецензирования 31.05.2024;
принята к публикации 20.06.2024.

Information about the author

A. P. Sharukhin – Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor

The article was submitted 13.05.2024;
approved after reviewing 31.05.2024;
accepted for publication 20.06.2024.

Научная статья

УДК 37.026.3:519.2

EDN: RZAZJF

МАТЕМАТИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ ОБРАБОТКИ СТАТИСТИЧЕСКИХ ДАННЫХ ОПЫТНО-ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ КУРСАНТОВ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В ВЫСШЕЙ ВОЕННОЙ ШКОЛЕ

Марина Романовна Ванягина¹, Алексей Иванович Примакин²

^{1, 2} Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии, Санкт-Петербург, Россия

¹ marmalkina@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8492-3520>

² a.primakin@mail.ru

Аннотация. В статье представлен один из важных аспектов проведения педагогического эксперимента – применение математических методов статистической обработки данных экспериментального обучения на примере профессионально ориентированного иноязычного обучения курсантов военных образовательных организаций согласно авторской концепции. Рассматривается проверка валидности научных гипотез и эффективности концепции иноязычного обучения на основании применения математических алгоритмов в среде интегрированного математического пакета Mathcad при обработке результатов педагогического эксперимента. Сравнение статистических показателей выборок по экспериментальным и контрольным группам, расчет статистических критериев и сравнение их с критическими значениями позволяют при заданном уровне значимости принять или отвергнуть соответствующие гипотезы, тем самым оценить валидность выборки обучающихся для проведения экспериментального обучения или эффективность применяемой методики.

Ключевые слова: педагогический эксперимент, иноязычное обучение, высшая военная школа, статистические гипотезы и критерии, алгоритмы обработки статистической информации, интегрированный математический пакет Mathcad

Для цитирования: Ванягина М.Р., Примакин А.И. Математический инструментарий обработки статистических данных опытно-экспериментального обучения курсантов иностранному языку в высшей военной школе // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2024. № 2 (27). С. 173–185. URL: <https://vestnik-spvi.ru/2024/06/018.pdf>. EDN: RZAZJF.

THEORY AND METHODOLOGY OF EDUCATION (BY FIELDS AND LEVELS OF EDUCATION)

Original article

MATHEMATICAL TOOLS FOR PROCESSING STATISTICAL DATA OF EXPERIMENTAL FOREIGN LANGUAGE TEACHING OF THE HIGHER MILITARY SCHOOL CADETS

Marina R. Vanyagina¹, Alexey I. Primakin²

^{1, 2} Saint-Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard Troops, Saint-Petersburg, Russia

¹ marmalkina@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8492-3520>

² a.primakin@mail.ru

Abstract. The article considers one of the important aspects of the pedagogical experiment – the application of mathematical methods of statistical processing of experimental teaching data on the example of professionally oriented foreign language teaching of the cadets of military educational organizations according to the author's conception. The paper deals with the verification of the scientific hypotheses validity and the effectiveness of the foreign language teaching conception based on mathematical algorithms application in the program of the integrated mathematical package Mathcad when processing the results of the pedagogical experiment. The comparison of statistical indicators of samples of experimental and control groups, calculation of statistical criteria and their comparison with critical values allow accepting or rejecting the relevant hypotheses according to the certain level of significance, thereby assessing the validity of the sample of students for experimental teaching or the effectiveness of the applied methodology.

Keywords: pedagogical experiment, foreign language teaching, higher military school, statistical hypotheses and criteria, algorithms of processing statistical information, integrated Mathcad mathematical package

For citation: Vanyagina M.R., Primakin A.I. Mathematical tools for processing statistical data of experimental foreign language teaching of the higher military school cadets. Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta vojsk nacional'noj gvardii. 2024;2(27): 173–185. (In Russ.). Available from: <https://vestnik-spvi.ru/2024/06/018.pdf>. EDN: RZAZJF.

© Ваягина М.Р., Примакин А.И., 2024

Введение

Опытно-экспериментальное обучение как один из видов педагогического эксперимента призвано доказать на практике состоятельность научной гипотезы педагога-исследователя. Несмотря на то, что исследования в педагогической науке могут преследовать разные цели и быть весьма разноплановыми, если «исследование связано с изменениями в процессе обучения и воспитания, то эксперимент обязателен» [1, С. 350]. Для фиксации изменений в ходе проведения эксперимента применяется валидный математический инструментарий. В данной статье мы рассматриваем важный аспект проведения педагогического эксперимента, связанный с математической обработкой данных, на примере опытно-экспериментального профессионально ориентированного иноязычного обучения курсантов высшей военной школы для верификации авторской концепции.

Педагогический эксперимент представляет собой «научно организованный опыт преподавания в некотором количестве групп (классов) испытуемых обучающихся, проводимый с целью проверки выдвинутых научно-методических положений, принципов, гипотез» [2, С. 5]. Эксперимент связан с новыми способами организации процесса обучения и воспитания. К ним могут относиться «разработка и опробование новых программ обучения, освоение нетрадиционных технологий или методик» [3, С. 84] и др. Педагогический эксперимент состоит из нескольких этапов: планирующего, практического, аналитического и внедренческого [4].

На первом планирующем этапе выдвигается гипотеза, разрабатывается концепция эксперимента, определяются его цели, задачи, этапы, участники, площадка, форма проведения, используемый диагностический инструментарий.

Практический этап – непосредственное проведение экспериментального обучения выбранных обучающихся. Выборка обучающихся, как правило, состоит из двух групп. Первая группа (экспериментальные группы) представлена теми, к кому будет применена авторская методика, а вторая

группа (контрольные группы) служит образцом для сравнения итоговых результатов обучения и воспитания: «чтобы выделить в явном виде результат целенаправленного воздействия на исследуемый объект, необходимо взять аналогичный объект и посмотреть, что происходит с ним в отсутствии воздействий» [5, С. 9].

На этапе выбора групп перед исследователем стоят две важные задачи. Первая связана с необходимостью определить возможность представления с помощью данной выборки всей генеральной совокупности обучающихся в рамках исследования. Вторая призвана показать, что экспериментальные и контрольные группы имеют примерно равный в пределах погрешности показатель того качества, свойства, компетенции, которые необходимо развивать в процессе эксперимента, для чего проводится входной срез по искомому качеству. Обе эти задачи решаются с помощью математических методов обработки статистических данных.

На третьем аналитическом этапе проводится итоговый срез, исследователь констатирует и анализирует полученные в результате эксперимента данные и делает выводы о состоятельности гипотезы. Как правило, ожидается, что в экспериментальных группах прогресс более значительный, чем в контрольных, тогда можно утверждать, что авторская методика показала свою эффективность. В данном случае также используется диагностический инструментарий с применением математических методов. Диагностический инструментарий основан на «показателях – наблюдаемых и поддающихся фиксации результатам» [4, С.127], которые измеряются по определенным критериям, обоснованных автором методики. На основании критериев показателей устанавливается уровень рассматриваемого качества обучающихся. В рамках данного исследования у курсантов определялся уровень владения иноязычной коммуникативной компетенцией.

Применение математических методов обработки статистических данных педагогического эксперимента целесообразно

проводить «с использованием программно-инструментальных средств, что позволит наладить эффективную работу по отслеживанию динамики развития каждой компетенции обучающегося, учебной группы» [6, С. 23]. В связи с этим в статье описываются алгоритмы проверки статистических гипотез опытно-экспериментального иноязычного обучения курсантов в среде интегрированного математического пакета Mathcad, что способствует автоматизации обработки результатов эксперимента.

Материалы и методы

Рассматривается эмпирический метод педагогического исследования – опытно-экспериментальное обучение, в частности, один из его важных аспектов, который является сложным для представителей гуманитарных наук и поэтому вызывает необходимость тщательного рассмотрения, это математические методы обработки статистических данных педагогического эксперимента.

Педагогический эксперимент в виде опытно-экспериментального обучения иностранному языку курсантов Санкт-Петербургского военного ордена Жукова института войск национальной гвардии и Михайловской военной артиллерийской академии осуществлялся для верификации научной гипотезы в ходе практической апробации концепции профессионально ориентированного иноязычного обучения в высшей военной школе в 2017–2022 гг. Концепция основана на интегративно-рекомбинационном подходе и реализации комплекса педагогических технологий, обусловленных характеристиками военной образовательной среды [7]. Организация экспериментального обучения осуществлялась согласно классическим положениям теории педагогического эксперимента [2–5], было смоделировано иноязычное обучение в группах с описанными в авторской концепции характеристиками и педагогическими условиями обучения.

Диагностический инструментальный оценивания уровня иноязычной коммуникативной компетенции основывается на авторской методике, опирающейся на разработки в области создания экзамена по профессионально ориентированной иноязычной коммуникативной компетентности выпускников вузов [8], с учетом комплексирования 100-балльной системы оценивания коммуникативных заданий, шкалы общеевропейских компетенций владения иностранным языком от A1 до C2 (CEFR) и шкалы уровней владения английским языком военных специалистов по

международному договору STANAG 6001 [9]. Статистические данные эксперимента на основании балльных показателей выполнения курсантами коммуникативных заданий просчитывались с помощью математического инструментария в программе Mathcad.

В качестве математического инструментария опытно-экспериментального обучения курсантов иностранному языку в высшей военной школе предлагается использовать алгоритмы и процедуры статистической обработки опытных данных, в частности, в области выдвижения предположений и проверки статистических гипотез относительно основных оценок исследуемых параметров (статистик) – количественных признаков генеральной совокупности [10, 11].

Статистическая гипотеза связана с возможностью распространения результатов обработки выборки на всю генеральную совокупность исследуемых объектов с учетом определенного уровня значимости, т. е. с возможностью ошибиться не более чем на 5 % ($\alpha = 0,05$) относительно уровня владения иностранным языком курсантами и степенью развития у них иноязычной коммуникативной компетенции [12].

В рамках данной статьи важна однородность или отсутствие таковой у выборок контрольной и экспериментальной групп до начала и после опытно-экспериментального обучения курсантов иностранному языку [13].

Основные положения

На начальном этапе опытно-экспериментального обучения перед нами стояла задача создать две валидные выборки из курсантов для участия в педагогическом эксперименте. Были сформированы две выборки, в каждой из которых было по 150 обучающихся, т. е. каждая выборка состояла из десяти экспериментальных групп (первая выборка – x_1) и десяти контрольных групп (вторая выборка – x_2) по 15 курсантов в каждой группе. На данном этапе эксперимента также необходимо было определить уровень языковой подготовки выбранных курсантов. Для этого был проведен входной срез, состоящий из трех заданий: лексико-грамматического теста, коммуникативного задания и задания на работу с информацией из текста. Максимальное количество баллов, выполненных за все задания курсантами, составило 100. После подсчета баллов за выполненные задания у каждого курсанта с привлечением экспертов, данные обрабатывались с помощью математического инструментария.

Последовательность применяемого математического инструментария сводилась к следующим этапам статистической обработки сформированных выборок [14, 15]:

1. Нахождение числовых характеристик исследуемой случайной величины – характеристики положения (средние значения количества баллов, полученных курсантами) и рассеяния (дисперсии и средние квадратические отклонения). Поскольку обработка результатов опытно-экспериментального обучения курсантов проводилась в среде интегрированного математического пакета

Mathcad, целесообразно привести соответствующие обозначения переменных и встроенных в программу функций: средних выборочных ($\bar{x}_1, \bar{x}_2 - \text{mean}(x)$); дисперсий ($SS_1, SS_2 - \text{Var}(x)$); средних квадратических отклонений по каждой из выборок ($S_1, S_2 - \text{Stdev}(x)$) [16, 17].

Результаты статистической обработки двух сформированных выборок, выполненной в программе Mathcad, представлены на рисунке 1.

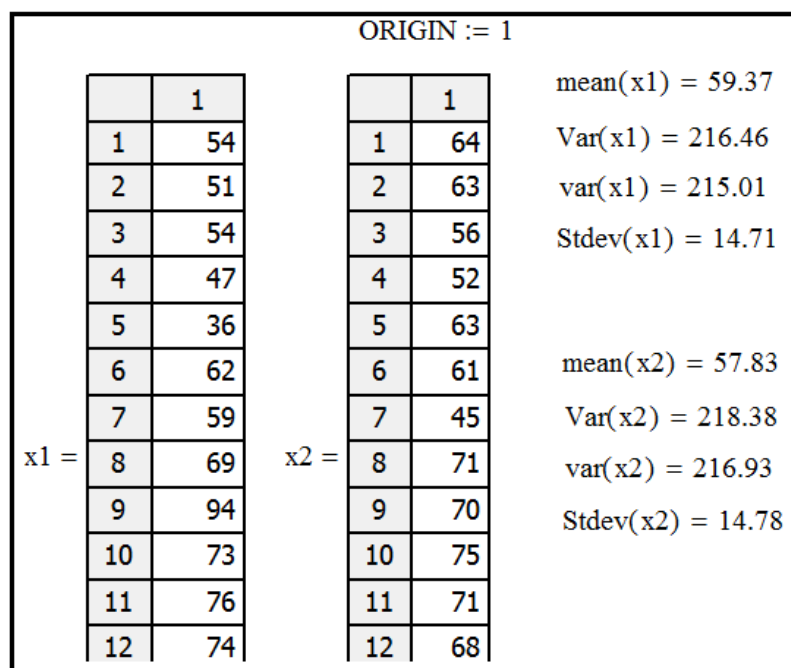

Рисунок 1 – Результаты статистической обработки двух сформированных выборок

Figure 1 – The results of statistical processing of two generated samples

2. Нахождение доверительных интервалов для математических ожиданий m_1 и m_2 двух генеральных совокупностей по $\bar{x}_1$ и $\bar{x}_2$ при уровне значимости $\alpha = 0,05$, представляющих все объекты в рамках исследования, в нашем случае курсантов высшей военной школы. Доверительные интервалы найдены в программе Mathcad и представлены на рисунке 2 [18].

Математические ожидания m_1 и m_2 с доверительной вероятностью (надежностью) 95 % находятся в соответствующих интервалах:

$$57,0 < m_1 < 61,7 \text{ и } 55,5 < m_2 < 60,2.$$

На рисунке 2 в качестве условных обозначений представлены следующие величины: γ – коэффициент Стьюдента (доверия) для соответствующего уровня значимости α , получаемый в программе Mathcad с помощью встроенной функции $qt(1 - \frac{\alpha}{2}, df)$;

ε_1 и ε_2 – точности оценок математических ожиданий m_1 и m_2 двух генеральных совокупностей; «хнг» и «хвп» – нижняя и верхняя границы доверительного интервала; M – объем выборок x_1 и x_2 .

3. Выполнение алгоритмов расчета дискретных статистических рядов и построение гистограмм на начальном этапе, т. е. перед проведением опытно-экспериментального обучения курсантов. Данный этап представлен на рисунке 3. Автоматизация проведения расчётов и построения необходимых графиков существенно упрощается и обеспечивает удобную и понятную визуализацию результатов благодаря программе Mathcad.

Для наглядности соответствия распределения эмпирических данных нормальному закону распределения случайной величины на

гистограмме изображен график плотности распределения вероятности случайной величины с соответствующими параметрами,

который легко строится в Mathcad с помощью функции $dnorm(x, m, \sigma)$.

Рисунок 2 – Результат нахождения доверительного интервала для математических ожиданий m_1 и m_2 двух генеральных совокупностей по $\bar{x}_1$ и $\bar{x}_2$ при уровне значимости $\alpha = 0,05$

Figure 2 – The result of finding the confidence interval for the mathematical expectations m_1 and m_2 of two sampled populations for $\bar{x}_1$ and $\bar{x}_2$ at the significance level $\alpha = 0,05$

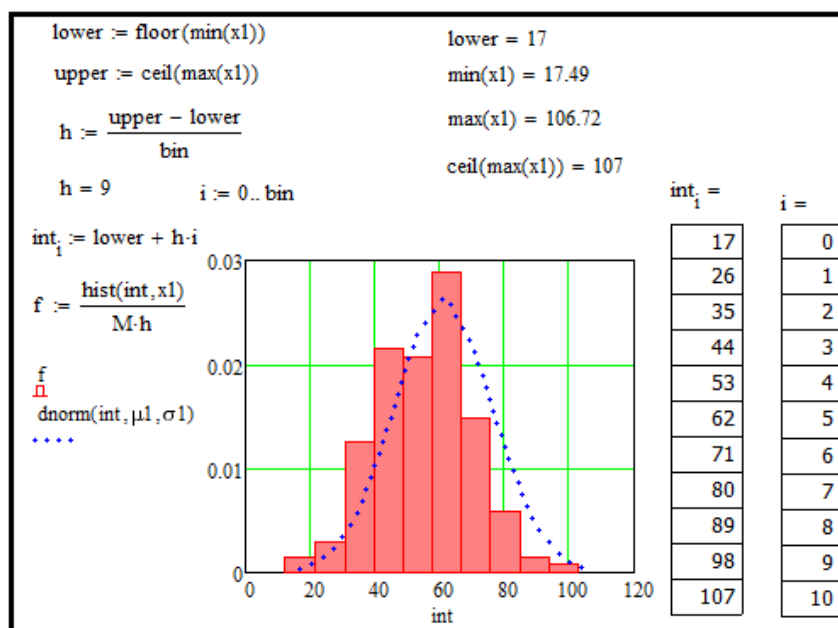

Рисунок 3 – Алгоритмы расчета дискретного статистического ряда и построения гистограммы

Figure 3 – The algorithms of calculating the discrete statistical series and constructing the histogram

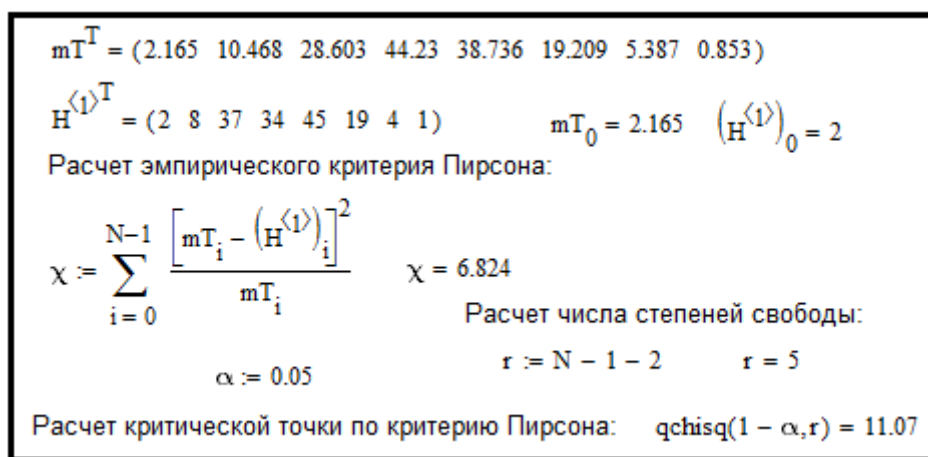
4. Выполнение алгоритма проверки соответствия эмпирических данных тому или иному закону распределения проводится с помощью специально подобранной случайной величины – критерия согласия. Анализ рисунка 3 позволяет нам выдвинуть статистическую гипотезу соответствия распределения эмпирических данных нормальному закону распределения, выбрав за основу критерий

согласия Пирсона, который, как правило, применяется при больших объемах выборки ($n > 30$), в нашем случае $n = 150$.

Расчет эмпирического значения критерия Пирсона проводят по формуле (1):

$$\chi = \sum_{i=1}^k \frac{(m_i - n \cdot P_i)^2}{n \cdot P_i}, \quad (1)$$

где m_i – эмпирические частоты i -ого интервала; $n \cdot P_i$ – теоретические частоты i -ого интервала; k – количество интервалов.

$mT^T = (2.165 \ 10.468 \ 28.603 \ 44.23 \ 38.736 \ 19.209 \ 5.387 \ 0.853)$
 $H^{(1)T} = (2 \ 8 \ 37 \ 34 \ 45 \ 19 \ 4 \ 1)$ $mT_0 = 2.165 \quad (H^{(1)})_0 = 2$
 Расчет эмпирического критерия Пирсона:

$$\chi = \sum_{i=0}^{N-1} \frac{[mT_i - (H^{(1)})_i]^2}{mT_i} \quad \chi = 6.824$$

 Расчет числа степеней свободы:
 $r = N - 1 - 2 \quad r = 5$
 $\alpha = 0.05$
 Расчет критической точки по критерию Пирсона: $qchisq(1 - \alpha, r) = 11.07$

Рисунок 4 – Алгоритм проверки соответствия эмпирических данных нормальному закону распределения с помощью критерия согласия Пирсона

Figure 4 – The algorithm of verifying the compliance of empirical data with the normal distribution law using the Pearson agreement criterion

Соотношение эмпирического с критическим значением критерия Пирсона позволяет принять (или отклонить) статистическую гипотезу о нормальном распределении изучаемой случайной величины. В среде интегрированного математического пакета Mathcad критическое значение соответствующего критерия определяется по встроенной функции: $\chi_{кр.} = qchisq(p, df)$.

Представленная на рисунке 4 заключительная часть алгоритма проверки соответствия эмпирических данных нормальному закону распределения позволяет принять гипотезу о нормальном законе распределения, поскольку эмпирическое значение критерия Пирсона $\chi = 6,82$ меньше критического значения $\chi_{кр.} = 11,07$. Это позволяет в дальнейшем обоснованно применять статистические критерии, с соответствующим законом распределения вероятностей, по математическому обоснованию однородности (или отсутствию таковой) контрольной и экспериментальной выборок.

5. Выявление однородности у выборок контрольной и экспериментальной групп до проведения опытно-экспериментального обучения курсантов иностранному языку. Исследуемая статистическая гипотеза касалась проверки равенства средних значений (математических ожиданий – m_1 и m_2) генеральных совокупностей, из которых сформированы первая и вторая выборки x_1 и x_2 .

Выбор статистического критерия, по которому отвергается или не отвергается выдвигаемая гипотеза, зависит от знания нами дисперсий генеральных совокупностей (σ_1^2, σ_2^2).

Если дисперсии известны, то в качестве статистического критерия проверки гипотезы принимается величина (2):

$$Z = \frac{(\bar{x}_1 - \bar{x}_2)}{\sqrt{\frac{\sigma_1^2}{n_1} + \frac{\sigma_2^2}{n_2}}} \quad (2)$$

где n_1 и n_2 – объемы первой и второй выборок.

Данная величина Z сравнивается с табличным значением функции Лапласа ($z_{кр.}$), которую в среде интегрированного математического пакета Mathcad можно определить с помощью функции: $z_{кр.} = qnorm(p, 0, 1)$.

В нашем случае, когда дисперсии генеральных совокупностей неизвестны, рассматриваемая статистика (t -критерий Стьюдента) будет подчиняться распределению Стьюдента с числом степеней свободы $k = n_1 + n_2 - 2$.

Для корректности расчетов необходимо проверить возможное равенство друг другу дисперсий соответствующих генеральных совокупностей ($\sigma_1^2 = \sigma_2^2$). Подобная процедура связана с проверкой статистической гипотезы о равенстве дисперсий по критерию Фишера-Снедекора [19].

Алгоритм проверки любой статистической гипотезы начинается с формулировки нулевой (H_0) и альтернативной (H_1) гипотез: $H_0: \sigma_1^2 = \sigma_2^2, H_1: \sigma_1^2 \neq \sigma_2^2$ при заданном уровне значимости ($\alpha = 0.05$).

За основу принимается распределение Фишера со степенями свободы $df_1 = n_1 - 1$ и $df_2 = n_2 - 1$, а расчет эмпирического статистического критерия Фишера определяется формулой (3):

$$F_{\text{эмп.}} = \frac{SS_1}{SS_2} \quad (3)$$

Гипотеза H_0 не отвергается, когда $F_1 < F_{\text{эмп.}} < F_2$ при уровне значимости $\alpha = 0.05$.

В среде интегрированного математического пакета Mathcad критические точки F_1 и F_2 определяем с помощью функций:

$$F_1 = qF\left(\frac{\alpha}{2}, n_1 - 1, n_2 - 1\right)$$

$$\text{и } F_2 = qF\left(1 - \frac{\alpha}{2}, n_1 - 1, n_2 - 1\right).$$

Результаты проведенных расчетов (рисунок 5) показали, что $F_{\text{эмп.}} = 1,107$ находится в диапазоне от $F_1 = 0,724$ до $F_2 = 1,38$, что позволяет не отвергнуть статистическую гипотезу $H_0: \sigma_1^2 = \sigma_2^2$ при $\alpha = 0.05$.

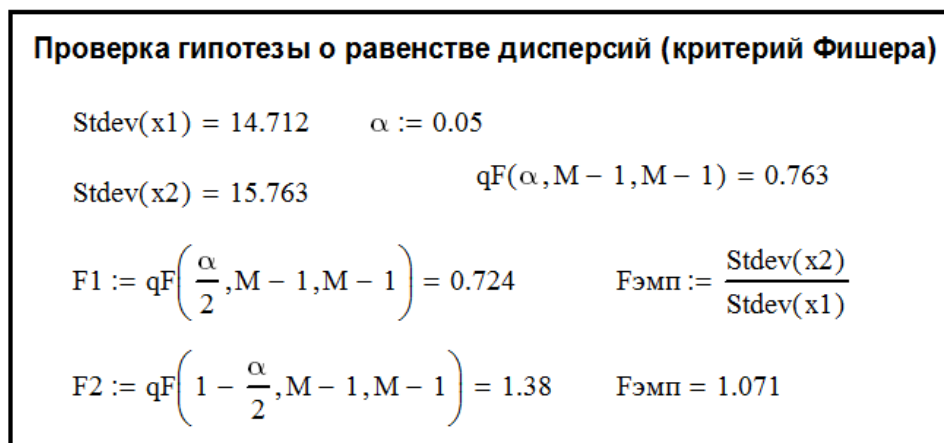

Рисунок 5 – Результаты проверки статистической гипотезы о равенстве дисперсий генеральных совокупностей по критерию Фишера-Снедекора

Figure 5 – The results of testing the statistical hypothesis on the variances equality of the sampled populations according to the Fisher-Snedecor criterion

Данное обоснование позволяет нам вернуться к проверке статистической гипотезы о равенстве математических ожиданий m_1 и m_2 исследуемых генеральных совокупностей, приняв за основу распределение Стьюдента с числом степеней свободы $k = n_1 + n_2 - 2$.

Сформулируем статистические гипотезы: $H_0: m_1 = m_2$, $H_1: m_1 \neq m_2$.

Эмпирическое значение критерия Стьюдента ($t_{\text{эмп.}}$) рассчитывается по формуле (4) [20]:

$$t_{\text{эмп.}} = \frac{(\bar{x}_1 - \bar{x}_2)}{\sqrt{\frac{n_1 \cdot SS_1 + n_2 \cdot SS_2}{n_1 + n_2 - 2} \left(\frac{1}{n_1} + \frac{1}{n_2} \right)}} \quad (4)$$

В среде интегрированного математического пакета Mathcad критическую точку $t_{\text{кр.}}$ определяем с помощью функции: $t_{\text{кр.}} = qt\left(1 - \frac{\alpha}{2}, k\right)$.

Гипотеза $H_0: m_1 = m_2$ не отвергается тогда, когда $t_{\text{эмп.}} < t_{\text{кр.}}$ при уровне значимости $\alpha = 0.05$, т. е. доля возможной ошибки в процессе распространения результатов обработки выборок на генеральные совокупности составляет не более 5%.

Результаты проведенных расчетов в среде интегрированного математического пакета Mathcad (рисунок 6) показали, что

$t_{\text{эмп.}} = 0,902 < t_{\text{кр.}} = 1,976$, т. е. гипотеза $H_0: m_1 = m_2$ не отвергается при $\alpha = 0.05$.

По полученным результатам можно сделать вывод об однородности выборок контрольных и экспериментальных групп перед началом опытно-экспериментального обучения курсантов иностранному языку в высшей военной школе. Это позволило утверждать, что выбранные группы можно использовать для опытно-экспериментального обучения.

Следующая часть применения математического инструментария связана с итоговым этапом проведения опытно-экспериментального иноязычного обучения курсантов. В этом случае на основании разработанного диагностического инструментария подсчитывались баллы за выполнение заданий контрольного среза и оценивался уровень иноязычной коммуникативной военно-профессиональной компетенции по итогам обучения за курс иностранного языка. Суммировались баллы за выполнение трех заданий: лексико-грамматического теста с уклоном на знание военной терминологии, речевое задание в условиях профессионально-коммуникативной ситуации и задание на работу с информацией на примере образца иноязычного военного дискурса. Максимальное количество баллов за

три задания вновь составило 100. К оцениванию курсантов привлекались эксперты из числа опытных преподавателей иностранного языка военных образовательных

организаций высшего образования. Итоговые данные заносятся в диагностические таблицы.

$$t := \frac{(\text{mean}(x1) - \text{mean}(x2))}{\sqrt{(M-1) \cdot \text{Var}(x1) + (M-1) \cdot \text{Var}(x2)}} \cdot \sqrt{\frac{M \cdot M \cdot (M+M-2)}{M+M}}$$

mean(x1) = 59.37 mean(x2) = 57.83 t = 0.902

Var(x1) = 216.46 Var(x2) = 218.38 α := 0.05

Нахождение критических точек по распределению Стьюдента: $t_{кр} := qt\left(1 - \frac{\alpha}{2}, M-1\right)$

$t = 0.902 < t_{кр} = 1.976$

Рисунок 6 – Результаты проверки статистической гипотезы о равенстве математических ожиданий m_1 и m_2 по критерию Стьюдента

Figure 6 – The results of testing the statistical hypothesis about the equality of mathematical expectations m_1 and m_2 according to the Student's criterion

Так же как на начальном этапе были сформированы и обработаны в среде программы Mathcad две выборки y_1 и y_2 – контрольная и экспериментальная соответственно. Их исходные числовые значения и

результаты статистической обработки по получению основных статистик (характеристики положения и рассеяния), выполненные в программе Mathcad, представлены на рисунке 7.

$y1 =$	1	71	$y2 =$	1	85	Контрольная группа mean(y1) = 68.84 Var(y1) = 115.69 var(y1) = 114.92 Stdev(y1) = 10.76
	2	73		2	63	
	3	74		3	75	
	4	57		4	82	
	5	90		5	77	
	6	71		6	63	
	7	68		7	69	Экспериментальная группа mean(y2) = 78.67 Var(y2) = 121.84 var(y2) = 121.03 Stdev(y2) = 11.04
	8	54		8	83	
	9	44		9	85	
	10	85		10	81	
	11	60		11	70	
	12	70		12	61	
	13	84		13	82	
	14	67		14	86	
	15	67		15	57	
	16	...		16	...	

Рисунок 7 – Результаты статистической обработки двух сформированных выборок y_1 и y_2 после проведения опытно-экспериментального обучения курсантов

Figure 7 – The results of statistical processing of two generated samples y_1 and y_2 after conducting experimental teaching of the cadets

Следующие алгоритмы по применению математического инструментария с помощью программы Mathcad аналогичны процедурам, представленным в начале данной статьи (п.п. 2–5). Так, результаты нахождения доверительных интервалов для

математических ожиданий m_1 и m_2 двух генеральных совокупностей по $\bar{y}_1$ и $\bar{y}_2$ при уровне значимости $\alpha = 0,05$, выполненные в программе Mathcad, показаны на рисунке 8.

Рисунок 8 – Результат нахождения доверительного интервала для математических ожиданий m_1 и m_2 двух генеральных совокупностей по $\bar{y}_1$ и $\bar{y}_2$ при уровне значимости $\alpha = 0,05$

Figure 8 – The result of finding the confidence interval for the mathematical expectations m_1 and m_2 of two general aggregates for $\bar{y}_1$ and $\bar{y}_2$ at the significance level $\alpha = 0,05$

Алгоритмы расчета дискретных статистических рядов и построения гистограмм по результатам опытно-экспериментального обучения курсантов представлены на рисунке 9. Соотношение форм гистограммы

и функции плотности распределения вероятностей позволяет сделать предположение о соответствии выборочных частот статистического ряда случайной величины нормальному закону распределения вероятностей.

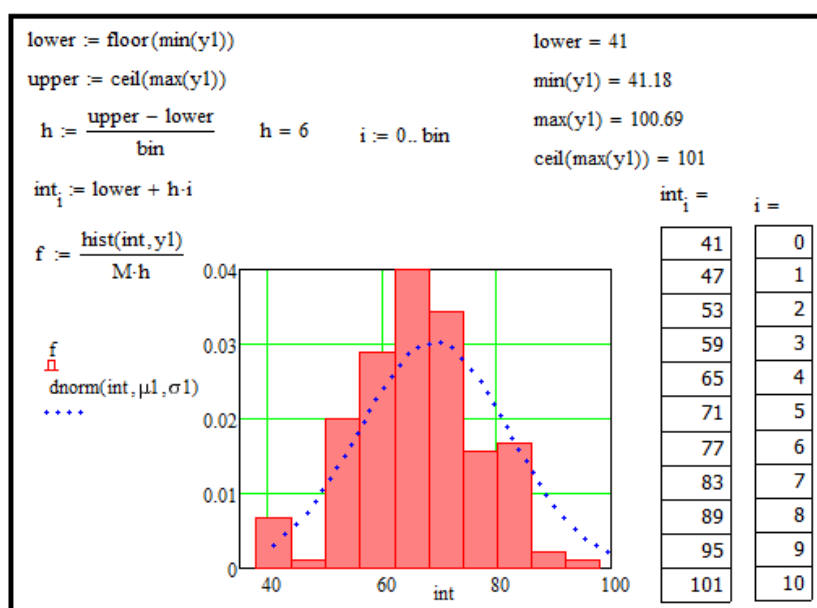

Рисунок 9 – Алгоритмы расчета дискретного статистического ряда и построения гистограммы для контрольной группы y_1

Figure 9 – The algorithms of calculating the discrete statistical series and constructing the histogram for the y_1 control group

Итоговая часть процедуры принятия статистической гипотезы относительно соответствия распределения эмпирических данных выборки по экспериментальной

группе y_2 нормальному закону распределения, взяв за основу критерий согласия Пирсона, представлена на рисунке 10.

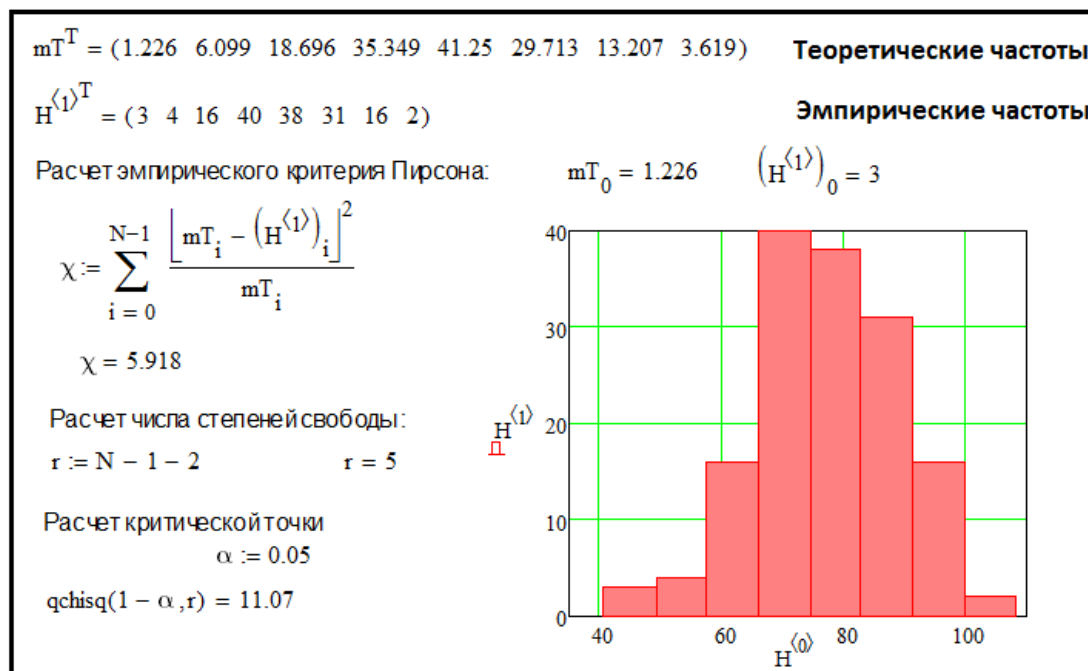

Рисунок 10 – Алгоритм проверки соответствия эмпирических данных нормальному закону распределения с помощью критерия согласия Пирсона

Figure 10 – The algorithm of verifying the compliance of the empirical data with the normal distribution law using the Pearson agreement criterion

Поскольку эмпирическое значение критерия Пирсона $\chi = 5,92$ меньше критического значения $\chi_{кр.} = 11,07$, то статистическая гипотеза о соответствии данных выборки y_2 нормальному закону распределения не отвергается при уровне значимости $\alpha = 0,05$.

Убедившись в правоте статистической гипотезы о равенстве дисперсий по критерию Фишера-Снедекора (аналогичный алгоритм и его основные процедуры представлены на рисунке 5), переходим к проверке статистической гипотезы о возможном равенстве (или неравенстве) математических ожиданий m_1 и m_2 генеральных совокупностей, из которых сформированы контрольная и экспериментальная выборки y_1 и y_2 , взяв за основу критерий Стьюдента. Подробное пояснение этого вывода и алгоритм расчета соответствующего критерия представлен выше в данной статье (см. формулу (4) и рисунок 6). Данная процедура производится для того, чтобы сравнить

показатели уровня иноязычной коммуникативной военно-профессиональной компетенции курсантов экспериментальных и контрольных групп.

Результаты обработки контрольной и экспериментальной выборок y_1 и y_2 относительно выяснения равенства их математических ожиданий m_1 и m_2 показаны на рисунке 11.

Результаты проведенных расчетов в среде интегрированного математического пакета Mathcad (рисунок 11) показали, что $t_{эмп.} = 7,812 > t_{кр.} = 1,976$, т. е. гипотеза о равенстве математических ожиданий $m_1 = m_2$ отвергается при $\alpha = 0.05$.

Таким образом, представленные на рисунке 7 итоги статистической обработки контрольной и экспериментальной групп позволяют в результате сравнения их средних выборочных $\bar{y}_1 = 68,84$ и $\bar{y}_2 = 78,67$ оценить показатель эффективности опытно-экспериментального обучения курсантов (5):

$$\delta = \frac{\bar{y}_2 - \bar{y}_1}{\bar{y}_1} = \frac{78,67 - 68,84}{68,84} = 0,14. \quad (5)$$

$$t := \frac{(\text{mean}(y_2) - \text{mean}(y_1))}{\sqrt{(M-1) \cdot \text{Var}(y_1) + (M-1) \cdot \text{Var}(y_2)}} \cdot \sqrt{\frac{M \cdot M \cdot (M+M-2)}{M+M}}$$

$\text{mean}(y_2) = 78.67$ $\text{Var}(y_2) = 121.84$ $t = 7.812$
 $\text{mean}(y_1) = 68.84$ $\text{Var}(y_1) = 115.69$ $\alpha = 0.05$

Нахождение критических точек
Стьюдента

$$t_{кр} := qt\left(1 - \frac{\alpha}{2}, M-1\right)$$

$t_{кр} = 1.976$

Рисунок 11 – Результаты обработки контрольной и экспериментальной выборок y_1 и y_2 относительно выяснения равенства их математических ожиданий m_1 и m_2

Figure 11 – The results of processing the control and experimental samples y_1 and y_2 regarding the determination of their mathematical expectations m_1 and m_2 equality

Вывод: согласно результатам опытно-экспериментального обучения курсантов по концепции профессионально ориентированного иноязычного обучения в высшей военной школе, полученным с помощью описанного диагностического и математического инструментария, уровень иноязычной коммуникативной военно-профессиональной компетенции в экспериментальных группах превышает уровень данной компетенции в контрольных группах на 14 %, что свидетельствует об эффективности авторской методики.

Заключение

В нашем исследовании была предпринята попытка применения диагностического инструментария в среде интегрированного математического пакета Mathcad, который существенно облегчает расчеты, позволяя при соответствующем навыке достаточно быстро и наглядно получать данные, необходимые педагогу для оценки эффективности применяемых им педагогических технологий, в данном случае в процессе обучения курсантов иностранному языку в высшей военной школе.

Список источников

1. Лунев А. Н. Методологические основы опытно-экспериментальной работы в педагогике профессионального образования / А. Н. Лунев, Н. Б. Пугачева // Международный журнал экспериментального образования. 2015. № 11 (Ч. 3). С. 350–354.
 2. Штульман Э. А. Методический эксперимент в системе методов исследования. Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1976. 156 с.
 3. Загвязинский В. И. Методология и методы психолого-педагогического исследования / В. И. Загвязинский, Р. Атаханов. М. : Академия, 2005. 208 с.
 4. Сиденко А. С. Педагогический эксперимент: от идеи до разработки. Ярославль – М. : Канцлер, 2020. 256 с.
 5. Новиков Д. А. Статистические методы в педагогических исследованиях (типовые случаи). М. : МЗ-Пресс, 2004. 67 с.
 6. Ванягин В. Е. Методика оценивания качества подготовки специалистов в военных образовательных организациях высшего образования на основе определения уровня сформированности их компетенций // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2019. № 1(29). С. 197–209.
 7. Ванягина М. Р. Реализация концепции профессионально ориентированного иноязычного обучения в высшей военной школе // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2024. № 1(26). С. 195–206.
 8. Павловская И. Ю. Разработка концепции единого экзамена по профессионально-ориентированной иноязычной коммуникативной компетентности выпускника российского вуза: задачи и решения / И. Ю. Павловская, А. О. Гребенников, М. А. Креер // Тестология. 2021. № 3. С. 14–33.
 9. Ванягина М. Р. Оценивание уровня владения иностранным языком в высшей военной школе // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2021. Т. 26. № 195. С. 107–118.
- ВЕСТНИК САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ВОЕННОГО ИНСТИТУТА ВОЙСК НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ. 2024. № 2 (27). ISSN 2587-7402 (онлайн)
VESTNIK SANKT-PETERBURGSKOGO VOENNOGO INSTITUTA VOJSK NACIONAL'NOJ GVARДИИ. 2024;2(27). ISSN 2587-7402 (online)

10. Гмурман В. Е. Теория вероятностей и математическая статистика. М. : Юрайт, 2015. 480 с.
11. Черных А. К. Математические методы в психологии / А. К. Черных, Н. В. Ярмоленко, С. Е. Сычев. Ч. 3. СПб. : Изд-во СПбВИ войск национальной гвардии, 2020. 91 с.
12. Большакова Л. В. Математико-статистические методы обработки экспериментальных данных при проведении научных исследований: методические рекомендации / Л. В. Большакова, А. И. Примакин, Н. А. Яковлева. СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского университета МВД России, 2014. 92 с.
13. Большакова Л. В. Теория проверки статистических гипотез при математико-статистическом исследовании педагогических проблем / Л. В. Большакова, Н. А. Яковлева // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России, 2016. № 4 (72). С. 149–157.
14. Ермолаев-Томин О. Ю. Математические методы в психологии. М. : Изд-во Юрайт, 2014. 511 с.
15. Большакова Л. В. Методы проверки статистических гипотез в процессе обработки и интерпретации статистических данных при обеспечении экономической и информационной безопасности хозяйствующего субъекта / Л. В. Большакова, А. И. Примакин, Н. А. Яковлева // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2014. № 3 (63). С. 111–120.
16. Афонин П. Н. Статистический анализ с применением современных программных средств / П. Н. Афонин, Д. Н. Афонин. СПб. : ИЦ «Интермедия», 2017. 100 с.
17. Вайнштейн И. И. Теория вероятностей и математическая статистика. Методы математической статистики и их реализация в среде Mathcad / И. И. Вайнштейн, Т. А. Кустицкая. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2012. 88 с.
18. Иванов О. В. Статистика. Учебный курс для социологов и менеджеров. Ч. 2. Доверительные интервалы. Проверка гипотез. Методы и их применение. М., 2005. 220 с.
19. Корниенко В. С. Математическая статистика. Решение задач по теме: «Проверка статистических гипотез»: методическая разработка. Волгоград: Волгоградская государственная сельскохозяйственная академия, 2010. 68 с.
20. Алябьева С. В. MathCAD для студентов: учебный практикум / С. В. Алябьева, Е. П. Борматова, М. В. Данилова [и др.]. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2007. 154 с.

References

1. Lunev A. N. Methodological foundations of experimental work in the pedagogy of vocational education / A. N. Lunev, N. B. Pugacheva // Mezhdunarodnyj zhurnal eksperimental'nogo obrazovaniya. 2015;11 (Ch. 3): 350–354. (In Russ.).
2. Shtul'man E. A. Metodicheskij eksperiment v sisteme metodov issledovaniya. Voronezh: Izdatel'stvo Voronezhskogo universiteta, 1976. 156 s. (In Russ.).
3. Zagvyazinskij V. I. Metodologiya i metody psihologo-pedagogicheskogo issledovaniya / V. I. Zagvyazinskij, R. Atahanov. M. : Akademiya, 2005. 208 s. (In Russ.).
4. Sidenko A. S. Pedagogicheskij eksperiment: ot idei do razrabotki. Yaroslavl' – M. : Kancler, 2020. 256 s. (In Russ.).
5. Novikov D. A. Statisticheskie metody v pedagogicheskikh issledovaniyah (tipovye sluchai). M. : MZ-Press, 2004. 67 s. (In Russ.).
6. Vanyagin V. E. Methodology for assessing the quality of training of specialists in military educational institutions of higher education based on determining the level of formation of their competencies // Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Elektronnyj nauchnyj zhurnal. 2019;1(29): 197–209. (In Russ.).
7. Vanyagina M. R. Realizaciya koncepcii professional'no orientirovannogo inoyazychnogo obucheniya v vysshej voennoj shkole // Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta vojsk nacional'noj gvardii. 2024;1(26): 195–206. (In Russ.).
8. Pavlovskaya I. Yu. Development of the concept of a unified exam on professionally oriented foreign language communicative competence of a graduate of a Russian university: tasks and solutions / I. Yu. Pavlovskaya, A. O. Grebennikov, M. A. Kreer // Testologiya. 2021;3: 14–33. (In Russ.).
9. Vanyagina M. R. Assessment of the level of foreign language proficiency at the higher military school // Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki. 2021. T. 26;195: 107–118. (In Russ.).
10. Gmurman V. E. Teoriya veroyatnostej i matematicheskaya statistika. M. : Yurajt, 2015. 480 s. (In Russ.).
11. Chernyh A. K. Matematicheskie metody v psihologii / A. K. Chernyh, N. V. Yarmolenko, S. E. Sychev. Ch. 3. SPb. : Izd-vo SPVI vojsk nacional'noj gvardii, 2020. 91 s. (In Russ.).
12. Bol'shakova L. V. Matematiko-statisticheskie metody obrabotki eksperimental'nyh dannyh pri provedenii nauchnyh issledovaniy: metodicheskie rekomendacii / L. V. Bol'shakova, A. I. Primakin, N. A. Yakovleva. SPb. : Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii, 2014. 92 s. (In Russ.).

13. Bol'shakova L. V. The theory of statistical hypothesis testing in the mathematical and statistical study of pedagogical problems / L. V. Bol'shakova, N. A. Yakovleva // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii, 2016;4 (72): 149–157. (In Russ.).
14. Ermolaev-Tomin O. yu. Matematicheskie metody v psilogii. M. : Izd-vo Yurajt, 2014. 511 s. (In Russ.).
15. Bol'shakova L. V. Methods of testing statistical hypotheses in the process of processing and interpreting statistical data while ensuring the economic and information security of an economic entity / L. V. Bol'shakova, A. I. Primakin, N. A. Yakovleva // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2014;3 (63): 111–120. (In Russ.).
16. Afonin P. N. Statisticheskij analiz s primeneniem sovremennyh programmnyh sredstv / P. N. Afonin, D. N. Afonin. SPb. : IC «Intermediya», 2017. 100 s. (In Russ.).
17. Vajnshtejn I. I. Teoriya veroyatnostej i matematicheskaya statistika. Metody matematicheskoy statistiki i ih realizaciya v srede Mathcad / I. I. Vajnshtejn, T. A. Kustickaya. Krasnoyarsk: Sibirskij federal'nyj universitet, 2012. 88 s. (In Russ.).
18. Ivanov O. V. Statistika. Uchebnyj kurs dlya sociologov i menedzherov. Ch. 2. Doveritel'nye intervaly. Proverka gipotez. Metody i ih primenenie. M., 2005. 220 s. (In Russ.).
19. Kornienko V. S. Matematicheskaya statistika. Reshenie zadach po teme: «Proverka statisticheskikh gipotez»: metodicheskaya razrabotka. Volgograd: Volgogradskaya gosudarstvennaya sel'sko-hozyajstvennaya akademiya, 2010. 68 s. (In Russ.).
20. Alyab'eva S. V. MathCAD dlya studentov: uchebnyj praktikum / S. V. Alyab'eva, E. P. Bormatova, M. V. Danilova [i dr.]. Petrozavodsk: Izd-vo PetrGU, 2007. 154 s. (In Russ.).

Информация об авторе

М. Р. Ванягина – кандидат педагогических наук, доцент

А. И. Примакин – доктор технических наук, профессор

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 02.05.2024; одобрена после рецензирования 20.05.2024; принята к публикации 20.06.2024.

Information about the author

M. R. Vanyagina – Candidate of Sciences (Pedagogy), Docent

A. I. Primakin – Doctor of Sciences (Technical), Professor

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 02.05.2024; approved after reviewing 20.05.2024; accepted for publication 20.06.2024.

Научная статья

УДК 378
EDN: TKKHEB

МОДЕЛЬ ОЦЕНИВАНИЯ КАЧЕСТВА ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ В ВОЕННЫХ ИНСТИТУТАХ
ВОЙСК НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Евгений Васильевич Прохоренко¹, Батр Евгеньевич Корнилов², Александр Вадимович Фетисов³

¹⁻³ Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии, Санкт-Петербург, Россия

¹ prokhorenkoev@inbox.ru

² aleksiskor1980@mail.ru

³ elets kayasveta@yandeks.ru

Аннотация. Предложена математическая модель для оценивания качества подготовки специалистов при организации прохождения ими обучения на основе компетентного подхода. Модель разработана на основе теоретико-вероятностной формализации процесса формирования военно-профессиональных компетенций.

Ключевые слова: образовательная деятельность, военно-профессиональные компетенции, модель, качество подготовки, вероятность, функция распределения вероятностей

Для цитирования: Прохоренко Е.В., Корнилов Б.Е., Фетисов А.В. Модель оценивания качества подготовки специалистов в военных институтах войск национальной гвардии Российской Федерации // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2024. № 2 (27). С. 186–194. URL: <https://vestnik-spvi.ru/2024/06/019.pdf>. EDN: TKKHEB.

Original article

A MODEL FOR ASSESSING THE QUALITY OF TRAINING OF SPECIALISTS IN MILITARY INSTITUTES
OF THE RUSSIAN NATIONAL GUARD TROOPS

Evgeny V. Prokhorenko¹, Batr E. Kornilov², Alexander V. Fetisov³

¹⁻³ Saint-Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard Troops, Saint-Petersburg, Russia

¹ prokhorenkoev@inbox.ru

² aleksiskor1980@mail.ru

³ elets kayasveta@yandeks.ru

Abstract. A mathematical model is proposed for assessing the quality of training of specialists in the organization of their training based on the competence approach. The model is developed on the basis of theoretical and probabilistic formalization of the process of formation of military professional competencies.

Keywords: educational activity, military-professional competencies, model, quality of training, probability, probability distribution function

For citation: Prokhorenko E.V., Kornilov B.E., Fetisov A.V. A model for assessing the quality of training of specialists in military institutes of the Russian national guard troops. Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta vojsk nacional'noj gvardii. 2024;2(27): 186–194. (In Russ.). Available from: <https://vestnik-spvi.ru/2024/06/019.pdf>. EDN: TKKHEB.

© Прохоренко Е.В., Корнилов Б.Е., Фетисов А.В., 2024

Введение

Общественно-политическое, экономическое и социальное развитие Российской Федерации как независимого государства, а также военное строительство основных структур силового блока, где законом предусмотрена военная служба, могут быть успешными и развивать соответствующие области социальной жизни только в

условиях объективного реформирования основных социальных институтов страны. Создание таких условий в области обороны должно происходить с учетом опыта проведения специальной военной операции на Украине. В первую очередь это положение должно учитываться при подготовке курсантов в военных институтах войск национальной гвардии Российской Федерации с

учетом особенностей, характерных для первичных офицерских должностей [1–7] в соответствии с предназначением. При этом преобразование всей государственной системы высшего военного профессионального образования имеет первостепенное, определяющее значение в этом процессе уже в ближнесрочной перспективе по ряду различных объективных причин. Основная причина необходимости срочного реформирования рассматриваемой системы военного образования состоит в необходимости соответствия качества подготовки специалистов современным требованиям к их профессиональной квалификации по основным военно-учетным специальностям [1–7, 17]. Универсальная педагогическая категория «качество» позволяет применять её по всем аспектам подготовки военных специалистов в военных институтах войск национальной гвардии Российской Федерации, в том числе и по вопросам организации военно-профессиональной подготовки. В целом категория «качество» характеризуется совокупностью множества показателей состояния объекта, которые относятся к определению его способности удовлетворять установленные потребности заказчика в сфере управления подразделениями в различных условиях. В качестве объекта в этом случае может выступать не только деятельность специалиста, как субъекта, но и процесс управления, организации каких-то действий подразделения, достижения поставленных целей и т. д. В основных документах по руководству военным образованием, в целом, и военно-профессиональной подготовкой, в частности, о качестве подготовки выпускников для замещения первичных офицерских должностей указано, что главной целью обучения курсантов является повышение эффективности и качества их военно-профессиональной подготовки. Достижение этой цели должно происходить при более полном использовании интеллектуальных, материальных, информационных и других необходимых ресурсов военных институтов. В национальной доктрине Российской Федерации качество подготовки курсантов трактуется как результат получения ими необходимых образовательных услуг (элементов образовательной деятельности) на высоком уровне. Приведенный постулат говорит о том, что органы управления военным образованием понимают под качеством военно-профессиональной подготовки два аспекта. Первый аспект предполагает установление целей и организации военно-профессиональной

подготовки. В данном случае качество сопрягается с пониманием ее соответствия с потребностями войск. Второй аспект показывает, что под качеством военно-профессиональной подготовки выпускников подразумевается эффективность образовательной деятельности военных институтов, направленная на формирование требуемых базовых военно-профессиональных компетенций.

Таким образом, повышение качества подготовки специалистов соотносится с повышением результатов военно-профессиональной подготовки. Исходя из логики рассуждений и прямой зависимости военно-профессиональной подготовки с её целью, проанализируем категорию «военный специалист».

Применительно к личности военный специалист – личность исключительная, то есть значительно отличающаяся от других. Таким образом, военный специалист представляет собой совокупность профессиональных и личностных качеств, характеризующий уровень его подготовки для решения задач в особой среде. Он определяется рядом профессиональных качеств, которые составляют военно-профессиональные компетенции, определяющие его способность действовать в специфической среде войск. На этой основе можно заключить, что военный специалист как носитель профессиональных качеств, выступает в виде целостного, многоуровневого и полифункционального феномена, отражающего единство научно-познавательного, ценностно-ориентационного, побудительно-волевого, эмоционально-оценочного и творчески-созидательного компонентов в психологической структуре офицера. Их взаимодействие определяет характерологическую сущность явления и определяет его функции. При рассмотрении процесса военно-профессиональной подготовки он может быть представлен в виде постепенного формирования требуемых, базовых военно-профессиональных компетенций.

Базовые профессиональные качества специалистов составляют их компетентность при деятельности на должностях предназначения, которая, применительно к военным специалистам, складывается из полноты и уровней сформированности военно-профессиональных компетенций, приобретаемых, в первую очередь, в ходе обучения. Следует также заметить, что полнота и уровни сформированности базовых военно-профессиональных компетенций являются обобщенными показателями

эффективности не только подготовки специалистов, но и одним из показателей эффективности всей системы образовательной деятельности военных образовательных организаций высшего образования войск национальной гвардии Российской Федерации, в том числе и военно-профессиональной подготовке, как её основной части. В свою очередь, под качеством (эффективностью) образовательной деятельности в целом, и её военно-профессиональной подготовки, как её подсистемы, для таких организаций следует понимать соответствие реализуемых военными институтами учебных программ квалификационным требованиям и федеральным государственным стандартам, установленным руководящими документами в сфере образования. При этом качество военно-профессиональной подготовки в военных институтах войск национальной гвардии Российской Федерации находится в прямой зависимости от имеющихся у этих образовательных организаций педагогических, материальных, финансовых и других ресурсов, которые должны в полной мере соответствовать формированию требуемых базовых военно-профессиональных компетенций у обучающихся [8–14, 18]. Кроме того, на должностях научно-педагогического состава этих организаций должны состоять высококвалифицированные, определённая часть которых должна иметь учёные степени и звания.

Таким образом, оценивание качества подготовки специалистов является одним из непреложных атрибутов любой системы образовательной деятельности. На определенных этапах подготовки специалистов может возникать потребность оценивания качества их подготовки за определённые периоды. Этим вопросам и посвящена настоящая статья.

Основная часть

В настоящее время о качестве (эффективности) образовательной деятельности в целом и военно-профессиональной подготовки, как её части, в военных образовательных организациях высшего образования войск национальной гвардии Российской Федерации судят по среднему баллу обучающихся, полученному в ходе работы государственной аттестационной комиссии (соответствует среднему уровню сформированности базовых военно-профессиональных компетенций) выпускников. Однако по причине стохастичности и определенной доли субъективизма в процессе их оценивания, достоверность полученных

результатов может быть не вполне корректной. То есть полученный результат будет не в полной мере отражать реальные компетентности военного специалиста по основным направлениям деятельности на должностях предназначения после выпуска. Это обусловлено ещё и тем, что на порядок оценивания уровней сформированности базовых военно-профессиональных компетенций влияет и ряд других объективных условий, которые напрямую не связаны с организацией этого процесса в течение всего периода обучения [14–18].

В связи с вышеизложенным для повышения корректности оценивания качества образовательной деятельности военного института Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации, следует применять методики, позволяющие нивелировать неопределенность (стохастичность), возникающую в ходе оценивания качественных результатов подготовки военных специалистов. Кроме того, исходя из анализа содержания ряда источников [14–16], руководству военного института важно понимать, что систему оценивания качества подготовки курсантов необходимо разрабатывать непосредственно в учебном заведении с учетом комплексности предметно-тематического содержания военно-профессиональных дисциплин. В первую очередь такая необходимость связана с определенными особенностями функционирования военных институтов, как организаций, готовящих только военных специалистов в особых условиях. К таким особенностям функционирования этих организаций следует отнести подчиненность военного института и его территориальное размещение, содержание реализуемых направлений подготовки военных специалистов, уровни подготовленности абитуриентов при поступлении, наличие учебной материально-технической базы, её соответствие задачам военно-профессиональной подготовки и так далее.

Научной основой методики оценивания качества образовательной деятельности военного института Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации является аналитическая модель оценивания уровней сформированности базовых военно-профессиональных компетенций, достигаемых обучающимися в ходе определенных этапов подготовки специалистов (лет обучения и семестров) [11, 15, 16, 19, 20] за время обучения. Такой подход определяется реальной необходимостью значительного повышения эффективности

управленческого сопровождения образовательной деятельностью образовательной организации, так как позволит вносить необходимые изменения и уточнения в ее организацию по полученным результатам. Учитывая, что для научно-теоретического обоснования предлагаемой методики применены основные методы математического анализа, вероятность истинности полученных результатов может определяться как 0,95.

Построение требуемой аналитической модели для оценивания качества подготовки специалистов в военных институтах состоит в следующем [11, 13, 17].

Формально достигнутые в ходе образовательной деятельности военного института полнота и уровни сформированности базовых военно-профессиональных компетенций обучающихся могут быть представлены в виде числовой матрицы:

$$X = \|x_{ik}\|, (0 \leq x_{ik} \leq 1), i = 1, 2, \dots, I, k = 1, 2, \dots, K, \quad (1)$$

где: x_{ik} – достигаемый k -м обучающимся уровень сформированности i -й требуемой военно-профессиональной компетенции;

I – количество требуемых (базовых) военно-профессиональных компетенций, формируемых у обучающегося военного института при реализации оцениваемого этапа подготовки;

K – количество обучающихся в военном институте, проходящих процедуру оценивания сформированности требуемых базовых военно-профессиональных компетенций.

Значение x_{ik} – достигаемого k -м обучающимся уровня сформированности i -й требуемой военно-профессиональной компетенции, входящей в матрицу и содержащейся в формуле (1), может определяться следующим соотношением:

$$x_{ik} = \frac{\sum_{n \in N_i} d_{nk}}{\sum_{n \in N_i} d_n}, i = 1, 2, \dots, I, k = 1, 2, \dots, K, \quad (2)$$

где: n – индекс учебной военно-профессиональной дисциплины, определяемой программами подготовки военного института;

N_i – множество учебных дисциплин, формирующих i -ю базовую военно-профессиональную компетенцию в соответствии с учебными программами военного института;

d_{nk} – количество баллов, полученное k -м обучающимся по n -й учебной военно-профессиональной дисциплине;

d_n – максимальное количество баллов, возможное для получения обучающимися при изучении n -й военно-профессиональной учебной дисциплины.

Получение результатов подготовки выпускников военных институтов Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации целесообразно отобразить в виде достижения установленных квалификационными требованиями полноты и уровней сформированности требуемых базовых военно-профессиональных компетенций (1).

Следовательно, формально цель подготовки военных специалистов в военном институте для рассматриваемых условий может быть представлена в виде аналитической формулы вида:

$$\Pi = \{x_{1k} \geq x_1^n, x_{2k} \geq x_2^n, \dots, x_{Ik} \geq x_I^n\}, k=1, 2, \dots, K, \quad (3)$$

где: x_i^n ($i=1, 2, \dots, I$) – минимальные полнота и уровни сформированности требуемых базовых военно-профессиональных компетенций у выпускников военного института в оцениваемом периоде.

На основе представленных аналитических выражений (1–3) систему подготовки специалистов военного института следует определять как отображение Q -го распределения привлекаемых материальных и временных ресурсов во множество требуемых базовых военно-профессиональных компетенций, формируемых у обучающихся за оцениваемый этап их подготовки, то есть как математическое выражение следующего вида:

$$Q(Z^T)X, \quad (4)$$

где: Z – выделяемые для проведения исследуемого этапа подготовки специалистов в военном институте ресурсы.

Если в рассматриваемых условиях подготовки специалистов

$$X \in \Pi, \quad (5)$$

то результаты, полученные в ходе исследуемого этапа подготовки военных специалистов, соответствуют предъявляемым требованиям, а если выражение (5) – не достигнуто, то цель подготовки специалистов на этом этапе (в периоде обучения) также считается недостигнутой.

При этом при реальном распределении анализируемых ресурсов военного института Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации между этапами, результаты подготовки специалистов в общем случае являются недетерминированными. В данном случае недетерминированность результатов подготовки выпускников военного института определяется множеством (общей совокупностью) как объективных, так и субъективных факторов, влияющих на рассматриваемый

процесс. В первую очередь недетерминированность результатов проявляется в различии полноты и уровней сформированности базовых военно-профессиональных компетенций у обучающихся на оцениваемом этапе подготовки (1)). Недетерминированность результатов подготовки специалистов в военном институте в этом случае формально должна учитываться на основе анализа матрицы требуемых базовых военно-профессиональных компетенций X в виде выборки из генеральной совокупности распределения многомерной случайной величины $X_{\square}$ полученных уровней формируемых в ходе обучения базовых военно-профессиональных компетенций специалистов.

С учетом случайности уровней сформированности базовых военно-профессиональных компетенций, достижение цели подготовки обучающихся военного института характеризуется наступлением случайного события, отраженного в виде аналитической формулы вида:

$$X \in \Pi. \quad (6)$$

Таким образом, процесс оценивания качества подготовки специалистов в военных институтах войск национальной гвардии Российской Федерации заключается в установлении полной вероятности $P(X \in \Pi)$ такого события, при котором результаты подготовки курсантов обеспечивают достижение основных целей подготовки специалистов для управления подразделениями войск национальной гвардии в соответствии с должностным предназначением. В таком случае S численное значение показателя качества подготовки специалистов в военных институтах может быть определено в соответствии с аналитической формулой вида:

$$S = P(X \in \Pi). \quad (7)$$

В таких условиях определение численного значения показателя качества подготовки S встречает значительные сложности аналитического порядка. Во-первых, эти сложности состоят в том, что вероятность наступления события (6) представляет собой совместную вероятность наступления I взаимозависимых событий: $X_i \geq x_i^A$, ($i=1,2,\dots,I$), которые определяются формой организации подготовки специалистов в военном институте войск национальной гвардии Российской Федерации для замещения первичных офицерских должностей.

Процедуру установления численного значения вероятности можно также определять более простым способом, если предположить, что рассмотренные события $X_i \geq x_i^A$, ($i=1,2,\dots,I$) независимы. В таком случае

определение оценки (7) качества подготовки специалистов в военном институте может проводиться по выражению следующего вида:

$$\bar{S} = \prod_{i=1}^I P_i(X_i \geq x_i^A), \quad (8)$$

где: $P_i(X_i \geq x_i^A)$ – вероятность наступления события $X_i \geq x_i^A$.

Так как рассматриваемые значения величин соотносятся как $\bar{S} \leq S$, то формула (8) будет характеризовать нижнюю границу показателя качества рассматриваемого этапа подготовки специалистов. Поэтому представленное допущение о независимости формируемых базовых военно-профессиональных компетенций согласует результат оценки качества подготовки курсантов с его действительным положением дел.

Для определения значений вероятностей, соответствующих рассматриваемым в выражении (8) событиям, следует также определить и функции распределения этих вероятностей. Так как уровни сформированности базовых военно-профессиональных компетенций выражаются случайными величинами x_i , ($i=1,2,\dots,I$), то они являются непрерывными и могут принимать значения в численных пределах ($0 \leq x_i \leq 1$). Поэтому функции их распределения необходимо строить в соответствии с классом бэта-функций. Известно, что бэта-распределение функций характеризуется плотностью вероятностей [1] и может быть определено по выражению следующего вида:

$$f(x_i) = \frac{\Gamma(\alpha_i + \beta_i)}{\Gamma(\alpha_i)\Gamma(\beta_i)} x_i^{\beta_i-1} (1-x_i)^{\alpha_i-1}, 0 \leq x_i \leq 1, ; \quad (9)$$

$$0, -\infty < x_i < 0, 1 < x_i < \infty, i=1,2,\dots,I,$$

где: $\Gamma(\cdot)$ – гамма-функция.

Математическое ожидание гамма-функции может быть определено аналитическим выражением вида:

$$M[x_i] = \frac{\beta_i}{\alpha_i + \beta_i}, \quad (10)$$

а дисперсия этой функции – математическим соотношением следующего вида:

$$\sigma_i^2 = \frac{\beta_i \alpha_i}{(\alpha_i + \beta_i)^2 (\alpha_i + \beta_i + 1)}. \quad (11)$$

Из анализа аналитических выражений (10) – (11) очевидно, что для характеристики распределения плотности вероятностей (10) в данном случае необходимо и достаточно определить величины математических ожиданий и дисперсии уровней сформированности требуемых базовых военно-профессиональных компетенций. В соответствии с тем, что необходимая для оценивания качества подготовки обучающихся на определенном этапе информация исчерпывается определением всех элементов матрицы (1), то в качестве математических ожиданий и

дисперсий величин $\hat{x}_i, (i = 1, 2, \dots, I)$ следует использовать оценки, определяемые данной матрицей. В этом случае численное значение математического ожидания достигнутого уровня $\hat{x}_i$ i -й $(i = 1, 2, \dots, I)$ сформированности требуемых базовых военно-профессиональных компетенций определяются аналитическим выражением в виде следующего соотношения:

$$M[\hat{x}_i] \approx \frac{\sum_{k=1}^K x_{ik}}{K}. \quad (12)$$

Дисперсия величины $\sigma_i^2, (i = 1, 2, \dots, I)$ полученного уровня $\hat{x}_i$ i -й $(i = 1, 2, \dots, I)$ сформированности требуемых базовых военно-профессиональных компетенции у курсантов военных институтов на рассматриваемом этапе подготовки в свою очередь также может определяться аналитическим выражением, включающим соотношение следующего вида:

$$\sigma_i^2 = \frac{1}{K-1} \sum_{k=1}^K \{x_{ik} - M[\hat{x} \vee i]\}^2, (i = 1, 2, \dots, I) \quad (13)$$

где: $M[\hat{x} \vee ik]$ определяется по выражению (12).

При перемещении численных значений математических ожиданий (12) в формулу (10), а дисперсий (13) – в формулу (11), для каждой i -й $(i=1,2,\dots,I)$ требуемой базовой военно-профессиональной компетенции мы получаем систему, включающую два алгебраических уравнения с двумя неизвестными α_i, β_i . После её решения относительно всех неизвестных, мы можем определить требуемые параметры по выражениям следующего вида:

$$\beta_i = \frac{A_i - \sigma_i^2(A_i+1)^2}{\sigma_i^2(A_i+1)^3}, \quad (14)$$

$$\alpha_i = A_i \beta_i, \quad (15)$$

$$\text{где } A_i = \frac{1 - M[\hat{x}_i]}{M[\hat{x}_i]}.$$

Полученные параметры, входящие в аналитические формулы (14), (15), позволяют провести характеризацию функции (9) распределения случайных величин $\hat{x}_i, (i = 1, 2, \dots, I)$, определяющих уровней сформированности требуемых базовых военно-профессиональных компетенций на рассматриваемом этапе подготовки специалистов в военном институте. С учетом функции (9) вероятность события $\hat{x}_i \geq x_i^n, (i = 1, 2, \dots, I)$ должна определяться по аналитическому выражению следующего вида:

$$P_i(\hat{x}_i \geq x_i^n) = 1 - \int_0^{x_i^n} f_{\square}(x_i) dx_i. \quad (16)$$

Учитывая содержание выражения (16), оценку (8) качества подготовки специалистов (на любом этапе образовательной деятельности) можно провести по следующей формуле:

$$\bar{S} = \prod_{i=1}^I \square \quad (17)$$

Заключение

Так как рассматриваемая проблематика оценивания полноты и уровней сформированности требуемых базовых военно-профессиональных компетенций при подготовке курсантов в военных институтах войск национальной гвардии Российской Федерации является весьма актуальной, то содержание представленной статьи убедительно показало, что эта проблематика может быть разрешена на основе применения хорошо апробированного математического аппарата. Применение предлагаемой в статье инновационной методики, основанной на математической модели оценивания качества подготовки специалистов в военных институтах войск национальной гвардии Российской Федерации, является объективно необходимым инструментом при организации образовательной деятельности, в целом, и военно-профессиональной подготовки, в частности. Результаты анализа, ряда исследований, посвященных проблематике оценивания качества подготовки военных специалистов, дают основание утверждать, что в настоящее время существуют несколько различных моделей оценки качества образовательной деятельности. К ним следует отнести:

- оценивание собственной деятельности военного института;

- внешняя оценка этой деятельности, которая производится по результатам оценивания качества подготовки выпускников в войсках;

- метод оценивания качества образовательной деятельности, основанный на сочетании обоих вариантов.

Целостный характер описания деятельности в полученных аналитических выражениях (1) – (17) является соответствующим процессу оценивания уровней подготовки специалистов на определённых этапах обучения. Предлагаемая модель, основанная на этих аналитических выражениях, в полной мере позволяет объективно оценивать качество каждого этапа подготовки специалистов военного института Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации. Применение предлагаемой модели обеспечит как оптимизацию решения по совершенствованию ее организации, так и управленческое сопровождение реализации этих решений на практике.

Таким образом, применение предложенной в статье моделей оценивания полноты и уровней сформированности требуемых военно-профессиональных

компетенций у обучающихся позволяет оперативно вносить изменения в учебные планы военных институтов в течение всего периода подготовки военных специалистов. Следовательно, возможность применения рассмотренной модели в течение всего срока

подготовки военных специалистов в военных институтах войск национальной гвардии Российской Федерации может, в случае реализации, существенно повысить качество военно-профессиональной подготовки выпускников.

Список источников

1. Асташкина И. А. Экспертные методы в исследовании систем управления / И. А. Асташкина, В. Ю. Мишин // Центр Креативных Технологий. 2012. URL: HYPERLINK «<http://www.inventech.ru/lib/analisis/analisis0022>» <http://www.inventech.ru/lib/analisis/analisis0022> (дата обращения: 11.05.2024).
2. Азарова Р. Н. Разработка паспорта компетенции: Методические рекомендации для организаторов проектных работ и профессорско-преподавательских коллективов вузов / Р. Н. Азарова, Н. М. Золотарева. М. : Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов: Координационный совет учебно-методических объединений и научно-методических советов высшей школы, 2010. 52 с.
3. Алмазова Н. И. Когнитивные аспекты формирования межкультурной компетентности при обучении иностранному языку в неязыковом вузе: автореф. дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.02 / Алмазова Надежда Ивановна. СПб., 2003. 47 с.
4. Багрецов С. А. Психолого-педагогический эксперимент: организация и методы обработки результатов: монография. СПб. : ВКА имени А. Ф. Можайского, 2008. 347 с.
5. Байденко В. И. Выявление состава компетенций выпускников вузов как необходимый этап проектирования ГОС ВПО нового поколения: методическое пособие. М. : Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2006. 72 с.
6. Байденко В. И. Компетентностный подход к проектированию государственных образовательных стандартов ВПО (методологические и методические вопросы): методическое пособие. М. : Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2005. 114 с.
7. Байденко В. И. Новые стандарты высшего образования: методологические аспекты // Высшее образование сегодня. 2007. № 5. С. 4–9.
8. Байденко В. И. Базовые навыки (ключевые компетенции) как интегрирующий фактор образовательного процесса // Профессиональное образование и формирование личности специалиста. М., 2002. С. 22–46.
9. Басовский Л. Е. Управление качеством: учебник / Л. Е. Басовский, В. Б. Протасьев. М. : ИНФРА-М, 2004. 212 с.
10. Бим-Бад Б. М. Педагогический энциклопедический словарь. М., 2002. 324 с.
11. Голубев М. А. Реализация принципа процессного подхода в системах качества военных вузов: труды Военно-космической академии имени А.Ф. Можайского: в 3 т. Т. 2 / под общ. ред. М. М. Пенькова. СПб. : ВКА им. А. Ф. Можайского, 2010. 344 с.
12. Голубев М. А. Формирование индивидуальной карьерно-образовательной траектории офицера: инновационные образовательные технологии в деятельности военного вуза: материалы межрегиональной научно-методической конференции руководящего и преподавательского состава вузов. Ростов н/Д: Филиал Военной академии РВСН, 2011. С. 95–98.
13. Голубев М. А. Модель модульного построения и оценки качества сформированности компетенций у обучающихся вузов Минобороны России: сборник статей 23 научно-технической конференции «Военная радиоэлектроника: Опыт использования и проблемы, подготовка специалистов» / М. А. Голубев, С. А. Багрецов. Ч. 1. СПб. : ВУНЦ ВМФ, 2012. С. 28–32.
14. Зеер Э. Ф. Модернизация профессионального образования: компетентностный подход // Образование и наука. 2004. № 3. С. 42–52.
15. Зимняя И. А. Ключевые компетентности как результативно-целевая основа компетентностного подхода в образовании: авторская версия. М. : Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2004. С. 42.
16. Зимняя И. А. Ключевые компетенции – новая парадигма результата образования // Высшее образование сегодня. 2003. № 5. С. 34–42.
17. Арнольд В. И. «Жёсткие» и «мягкие» математические модели. М. : Изд-во МЦНМО, 2004. С. 32.
18. Бахтиярова Т. И. «Модель подготовки специалиста». Челябинск: Изд-во Челябинского института коммерции, 1997. 45 с.

19. Зеер Э. Ф. Практика формирования компетенций: методологический аспект / Э. Ф. Зеер, Д. П. Заводчиков // Формирование компетенций в практике преподавания общих и специальных дисциплин в учреждениях среднего профессионального образования: сборник статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции. Екатеринбург, 2011. С. 10–13.
20. Шипитко А. Б. Междисциплинарная интеграция как основополагающий принцип обучения высококвалифицированного специалиста войск национальной гвардии Российской Федерации / А. Б. Шипитко, А. Н. Райкова // Новые подходы в научных исследованиях: сборник материалов Международной научно-практической конференции. Чебоксары, 2021. С. 105–109.

References

1. Actashkina I. A. Ekspertnye metody v issledovanii sistem upravle-niya / I. A. Actashkina, B. Yu. Mishin // Centr Kreativnyh Tekhnologij. 2012. URL: HYPERLINK "http://www.inventech.ru/lib/analisis/analisis0022" http:// www.inventech.ru/lib/analisis/ analisis0022 (data obrashcheniya: 11.05.2024). (In Russ.).
2. Azarova R. N. Razrabotka pasporta kompetencii: Metodicheskie reko-mendacii dlya organizatorov proektnyh rabot i professorsko-prepodavatel'skih kolektivov vuzov / R. N. Azarova, N. M. Zolotareva. M. : Issledovatel'skij centr problem kachestva podgotovki specialistov: Koordinacionnyj sovet uchebno-metodicheskikh ob"edinenij i nauchno-metodicheskikh sovetov vysshej shkoly, 2010. 52 s. (In Russ.).
3. Almazova N. I. Kognitivnye aspekty formirovaniya mezhkul'turnoj kompetentnosti pri obuchenii inostrannomu yazyku v neyazykovom vuze: av-toref. dis. ... d-ra ped. nauk: 13.00.02 / Almazova Nadezhda Ivanovna. SPb., 2003. 47 s. (In Russ.).
4. Bagrecov S. A. Psihologo-pedagogicheskij eksperiment: organizaciya i metody obrabotki rezul'tatov: monografiya. SPb. : VKA imeni A. F. Mozhajskogo, 2008. 347 s. (In Russ.).
5. Bajdenko V. I. Vyyavlenie sostava kompetencij vypusnikov vuzov kak neobhodimyj etap proektirovaniya GOS VPO novogo pokoleniya: metodicheskoe posobie. M. : Issledovatel'skij centr problem kachestva podgotovki specialistov, 2006. 72 s. (In Russ.).
6. Bajdenko V. I. Kompetentnostnyj podhod k proektirovaniyu gosudarstvennyh obrazovatel'nyh standartov VPO (metodologicheskie i metodicheskie voprosy): metodicheskoe posobie. M. : Issledovatel'skij centr problem kachestva podgotovki specialistov, 2005. 114 s. (In Russ.).
7. Bajdenko V. I. New standards of higher education: methodological aspects // Vysshee obrazovanie segodnya. 2007;5: 4–9. (In Russ.).
8. Bajdenko V. I. Bazovye navyki (klyuchevye kompetencii) kak integri-ruyushchij faktor obrazovatel'nogo processa // Professional'noe obrazova-nie i formirovanie lichnosti specialista. M., 2002. S. 22–46. (In Russ.).
9. Basovskij L. E. Upravlenie kachestvom: uchebnyk / L. E. Basovskij, V. B. Protas'ev. M. : INFRA-M, 2004. 212 s. (In Russ.).
10. Bim-Bad B. M. Pedagogicheskij enciklopedicheskij slovar'. M., 2002. 324 s. (In Russ.).
11. Golubev M. A. Realizaciya principa processnogo podhoda v sistemah kachestva voennyh vuzov: trudy Voenno-kosmicheskoy akademii imeni A.F. Mozhajskogo: v 3 t. T. 2 / pod obshch. red. M. M. Pen'kova. SPb. : VKA im. A. F. Mozhajskogo, 2010. 344 s. (In Russ.).
12. Golubev M. A. Formirovanie individual'noj kar'erno-obrazovatel'noj traektorii oficera: innovacionnye obrazovatel'nye tekhnologii v deyatel'nosti voennogo vuza: materialy mezhregional'noj nauchno-metodicheskoy konferencii rukovodyashchego i преподаvatel'skogo sostava vuzov. Rostov n/D: Filial Voennoj akademii RVSNI, 2011. S. 95–98. (In Russ.).
13. Golubev M. A. Model' modul'nogo postroeniya i ocenki kachestva sformirovannosti kompetencij u obuchayushchihsya vuzov Minoborony Rossii: sbornik statej 23 nauchno-tekhnicheskoy konferencii «Voennaya radioelektro-nika: Opyt ispol'zovaniya i problemy, podgotovka specialistov» / M. A. Golubev, S. A. Bagrecov. Ch. 1. SPb. : VUNC VMF, 2012. S. 28–32. (In Russ.).
14. Zeer E. F. Modernization of vocational education: a competence-based approach // Obrazovanie i nauka. 2004;3: 42–52. (In Russ.).
15. Zimnyaya I. A. Klyuchevye kompetentnosti kak rezul'tativno-celevaya osnova kompetentnostnogo podhoda v obrazovanii: avtorskaya versiya. M. : Is-sledovatel'skij centr problem kachestva podgotovki specialistov, 2004. S. 42.
16. Zimnyaya I. A. Key competencies – a new paradigm of educational outcomes // Vysshee obrazovanie segodnya. 2003;5: 34–42. (In Russ.).
17. Arnol'd V. I. «Zhyostkie» i «myagkie» matematicheskie modeli. M. : Izd-vo MCNMO, 2004. S. 32. (In Russ.).

18. Bahtiyarova T. I. «Model' podgotovki specialista». Chelyabinsk: Izd-vo Chelyabinskogo instituta kommercii, 1997. 45 s. (In Russ.).

19. Zeer E. F. Praktika formirovaniya kompetencij: metodologicheskij aspekt / E. F. Zeer, D. P. Zavodchikov // Formirovanie kompetencij v praktike prepodavaniya obshchih i special'nyh disciplin v uchrezhdeniyah srednego professional'nogo obrazovaniya: sbornik statej po materialam Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Ekaterinburg, 2011. S. 10–13. (In Russ.).

20. Shipit'ko A. B. Mezhdisciplinarnaya integraciya kak osnovopolagayushchij princip obucheniya vysokokvalificirovannogo specialista vojsk nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii / A. B. Shipit'ko, A. N. Rajkova // Novye podhody v nauchnyh issledovaniyah: sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Cheboksary, 2021. S. 105–109. (In Russ.).

Информация об авторах

А. В. Фетисов – кандидат военных наук, доцент

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 06.12.2023;
одобрена после рецензирования 20.05.2024;
принята к публикации 20.06.2024.

Information about the authors

A. V. Fetisov – Candidate of Sciences (Military),
Docent

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 06.12.2023;
approved after reviewing 20.05.2024;
accepted for publication 20.06.2024.

Научная статья

УДК 37.018
EDN: UVVHMA

ФОРМИРОВАНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ ОБУЧАЮЩИХСЯ

Алексей Михайлович Боровицкий

Новосибирский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии, Новосибирск, Россия
bam2013@yandex.ru

Аннотация. В статье автор поднимает проблематику эффективности формирования идентичности профессионального сознания обучающихся в образовательной системе войск национальной гвардии Российской Федерации, что, безусловно, влияет на обеспечение квалифицированным профессиональным кадровым потенциалом как для своих подразделений, так и иных силовых и государственных структур страны, и его прямой связи с профессиональной готовностью к выполнению поставленных задач. Это является достаточно актуальным направлением трансформации отечественного военного образования, так как на протяжении длительного времени прослеживается либо качественный некомплект, либо общий слабый уровень предварительной подготовки и психологической готовности абитуриентов, претендующих на поступление в военные институты войск национальной гвардии Российской Федерации.

Ключевые слова: формирование идентичности, Росгвардия, военное образование, профессиональное сознание, обучающиеся, курсант

Для цитирования: Боровицкий А.М. Формирование идентичности профессионального сознания обучающихся // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2024. № 2 (27). С. 195–202. URL: <https://vestnik-spvi.ru/2024/06/020.pdf>. EDN: UVVHMA.

METHODOLOGY AND TECHNOLOGY OF VOCATIONAL EDUCATION

Original article

FORMATION OF IDENTITY OF PROFESSIONAL CONSCIOUSNESS OF STUDENTS

Alexey M. Borovitsky

Novosibirsk Military Order of Zhukov Institute of the National Guard Troops, Novosibirsk, Russia
bam2013@yandex.ru

Abstract. In the article, the author raises the issue of the effectiveness of the formation of the identity of professional consciousness of students in the educational system of the National Guard troops of the Russian Federation, which undoubtedly affects the provision of qualified professional personnel potential, both for their units and other law enforcement and government structures of the country, and its direct connection with professional readiness to perform tasks. This is a fairly relevant area of transformation of domestic military education, since for a long time there is either a qualitative shortage or a weak level of preliminary training and psychological readiness of applicants applying for admission to military institutes of the National Guard troops of the Russian Federation.

Keywords: formation of identity, Russian Guard, military education, professional consciousness, students, cadet

For citation: Borovitsky A.M. Formation of identity of professional consciousness of students. Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta vojsk nacional'noj gvardii. 2024;2(27): 195–202. (In Russ.). Available from: <https://vestnik-spvi.ru/2024/06/020.pdf>. EDN: UVVHMA.

© Боровицкий А.М., 2024

Введение

Каждое быстроразвивающееся государство в современном мире должно поддерживать на необходимом уровне и наращивать усилия по модернизации системы профессионального образования своих государственных структур, в том числе и силовых. Профессиональное качественное образование силовой составляющей государственной мощи страны позволяет ей участвовать в современной политической жизни, как равного, либо лидирующего по определённым позициям партнера на мировой арене, а не выступать в роли сателлита чьих-то внешнеполитических и экономических взглядов. И системное военно-профессиональное образование, отвечающее на все действительные вызовы нового времени в этом направлении, играет значимую роль и является, безусловно, актуальным для создания надежного щита своего Отечества. Президент Российской Федерации В. В. Путин в своем обращении Федеральному Собранию Российской Федерации отметил, что развитием современного военного образования должны заниматься не только специализированные, профильные учебные заведения, но и учебные центры общегражданского образования [1]. Это всецело влияет на начало формирования профессиональной идентичности юного защитника Отечества, как государственного служащего с подросткового возраста, начиная с начальной и далее в средней школе. Закладываются профессиональные ценности, манеры поведения, отличительные особенности будущей профессиональной деятельности. В рамках среднего образования имеются профильные классы силовых ведомств и кадетские училища, которые входят в систему довузовского образования с интегрированным дополнительным образованием. Образовательная деятельность в данном направлении реализуется в соответствии со ст. 86 Закона «Об образовании» [2, 3]. Выбранный образ жизни должен укрепляться и развиваться в дальнейшем профессиональном образовании в военных училищах и военных институтах силовых структур, с последующим совершенствованием и углублением профессиональных знаний в профильных военных академиях.

Основные положения

В статье рассматривается основным направлением – раскрытие важности начального этапа непрерывного профессионального образования в образовательных учреждениях Росгвардии, как базового

элемента, влияющего на эффективность формирования идентичности профессионального сознания обучающихся, что прямо отражается на непрерывной профессиональной подготовке квалифицированных кадров для силовых структур страны.

В качестве репрезентативной выборки были взяты профессиональные учебные заведения, имеющие профессионально ориентированное отношение к Росгвардии (Московское президентское кадетское училище имени М. А. Шолохова, Пермское президентское кадетское училище имени Героя России Ф. Кузьмина, военные институты Росгвардии) [4]. Наличие статистических данных, которые ведутся в учетах кадровыми органами военных институтов лиц, поступающих в военные вузы из профильных довузовских заведений Росгвардии, либо специализированных классов средних образовательных школах, не превышает десятой части от общей зачисляемой численности курсантов военных институтов. И также оно несопоставимо с ежегодным количеством выпускников образовательных профессиональных довузовских заведений Росгвардии, что, в свою очередь, приводит к постановке актуальной проблемы в образовании о формировании идентичности профессионального сознания обучающихся поэтапно на всех ступенях системы непрерывного профессионального образования в рамках учебных заведений Росгвардии.

На наш взгляд, система непрерывного профессионального образования в образовательных учреждениях Росгвардии должна быть направлена на формирование идентичности профессионального сознания обучающихся, способствующего качественной подготовке высококвалифицированных профессиональных кадров для подразделений Росгвардии на каждом из образовательных этапов по нарастающей. Начиная с профильных довузовских заведений Росгвардии, либо специализированных классов средних образовательных школ, продолжая в военных институтах, дальнейшее совершенствование в военных академиях. И в конечном итоге подобная система непрерывного профессионального образования в образовательных учреждениях Росгвардии реализует одну из основных задач по формированию и становлению нового облика современного офицера, готового противостоять современным экономическим и социальным вызовам нашего общества и складывающейся внешней военно-политической обстановке вокруг страны, безусловно интегрированного в

основные сферы жизни российского общества и защищающего законные интересы государства [5].

Данное направление многогранно и раскрывает кропотливую работу преподавательского и наставнического состава, в основном закладываемую на начальном этапе (профильные довузовские заведения Росгвардии, либо специализированные классы средних образовательных школ) и включающую в себя поэтапное формирование:

1) принадлежности к выбранному профессиональному пути защитника Отечества;

2) позиционирование себя, как военнослужащего (государственного служащего) с предъявлением соответствующих паттернов поведения;

3) формирование и упрочение профессиональных ценностных установок.

Отечественный психолог Л. Б. Шнейдер рассматривал идентичность как актуальное состояние, текущее переживание Я-целостности на срезе жизненного пути, которое под воздействием наставничества, приобретаемого жизненного опыта, самосознания и достигнутых результатов формирует в значимой степени эго-идентичность любого человека [6].

Тем самым мы можем сказать, что формирование идентичности профессионального сознания обучающихся в профильных учебных заведениях Росгвардии должно быть направлено на явное проявление самоопределения и самосознания обучающегося, как всесторонне развитой профессионально подготовленной личности офицера правопорядка, способного к самосовершенствованию за счет внутренних познавательных резервов, заложенных на начальном пути профессионального обучения.

Каждый патриотически направленный человек, профессионально определившийся в жизни (в частности, выбравший военную профессию) и отдающий этому всего себя, способен принести в общество стабильность и укрепить его внутренний и внешний суверенитет. Подобные взгляды не новы, еще в начале XX века русский общественный деятель, публицист Михаил Меньшиков утверждал: «Военное сословие – это меч и щит России», тем самым подтверждая чаяние общества на опору в твердую патриотически направленную элиту, которая станет базисом стабильности Отечества [7].

И формирование подобного сознания у будущих профессиональных защитников Отечества в системе непрерывной

профессиональной подготовки в образовательных учреждениях Росгвардии явно должно начинаться с кадетских училищ либо специализированных классов средних образовательных школ и продолжаться в военных институтах, как составляющей образовательной системы военных учреждений Росгвардии. И основываться необходимо на проведение тщательно выверенного профессионального отбора в подобные учебные заведения либо классы, которые должны проводить квалифицированные специалисты, а не сводиться к рутинному набору необходимой численности для выполнения государственного заказа.

Выбор поступления в подобные учреждения должен быть взвешенным, максимально осмысленным решением всей семьи, так как подросток, поступающий на обучение в кадетское училище в возрасте 9–11 лет (3–4 класс), еще самостоятельно не осознает всю ответственность своего выбора, если этот выбор он не сделал сам, а руководствуется только примером отца, родственника, как образа для подражания и т. д. [8]. Фактор личного примера близкого человека, образца для подражания, продолжение семейной династии не должны стоять во главе угла принятия решения. Всесторонность, оценка, как психологической, так и физической готовности ребенка пойти по пути принятия всех служебных и личных лишений, должны возлагаться на родителей, ведь этот выбор может привести как к великим свершениям, так и фатальным последствиям потери своей идентичности человека в обществе (неспособности социально взаимодействовать). Родители – самые близкие люди, которые могут спрогнозировать, правильно оценить возможности своего ребенка и заблаговременно начать готовить его к такому выбору, а не ставить перед фактом, ведь потерянное детство может привести к замкнутости и даже отклонениям в поведении.

Советский психолог и педагог Л. С. Выготский в своих работах отмечал, что самосознание в подростковом возрасте – это совокупность всех представлений человека о самом себе, сопряженных с их оценкой, своей и окружающих [9]. Таким образом, мы видим, что подросток при выборе своей деятельности пытается подражать близкому для него окружению, но в то же время и желает найти возможность выделиться из общей массы за счет личной уникальности. И в это время необходима мягкая сила родителей в сочетании с уважением мнения подростка. Освоение новых знаний в

специализированных, профильных учебных заведения довузовского образования должно приносить удовлетворение обучающимся, а не угнетать их волю во благо других.

В несоответствии реального и желаемого положения дел (в частности, выбора места обучения) кроется основная причина низкого процента выпускников кадетских училищ (в том числе и специализированных классов средних образовательных школах), стремящихся по завершению обучения продлить свое профессиональное становление, как будущего офицера. И на данном этапе специалисты, проводящие профессиональный отбор в подобные образовательные учреждения, должны обращать на это особое внимание. Разочарование в выборе будущего направления профессиональной деятельности обучающимся не указывает на слабую профессиональную подготовку преподавательского (наставнического) состава училищ и неспособность направить своих обучающихся на служение стране, это лежит несколько в иной плоскости. Угнетённые подобным обучением подростки желают при любой возможности прекратить сложившийся образ жизни, выйти на новые горизонты [10], где они предоставлены сами себе и отсутствуют жесткие рамки как поведения, так и быта, что сопряжено с военной профессией.

Даже такой процент потенциально разочаровавшихся в поступлении на обучение в профильные довузовские заведения Росгвардии, либо специализированные классы средних образовательных школ может быть нивелирован слаженностью работы всех субъектов образовательной деятельности. И здесь на лидирующие позиции выходит не только качественный подбор преподавательского (наставнического) состава, но и слаженная взаимодополняющая работа административной составляющей образовательного процесса профильных образовательных учреждений Росгвардии.

На начальном этапе непрерывного профессионального образования в образовательных учреждениях Росгвардии (кадетских училищах), как и в любых других образовательных учреждениях, все должностные лица, занятые в образовательном процессе, должны быть нацелены на «заражение» обучающихся объединяющей их идеей (служение и защиту Отечества), развить у них тягу к знанию, в том числе и профессиональном направлении. Повсеместно в процессе обучения должно быть интегрировано военно-патриотическое направление, реализованное в виде интерактивной либо

военизированной игре. И здесь важным созидающим элементом выступает преподавательский (наставнический) состав, подбору которого руководство учреждений довузовского специализированного образования уделяет особое внимание. Преподавательский (наставнический) состав должен, безусловно, иметь достаточный опыт педагогической деятельности для осуществления эффективной образовательной деятельности с обучающимися подросткового возраста. Важной составляющей является наличие служебно-боевого опыта, опыта участия в боевых действиях, что напрямую влияет на подъем авторитета со стороны обучающихся и благоприятно отражается на передаче личного боевого опыта [11]. В приоритетном плане на должности преподавательского (наставнического) состава рассматриваются кандидаты, прошедшие командные должности, что предполагает прямую работу по обучению и воспитанию личного состава, кандидаты, имеющие опыт работы в детско-юношеских организациях, лица, активно участвующие в общественной жизни. Данную положительную динамику мы сегодня видим в лице участников специальной военной операции, которые проводят различные мероприятия с подрастающим поколением и налицо интерес, уважение и внимание со стороны аудитории. Они во многом заставляют подростков переосмыслить происходящие процессы в обществе, найти свое место в нем и возможность внести свой вклад в укрепление государства. Явным примером является движение «Юнармии», активно развивающееся с 2016 года, подобные инициативы также поддерживаются и успешно реализуются со стороны подразделений войск национальной гвардии Российской Федерации.

Помимо профильных довузовских заведений Росгвардии, активная ведется работа по военно-шефскому направлению, акцентирующая свое внимание на героико-патриотическом воспитании подрастающего поколения, привитии уверенности в отечественных ценностях и продвижении государственных взглядов на социальное обеспечение многонационального многоконфессионального общества России.

Большой объем работы проводится по обоснованию и созданию на фоне развивающейся военно-шефской работы с общими образовательными учреждениями, специализированных классов Росгвардии с углубленной подготовкой по ряду значимых дисциплин. Обучающиеся активно участвуют в волонтерских мероприятиях по оказанию

посильной помощи и уходу за ветеранами войн, сейчас в эту категорию внесены и нуждающиеся в такой помощи участники СВО. Воспитанники специализированных классов на постоянной основе принимают участие в военных соревновательных мероприятиях типа «Зарница», «Мы – Патриоты», «Путь Героя», военно-патриотических играх (в том числе и интерактивных) и т. д., все мероприятия проходят под патронажем подразделений Росгвардии в регионах [12, С. 14]. Важное место в этой работе занимают ветеранские организации, офицеры, имеющие богатый боевой опыт, сотрудники и гражданский персонал, имеющий активную гражданскую позицию. Военно-шефская работа не ограничивается военно-профессиональным и социальным направлением. Также продвигается здоровый образ жизни, занятие спортом, обустройство комфортных условий жизни в районе и много другое. Отдельное значение в оказании активной профессиональной помощи в подобной военно-шефской работе осуществляют военные институты Росгвардии, ведь движущей силой являются офицеры и обучающиеся, сознательно выбравшие своей профессией защиту Родины.

Административная составляющая образовательного процесса профильных образовательных учреждений Росгвардии должна представлять слаженную взаимодополняющую и взаимопомогающую систему работы должностных лиц различных образовательных учреждений Росгвардии и муниципалитета в том числе (специализированных классов средних образовательных школах, кадетских училищ, военных институтов), направленную на достижение единого результата – повышение качества кадрового потенциала подразделений Росгвардии [13]. Проведение на систематической основе обменом профессиональным опытом, наставничество «старших» учебных заведений над «младшими». Привлечение обучающихся специализированных классов средних образовательных школ, кадетских училищ к совместной с военными институтами патриотических мероприятий, дней воинской славы, «военизированным эстафетам» и т. д. В том числе наставники или кураторы из военных институтов должны проводить открытые занятия, викторины, тематические выставки, направленные на пропаганду службы в Росгвардии [14].

Помимо многолетней системной работы руководства военных институтов с главами администрации муниципального образования по военно-патриотическому

воспитанию допризывной молодежи в рамках проведения военно-патриотической игры «Зарница», представители военных институтов так же принимают участие в организации летнего досуга детей. Подобным положительным примером могут выступать школьные военно-спортивные летние лагеря, в которых активное участие принимают специалисты из учебных военных центров при федеральных государственных образовательных организациях высшего образования, в том числе и с подразделений Росгвардии. На базе таких военно-спортивных лагерей специалисты из учебных воинских частей в содействии с представителями военных институтов реализуют программу дополнительной допризывной подготовки молодежи в рамках патриотического воспитания граждан. Одной из целей подобного взаимодействия различных структур административного управления и образовательных учреждений является приобщение воспитанников к программам военной подготовки в специализированных профильных образовательных учреждениях, повышение уровня личной физической подготовки по военно-прикладным видам спорта и активного участия их в военно-патриотических мероприятиях района, города, региона. В соответствии с Федеральным законом от 28 июля 1998 года № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе»: получение гражданами начальных знаний об обороне государства, о воинской обязанности, а также приобретение навыков в области гражданской обороны предусматривается федеральными государственными образовательными стандартами среднего общего и среднего профессионального образования [15].

Подобная подготовка положительно оценивается представителями призывных комиссий при выборе рода и вида войск для прохождения военной службы по призыву, в том числе приемными комиссиями в военных институтах Росгвардии.

Вышеприведенный комплекс организации и проведения совместной работы на начальном этапе непрерывного профессионального образования не является исчерпывающим, а только приоткрывает многогранное направление на формирование идентичности профессионального сознания обучающихся и укрепляет чувства патриотизма в подрастающем поколении [16]. Мы разделяем точку зрения великого русского историка, писателя Н. М. Карамзина, рассматривающего патриотизм как проявление любви ко благу и славе Отечества и желание

способствовать ему во всех отношениях. «Патриотизм требует рассуждения, а потому не все люди имеют его...» [17, 18]. И все-цело считаем, что развитие чувства патриотизма должно стать надстройкой на начальном этапе обучения в специализированных классах средних образовательных школ, кадетских училищ для формирования идентичности профессионального сознания и получения качественного профессионального военного образования.

Заключение

Таким образом, рассмотрев множество аспектов, влияющих на принятие и готовность обучающихся к освоению профессиональных знаний, мы можем с большей долей вероятности утверждать, что рассмотренная актуальность начального этапа непрерывного профессионального образования в образовательных учреждениях Росгвардии способствует качественной подготовке профессиональных кадров для подразделений Росгвардии, способных решать огромный спектр задач по борьбе с терроризмом, экстремизмом и охране общественного порядка, обеспечении

общественной безопасности [19]. Главным направлением формирования профессионального осознания обучающегося самого себя с выработкой устойчивых характеристик, ассоциирующихся с выбранной профессией – защищать Родину. Это, в свою очередь, формирует:

1) принадлежность к выбранному профессиональному пути защитника Отечества;

2) позиционирование себя, как военнослужащего (государственного служащего) с предъявлением к себе соответствующих паттернов поведения;

3) профессиональные ценностные установки.

Это полностью коррелирует с мнением, высказанным Президентом Российской Федерации: «Выполнение всех намеченных планов сегодня прямо зависит от наших солдат, офицеров, добровольцев – всех военнослужащих, которые сражаются сейчас на фронте. Это они, наши воины, создают сегодня абсолютно необходимые условия для будущего страны и для ее развития» [20].

Список источников

1. Послание Президента Российской Федерации от 21 апреля 2021 г. б/н «О положении в стране и основных направлениях внутренней и внешней политики государства». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/46794/page/3> (дата обращения: 12.04.2024).
2. Федеральный закон от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // Российская газета. 2012. 30 декабря.
3. Викулов С. Ф. Реформа системы военного образования: состояние, тенденции, предложения по улучшению / С. Ф. Викулов, Е. Ю. Хрусталева // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2012. Т. 8. № 12(153). С. 9–14. EDN OUIIX.
4. Сайт войск национальной гвардии Российской Федерации [Электронный ресурс]. Информационный портал. 2023. URL: <https://rosguard.gov.ru/ru/page/index/obrazovatelnye-organizacii> (дата обращения: 12.04.2024).
5. Дубинин А. В. Единство обучения и воспитания в формировании учебно-профессиональной успешности будущих офицеров / А. В. Дубинин, А. М. Боровицкий // Педагогический журнал. 2022. Т. 12. № 6-2. С. 1084–1093. DOI 10.34670/AR.2022.23.30.144.
6. Шнейдер Л. Б. Профессиональная идентичность: монография. М. : МОСУ, 2001. 272 с.
7. Меньшиков М. О. Народные заступники, нравственно-бытовые очерки. СПб. : Типография М. Меркушева, 1900. 307 с.
8. Эльконин Д. Б. К проблеме периодизации психического развития в детском возрасте // Вопросы психологии. 1971. № 4. С. 12–13.
9. Выготский Л. С. Педология подростка. М. : Наука, 1931. 300 с.
10. Давыдов В. В. Возрастная и педагогическая психология: учебник / В. В. Давыдов, Т. В. Драгунова, Л. Б. Ительсон [и др.]; под ред. А. В. Петровского. Изд. 2-е, испр. и доп. М. : Просвещение, 1979. 287.
11. Боровицкий А. М. Методические приёмы, применяемые для повышения эффективности обучения будущих офицеров войск национальной гвардии Российской Федерации // Russian Journal of Education and Psychology. 2023. Т. 14. № 1. С. 75–90. DOI 10.12731/2658-4034-2023-14-1-75-90. EDN AVZVUX.
12. Печурин А. И. Педагогический инструментарий военно-патриотического воспитания / А. И. Печурин, А. Н. Дахин // Сибирский учитель. 2022. № 6(145). С. 11–15. EDN LPCRAY.
13. Tarasov A.V. Application of elements of the quality management concept of military-technical education // Modern problems of science and education. 2021. № 4. P. 78.

14. Вилкова К. А. Учебная аналитика в традиционном образовании: ее роль и результаты / К. А. Вилкова, У. С. Захарова // Университетское управление: практика и анализ. 2020. Т. 24. № 3. С. 59–76.
15. Федеральный закон от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» // Российская газета. 1998. 29 марта.
16. Боровицкий А. М. Актуальные аспекты методики овладения профессиональными знаниями будущими офицерами Росгвардии // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2019. № 3(24). С. 129–131. DOI 10.36809/2309-9380-2019-24-129-131.
17. Карамзин Н. М. О любви и отечеству и народной гордости: избранные сочинения: в 2 т. М. – Л. : Художественная литература, 1964. С. 280–287. Т. 2.
18. Печурин А. И. Педагогический инструментарий военно-патриотического воспитания / А. И. Печурин, А. Н. Дахин // Сибирский учитель. 2022. № 6(145). С. 11–15. EDN LPCRAY.
19. Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» // Российская газета. 2016. 6 июля.
20. Послание Президента Российской Федерации от 29 февраля 2024 г. б/н «Послание Президента Федеральному Собранию». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50431> (дата обращения: 12.04.2024).

References

1. Poslanie Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 21 aprelya 2021 g. b/n «O polozhenii v strane i osnovnyh napravleniyah vnutrennej i vneshnej politiki gosudarstva». Available from: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/46794/page/3> (data obrashcheniya: 12.04.2024). (In Russ.).
2. Federal'nyj zakon ot 29.12.2012 g. № 273-FZ «Ob obrazovanii v Rossijskoj Federacii» // Rossijskaya gazeta. 2012. 30 dekabrya. (In Russ.).
3. Vikulov S. F. Reform of the military education system: status, trends, suggestions for improvement / S. F. Vikulov, E. Yu. Hrustalev // Nacional'nye interesy: priority i bezopasnost'. 2012. T. 8;12(153): 9–14. EDN OUILIX. (In Russ.).
4. Sajt vojsk nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii [Elektronnyj resurs]. Informacionnyj portal. 2023. Available from: <https://rosguard.gov.ru/ru/page/index/obrazovatelnye-organizacii> (data obrashcheniya: 12.04.2024). (In Russ.).
5. Dubinin A. V. The unity of education and upbringing in the formation of the educational and professional success of future officers / A. V. Dubinin, A. M. Borovickij // Pedagogicheskij zhurnal. 2022. T. 12;6-2: 1084–1093. DOI 10.34670/AR.2022.23.30.144. EDN IHZWVK. (In Russ.).
6. Shnejder L. B. Professional'naya identichnost': monografiya. M. : MOSU, 2001. 272 s. (In Russ.).
7. Men'shikov M. O. Narodnye zastupniki, нравstvenno-bytovye ocherki. SPb. : Tipografiya M. Merkusheva, 1900. 307 s. (In Russ.).
8. El'konin D. B. On the problem of periodization of mental development in childhood // Voprosy psihologii. 1971;4: 12–13. (In Russ.).
9. Vygotskij L. S. Pedologiya podrostka. M. : Nauka, 1931. 300 s. (In Russ.).
10. Davydov V. V. Vozrastnaya i pedagogicheskaya psihologiya: uchebnik / V. V. Davydov, T. V. Dragunova, L. B. Itel'son [i dr.]; pod red. A. V. Petrovskogo. Izd. 2-e, ispr. i dop. M. : Prosveshchenie, 1979. 287. (In Russ.).
11. Borovickij A. M. Methodological techniques used to improve the effectiveness of training future officers of the National Guard of the Russian Federation // Russian Journal of Education and Psychology. 2023. T. 14;1: 75–90. DOI 10.12731/2658-4034-2023-14-1-75-90. EDN AVZVUX. (In Russ.).
12. Pechurin A. I. Pedagogical tools of military-patriotic education / A. I. Pechurin, A. N. Dahin // Sibirskij uchitel'. 2022;6(145): 11–15. EDN LPCRAY. (In Russ.).
13. Tarasov A. V. Application of elements of the quality management concept of military-technical education // Modern problems of science and education. 2021;4: 78. (In Russ.).
14. Vilkova K. A., Zaharova U. S. Educational analytics in traditional education: its role and results // Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz. 2020. T. 24;3: 59–76. (In Russ.).
15. Federal'nyj zakon ot 28 marta 1998 g. № 53-FZ «O voinskoj obyazannosti i voennoj sluzhbe» // Rossijskaya gazeta. 1998. 29 marta. (In Russ.).
16. Borovickij A. M. Current aspects of the methodology of mastering professional knowledge by future officers of the Russian Guard // Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya. 2019; 3(24): 129–131. DOI 10.36809/2309-9380-2019-24-129-131. (In Russ.).
17. Karamzin N. M. O lyubvi i otechestvu i narodnoj gordosti: izbrannye sochineniya: v 2 t. M. – L. : Hudozhestvennaya literatura, 1964. S. 280–287. T. 2. (In Russ.).

18. Pechurin A. I. Pedagogical tools of military-patriotic education / A. I. Pechurin, A. N. Dahin // Sibirskij uchitel'. 2022;6(145): 11–15. EDN LPCRAY. (In Russ.).

19. Federal'nyj zakon ot 3 iyulya 2016 g. № 226-FZ «O vojskah nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii» // Rossijskaya gazeta. 2016. 6 iyulya. (In Russ.).

20. Poslanie Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 29 fevralya 2024 g. b/n «Poslanie Prezidenta Federal'nomu Sobraniyu». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50431> (data obrashcheniya: 12.04.2024). (In Russ.).

Информация об авторе

А. М. Боровицкий – кандидат педагогических наук, доцент

Статья поступила в редакцию 12.03.2024;
одобрена после рецензирования 15.04.2024;
принята к публикации 20.06.2024.

Information about the author

A.M. Borovitsky – Candidate of Sciences (Pedagogy), Docent

The article was submitted 12.03.2024;
approved after reviewing 15.04.2024;
accepted for publication 20.06.2024.

Научная статья

УДК 37.017.924

EDN: WONHLG

ТВОРЧЕСКО-ПРОДУКТИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ОБУЧЕНИЯ КУРСАНТОВ
ВОЕННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОСГВАРДИИ
ИНОЯЗЫЧНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОМУ НАРРАТИВУ

Татьяна Геннадьевна Шарухина

Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии, Санкт-Петербург, Россия

tgsha2006@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5169-3044>

Аннотация. Российское общество и государство переживают существенные изменения в политической, экономической, культурологической, психологической, научной и других областях внутри страны и беспрецедентное давление со стороны коллективного Запада, который ведет гибридную войну против России. Сложившаяся ситуация и проведение специальной военной операции на Украине привели к росту значения иностранного языка в системе профессиональной подготовки курсантов военных образовательных организаций высшего образования и стратегии творческо-продуктивного обучения. Творческо-продуктивные технологии иноязычной подготовки курсантов должны занять ведущее место в учебном процессе. Цель статьи состоит в раскрытии понятия «творческо-продуктивные технологии обучения курсантов иноязычно-профессиональному нарративу» и психолого-педагогические условия их применения в иноязычно-профессиональном обучении курсантов. Творческо-продуктивные технологии характеризуются: управляемостью, универсальностью, научностью, доступностью, высокой результативностью, экономичностью, совместимостью, вариативностью, эргономичностью, мотивированностью, эвристичностью.

Ключевые слова: военная образовательная организация высшего образования, иноязычно-профессиональный нарратив, творческо-продуктивные технологии обучения

Для цитирования: Шарухина Т.Г. Творческо-продуктивные технологии обучения курсантов военных образовательных организаций высшего образования Росгвардии иноязычно-профессиональному нарративу // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2024. № 2 (27). С. 203–211. URL: <https://vestnik-spvi.ru/2024/06/021.pdf>. EDN: WONHLG.

Original article

CREATIVE-PRODUCTIVE TECHNOLOGIES FOR TEACHING FOREIGN LANGUAGE-PROFESSIONAL
NARRATIVE TO THE CADETS OF THE ROSGVARDIYA MILITARY EDUCATIONAL INSTITUTIONS
OF HIGHER EDUCATION

Tatiana G. Sharukhina

Saint-Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard Troops, Saint-Petersburg, Russia
tgsha2006@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5169-3044>

Abstract. Russian society and the state are experiencing significant changes in the political, economic, cultural, psychological, scientific and other fields within the country and unprecedented pressure from the collective West, which is waging a hybrid war against Russia. The current situation and the conduct of a special military operation in Ukraine have led to an increase in the importance of a foreign language in the professional training system of cadets of military educational institutions of higher education and the strategy of creative and productive teaching. The aim of the article is to reveal the concept of "creative-productive technologies for teaching foreign language-professional narrative cadets" and psychological and pedagogical conditions of their application in foreign-language-professional teaching of the cadets. Creative-productive technologies are characterized by: manageability, versatility, scientificity, accessibility, high efficiency, economic efficiency, compatibility, variability, ergonomics, motivation, heuristics.

Keywords: military educational institutions of higher education, foreign-language professional narrative, creative-productive teaching technologies

For citation: Sharukhina T.G. Creative-productive technologies for teaching foreign language-professional narrative to the cadets of the Rosgvardiya military educational institutions of higher education. Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta vojsk nacional'noj gvardii. 2024;2(27): 203–211. (In Russ.). Available from: <https://vestnik-spvi.ru/2024/06/021.pdf>. EDN: WONHLG.

© Шарухина Т.Г., 2024

Введение в проблему

Иноязычная подготовка в военных образовательных организациях высшего образования (неязыковых) осуществляется согласно установленным требованиям к обучению иностранным языкам. Она носит развивающий, практико-ориентированный характер и направлена на формирование относительно простых профессионально-коммуникативных компетенций обучающихся. К таким компетенциям относятся: умение читать и переводить со словарем, осуществлять реферирование устного и письменного относительно простого профессионального текста, кратко описывать устно и письменно сложившуюся профессиональную ситуацию. Образовательная задача обучения иноязычно-профессиональному нарративу не ставилась и не ставится. Однако, вместе со сменой образовательных парадигм, пришло время внесения коррективов и в постановку задач иноязычно-профессионального обучения курсантов. Иноязычно-профессиональное обучение в военных институтах необходимо поднять на более высокий уровень – уровень обучения иноязычно-профессиональному нарративу. Изменение целевой установки объективно «потребует» от профессорско-преподавательского состава отдавать предпочтение творческому подходу к обучению курсантов иноязычному общению [1]. Как отмечается в научной литературе, использование творческо-продуктивных технологий в обучении способствует реализации в образовательном процессе требований антропоцентристской (гуманистической) парадигмы, в рамках которой обучающиеся творчески участвуют в «производстве» образовательного продукта и в полной мере реализуется потенциал не только каждого, но и всего учебного коллектива [2].

Для разработки творческо-продуктивных педагогических технологий в процессе обучения курсантов иноязычно-профессиональному нарративу, основу которых составляет активное и творческое участие обучающихся в формировании у себя компетенций, важно понимать: что представляет собой образовательный продукт в виде иноязычно-профессионального нарратива, в

«производстве» которого активное участие принимает курсант? Какие педагогические и психологические условия выступают основными в успешном «производстве» образовательного продукта курсантом? Какие технологии обучения относятся к творческо-продуктивным в процессе формирования иноязычно-профессионального нарратива?

Методология и методы исследования

В исследовании приняли участие 1560 обучающихся. Оно проводилось с 2018 по 2023 годы на базе военных институтов Росгвардии. Научная задача состояла в проектировании и экспериментальной проверке творческо-продуктивных технологий обучения курсантов иноязычно-профессиональному нарративу.

Результаты

В узком понимании «образовательный продукт» – проект, выполненный обучающимися (отсюда технология или метод проектов) [2]. В широком смысле – это любой итог интеллектуально-речевой и предметной деятельности обучающихся, показывающий успешное решение определенных образовательных задач (например, проведение узконаправленного исследования; реферирование или перевод текста; анализ проблемной иноязычной ситуации; построение высказывания/рассказа на иностранном языке и т. д.).

Если речь заходит об основном психолого-педагогическом условии, способствующем успешному «производству» образовательного продукта обучающимся, то абсолютное большинство курсантов (99,6 % из общего числа опрошенных) и 100 % преподавателей, участвующих в процессе формирования эффективного иноязычно-профессионального нарратива, отметили, когда курсанту предоставляется возможность самовыразиться, самореализоваться в процессе изучения иностранного языка, когда он не боится ошибиться, составляя свой рассказ о смысле увиденного/услышанного, интерпретации причин появления того или иного смысла, пытается найти те слова и выражения, которые обеспечат понимание смысла, им высказанного [3]. Участвуя в создании образовательного продукта, курсант формирует свою технологию учебной деятельности (выступающую частью

технологии обучения), которая способствует его развитию [4].

В свою очередь, преподаватели стремятся постоянно совершенствовать технологии обучения, чтобы создать эвристическую атмосферу для учебной деятельности курсантов, так как технологии обучения очень важны для достижения образовательных целей и получения образовательного продукта [5]. Основное предназначение технологии можно выразить словами И. Г. Песталоцци о том, что каждый узнает лишь то, что сам пробует сделать [6].

Для определения сути творческо-продуктивной технологии обучения иноязычно-профессиональному нарративу важно понимать суть педагогической технологии как таковой.

Беспалько В. П. предлагает широкое определение педагогической технологии, как описания процесса формирования личности учащегося. В составе педагогической технологии он выделяет диагностические цели, содержание обучения, дидактические процессы и организационные формы обучения. Дидактические технологии должны основываться на принципах природосообразности и интенсивности [7, С. 96–97].

Кларин М. В. [8] в структуру педагогической технологии включал и личностные, и методологические, и инструментальные средства, разделяя все технологии на строгие и нестрогие.

Хуторской А. В., рассматривая условия эффективного творческо-продуктивного образовательного процесса, изучал природу творческих способностей обучающихся. Он выделяет свойства творческой интеллектуальной деятельности: креативность, фантазию, воображение, интуицию. Личность может обладать разным уровнем способностей: быть одаренной или талантливой. Свойства творческой интеллектуальной деятельности создают предпосылки для развития творческого потенциала человека. Раскрыть творческий потенциал каждого обучающегося помогает определенным образом организованная на занятиях и в процессе самостоятельной подготовки образовательная среда и применение эффективных творческо-продуктивных педагогических технологий [9].

Существует множество других подходов к определению феномена «педагогическая технология». Важно уяснить, что она научно обоснована, детально прописана, включает комплекс последовательных, логически связанных действий, обязательно приводящих к намеченному результату, может быть воспроизведена в аналогичных

условиях подготовленными для этого специалистами [10; 12].

С учетом данных положений в иноязычном обучении под творческо-продуктивной педагогической технологией понимают теоретически обоснованные и методически четко прописанные процедуры последовательных и согласованных по месту и времени, новаторских по задачам и/или содержанию, и/или способам взаимодействия преподавателя и курсантов, направленных на создание качественного «образовательного продукта», выраженного в виде сформированных мотивационно-смысловых установок, мини-технологий учебной деятельности обучающегося, его знаний, умений, навыков и компетенций в области иностранного языка и имеющего ту или иную значимость.

Правила взаимодействия преподавателя и курсанта позволяют их неоднократно использовать в аналогичных условиях. Последовательными технологическими этапами выступают: диагностический, мотивационно-развивающий (смыслообразующий), компетентностно-формирующий, рефлексивный.

Творческо-продуктивная технология характеризуется: управляемостью, универсальностью, научностью, доступностью, высокой результативностью, экономичностью, совместимостью, вариативностью, эргономичностью, мотивированностью, эвристичностью, воспроизводимостью.

Какие задачи прежде всего решают творческо-продуктивные технологии?

Одной из таких задач выступает развитие мотивации курсантов, так как она позволяет добиться эффекта быстрого включения курсанта в учебно-познавательную деятельность, помогает сформировать положительное отношение к изучению иностранного языка и получить наивысшие результаты. Проблема состоит в том, что значительная часть курсантов (47 %) считает, что у них отсутствуют способности к освоению иностранного языка. Небольшая часть курсантов утверждает, что иностранный язык им не понадобится на «поле боя» (12 %). Поэтому неотъемлемым правилом, «заложенным» в технологию, выступает осуществление комплексного направленного влияния на обучающихся с целью формирования понимания важности и необходимости овладения учебным материалом и в то же время возможности освоить его без «сверхусилий», побудить у курсантов устойчивый интерес к иностранному языку и желание систематически заниматься его изучением. Как показывает экспериментальная

работа, высокая мотивация к овладению иностранным языком и участию в творческо-продуктивной деятельности появляется тогда, когда преподавателю удастся добиться совпадения личных целей обучающихся, связанных с развитием профессиональной субъектности, с образовательными целями [14]. Основными педагогическими методами выступают: убеждение, стимулирование, поддержка.

Практика обучения свидетельствует, что грамотное применение творческо-продуктивных педагогических технологий способствует повышению интенсификации учебного процесса и развитию интеллектуально-коммуникативной и предметно-инструментальной деятельности обучающихся [15]. Основными методами при решении этой задачи выступают: упражнение и поддержка.

О каких педагогических творческо-продуктивных технологиях идет речь? Речь идет о технологии проектирования, технологии проблемно-поискового обучения, технологии развития критического мышления, игровых технологиях, технологии сотрудничества и наставничества, информационных технологиях.

Возникает вопрос: должна ли творческо-продуктивная технология быть сложной? Как показывает экспериментальная деятельность, технологии формирования компетенции иноязычно-профессионального нарратива не должны быть очень сложными, так как надежность их применения в значительной степени зависит от простоты. Кроме того, результаты применения технологии должны быть системными, видимыми и значимыми. Это означает, что на каждом занятии курсанты должны быть вовлечены в решение учебных задач с достижением положительного результата [16].

На что следует в первую очередь обращать внимание при разработке сценария использования технологий формирования компетенции иноязычно-профессионального нарратива на занятии? В процессе реализации технологий формирования компетенции иноязычно-профессионального нарратива следует учитывать, что обучающиеся, как правило, с энтузиазмом подходят к выполнению заданий, которые касаются лично их [17]. Например, при решении задачи объяснения военно-политической ситуации на иностранном языке перед аудиторией курсанты используют карту мира, фотографии, красочные презентации. Иногда практикуется ролевая игра «Политическое информирование», в которой курсанты выступают в роли должностного

лица, осуществляющего политическое информирование, свое мнение о сложившейся политической ситуации на иностранном языке.

С интересом курсанты проектируют «Карту взвода», в которой обозначают флажками свои родные места, откуда они приехали в военный институт, с надписями на русском и иностранных языках. При поиске эквивалентов названий городов на иностранных языках им приходится самостоятельно осваивать тему транслитерации и транскрипции при переводе имен собственных.

Перевод аутентичной литературы в процессе подготовки реферата также можно назвать творческо-продуктивной информационной работой. Обучающиеся проводят поисковую работу, чтобы найти современные аутентичные иноязычные источники по теме, которую хотят раскрыть. Затем выполняют перевод с применением дополнительных справочников, специализированных словарей, программ, составляют тезаурус, аннотацию, выводят заключение. Итогом данной деятельности является реферат-перевод, который можно использовать для написания дипломной работы.

Творческо-продуктивные технологии обучения непосредственно связаны с проектной деятельностью обучающихся. Для работы над проектом необходимо выдать правильно сформулированное «техническое задание», которое, с одной стороны, ограничит рамки выполняемой работы, а с другой стороны, придаст правильное направление творчески-продуктивной деятельности курсантов. Образовательный процесс в военных образовательных организациях высшего образования свидетельствует о том, что технология проектного обучения успешно реализуется при наличии познавательной мотивации обучающихся [18]. Поэтому вопросу актуализации значения иностранного языка в профессиональной деятельности будущего офицера уделяется значительное внимание.

В процессе проектной деятельности курсанты применяют различные приемы запоминания: повторение, создание ассоциативных карточек, контекстное восприятие и воспроизведение, подбор синонимов и антонимов и другие. На каждом занятии проверяется освоенность иностранных слов и обсуждаются разные приемы мнемотехники, которыми воспользовались курсанты. Обмен опытом происходит на иностранном языке. Так курсанты овладевают иноязычным профессиональным языком, учатся рассуждать и участвовать в

обсуждении вопросов, формируют свой стиль иноязычного профессионального нарратива.

Успешность профессионального взаимодействия и межкультурной коммуникации зависит от применения речевых стратегий [19]. Их развитию способствует включение обучающегося в проблемно-поисковые

ситуации, требующие обращения к накопленному практическому опыту.

Создание учебно-проблемных ситуаций на занятиях по иностранному языку вызывает проявление творческого отношения к делу, мобилизации творческих сил личности в целом в процессе совместной творческо-продуктивной деятельности [20].

Таблица – Преобразование заданий по иностранному языку в проблемно-поисковые

Table – Conversion of tasks in a foreign language into problem-search tasks

Обычные задания	Проблемно-поисковые задания
Listen to the conversation between a soldier and a local inhabitant and <i>underline</i> the mistakes.	Listen to the conversation between a soldier and a local inhabitant and <i>find out the answers to the following questions:</i> 1) Why did they say so? 2) Is it important for carrying out the task?
<i>Insert</i> the missing words into the gaps.	<i>Explain the grammar rules</i> that are used for inserting the missing words.
<i>Read and learn</i> the dialogue.	<i>Make up your own dialogue</i> on the topic.
<i>Choose</i> the proper answers to the questions from the list.	<i>Offer your own answers</i> to the questions.

Значимость проблемно-поисковой учебной деятельности состоит в том, что она включена в исследование, дискуссии, командное решение задач. Обучающийся овладевает опытом выдвижения научно обоснованных предположений и их использования для общения на иностранном языке. Для создания проблемных ситуаций простые задания можно преобразовывать, чтобы они были призваны решать проблемы и нацелены на поиск оптимальных решений (таблица).

Общение может происходить в разных речевых ситуациях. Иногда профессиональное общение может сопровождаться проблемами, поиском компромиссного выхода из незнакомых ситуаций. В данном случае помогает использование критического мышления и умения поиска оптимальных решений в речевой и поведенческой сфере. Какие свойства отличают критический характер мышления офицера? К таким свойствам следует отнести:

широкий кругозор с системной организацией информации, помогающий успешно осуществлять сравнительные операции мышления в различных областях;

предметная направленность и концентрация, создающие возможность «не уходить в сторону» от рассматриваемого вопроса, обозначенной дискуссии;

стремление «добраться до сути», не позволяющее принимать все «на веру» и заставляющее получить всестороннюю информацию прежде, чем вынести суждение;

настойчивость, характеризующаяся стабильной динамической тенденцией в проявлении умственных усилий для достижения высоких результатов в обучении;

готовность к компромиссу при необходимости достижения согласия с другими людьми;

способность признавать свои ошибки и их оперативно исправлять для дальнейшего интеллектуального развития;

понимание механизма интеллектуального процесса, логических законов и операций мышления.

Применение технологии развития критического мышления дает ряд преимуществ обучающемуся, а именно:

повышает качество обучения иностранному языку;

развивает познавательные, коммуникативные и саморегуляционные возможности;

обеспечивает рост эффективности формирования у курсантов индивидуального стиля иноязычно-профессионального нарратива;

повышает мотивацию к изучению иностранного языка и к самому образовательному процессу;

развивает умение работать в сотрудничестве; формирует ответственное отношение к своему образованию.

Для успешного использования технологии развития критического мышления важно понимать, из каких этапов состоит данная технология. Как правило, встречаются три основных этапа: постановка проблемы

(проблемного вопроса), организация осмысления (рефлексии), сопровождение решения. Вызов побуждает интерес, рефлексия запускает мыслительную деятельность и в конечном итоге появляется результат. Желательно в конце выполнения задания провести анализ достигнутого результата.

Например: в качестве итога пройденной темы поставить задачу составить интеллектуальную карту (mind map), включающую в себя все пройденные понятия, сравнить ее с содержанием учебника, сделать выводы об эффективности ее применения. Иногда развитие критического мышления сочетается с обучающей игровой деятельностью.

Геймификация и ролевые игры – очень популярный тренд в иноязычном обучении. В настоящее время приемы геймификации используются при изучении различных тем. В игре с особой полнотой проявляются способности и умения человека. Известно, что игра – это способ проведения занятия, который позитивно влияет на мотивацию и интенсифицирует процесс формирования у курсантов эффективного стиля иноязычно-профессионального нарратива. К тому же в современном информационно насыщенном мире гаджетов, девайсов и компьютерных игр монотонная и однотипная подача учебного материала уже не удовлетворяет потребностям обучающихся. Как не отвечает в полной мере четырехбалльная система оценивания запросу о более точном дифференцировании вклада каждого курсанта в совместное обучение. Об этом заявили 38 % преподавателей. Поэтому при использовании игровых технологий преподаватели вводят другие балльные шкалы за выполнение заданий.

Сотрудничество и наставничество – перспективные педагогические технологии, позволяющие индивидуализировать образовательный процесс. Сотрудничеству и наставничеству посвящено большое количество научных исследований. Ученые-философы и педагоги с древности придавали большое значение сотрудничеству как эффективной технологии обучения, заявляли о положительном воспитательном влиянии преподавателя на обучающегося.

Опыт преподавательской работы в течение многих лет и практические наблюдения за обучающимися и преподавателями позволяют утверждать об огромных педагогических возможностях различных форм взаимодействия между педагогом и курсантом. Большой обучающий потенциал таится во взаимоотношениях между самими

обучающимися, в разных форматах групп обучающихся.

Сотрудничество – педагогическая технология, в основе которой лежит идея объединения усилий, согласования мнений, целей и действий для достижения значимого для всех результата. В обучении иностранному языку сотрудничество необходимо для более эффективного управления учебной деятельностью курсантов и более быстрого преодоления трудностей, которые возникают у обучающихся при освоении учебного материала.

Наставничество – педагогическая технология профессионально-иноязычной подготовки курсантов, использование которой основано на принципах авторитетности и шефства в целях эффективного формирования мировоззренческих, целевых и операциональных установок у обучающихся в образовательном процессе.

Сотрудничество и наставничество являются «сквозными» технологиями, используемыми при применении любых других технологий, в том числе и информационных.

Беспрецедентная популярность смешанного обучения в сфере высшего образования в России свидетельствует о том, что информационные технологии могут облегчить процесс изучения иностранного языка. Многие преподаватели обсуждают преимущества гибридного (или смешанного) обучения и реализуют его как эффективную стратегию иноязычного обучения на своих занятиях.

Как показывает практика, информационные технологии повышают качество процесса изучения языка. Они позволяют преподавателям с помощью мультимедиа и компьютеров создавать искусственные, приближенные к реальным условия общения как на занятиях, так и при организации самоподготовки. Это способствует популярности различных учебных интернет-приложений для высшего образования. Практически все военные образовательные организации высшего образования разрабатывают свои интерактивные образовательные платформы и интегрируют в учебную программу свои курсы электронного обучения.

Мы можем наблюдать реальное влияние современных информационных технологий в обучении иностранному языку в высшем военном образовании. Цифровые устройства, такие как мобильные телефоны, планшеты постепенно заменяют учебники. Применение искусственного интеллекта в современном иноязычном обучении действительно меняет его качество. Уже сегодня

находят реализацию в практике иноязычного обучения такие информационные технологии, как MALL – мобильное обучение иностранному языку; CALL – компьютерное изучение иностранного языка; BYOD – использование собственных информационно-технологических устройств обучающихся для изучения иностранного языка.

В то же время необходимо отметить, что существуют проблемы с применением современных цифровых технологий у педагогов, придерживающихся традиционных способов преподавания из-за недостаточной информационно-технологической грамотности. Решение данной проблемы связано с организацией дополнительного профессионального образования преподавателей иностранных языков в области современных информационных технологий.

Помимо перечисленных технологий в творческо-продуктивном иноязычном обучении курсантов активно применяются такие

методы работы, как круглые столы, дискуссии, олимпиады, учебные экскурсии и др.

Выводы

Объективный военно-социальный запрос на повышение эффективности и качества иноязычной подготовки будущих офицеров выдвигает на первый план использование творческо-продуктивных технологий.

При обучении иностранному языку и формировании индивидуального иноязычно-профессионального нарратива в первую очередь используются технологии проектирования, технологии проблемно-поискового обучения, технологии развития критического мышления, игровые технологии, технологии сотрудничества и наставничества, информационные технологии.

Эффективное применение технологий предполагает постоянную работу профессорско-преподавательского состава по повышению своего педагогического мастерства.

Список источников

1. Алмазова Н. И. Принципы реализации продуктивного подхода в профессиональном иноязычном образовании (психолого-дидактические аспекты) / Н. И. Алмазова, А. В. Рубцова // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Серия «Гуманитарные и общественные науки». 2011. № 4 (136). С. 137.
2. Рубцова А. В. Содержательная основа иноязычной продуктивно-деятельностной компетентности (продуктивный подход) // Проблемы и перспективы развития образования: материалы междунар. заоч. науч. конф. (г. Пермь, май 2012 г.). Пермь: Меркурий, 2012. С. 154–156.
3. Алёхин И. А. Психологические условия развития познавательной самостоятельности обучающихся на основе интерактивных дидактических технологий // Мир образования – образование в мире. 2021. № 3. С. 12–21.
4. Шарухин А. П. Учебная деятельность курсантов военных образовательных организаций высшего образования войск национальной гвардии Российской Федерации: критерии оценки качества / А. П. Шарухин, А. С. Сапожников // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2017. Т. 10. № 11 (11). С. 53–54.
5. Шарухина Т. Г. Управление развитием педагогического творчества преподавателей вузов МВД России: автореф. дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.01 / Шарухина Татьяна Геннадьевна. СПб., 2002. 33 с.
6. Песталоцци И.-Г. Лебединая песня // Песталоцци И.-Г. Избр. пед. соч. : в 2 т. М. : Педагогика, 1981. Т. 2. С. 208–399.
7. Беспалько В. П. Слагаемые педагогической технологии. М. : Педагогика, 1989. 192 с.
8. Кларин М. В. Педагогическая технология в учебном процессе: Анализ зарубежного опыта. М. : Знание, 1989. 312 с.
9. Хуторской А. В. Технология эвристического обучения // Школьные технологии. 1998. № 4. С. 55–75.
10. Алёхин И. А. Педагогическая технология современной подготовки специалистов в военных вузах России // Известия Российской академии образования. 2021. № 1–2 (54). С. 135–146.
11. Теория обучения и педагогические технологии: учебное пособие / И. А. Алехин, А. В. Деникин, С. В. Тенитилов [и др.]; под ред. И. А. Алехина. М. : ВУМО РФ, 2017. 364 с.
12. Шарухин А. П. Военная педагогика: учебник. СПб. : ПИТЕР, 2017. 576 с.
13. Шарухина Т. Г. Творческо-продуктивное иноязычное обучение курсантов военных институтов на основе профессионального дискурса // Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта. 2023. № 1 (215). С. 335–340.

14. Емельянова Е. А. Развитие субъектности курсантов вузов внутренних войск МВД России в процессе обучения иноязычному общению: автореф. ... канд. пед. наук: 13.00.01 / Емельянова Елена Александровна. СПб., 2013. 24 с.
15. Хуторской А. В. Дистанционное обучение и его технологии // Журнал «Компьютерра». 2002. № 36. URL: https://khutorskoy.ru/science/concepts/technologies/tehnologiya_evristicheskogo_obucheniya.htm?ysclid=lunr82ts87540230250 (дата обращения: 03.04.2024).
16. Шарухин А. П. Педагогические парадигмы образования в военных институтах Росгвардии: постановка вопроса // Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта. 2023. № 4 (218). С. 465–469.
17. Каибов А.-Н. М. Стимулирующее педагогическое общение руководителя подразделения / А.-Н. М. Каибов, А. А. Кочин, А. П. Шарухин // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2021. № 1 (63). С. 28–32.
18. Бордовская Н. В. Гуманитарные технологии в вузовской образовательной практике: практика проектирования, анализа, применения: учебное пособие. СПб. : ООО «Книжный дом», 2008. 564 с.
19. Иванова Л. О. Речевые стратегии как средство взаимопонимания субъектов педагогического процесса: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01 / Иванова Людмила Олеговна. Псков, 2003. 205 с.
20. Гуляев В. Н. Развитие теории и практики проблемно-деятельностного обучения в высшей военной школе: автореф. дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.01 / Гуляев Владимир Николаевич. М., 2003. 49 с.

References

1. Almazova N. I. Principles of implementing a productive approach in professional foreign language education (psychological and didactic aspects) / N. I. Almazova, A. V. Rubcova // Nauchno-tekhnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politekhnicheskogo universiteta. Seriya «Gumanitarnye i obshchestvennye nauki». 2011;4 (136): 137. (In Russ.).
2. Rubcova A. V. Soderzhatel'naya osnova inoyazychnoj produktivno-deyatelnostnoj kompetentnosti (produktivnyj podhod) // Problemy i perspektivy razvitiya obrazovaniya: materialy mezhdunar. zaoch. nauch. konf. (g. Perm', maj 2012 g.). Perm': Merkurij, 2012. S. 154–156. (In Russ.).
3. Alyohin I. A. Psychological conditions for the development of cognitive independence of students based on interactive didactic technologies // Mir obrazovaniya – obrazovanie v mire. 2021;3: 12–21. (In Russ.).
4. Sharuhin A. P. Educational activities of cadets of military educational institutions of higher education of the National Guard troops of the Russian Federation: quality assessment criteria / A. P. Sharuhin, A. S. Sapozhnikov // Aktual'nye problemy humanitarnyh i social'no-ekonomicheskikh nauk. 2017. T. 10;11 (11): 53–54. (In Russ.).
5. Sharuhina T. G. Upravlenie razvitiem pedagogicheskogo tvorchestva prepodavatelej vuzov MVD Rossii: avtoref. dis. ... d-ra ped. nauk: 13.00.01 / Sharuhina Tat'yana Gennad'evna. SPb., 2002. 33 s. (In Russ.).
6. Pestalocci I.-G. Lebedinaya pesnya // Pestalocci I.-G. Izbr. ped. soch. : v 2 t. M. : Pedagogika, 1981. T. 2. S. 208–399. (In Russ.).
7. Bespal'ko V. P. Slagaemye pedagogicheskoy tekhnologii. M. : Pedagogika, 1989. 192 s. (In Russ.).
8. Klarin M. V. Pedagogicheskaya tekhnologiya v uchebnom processe: Analiz zarubezhnogo opyta. M. : Znanie, 1989. 312 s. (In Russ.).
9. Hutorskoj A. V. Heuristic learning technology // Shkol'nye tekhnologii. 1998;4: 55–75. (In Russ.).
10. Alyohin I. A. Pedagogical technology of modern training of specialists in military universities of Russia // Izvestiya Rossijskoj akademii obrazovaniya. 2021;1–2 (54): 135–146. (In Russ.).
11. Teoriya obucheniya i pedagogicheskie tekhnologii: uchebnoe posobie / I. A. Alekhin, A. V. Denikin, S. V. Tenitilov [i dr.]; pod red. I. A. Alekhina. M. : VUMO RF, 2017. 364 s. (In Russ.).
12. Sharuhin A. P. Voennaya pedagogika: uchebnik. SPb. : PITER, 2017. 576 s. (In Russ.).
13. Sharuhina T. G. Creative and productive foreign language training of cadets of military institutes based on professional discourse // Uchenye zapiski universiteta imeni P. F. Lesgafta. 2023;1 (215): 335–340. (In Russ.).
14. Emel'yanova E. A. Razvitie sub"ektnosti kursantov vuzov vnutrennih vojsk MVD Rossii v processe obucheniya inoyazychnomu obshcheniyu: avtoref. ... kand. ped. nauk: 13.00.01 / Emel'yanova Elena Aleksandrovna. SPb., 2013. 24 s. (In Russ.).

15. Hutorskoj A. V. Distance learning and its technologies // Zhurnal «Komp'yuterra». 2002;36. URL: https://khutorskoy.ru/science/concepts/technologies/tehnologiya_evristicheskogo_obucheniya.htm?ysclid=lunr82ts87540230250 (data obrashcheniya: 03.04.2024). (In Russ.).
16. Sharuhin A. P. Pedagogical paradigms of education in the military institutes of the Russian Guard: raising the question // Uchenye zapiski universiteta im. P. F. Lesgafta. 2023; 4 (218): 465–469. (In Russ.).
17. Kaibov A.-N. M. Stimulating pedagogical communication of the head of the department / A.-N. M. Kaibov, A. A. Kochin, A. P. Sharuhin // Vestnik Kaliningradskogo filiala Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2021;1 (63): 28–32. (In Russ.).
18. Bordovskaya N. V. Gumanitarnye tekhnologii v vuzovskoj obrazovatel'noj praktike: praktika proektirovaniya, analiza, primeneniya: uchebnoe posobie. SPb. : ООО «Knizhnyj dom», 2008. 564 s. (In Russ.).
19. Ivanova L. O. Rechevye strategii kak sredstvo vzaimoponimaniya sub"ektov pedagogicheskogo processa: dis. ... kand. ped. nauk: 13.00.01 / Ivanova Lyudmila Olegovna. Pskov, 2003. 205 s. (In Russ.).
20. Gulyaev V. N. Razvitie teorii i praktiki problemno-deyatel'nostnogo obucheniya v vysshej voennoj shkole: avtoref. dis... d-ra ped. nauk: 13.00.01 / Gulyaev Vladimir Nikolaevich. M., 2003. 49 s. (In Russ.).

Информация об авторе

Т. Г. Шарухина – доктор педагогических наук, профессор

Статья поступила в редакцию 08.05.2024;
одобрена после рецензирования 18.06.2024;
принята к публикации 20.06.2024.

Information about the author

T. G. Sharukhina – Doctor of Science (Pedagogy), Professor

The article was submitted 08.05.2024;
approved after reviewing 18.06.2024;
accepted for publication 20.06.2024.

Научная статья

УДК 159.9.07
EDN: XFZQZG

РЕЗУЛЬТАТЫ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ
УРОВНЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ
В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Виктор Владимирович Метелицкий¹, Дмитрий Геннадьевич Суханов², Артур Владимирович Рукавишников³

^{1, 2} Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии, Санкт-Петербург, Россия

³ Пермский военный институт войск национальной гвардии Российской Федерации, Пермь, Россия

¹ victor.metelitsky@yandex.ru, SPIN-код: 7370-9784, AuthorID: 1138415

² dim.suhanow2013@yandex.ru, SPIN-код: 1366-9895, AuthorID: 1213365

³ artur.rukavishnikov@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4093-2534>

Аннотация. В настоящей статье представлен анализ методологических подходов к пониманию сущности информационно-психологической безопасности. Предложен гуманистический взгляд к её определению, факторам и уровням. Описаны результаты экспериментального исследования уровня психологической безопасности в условиях информационно-психологического воздействия, которые свидетельствуют о необходимости планирования работы по защите личного состава войск национальной гвардии Российской Федерации от негативного информационно-психологического воздействия. Данная статья будет полезна командирам и начальникам различных степеней и уровней, должностным лицам органов по военно-политической работе, а также профессорско-преподавательскому составу для использования полученных данных в дальнейших исследованиях.

Ключевые слова: информационно-психологическая безопасность, войска национальной гвардии

Для цитирования: Метелицкий В.В., Суханов Д.Г., Рукавишников А.В. Результаты экспериментального исследования уровня психологической безопасности военнослужащих в условиях информационно-психологического воздействия // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2024. № 2 (27). С. 212–220. URL: <https://vestnik-spvi.ru/2024/06/022.pdf>. EDN: XFZQZG.

OTHER SOCIAL AND HUMANITIES SCIENCES
(LAW, PSYCHOLOGISTS AND PEDAGOGICAL SCIENCES)

Original article

THE RESULTS OF AN EXPERIMENTAL STUDY OF THE LEVEL OF PSYCHOLOGICAL SECURITY
OF MILITARY PERSONNEL IN THE CONDITIONS OF INFORMATION AND PSYCHOLOGICAL IMPACT

Viktor V. Metelitskiy¹, Dmitry G. Sukhanov², Artur V. Rukavishnikov³

^{1, 2} Saint-Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard Troops, Saint-Petersburg, Russia

³ Perm military Institute of National Guard Troops, Perm, Russia

¹ victor.metelitsky@yandex.ru, SPIN-код: 7370-9784, AuthorID: 1138415

² dim.suhanow2013@yandex.ru, SPIN-код: 1366-9895, AuthorID: 1213365

³ artur.rukavishnikov@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4093-2534>

Abstract. This article presents an analysis of methodological approaches to understanding the essence of information and psychological security. A humanistic view of its definition, factors and levels is proposed. The results of an experimental study of the level of psychological security in conditions of information and psychological impact are described, which indicate the need to plan

work to protect the personnel of the National Guard troops from negative information and psychological effects. This article will be useful for commanders and chiefs of various degrees and levels, officials of bodies for military and political work, as well as teaching staff to use the data obtained in further research.

Keywords: information and psychological security, National Guard troops

For citation: Metelitskiy V.V., Sukhanov D.G., Rukavishnikov A.V. Effective communication strategies for the future graduates of the Russian Federation National Guard Troops military education institution of higher education. Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta vojsk nacional'noj gvardii. 2024;2(27): 212–220. (In Russ.). Available from: <https://vestnik-spvi.ru/2024/06/022.pdf>. EDN: XFZQZG.

© Метелицкий В.В., Суханов Д.Г., Рукавишников А.В., 2024

Введение

Вопросы безопасности личности достаточно давно представляют научный интерес. Так, по мнению ряда известных ученых (К. Альдерфер [19], А. Маслоу [17] и др.), необходимость в безопасности является базовой потребностью человека, без удовлетворения которой невозможно движение к развитию и самоактуализации личности.

Эпоха информационных «потрясений» способствовала развитию понимания базовых потребностей человека, расширив и дополнив их состав информационной нуждой. Ряд современных наблюдений и целенаправленных исследований в данном направлении («О влиянии ложной и избыточной информации на человека» [10]; «Применение информационных технологий в обществе» [20] и др.) заставляют всерьез задуматься о необходимости информационной безопасности личности. Так, в соответствии с законом «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [1] под информационной безопасностью необходимо понимать защищенность информации от любых действий, в результате которых владельцам или пользователям информации может быть нанесен недопустимый ущерб.

В условиях междисциплинарности современного научного познания [14] понятие информационной безопасности может рассматриваться в различных аспектах: правовом (правовая защищенность личности по средствам разработки нормативно-правовой базы), информационном (информационная защищенность личности по средствам управления информационными потоками), психологическом (психологическая защищенность личности по средствам контроля сознания и поведения человека), педагогическом (педагогическая защищенность личности по средствам формирования и развития личностных качеств) и др.

Указанные выше доводы подтверждаются повышенным интересом ряда современных научных исследований. Психологическим

сторонам безопасности посвящены работы А. Г. Караяни [12], Б. М. Ким [13] и др.; правовым – исследования А. В. Баркова, А. К. Дубень [8] и др.; информационным – работы Д. С. Буянов, А. Д. Чесноков [18] и др.; педагогическим – исследования Н. Д. Берман, М. Г. Ишхановой [11] и др.

Современные условия, характеризующиеся непростой геополитической ситуацией в мире и в Российской Федерации в частности, непрерывным ведением против нашего государства гибридных войн, лишь усиливают актуальность всесторонней информационной защиты и обеспечения информационной безопасности личности [2; 5]. По мнению Президента Российской Федерации В. В. Путина, мир характеризуется ситуацией геополитических противоречий и деградацией безопасности, в том числе в области информации [16].

По данной причине в условиях участия войск национальной гвардии в специальной военной операции, которая влияет на развитие и современное состояние военного искусства, защита личного состава от негативного информационно-психологического воздействия является важнейшим мероприятием всестороннего обеспечения боевых действий и ведущей задачей военно-политической работы в целом.

Так, в соответствии с Наставлением по военно-политической (политической) работе в войсках национальной гвардии Российской Федерации, работа по защите личного состава от негативного информационно-психологического воздействия ориентируется на следующие планируемые результаты:

- 1) оценка морально-политического и психологического состояния личного состава;
- 2) осведомленность о целях, задачах, формах и методах негативного информационно-психологического воздействия;
- 3) знания личным составом ограничений и запретов, связанных с особенностями прохождения военной службы (службы);
- 4) навыки действия в условиях информационного воздействия и другие цели;

5) готовность военнослужащих (сотрудников) к выполнению задач в условиях негативного информационно-психологического воздействия.

Безусловно, важнейшим направлением информационной безопасности личности является психологический аспект, который обязан обеспечить раннее выявление лиц, испытывающих информационно-психологическое воздействие и обеспечение их психологической защиты.

О влиянии информационного пространства на поведение человека очень точно пишут еще в Античности ученики философа Сократа, описывая фильтрацию информации. Прежде чем уяснить информацию, необходимо выполнить ряд алгоритмов: просеять через сито «добра» (положительная или отрицательная информация) сито «пользы» (значимость информации), сито «правды» (её достоверность) [15]. В теории коммуникации Аристотеля показано, что в большинстве случаев информация не соответствует основным требованиям и в итоге является губительной для человека. История повторяется. Человек нуждается в информационной гигиене. В Древние века существовал недостаток информации, в современное время – её переизбыток.

Цель настоящей статьи заключается в поиске факторов и закономерностей влияния информационного потока на психологическую безопасность личности.

Основные положения

Ввиду полипарадигмальности современной науки [6], в особенности это касается социально-гуманитарных знаний, важно определиться с ведущим методологическим подходом, который позволит нам, во-первых, определить понятие информационно-психологической безопасности, а во-вторых, определить критерии для её оценки.

Анализ научных подходов свидетельствует [7], что под информационно-психологической безопасностью личности можно понимать:

а) способность психики сопротивляться внешним и внутренним информационным угрозам (психоаналитический подход);

б) психическое образование, позволяющее решать стереотипные информационно-психологические задачи (бихевиористический подход);

в) психическое образование, позволяющее решать нестандартные информационно-психологические задачи (когнитивный подход);

г) психическое состояние удовлетворенности основных потребностей (гуманистический подход);

д) психическое состояние общей удовлетворенности жизнью и деятельностью (экзистенциальный подход) и другие подходы.

В соответствии с выделенными научными подходами к пониманию сущности информационно-психологической безопасности, уместно определить основные критерии информационно-психологической безопасности:

а) совокупность защитных механизмов психики (психоаналитический подход);

б) наличие информационно-психологических навыков реагирования (бихевиористический подход) [4];

в) уровень творческих способностей в работе с пониманием различного рода информации (когнитивный подход) [3];

г) степень удовлетворенности человека различными сторонами жизнедеятельности (гуманистический подход);

д) наличие жизненных планов, перспектив и целей (экзистенциальный подход).

Придерживаясь гуманистических взглядов на различные аспекты психологической жизни человека, можно предположить, что психологическая безопасность личности, в данном контексте, может рассматриваться как степень удовлетворенности личностью основными потребностями.

Ярким примером гуманистического подхода к психологической безопасности является «пирамида потребностей» А. Маслоу. Автор полагает, что развитие человека осуществляется посредством удовлетворения ряда потребностей. Он их распределял по значимости: физиологические потребности (голод, сон, сексуальное влечение и др.), потребность в безопасности (ощущение комфорта, благоприятные условия жизнедеятельности и др.), потребность в принадлежности (быть частью какого-либо коллектива, группы, испытывать чувства по отношению к другим), потребность в уважении (быть признанным в коллективе, достигать определенных успехов в общем деле), потребность в познании (обладать необходимым уровнем подготовки, создавать что-то новое), эстетические потребности (приводить что-либо в порядок, чувство гордости), потребность в самоактуализации (стремление к самовыражению, реализация своих целей и способностей).

Успешное удовлетворение потребностей, переход от одного уровня к другому обеспечивает психологическую безопасность личности. Исходя из этого, была разработана анкета и проведено пилотажное исследование на военнослужащих одной из воинских частей войск с целью определения уровня психологической

безопасности. Под уровнем психологической безопасности мы предполагаем степень удовлетворенности личности различными видами потребностей.

Результаты исследования

В исследовании приняло участие 30 военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, примерно схожих возрастных групп, уровня образования и выслуги лет. Анкета представляла собой 7 вопросов с 10-балльной шкалой для ответов, где 1 – полностью не удовлетворён, а 10 – полностью удовлетворен. Каждый вопрос характеризует степень психологической безопасности личности. Например, удовлетворенность военнослужащим качеством питания, режимом труда и отдыха свидетельствует о его физиологической безопасности. Индивидуальная безопасность характеризуется удовлетворенностью условиями прохождения службы, микросоциальная безопасность – взаимоотношениями в коллективе, макросоциальная безопасность – своей ролью в коллективе, когнитивная безопасность – уровнем профессиональной подготовки, эстетическая безопасность – гордостью за принадлежность к войскам, акмеологическая

безопасность – перспективами дальнейшего развития в профессии.

В результате проведенного исследования установлено, что наименьшую степень удовлетворенности у военнослужащих вызывает сфера эстетической безопасности (престиж службы) и акмеологической безопасности (перспективы развития в профессии). Так, по мнению большинства респондентов (53 %), указанные сферы удовлетворенности не превышают оценочного показателя в 4 балла.

Вместе с этим многие военнослужащие не в полной мере удовлетворены своей ролью и местом в коллективе. Так, 23 % респондентов считают сферу социального положения в коллективе неудовлетворительной и оценивают в интервалах от 2 до 4 баллов.

Единично выявлены случаи неудовлетворенности условиями прохождения службы (1 чел.), а также неудовлетворенности взаимоотношениями в коллективе (2 чел.).

В целях графического представления результатов исследования данные представлены в виде рисунка и выражены в средних значениях по каждой сфере психологической безопасности (рисунок 1).

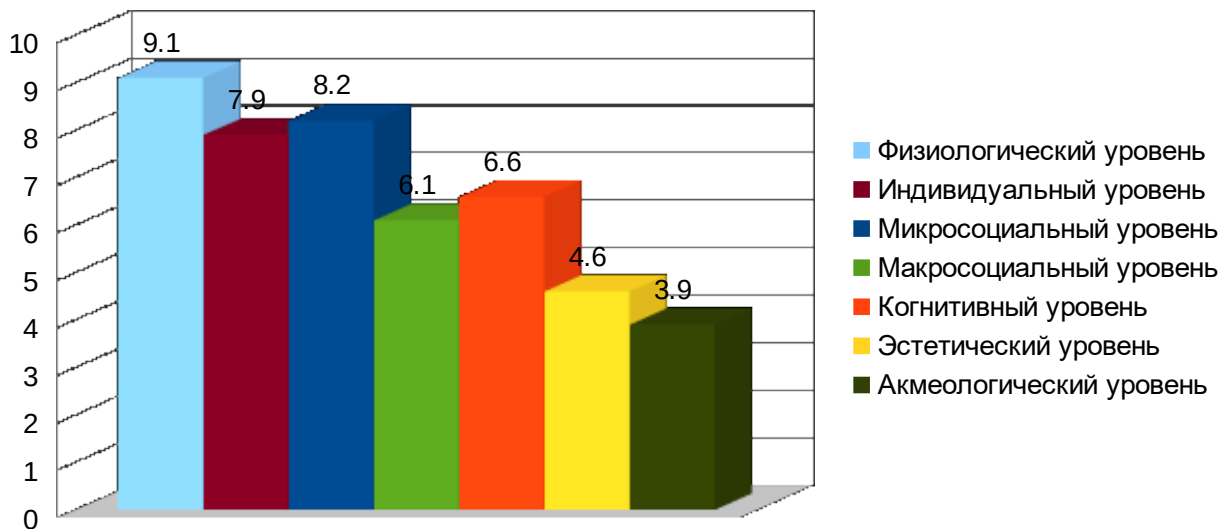

Рисунок 1 – Результаты изучения психологической безопасности военнослужащих (в средних значениях)

Figure 1 – Results of the study of the psychological safety of military personnel (in average values)

Представленный рисунок свидетельствует о взаимосвязи низших и высших потребностей. Чем выше ранг потребности человека, тем ниже её статус и удовлетворенность, и наоборот, чем ниже ранг потребности человека, тем выше её уровень удовлетворенности.

Также из представленного рисунка видно, что уровень психологической безопасности среди военнослужащих не

является высоким. Более того, высокоорганизованные сферы потребности военнослужащих требуют повышенного психолого-педагогического внимания со стороны должностных лиц. Осложняется данная тенденция непрерывным информационно-психологическим влиянием на военнослужащего, что, по нашему мнению, является одним из факторов, снижающих уровень психологической безопасности.

Предполагаем, что уровень психологической безопасности связан с характером информационно-психологического воздействия на личность. К основным характеристикам информации мы относим: тип информации (тематика), количество информации (объем, частота), качество информации (достоверность), способ получения информации (устно, визуально, в практической жизни и др.). Изучим каждый из представленных факторов.

В этих целях условно разделим нашу выборку на 2 группы: 1 группа – условно с высоким уровнем психологической безопасности, 2 группа – со сниженным уровнем психологической безопасности. Для этого посчитаем общий балл за каждого испытуемого, а затем проранжируем полученные результаты. Ряд испытуемых с 1 по 15 место войдут в 1 исследовательскую группу, во 2 исследовательскую группу – лица, расположившиеся с 16 по 30 место.

Затем изучим данные аспекты и постараемся найти взаимосвязи и закономерности между уровнем психологической безопасности и характером информационного воздействия.

В ходе анализа научных источников было выявлено наличие следующей информационной тематики, которая чаще всего интересует современного человека. Перечислим.

1. Внутренняя политика (социально-экономические проблемы).

2. Внешняя политика (международная политическая обстановка, обстановка на фронтах специальной военной операции).

3. Правопорядок и суд (криминогенная обстановка).

4. Наука и техника (доступность информационных технологий, устойчивых к различным видам воздействия).

5. Чрезвычайные ситуации (пожары, войны, стихийные бедствия).

6. Профессиональная сфера (деятельность Росгвардии, непосредственных командиров и начальников).

После этого было предложено в двух исследовательских группах ответить на вопрос: «Какие из перечисленных информационных сфер вызывают у Вас особый интерес?». В качестве выбора были предложены 6 информационных сфер: сфера внешней и внутренней политики, правопорядок, наука и техника, сфера чрезвычайных ситуаций и профессиональная сфера. Респондентам необходимо было оценить каждую из предложенных сфер по 10-балльной шкале, где 1 – «не обращаю внимание вовсе», а 10 – «постоянно интересуюсь».

В результате проведенного исследования установлено, что доминирующей тематикой «информационного потребления» военнослужащих 1 исследовательской группы является профессиональная сфера (деятельность Росгвардии, непосредственных командиров и начальников) и сфера применения инновационных технологий. Во 2 исследовательской группе ведущей тематикой, интересующей военнослужащих, является сфера внешней и внутренней политики. Наглядно результаты представлены в виде рисунка (рисунок 2).

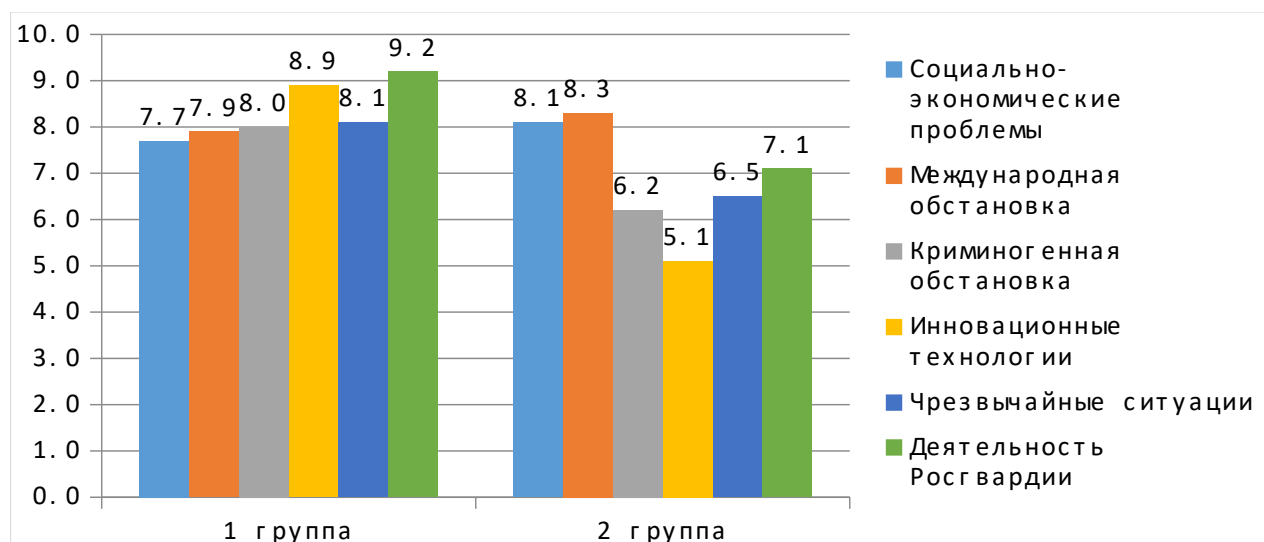

Рисунок 2 – Распределение информационной тематики в 2 исследовательских группах (в средних значениях)

Figure 2 – Distribution of information topics in 2 research groups (in average values)

Применение методов математической статистики [9] подтвердили наши выводы о зависимости психологической безопасности от ведущей информационной тематики.

Проведенные исследования также указали на взаимосвязь психологической безопасности и объема, и частоты информационного воздействия. Так, чем больше объема информации получают военнослужащие, тем выше у них уровень психологической безопасности, и наоборот, чем чаще они получают информацию (переизбыток информации), тем ниже уровень психологической безопасности.

Так, в 1-й исследовательской группе большинство респондентов (73 %) указало, что им приходится реже обращаться к поиску какой-либо информации, однако проводят, как они считают, много времени при её ознакомлении. Во 2-й исследовательской группе ситуация обратно противоположная: примерно 86 % респондентов указало, что они проводят мало времени по поиску информации, однако делают это часто (более 10–15 раз в сутки).

Вместе с этим респонденты предпочитают получать информацию через текст, видео, взаимодействие с командирами и начальниками. Примечательно, что в 1-й исследовательской группе большинство предпочитает получать информацию в ходе общения с командирами и начальниками (80 %) и просмотра видеосюжетов (93 %). Во второй исследовательской группе большинство используют текстуальные источники информации (87 %). А значит, люди, воспринимающие большую часть информации через чтение и письмо, более подвержены психологической угрозе.

Заключение

Проведенное исследование позволило нам сделать следующие теоретические и практические выводы:

1. Понятие психологической безопасности военнослужащего в рамках гуманистического подхода можно рассматривать как процесс движения к самоактуализации и как результат удовлетворенность им базовыми потребностями.

2. Уровнями психологической безопасности военнослужащего являются: физиологический уровень, индивидуальный

уровень, микросоциальный уровень, макросоциальный уровень, когнитивный уровень, эстетический уровень и акмеологический уровень безопасности.

3. К основным факторам информационно-психологической безопасности личности военнослужащего можно отнести: тематику информации, её объем, частоту воздействия и способ её получения.

4. На высокий уровень психологической безопасности военнослужащего положительно влияет: информация о профессиональной деятельности, а также информация в сфере науки и современных технологий. Позитивным также является объем информационного воздействия, но не частота его воздействия (дозирование). Вместе с этим высокий уровень психологической безопасности определяют практические и визуальные методы её получения.

5. Снижение уровня психологической безопасности личности, в соответствии с полученными результатами, определяет информация в сфере внутренней и внешней политики, частота информационных воздействий, а также текстуальный способ ознакомления с информацией, где, как мы полагаем, наибольшее количество информационных фейков и искажений.

Данные выводы позволяют корректировать работу командиров и начальников в рамках организации военно-политической подготовки с подчиненными, мероприятий по защите личного состава от негативного информационно-психологического воздействия, организации с ними индивидуальной воспитательной работы.

Результаты проведенного исследования требуют проведения дальнейших исследований в данном направлении, тематика которых представлена ниже:

1. Определение социально-психологических факторов, влияющих на психологическую безопасность личности.

2. Разработка и апробация диагностического инструментария по оценке информационных факторов.

3. Психолого-педагогическое сопровождение защиты личного состава от негативного информационно-психологического воздействия.

Список источников

1. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»: в ред. Федерального закона от 12 декабря 2023 г. № 588-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ysclid=ltid9ndided595536867 (дата обращения: 20.02.2024).

2. Беловолов В. А. Межэтнические установки в поликультурной образовательной среде военного института / Т. И. Султанбеков, Д. Е. Матвеев, А. И. Тимофеев, В. А. Беловолов // Проблемы современного педагогического образования. 2017. № 56-3. С. 197–204. EDN WTBGRX.
3. Беловолов В. А. Реализация этнокультурного содержания при изучении гуманитарных учебных дисциплин / Т. И. Султанбеков, В. А. Беловолов, А. И. Тимофеев, Р. Н. Игнатенко // Педагогика. 2020. Т. 84. № 10. С. 53–59. EDN CPPPZS.
4. Беловолов В. А. Реализация спецкурса межэтнической толерантности как условие формирования готовности курсантов к противодействию этническому экстремизму / Т. И. Султанбеков, Г. В. Чумаров, А. И. Тимофеев [и др.] // Перспективы науки и образования. 2022. № 5(59). С. 166–185. DOI 10.32744/pse.2022.5.10. EDN EMEPAL.
5. Беловолов В. А. Экстремизм как угроза национальной безопасности / Т. И. Султанбеков, В. А. Беловолов, Р. Н. Игнатенко // Проблемы современного педагогического образования. 2020. № 66-1. С. 210–215. EDN ISIZXG.
6. Буюнов Д. С. Информационная безопасность в социальных сетях // Молодой ученый. 2018. № 39 (225). С. 14–16.
7. Гамова С. Н. Научные подходы к изучению психологической безопасности в отечественных и зарубежных исследованиях / С. Н. Гамова, Т. Д. Красова, Ж. В. Чуйкова // Мир науки. Педагогика и психология. 2020. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nauchnye-podhody-k-izucheniyu-psihologicheskoy-bezopasnosti-v-otechestvennyh-i-zarubezhnyh-issledovaniyah> (дата обращения: 20.02.2024).
8. Дубень А. К. Отдельные аспекты правового обеспечения информационной безопасности в Российской Федерации // Закон и право. 2022. № 7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otdelnye-aspekty-pravovogo-obespecheniya-informatsionnoy-bezopasnosti-v-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 24.02.2024).
9. Евенко С. Л. Методы математической статистики в психологии. Сборник задач: учебное пособие. М. : ВУ, 2005. 231 с.
10. Еремин А. А. Экология человека. 2000. № 2. С. 55–60.
11. Ишханова М. Г. Педагогические технологии (приемы, методы) формирования информационной культуры у студентов / М. Г. Ишханова, А. Ю. Оршарский // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1-1. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=18880&ysclid=ifd9t9xp7w5668937925> (дата обращения: 24.02.2024).
12. Караяни А. Г. Информационно-психологическое воздействие в контексте парадигмы стратегических коммуникаций / А. Г. Караяни, Ю. М. Караяни // Национальный психологический журнал. 2021. № 1 (41). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionno-psihologicheskoe-vozdeystvie-v-kontekste-paradigmy-strategicheskikh-kommunikatsiy> (дата обращения: 24.02.2024).
13. Ким Б. М. Психологическое воздействие информационной среды на современного человека // Наука, образование и культура. 2017. № 4 (19). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskoe-vozdeystvie-informatsionnoy-sredy-na-sovremennogo-cheloveka-2> (дата обращения: 04.02.2024).
14. Лысак И. В. Междисциплинарность: преимущества и проблемы применения // Современные проблемы науки и образования. 2016. № 5. С. 264.
15. Платон Философские беседы (диалоги): Евтифрон, апология Сократа, Критон, Федон / Платон; пер. с древнегреч., предисл. и примеч. А.С. Клеванова. Изд. 2-е. М., 2012. 270 с.
16. Путин В. В. заявил о геополитических противоречиях // Риа Новости. 2023. URL: <https://ria.ru/20230704/putin-1882084617.html> (дата обращения: 24.05.2024).
17. Маслоу А. Мотивация и личность. СПб. : Питер, 2019. 400 с.
18. Чесноков А. Д. Информационная безопасность // StudNet. 2022. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnaya-bezopasnost-6> (дата обращения: 14.02.2024).
19. Alderfer, Clayton P., An Empirical Test of a New Theory of Human Needs; Organizational Behaviour and Human Performance. Volume 4, issue 2, pp. 142–175, May 1969.
20. Wang X., Guo Y., Yang M., Chen Y., Zhang W. Information ecology research: past, present, and future. Information Technology and Management. 2017. 18(1), pp. 27–39.

References

1. Federal'nyj zakon ot 27 iyulya 2006 g. № 149-FZ «Ob informacii, informacionnyh tekhnologiyah i o zashchite informacii»: v red. Federal'nogo zakona ot 12 dekabrya 2023 g. № 588-FZ. URL:

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ysclid=Itd9ndided595536867 (data obrashcheniya: 20.02.2024). (In Russ.).

2. Belovolov V. A. Interethnic attitudes in the multicultural educational environment of the military Institute / T. I. Sultanbekov, D. E. Matveev, A. I. Timofeev, V. A. Belovolov // Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya. 2017;56-3: 197–204. EDN WTBGRX. (In Russ.).

3. Belovolov V. A. The implementation of ethnocultural content in the study of humanitarian academic disciplines / T. I. Sultanbekov, V. A. Belovolov, A. I. Timofeev, R. N. Ignatenko // Pedagogika. 2020. T. 84. № 10. S. 53–59. EDN CPPPZS. (In Russ.).

4. Belovolov V. A. The implementation of a special course on interethnic tolerance as a condition for the formation of cadets' readiness to counter ethnic extremism / T. I. Sultanbekov, G. V. Chumarov, A. I. Timofeev [i dr.] // Perspektivy nauki i obrazovaniya. 2022;5(59): 166–185. DOI 10.32744/pse.2022.5.10. EDN EMEPAL. (In Russ.).

5. Belovolov V. A. Extremism as a threat to national security / T. I. Sultanbekov, V. A. Belovolov, R. N. Ignatenko // Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya. 2020;66-1: 210–215. EDN ISIZXG. (In Russ.).

6. Buyanov D. S. Information security in social networks // Molodoj uchenyj. 2018;39 (225): 14–16. (In Russ.).

7. Gamova S. N. Scientific approaches to the study of psychological safety in domestic and foreign studies / S. N. Gamova, T. D. Krasova, Zh. V. Chujkova // Mir nauki. Pedagogika i psihologiya. 2020;4. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/nauchnye-podhody-k-izucheniyu-psihologicheskoy-bezopasnosti-v-otchestvennyh-i-zarubezhnyh-issledovaniyah> (data obrashcheniya: 20.02.2024). (In Russ.).

8. Duben' A. K. Certain aspects of the legal provision of information security in the Russian Federation // Zakon i pravo. 2022;7. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/otdelnye-aspekty-pravovogo-obespecheniya-informatsionnoy-bezopasnosti-v-rossiyskoy-federatsii> (data obrashcheniya: 24.02.2024). (In Russ.).

9. Evenko S. L. Metody matematicheskoy statistiki v psihologii. Sbornik zadach: uchebnoe posobie. M.: VU, 2005. 231 s. (In Russ.).

10. Eremin A. L. The nature and physiology of human information ecology // Ekologiya cheloveka. 2000;2: 55–60. (In Russ.).

11. Ishkhanova M. G. Pedagogical technologies (techniques, methods) for the formation of information culture among students / M. G. Ishkhanova, A. Yu. Orsharskij // Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. 2015;1-1. Available from: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=18880&ysclid=Itd9txp7w5668937925> (data obrashcheniya: 24.02.2024). (In Russ.).

12. Karayani A. G. Informational and psychological impact in the context of the strategic communications paradigm / A. G. Karayani, Yu. M. Karayani // Nacional'nyj psihologicheskij zhurnal. 2021;1 (41). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionno-psihologicheskoe-vozdeystvie-v-kontekste-paradigmy-strategicheskikh-kommunikatsiy> (data obrashcheniya: 24.02.2024). (In Russ.).

13. Kim B. M. The psychological impact of the information environment on a modern person // Nauka, obrazovanie i kul'tura. 2017;4 (19). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskoe-vozdeystvie-informatsionnoy-sredy-na-sovremennogo-cheloveka-2> (data obrashcheniya: 04.02.2024). (In Russ.).

14. Lysak I. V. Interdisciplinarity: advantages and problems of application // Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. 2016;5: 264. (In Russ.).

15. Platon Filosofskie besedy (dialogi): Evtifron, apologiya Sokrata, Kriton, Fedon / Platon; per. s drevnegrech., predisl. i primech. A.S. Klevanova. Izd. 2-e. M., 2012. 270 s. (In Russ.).

16. Putin V. V. zayavil o geopoliticheskikh protivorechiyah // Ria Novosti. 2023. Available from: <https://ria.ru/20230704/putin-1882084617.html> (data obrashcheniya: 24.05.2024). (In Russ.).

17. Maslou A. Motivaciya i lichnost'. SPb.: Piter, 2019. 400 s. (In Russ.).

18. Chesnokov A. D. Information security // StudNet. 2022;1. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnaya-bezopasnost-6> (data obrashcheniya: 14.02.2024). (In Russ.).

19. Alderfer, Clayton P., An Empirical Test of a New Theory of Human Needs; Organizational Behaviour and Human Performance. Volume 4, issue 2, pp. 142–175, May 1969. (In Russ.).

20. Wang X., Guo Y., Yang M., Chen Y., Zhang W. Information ecology research: past, present, and future. Information Technology and Management. 2017. 18(1), pp. 27–39. (In Russ.).

Информация об авторах

В. В. Метелицкий – кандидат педагогических наук

Д. Г. Суханов – кандидат педагогических наук

А. В. Рукавишников – кандидат педагогических наук

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 27.05.2024;
одобрена после рецензирования 29.05.2024;
принята к публикации 20.06.2024.

Information about the authors

V. V. Metelitskiy – Candidate of Sciences (Pedagogy)

D. G. Sukhanov – Candidate of Sciences (Pedagogy)

A. V. Rukavishnikov – Candidate of Sciences (Pedagogy)

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 27.05.2024;
approved after reviewing 29.05.2024;
accepted for publication 20.06.2024.

Обзорная статья

УДК 340

EDN: XLYWET

ОБЗОР ВЫСТУПЛЕНИЙ ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ

«ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ ОРИЕНТИРЫ И ОСНОВЫ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА:
ПРОБЛЕМЫ, УГРОЗЫ И РИСКИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ»

Алексей Александрович Дерюгин¹, Галина Николаевна Крижановская²

^{1, 2} Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии, Санкт-Петербург, Россия

¹ deryuginaa@rosgvard.ru

² imyarec@list.ru

Аннотация. Авторами представлен обзор Всероссийской научно-практической конференции, организованной и проведенной 3 апреля 2024 г. Санкт-Петербургским военным ордена Жукова институтом войск национальной гвардии Российской Федерации в рамках выставки передовых технологий обеспечения безопасности личности, общества и государства «ЭКСПОТЕХНОСТРАЖ. День передовых технологий». В ходе конференции был рассмотрен широкий круг вопросов, связанных с проблемами сохранения и транслирования духовно-нравственных ориентиров и основ российского общества в современных условиях.

Ключевые слова: духовно-нравственные ориентиры, российская государственность, государственный суверенитет, государственная идеология, патриотическое воспитание, юридическое образование, экстремизм, традиции, воинские ритуалы, историческая грамотность, национальные интересы

Для цитирования: Дерюгин А.А., Крижановская Г.Н. Обзор выступлений Всероссийской научно-практической конференции «Духовно-нравственные ориентиры и основы российского общества: проблемы, угрозы и риски в современных условиях» // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2024. № 2 (27). С. 221–229. URL: <https://vestnik-spvi.ru/2024/06/023.pdf>. EDN: XLYWET.

SCIENTIFIC LIFE

Review article

REVIEW OF THE PRESENTATIONS OF THE ALL-RUSSIAN SCIENTIFIC AND PRACTICAL CONFERENCE
"SPIRITUAL AND MORAL GUIDELINES AND FOUNDATIONS OF RUSSIAN SOCIETY:
PROBLEMS, THREATS AND RISKS IN MODERN CONDITIONS"

Alexey A. Deryugin¹, Galina N. Krizhanovskaya²

^{1, 2} Saint-Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard Troops, Saint-Petersburg, Russia

¹ deryuginaa@rosgvard.ru

² imyarec@list.ru

Abstract. The authors present an overview of the All-Russian scientific and practical conference organized and held on April 03, 2024 by the St. Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard of the Russian Federation within the framework of the exhibition of advanced technologies for ensuring the security of the individual, society and the state "EXPOTECHNOSTAGE. Advanced Technology Day". During the conference, a wide range of issues related to the problems of preserving and broadcasting spiritual and moral guidelines and foundations of Russian society in modern conditions was considered.

Keywords: spiritual and moral guidelines, Russian statehood, state sovereignty, state ideology, patriotic education, legal education, extremism, traditions, military rituals, historical literacy, national interests

For citation: Deryugin A.A., Krizhanovskaya G.N. Review of the presentations of the All-Russian scientific and practical conference "Spiritual and moral guidelines and foundations of Russian society: problems, threats and risks in modern conditions". Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta vojsk nacional'noj gvardii. 2024;2(27): 221–229. (In Russ.). Available from: <https://vestnik-spvi.ru/2024/06/023.pdf>. EDN: XLYWET.

© Дерюгин А.А., Крижановская Г.Н., 2024

Введение

3 апреля 2024 года Санкт-Петербургским военным ордена Жукова институтом войск национальной гвардии Российской Федерации (далее – СПВИ войск национальной гвардии) в рамках выставки передовых технологий обеспечения безопасности личности, общества и государства «ЭКСПОТЕХНОСТРАЖ-2024» была организована и проведена Всероссийская научно-практическая конференция «Духовно-нравственные ориентиры и основы российского общества: проблемы, угрозы и риски в современных условиях».

В работе конференции приняли участие представители Правительства Ленинградской области, совета депутатов Гатчинского муниципального района Ленинградской области, общественных организаций, а также профессорско-преподавательский состав и обучающиеся высших учебных заведений Москвы, Санкт-Петербурга и Ленинградской области, Брянска, Новосибирска, Нижнего Новгорода, Оренбурга, Орла и Томска, заинтересованные в повышении безопасности духовно-нравственных основ российского общества.

Модераторами конференции выступили: доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, Почетный сотрудник МВД России, академик РАЕН В. П. Сальников; кандидат юридических наук, доцент А. А. Дерюгин; кандидат исторических наук, доцент Г. Н. Крижановская.

Участниками конференции был рассмотрен широкий круг вопросов, связанных с историческими, теоретическими и практическими аспектами:

защиты национальных интересов Российской Федерации в свете современных вызовов и угроз ее безопасности;

развития межведомственного взаимодействия по вопросам поддержания гражданского мира и согласия в стране, укрепления законности, искоренения коррупции, поддержания правопорядка, совершенствования механизмов взаимодействия государства и гражданского общества;

совершенствования организационных и правовых механизмов защиты российского общества от деструктивного информационно-психологического воздействия;

организации противодействия попыткам деструктивных сил влиять на традиционные духовно-нравственные ценности, в том числе в среде российской молодежи, культурное и историческое наследие, историческую память народа России;

выработкой форм и методов повышения эффективности патриотического воспитания молодого поколения в целях недопущения разрушения внутреннего единства российского общества, инспирирования и радикализации протестного движения внутри страны;

повышения правовой культуры как индикатора зрелости общества в вопросах духовности и безопасности государства.

Основные положения

С приветственным словом к участникам Всероссийской научно-практической конференции обратились заместитель начальника СПВИ войск национальной гвардии по научной работе – начальник научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела, доктор психологических наук, доцент А. А. Утюганов и начальник кафедры теории и истории государства и права СПВИ войск национальной гвардии, кандидат юридических наук, доцент А. А. Дерюгин.

Открывая конференцию, А. А. Утюганов отметил, что в ходе данной встречи будет продолжен разговор, начатый 22 февраля 2024 года на Международной научно-практической конференции «Идеи и взгляды А. Ф. Кони в работах о нравственных основах в российском праве и его роль в развитии современной правовой науки», что еще раз подчеркивает важность и актуальность темы. А. А. Утюганов подчеркнул, что тематика конференции не ограничивается предложенным кругом вопросов и может быть дополнена участниками, выразил надежду на то, что в ходе конференции будет предпринята попытка выработать формы и методы повышения эффективности патриотического воспитания молодого поколения в целях недопущения разрушения внутреннего единства российского

общества, инспирирования и радикализации протестного движения внутри страны.

Участников и гостей конференции поприветствовал кандидат юридических наук, доцент А. А. Дерюгин. В своем выступлении им было обращено внимание на то, что на современном этапе мировое развитие характеризуется напряженностью в различных областях межгосударственного и межрегионального взаимодействия, соперничеством ценностных ориентиров и моделей развития, неустойчивостью процессов экономического и политического развития на глобальном и региональном уровнях на фоне кризисного положения в международных отношениях, разрушением системы глобальной безопасности в мире. Характер современного геополитического противоборства требует осмысления происходящих общественно-политических процессов, с целью выявления закономерностей содержания и общих тенденций, которые по своей сути являются экзистенциальными угрозами существованию Российской Федерации.

Докладчик обратил внимание на то, что сегодня именно российское общество, прежде всего молодежь, является объектом информационных атак, проведения информационных операций, которые с высокой долей вероятности в последующем будут только усиливаться, с целью нанесения ущерба государственной и общественной безопасности России. Поэтому государству необходимо придерживаться базового принципа во внешней и внутренней политики: «только национальные интересы являются потенциальной и реальной возможностью нации как государственно-организованного социума противостоять внутренним и внешним угрозам, обеспечить свой суверенитет и дальнейшее качественное развитие».

Открыл конференцию доклад профессора СПВИ войск национальной гвардии, доктора юридических наук, профессора В. П. Сальникова «Нравственно-правовые основания российской государственности: философско-правовой и исторический аспекты». В. П. Сальников напомнил участникам конференции о том, что Указом Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 утверждены Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, к которым, в частности, отнесены: жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, служение Отечеству, высокие нравственные идеалы,

историческая память и преемственность поколений, единство народов России [2]. Традиционные духовные и нравственные ценности, суверенитет и многонациональное единство, сплочение вокруг национального лидера – это фундаментальная основа для сохранения страны и ее устойчивого развития. Духовно-нравственные ценности являлись одной из основ развития российской государственности на протяжении всей истории нашей страны. Ученые, философы, юристы, общественные деятели на протяжении нескольких веков вели дискуссии и предлагали универсальные модели идеального государства, которое должно основываться на культурно-исторических и духовно-нравственных традициях нации. Наша задача – проанализировать накопленный опыт и выработать, с учетом современной ситуации, модель, которая станет основой суверенной российской государственно-правовой идеологии.

Тему, затронутую В. П. Сальниковым, продолжил главный научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации А. И. Александров, подчеркнув важное место духовно-нравственных ориентиров в процессе укрепления государственного суверенитета. В этой связи государство должно взять на себя роль ретранслятора духовно-нравственных ориентиров с целью формирования мировоззрения населения. А. И. Александров высказал солидарность с позицией А. Д. Керимова в том, что именно от государства в силу его природы и предназначения мы естественным образом вправе ожидать государственного подхода к решению проблем просвещения и культурно-нравственного воспитания, энергичных и решительных действий, в полной мере соответствующих общественным и при этом краткосрочным, а перспективным, стратегическим целям и интересам страны в целом [6, С. 122–123].

О духовно-нравственных ориентирах формирования личности сотрудника силовых ведомств и роли в их формировании философии как науки и учебной дисциплины рассуждал профессор кафедры философии и социологии Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор культурологии, доктор философских наук, профессор П. Г. Мартысюк. Докладчик акцентировал внимание на трансформации общефилософских, религиозных, нравственных ориентиров личности сотрудника в контексте его профессиональной

деятельности и дал оценку нравственно-правовым действиям сотрудников органов внутренних дел в процессе их влияния на профессиональные компетенции, состояние сознания, потребностей и интересов. Особое внимание было уделено патриотизму как базовой составляющей личности сотрудника [8].

С докладом «Семья, религия, верность Отечеству и Престолу в Российской империи: ключевые духовно-нравственные основы стабильности общества и государства» выступила доцент кафедры теории и истории государства и права СПВИ войск национальной гвардии, кандидат исторических наук, доцент Г. Н. Крижановская. Она акцентировала внимание участников конференции на революционных событиях в Российской империи в начале XX века и мировоззренческих проблемах, предшествовавших их развитию. По мнению Г. Н. Крижановской, наряду с теорией официальной народности, призванной выполнять роль государственной идеологии в императорской России, основой стабильности государства были такие константы, как нерушимость семьи, глубокая религиозность, верность долгу перед Государем и честью. Именно на эти «духовные скрепы» и направили свое разрушительное воздействие те, кто был заинтересован в революции и в ослаблении позиций Российской империи на мировой арене. Этот процесс продолжался более ста лет и, к сожалению, цель была достигнута. Похожие события предшествовали и разрушению СССР. Задача ученых выявить факторы, способствовавшие разрушению российской государственности, и предложить национальную идею, которая, благодаря совместным усилиям государства и всех институтов гражданского общества, станет прочным фундаментом российского государства.

О роли семьи в формировании мировоззренческой позиции человека говорила и председатель Ассоциации «Женщины Бизнеса» регионального отделения в Санкт-Петербурге, глава Комитета по Кадровой политике в Ассоциации «Женщины Бизнеса», – Член РСПП, Торгово-промышленной палаты Российской Федерации, Санкт-Петербургской ТПП, Президент Компании «Роспромтур», Председатель попечительского совета Российского творческого Союза работников культуры, Организатор и основатель Всероссийского Форума «Кадры решают все», генеральный директор ООО «Твой Консалтинг» Е. С. Галушко. Докладчик подчеркнула необходимость

объединения усилий государства и гражданского общества в контексте обсуждаемой темы и рассказала о новом национальном проекте «Воспитание гармонично развитой и социально ответственной личности на основе традиционных российских духовно-нравственных ценностей», который был разработан в соответствии с Посланием Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации 27 февраля 2024 г. и представлен для общественного обсуждения. В проекте раскрыты основные направления и содержание организации воспитания нравственного гражданина России.

О важности российского юридического образования для формирования профессионального правосознания говорил профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации В. П. Очерedyкo. Он напомнил собравшимся позицию В. П. Сальникова, высказанную еще в 2022 г. о том, что «суверенная правовая идеология и суверенная правовая философия, опирающиеся только на классическую философию права, должны стать системообразующим стержнем юридического образования, основой формирования профессиональной правовой культуры современного юриста-патриота» [7, С. 135]. В. П. Очерedyкo указал на необходимость согласования принципов юридического образования в России с формируемой национальной идеологией, на необходимость развития форм взаимосвязей юридического образования и науки, на задачи формирования системы реализации нравственно-правовых ценностей в процессе преподавания правовых дисциплин [9].

Выступление главного специалиста отдела патриотических программ комитета по молодежной политике Ленинградской области М. В. Мигулевой «Противодействие этнорелигиозному экстремизму в современных условиях» продолжило тему воспитания молодежи в духе традиционных духовно-нравственных ценностей. В нем подчеркивалось, что стратегическую угрозу национальной безопасности Российской Федерации представляет деятельность экстремистских и террористических организаций, действия недружественных иностранных государств в киберпространстве. В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации в качестве одной

из важных задач, нацеленных на сохранение традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти, указывается «защита российского общества от внешней идейно-ценностной экспансии и внешнего деструктивного информационно-психологического воздействия, недопущение распространения продукции экстремистского содержания, пропаганды насилия, расовой и религиозной нетерпимости, межнациональной розни» [1]. Основной целью идейно-ценностной экспансии является создание рычагов управления протестным потенциалом молодежи как наиболее активной части населения. М. В. Мигулева рассказала собравшимся о том, какие шаги предпринимает Комитет по молодежной политике Ленинградской области по противодействию данной угрозе, и призвала всех собравшихся к сотрудничеству.

Роли исторической грамотности в профилактике экстремизма, формировании гражданской идентичности и патриотизма был посвящен доклад доцента кафедры государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского Университета ФСИН России, кандидата исторических наук О. В. Калюжной. Подчеркнув важность изучения истории для формирования мировоззрения молодого поколения, О. В. Калюжная познакомила участников конференции с современными технологиями преподавания истории, применение которых позволит повысить интерес молодежи к истории, а значит, сформировать у них необходимые качества личности.

Ярким и эмоциональным было выступление профессора Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина, доктора исторических наук, профессора А. В. Похилюка «На пути к историческому и идейно-патриотическому воспитанию». Проведя ретроспективный анализ изучения дисциплины «История» в нашем государстве, докладчик подчеркнул актуальность создания единого учебника по истории России, с целью идейно-патриотического воспитания молодого поколения. А. В. Похилюк отметил важность введения в вузовский учебный процесс учебной дисциплины «Основы российской государственности», направленной на глубокое познание своего исторического прошлого, формирование у учащихся осознания принадлежности к российскому обществу, развития чувства гражданственности, формирования духовно-нравственного и культурного фундамента развитой и цельной личности,

осознающей особенности исторического пути государства, самобытность его политической организации и сопряжение индивидуального достоинства и успеха с общественным прогрессом и политической стабильности своей Родины.

К опыту патриотического воспитания военнослужащих в годы Великой Отечественной войны предложил обратиться профессор кафедры истории и философии, заместитель декана гуманитарного факультета Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения, доктор исторических наук, профессор В. П. Сидоренко. Он указал на значение традиций и воинских ритуалов в процессе формирования профессиональных и нравственных качеств у военнослужащих в 1941–1945 гг., ведь в годы войны проблема формирования у солдат и офицеров высокой сознательности и морально-нравственной устойчивости имела важное значение для качественного выполнения служебного долга. В выступлении также были приведены примеры героизма советских воинов, в том числе военнослужащих войск НКВД СССР.

Тему вклада войск НКВД СССР, в частности, 20 стрелковой дивизии, в победу над врагом продолжил научный сотрудник Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы МЧС России имени Героя Российской Федерации генерала армии Е. Н. Зиничева, руководитель поискового отряда «Наше время» А. Е. Гайдукевич. Он рассказал о поисковой деятельности отряда на Невском пятачке, об открывшихся страницах истории и о важности такого рода деятельности не только для сохранения исторической памяти, но и для патриотического воспитания молодежи. Докладчик отметил вклад кафедры теории и истории государства и права СПВИ войск национальной гвардии в дело исторического просвещения молодежи и ее патриотического воспитания [3, 4, 5].

Завершили пленарное заседание выступления заместителя директора ГБУ Ленинградской области «Центр патриотического воспитания», Круглогодичного молодёжного образовательного центра «Безопасность и профилактика» (г. Санкт-Петербург) В. В. Субботина и начальника отдела профилактики идеологии экстремизма и терроризма ГБУ Ленинградской области «Центр патриотического воспитания», Круглогодичного молодёжного образовательного центра «Безопасность и профилактика» К. С. Шуньковой. Они выделили

вызовы, которым, исходя из их практической деятельности, вынуждена отвечать современная молодежь, и рассказали о деятельности Центра патриотического воспитания «Авангард» по минимизации их воздействия на молодежь Ленинградской области.

В ходе дискуссии выступила доктор юридических наук, профессор, профессор СПВИ войск национальной гвардии С. В. Игнатьева, которая согласилась с актуальностью проблемы взаимодействия государства и гражданского общества, в частности, предпринимательства. Перенесенная в Россию западная идея гражданского общества обречена на неудачу. Несомненно, что опыт западного предпринимательства для России очень важен, но Запад – система динамичная и переносить на Россию стандарты двухсотлетней давности по меньшей мере не дальновидно. Выступающая подчеркнула, что, по ее мнению, необходимо, наряду с использованием ценного мирового опыта, обратиться к живой отечественной мысли и истории, принимая во внимание отличительные черты русского самосознания, сформулированные всем ходом и характером национальной истории. Отличительные традиции культурно-исторического, национального, духовного развития российского государства необходимо учитывать при разработке механизма социальной адаптации общества к современным условиям реформирования экономики, что является одной из важнейших задач формирования гражданского общества.

В ходе дискуссии активно обсуждалась роль таких категорий, как право, мораль и нравственность человека в уголовном судопроизводстве. В частности, доктор юридических наук, доцент, профессор СПВИ войск национальной гвардии Е. В. Мищенко предложила рассматривать права и свободы человека и гражданина в уголовном судопроизводстве через призму принципов, гарантий, уголовно-процессуальных форм правосудия. Рассмотрел актуальные направления расследования уголовных дел об экономических преступлениях, а также определил некоторые проблемы в ходе расследования преступлений данной категории и перспективные направления совершенствования правоприменительной практики в сфере уголовного судопроизводства исследователь из Москвы Н. В. Карязов.

Проблему определения, обеспечения, сохранения духовно-нравственных ценностей современного российского общества, как необходимого условия благополучного дальнейшего его развития и как

одного из важнейших факторов предотвращения правонарушений, в том числе тяжких преступлений, обозначил кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры правового регулирования градостроительной деятельности и транспорта Санкт-Петербургского государственного Архитектурно-строительного университета А. А. Корчагин.

К вопросу о проблемах духовно-нравственного формирования российской государственности предложил вернуться доктор юридических наук, профессор Иванов И. И. Он сказал, что сегодня судьба российской государственности решается не только на поле боя и в цехах предприятий оборонной промышленности, но также в умах и сердцах людей, поддерживающих вооруженные силы Российской Федерации в достижении целей специальной военной операции. Таким образом, процесс духовно-нравственного формирования российской государственности сегодня теснейшим образом связан с защитой территориальной целостности Российской Федерации от внешних угроз, поддержкой системы традиционных ценностей и передачи их от поколения к поколению, противодействием распространению деструктивных идеологий (прежде всего западных).

Полученные в ходе исследования результаты позволили докладчикам сформулировать некоторые предложения и рекомендации по дальнейшей разработке актуальных проблем теории права и государства, совершенствованию средств и методов противодействия попыткам деструктивных сил влиять на традиционные духовно-нравственные ценности, в том числе в среде российской молодежи.

Итоги конференции были подведены А. А. Дерюгиным, который, высказавшись от имени всех ее участников, отметил, что все присутствующие поддерживают позицию Президента Российской Федерации о необходимости консолидации общества вокруг базовых общенациональных ценностей и задач: целостность страны, мир в государстве, стабильная жизнь, сохранение уникального сообщества народов при сильных позициях России в мире.

Сегодня детерминантами безопасности являются нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в

духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России.

Внешние и внутренние угрозы традиционным российским духовно-нравственным ценностям не только локального и регионального, но и глобального международного масштаба требуют объективной оценки, выработки методологии, принципов и механизмов рационального законодательного обеспечения для создания благоприятных условий существования и развития отечественного государства:

1. Ценности духовности и патриотизма, семьи, веры в государство, честности, собственности, нравственного достоинства личности являются моральным фундаментом суверенитета российского государства, его основой и его целью. При отстаивании традиционных ценностей необходимо формировать и использовать суверенную российскую государственно-правовую идеологию.

2. Без национальной идеи и государственно-правовой идеологии вся система суверенитета российского общества и государства будет уязвима для внешнего влияния. Российский народ должен осознать необходимость наличия и закрепления в законодательстве Российской Федерации национальной идеи, в основу которой может быть положен умеренный консерватизм.

3. Основой для отечественной концепции обеспечения государственной и общественной безопасности должна стать целенаправленная государственная политика по укреплению традиционных ценностей в области образования и воспитания, работы с молодежью, культуры, науки, межнациональных и межрелигиозных отношений, средств массовой информации и массовых коммуникаций, международного сотрудничества. Это позволит обеспечить сплоченность российского общества, создать необходимые условия для осознания гражданами необходимости сохранения и укрепления традиционных ценностей в условиях глобального цивилизационного и ценностного кризиса, ведущего к утрате человечеством традиционных духовно-

нравственных ориентиров и моральных принципов – выработать и защитить суверенную государственно-правовую идеологию.

4. Формирование общественного сознания осуществляется в первую очередь через систему образования, которая должна быть построена на ценностях, принятых государством за основу, они должны быть прочно встроены в сознание молодежи. Крайне важно сформировать мировоззренческую позицию молодёжи по отношению к ключевым вехам нашей истории.

5. Формирование и обеспечение правопорядка, национальных интересов государства и общества должно отталкиваться от национальных социокультурных особенностей граждан, их исторически сложившегося понимания и представления о правилах и принципах мироустройства, суверенной государственности и незыблемости традиционных духовно-нравственных ценностей, т. е. особой социальной моделью существования российского государства.

6. Разрешение проблем обеспечения духовно-нравственного и ценностного суверенитета должно осуществляться на основе принципов безопасности:

единство и взаимосвязь всех видов национальной безопасности для развития культуры, повышения социальной защищенности в сферах общественной жизни;

устранение и минимизация социального неравенства при распределении благ государства и осуществление справедливой социальной политики, основанной на балансе интересов всех групп и граждан на основе принципов законности, демократии и гуманизма;

сохранение ведущей роли государства в обеспечении безопасности государства и общества;

сохранение независимости и недопущение захвата культурной и духовной среды иностранным влиянием, исключение его господства;

независимость экономических, политических, информационных средств обеспечения безопасности государства и общества.

Список источников

1. Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» от 02.07.2021 № 400. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=602263723> (дата обращения: 20.03.2024).

2. Указ Президента Российской Федерации № 809 от 9 ноября 2022 г. «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 01.01.2024).

3. Бутов С. В. О научно-правовых средствах борьбы с фальсификацией истории Великой Отечественной войны (на примере войск НКВД СССР) / С. В. Бутов, А. А. Дерюгин // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2023. Т. 33. № 5. С. 858–863.
4. Дерюгин А. А. Место и роль войск НКВД СССР в обеспечении чрезвычайны правовых режимов военного времени в период блокады Ленинграда: монография / А. А. Дерюгин, Н. Н. Миняйленко. СПб.: СПВИ войск национальной гвардии, Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), 2024. 124 с.
5. Дерюгин А. А. Противодействие распространению «фейковой» информации в вопросах обеспечения безопасности: функция государства в современных условиях / А. А. Дерюгин, В. В. Луценко // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2022. Т. 8. № 3. С. 281–286.
6. Керимов А. Д. Современное государство: вопросы теории: монография. М.: Норма, 2008. 144 с.
7. Кулешова Л. В. Юридические кадры России сквозь века: теория и практика: обзор Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Подготовка юридических кадров в традиции ведомственного российского образования: история и современность» / Л. В. Кулешова, Г. Н. Крижановская // Юридическая наука: история и современность. 2022. № 7. С. 130–165.
8. Мартысюк П. Г. Патриотизм как важнейший компонент духовно-нравственного воспитания личности // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество: материалы V международной научно-практической конференции «Большая Евразия: национальные и цивилизационные аспекты развития и сотрудничества». Ч. 1. Ежегодник. Вып. 6. Ч. 1 / РАН. ИНИОН. Отд. науч. Сотрудничества / отв. ред. В. И. Герасимов. М., 2023. Ч. 1. С. 629–632.
9. Очередыко В. П. Характерные черты и проблемы высшего юридического образования в России / В. П. Очередыко, М. В. Сальников // Юридическая наука: история и современность. 2022. № 4. С. 11–20.

References

1. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii «O Strategii nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii» ot 02.07.2021 № 400. Available from: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=602263723> (data obrashcheniya: 20.03.2024). (In Russ.).
2. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii № 809 ot 9 noyabrya 2022 g. «Ob utverzhdenii Osnov gosudarstvennoj politiki po sohraneniyu i ukrepleniyu tradicionnyh rossijskih duhovno-nravstvennyh cennostej». Available from: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (data obrashcheniya: 01.01.2024). (In Russ.).
3. Butov S. V. On scientific and legal means of combating falsification of the history of the Great Patriotic War (using the example of the NKVD troops of the USSR) / S. V. Butov, A. A. Deryugin // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Ekonomika i pravo. 2023. T. 33;5: 858–863. (In Russ.).
4. Deryugin A. A. Mesto i rol' vojsk NKVD SSSR v obespechenii chrezvychajny pravovyh rezhimov voennogo vremeni v period blokady Leningrada: monografiya / A. A. Deryugin, N. N. Minyajlenko. SPb. : SPVI vojsk nacional'noj gvardii, Vserossijskij gosudarstvennyj universitet yusticii (RPA Minyusta Rossii), 2024. 124 s. (In Russ.).
5. Deryugin A. A. Countering the spread of "fake" information in matters of security: the function of the state in modern conditions / A. A. Deryugin, V. V. Lucenko // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki. 2022. T. 8;3: 281–286. (In Russ.).
6. Kerimov A. D. Sovremennoe gosudarstvo: voprosy teorii: monografiya. M. : Norma, 2008. 144 s. (In Russ.).
7. Kuleshova L. V. Yuridicheskie kadry Rossii skvoz' veka: teoriya i praktika: obzor Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem «Podgotovka yuridicheskikh kadrov v tradicii vedomstvennogo rossijskogo obrazovaniya: istoriya i sovremennost'» / L. V. Kuleshova, G. N. Krizhanovskaya // YUridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'. 2022;7: 130–165. (In Russ.).
8. Martysyuk P. G. Patriotizm kak vazhnejshij komponent duhovno-nravstvennogo vospitaniya lichnosti // Bol'shaya Evraziya: Razvitie, bezopasnost', sotrudnichestvo: materialy V mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii «Bol'shaya Evraziya: nacional'nye i civilizacionnye aspekty razvitiya i sotrudnichestva». Ch. 1. Ezhegodnik. Vyp. 6. Ch. 1 / RAN. INION. Otd. nauch. Sotrudnichestva / otv. red. V. I. Gerasimov. M., 2023. Ch. 1. S. 629–632. (In Russ.).

9. Ochered'ko V. P. Characteristic features and problems of higher legal education in Russia / V. P. Ochered'ko, M. V. Sal'nikov // Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'. 2022;4: 11–20. (In Russ.).

Информация об авторах

А. А. Дерюгин – кандидат юридических наук, доцент

Г. Н. Крижановская – кандидат исторических наук, доцент

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 08.05.2024; принята к публикации 20.06.2024.

Information about the authors

A. A. Deryugin – Candidate of Sciences (Law), Docent

G. N. Krizhanovskaya – Candidate of Sciences (History), Docen

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 08.05.2024; accepted for publication 20.06.2024.

Главный редактор:

А.А. Утюганов – доктор психологических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)

Редакционно-издательский совет:

А.А. Утюганов – доктор психологических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)
А.И. Александров – доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)
Л.Н. Бережнова – доктор педагогических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)
В.М. Большакова – кандидат юридических наук, доцент (Нижний Новгород, Россия)
Т.А. Бороненко – доктор педагогических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)
К.С. Гбоко – кандидат педагогических наук (Буаке, Кот-д'Ивуар)
М.Ю. Гутман – доктор юридических наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)
А.А. Дерюгин – кандидат юридических наук, доцент (г. Санкт-Петербург, Россия)
М.А. Дёмина – кандидат педагогических наук (Санкт-Петербург, Россия)
С.У. Дикаев – доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)
А.Г. Дмитриева – доктор психологических наук, доцент (Уфа, Россия)
А.А. Дьячков – кандидат психологических наук, доцент (Новосибирск, Россия)
Ю.А. Евстратова – кандидат юридических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)
Н.М. Жаринов – доктор педагогических наук, старший научный сотрудник (Санкт-Петербург, Россия)
Б.А. Жетписбаева – доктор педагогических наук, профессор (Караганда, Казахстан)
Н.Г. Закревская – доктор педагогических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)
С.И. Захарцев – член-корреспондент Российской академии ракетных и артиллерийских наук, доктор юридических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)
Р.В. Зелепукин – кандидат юридических наук, доцент (Тамбов, Россия)
А.В. Зобков – доктор психологических наук, доцент (Владимир, Россия)
В.А. Зобков – доктор психологических наук, профессор (Владимир, Россия)
С.В. Игнатъева – доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)
А.Г. Караяни – член-корреспондент Российской академии образования, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор психологических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)
Ю.М. Караяни – доктор психологических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)
А.А. Карпов – профессор Российской академии образования, доктор психологических наук, доцент (Ярославль, Россия)
М.М. Кашапов – доктор психологических наук, профессор (Ярославль, Россия)
В.И. Коваленко – доктор юридических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)
Е.П. Кораблина – доктор психологических наук (Санкт-Петербург, Россия)
А.С. Косарев – кандидат педагогических наук (Нижний Новгород, Россия)
А.О. Кособуцкий – кандидат педагогических наук (Санкт-Петербург, Россия)
Г.Н. Крижановская – кандидат исторических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)
Д.Е. Кузнецов – кандидат исторических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)
О.И. Курдуманова – доктор педагогических наук, профессор (Омск, Россия)
Н.Ю. Лебедев – доктор юридических наук, доцент (Новосибирск, Россия)
А.П. Легаев – кандидат педагогических наук (Санкт-Петербург, Россия)
С.Г. Лысенков – доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)
Т.В. Маркелова – доктор психологических наук, доцент (Нижний Новгород, Россия)
Н.Н. Миняйленко – кандидат юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)
Т.И. Миронова – доктор психологических наук, доцент (Кострома, Россия)
Т.Г. Мухина – профессор Российской академии наук, доктор педагогических наук, профессор, (Нижний Новгород, Россия)
В.И. Назаров – доктор психологических наук, кандидат медицинских наук, профессор (Иваново, Россия)
И.С. Назарова – кандидат юридических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)
Д.А. Никонов – кандидат юридических наук (Санкт-Петербург, Россия)
Д.В. Новокшинов – кандидат юридических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)
Ф.В. Повшедная – доктор педагогических наук, профессор (Нижний Новгород, Россия)
С.А. Погорелов – кандидат юридических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)
О.Б. Полушина – кандидат психологических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)
О.А. Поминова – доктор педагогических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)
В.А. Прокофьева – кандидат психологических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)
Ф. П. Прюсс – доктор педагогики, профессор (Грайсвальд, Германия)
С.А. Роганов – доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)
В.Б. Романовская – доктор юридических наук, профессор (Нижний Новгород, Россия)
В.П. Сальников – член-корреспондент Российской академии ракетных и артиллерийских наук, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)
И.В. Семенова – кандидат юридических наук (Санкт-Петербург, Россия)
О.Э. Старовойтова – доктор юридических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)
С.Н. Сорокоумова – доктор психологических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)
С.А. Стельмах – кандидат психологических наук, ассоциированный профессор (доцент) (Усть-Каменогорск, Казахстан)
С.В. Степашин – доктор юридических наук, профессор (Москва, Россия)
Н.Н. Суртаева – доктор педагогических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)
Р.А. Терехин – кандидат психологических наук (Санкт-Петербург, Россия)
А.С. Турчин – доктор психологических наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)
И.А. Федосеева – доктор педагогических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)
А.Г. Хабибуллин – доктор юридических наук, профессор (Москва, Россия)
Ю. Ци – кандидат педагогических наук (Чэнду, Китай)
Р.М. Шамянов – доктор психологических наук, профессор (г. Саратов, Россия)
А.П. Шарухин – доктор педагогических наук (Санкт-Петербург, Россия)
Т.Г. Шарухина – доктор педагогических наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)
С.М. Шингаев – доктор психологических наук, доцент (г. Санкт-Петербург, Россия)

Учредитель:

федеральное государственное казенное военное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии Российской Федерации»

Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций: Эл № ФС77-69495 от 25 апреля 2017 г.

Редакторы:

В.В. Луценко
Е.Ю. Юпатова
И.А. Калмыков
Е.А. Голик

Тираж 1 экз. Заказ № 232-24
Дата выхода в свет 28.06.2024
Издатель:
СПВИ войск национальной гвардии

Адрес редакции и издателя:
198206, Санкт-Петербург,
ул. Летчика Пилутова, д. 1
(Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии);
тел.: (812) 337-40-50 (доб. 24-58)
(812) 744-70-14
e-mail: vestnik@spvi.ru

Отпечатано в типографии Санкт-Петербургского военного ордена Жукова института войск национальной гвардии Российской Федерации 198206, Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилутова, д. 1

Founder:
Federal State Official Military
Establishment of Higher Education
«Saint-Petersburg Military
Order of Zhukov Institute
of the National Guard Troops
of the Russian Federation»

Mass media is registered
in the Federal Service for Supervision
of Communications, Informational
Technologies and Media Control
(certificate Jel No FS77-69495
of 25 April 2017)

Editors:
V.V. Lucenko
E.Yu. Yupatova
I.A. Kalmykov
E.A. Golik

Circulation 1 copies. Order No 232-23
Date of publishing 28.06.2024
Publisher:
Saint-Petersburg Military
Order of Zhukov Institute
of the National Guard Troops

Address of editorial and publisher:
1, Letchika Pilyutova str.,
Saint-Petersburg, 198206,
Russian Federation
(Saint-Petersburg Military
Order of Zhukov Institute
of the National Guard Troops);
Tel.: (812) 337-40-50 (24-58)
(812) 744-70-14
e-mail: vestnik@spvi.ru

Printed in the printing-office
of Saint-Petersburg Military
Order of Zhukov Institute
of the National Guard Troops
of the Russian Federation
1, Letchika Pilyutova str.,
Saint-Petersburg, 198206,
Russian Federation

Editor in Chief:

A.A. Utjuganov – Doctor of Sciences (Psychology), Docent (Saint-Petersburg, Russia)

Editorial and Publishing Council:

A.A. Utjuganov – Doctor of Sciences (Psychology), Docent (Saint-Petersburg, Russia)
A.I. Alexandrov – Doctor of Sciences (Law), Professor (Saint-Petersburg, Russia)
L.N. Berezhnova – Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor (Saint-Petersburg, Russia)
V.M. Bol'shakova – Candidate of Sciences (Law), Docent (Nizhny Novgorod, Russia)
T.A. Boronenko – Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor (Saint-Petersburg, Russia)
K.S. Gboko – Candidate of Sciences (Pedagogy) (Bouake, Côte d'Ivoire)
M.Yu. Gutman – Doctor of Sciences (Law), Professor (Saint-Petersburg, Russia)
A.A. Deryugin – Candidate of Sciences (Law), Docent (Saint-Petersburg, Russia)
M.A. Dyomina – Candidate of Sciences (Pedagogy) (Saint-Petersburg, Russia)
S.U. Dikaev – Doctor of Sciences (Law), Professor (Saint-Petersburg, Russia)
L.G. Dmitrieva – Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor (Saint-Petersburg, Russia)
A.A. Djachkov – Candidate of Sciences (Psychology), Docent (Novosibirsk, Russia)
Yu.A. Evstratova – Candidate of Sciences (Law), Docent (Saint-Petersburg, Russia)
N.M. Zharinov – Doctor of Sciences (Pedagogy), Senior Researcher (Saint-Petersburg, Russia)
B.A. Zhetpisbaeva – Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor (Karaganda, Kazakhstan)
N.G. Zakrevskaya – Doctor of Sciences (Pedagogy), Docent (Saint-Petersburg, Russia)
S.I. Zaharcev – Corresponding Member of the Russian Academy of Missile and Artillery Sciences, Doctor of Sciences (Law), Docent (Saint-Petersburg, Russia)
R.V. Zelepukin – Candidate of Sciences (Law), Docent (Tambov, Russia)
A.V. Zobkov – Doctor of Sciences (Psychology), Docent (Vladimir, Russia)
V.A. Zobkov – Doctor of Sciences (Psychology), Professor (Vladimir, Russia)
S.V. Ignatieva – Doctor of Sciences (Law), Professor (Saint-Petersburg, Russia)
A.G. Karayani – Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Sciences (Psychology), Professor (Saint-Petersburg, Russia)
Yu.M. Karayani – Doctor of Sciences (Psychology), Docent (Saint-Petersburg, Russia)
A.A. Karpov – Professor of the Russian Academy of Education, Doctor of Sciences (Psychology), Docent (Yaroslavl, Russia)
M.M. Kashapov – Doctor of Sciences (Psychology), Professor (Yaroslavl, Russia)
V.I. Kovalenko – Doctor of Sciences (Law), Docent (Saint-Petersburg, Russia)
E.P. Korablina – Doctor of Sciences (Psychology) (Saint-Petersburg, Russia)
A.S. Kosarev – Candidate of Sciences (Pedagogy) (Nizhny Novgorod, Russia)
A.O. Kosobuckij – Candidate of Sciences (Pedagogy) (Saint-Petersburg, Russia)
G.N. Krizhanovskaya – Candidate of Sciences (History), Docent (Saint-Petersburg, Russia)
D.E. Kuznetsov – Candidate of Sciences (History) (Saint-Petersburg, Russia)
O.I. Kurdumanova – Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor (Omsk, Russia)
N.Yu. Lebedev – Doctor of Sciences (Law), Docent (Novosibirsk, Russia)
A.P. Legaeve – Candidate of Sciences (Pedagogy) (Saint-Petersburg, Russia)
S.G. Lysenkov – Doctor of Sciences (Law), Professor (Saint-Petersburg, Russia)
T.V. Markelova – Doctor of Sciences (Psychology), Docent (Nizhny Novgorod, Russia)
N.N. Minyailenko – Candidate of Sciences (Law), Professor
T.I. Mironova – Doctor of Sciences (Psychology), Docent (Kostroma, Russia)
T.G. Muhina – Professor of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor (Nizhny Novgorod, Russia)
V.I. Nazarov – Doctor of Sciences (Psychology), Candidate of Medical Sciences, Professor (Ivanovo, Russia)
I.S. Nazarova – Candidate of Sciences (Law), Docent (Saint-Petersburg, Russia)
D.A. Nikonov – Candidate of Sciences (Law) (Saint-Petersburg, Russia)
D.V. Novokshonov – Candidate of Sciences (Law), Docent (Saint-Petersburg, Russia)
F.V. Povshednaya – Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor (Nizhny Novgorod, Russia)
S.A. Pogorelov – Candidate of Sciences (Law), Docent (Saint-Petersburg, Russia)
O.B. Polushina – Candidate of Sciences (Psychology), Docent (Saint-Petersburg, Russia)
O.L. Pominova – Doctor of Sciences (Pedagogy), Docent (Saint-Petersburg, Russia)
V.A. Prokof'eva – Candidate of Sciences (Psychology), Docent (Saint-Petersburg, Russia)
F. P. Prijs – Doctor of Pedagogy, Professor (Grafsva'd, Germany)
S.A. Roganov – Doctor of Sciences (Law), Professor (Saint-Petersburg, Russia)
V.B. Romanovskaja – Doctor of Sciences (Law), Professor (Nizhny Novgorod, Russia)
V.P. Sal'nikov – Corresponding Member of the Russian Academy of Missile and Artillery Sciences, Doctor of Sciences (Law), Professor (Saint-Petersburg, Russia)
I.V. Semenova – Candidate of Sciences (Law) (Saint-Petersburg, Russia)
S.N. Sorokoumova – Doctor of Sciences (Psychology), Professor (Saint-Petersburg, Russia)
O.E. Starovoitova – Doctor of Sciences (Law), Docent (Saint-Petersburg, Russia)
S.A. Stel'mah – Candidate of Sciences (Psychology), Associate Professor (Docent) (Ust'-Kamenogorsk, Kazakhstan)
N.N. Surtaeva – Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor (Saint-Petersburg, Russia)
R.A. Terehin – Candidate of Sciences (Psychology) (Saint-Petersburg, Russia)
A.S. Turchin – Doctor of Sciences (Psychology), Professor (Saint-Petersburg, Russia)
I.A. Fedoseeva – Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor (Saint-Petersburg, Russia)
A.G. Habibullin – Doctor of Sciences (Law), Professor (Moscow, Russia)
Ju. Ci – Candidate of Sciences (Pedagogy) (Chjendu, China)
R.M. Shamionov – Doctor of Sciences (Psychology), Professor (Saratov, Russia)
A.P. Sharuhin – Doctor of Sciences (Pedagogy) (Saint-Petersburg, Russia)
T.G. Sharuhina – Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor (Saint-Petersburg, Russia)
S.M. Shingaev – Doctor of Sciences (Psychology), Docent (Saint-Petersburg, Russia)